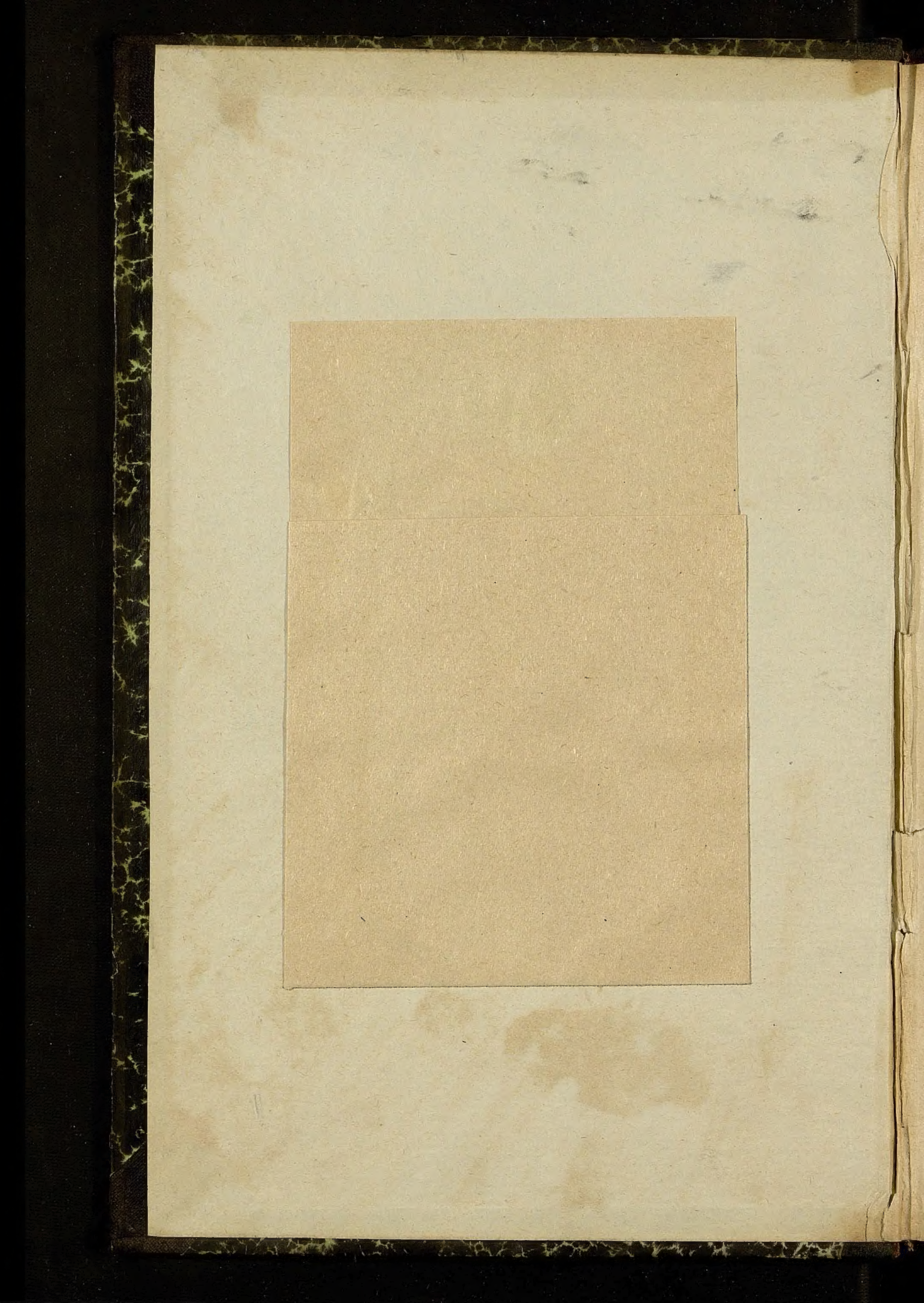
Рус. Старина
№ 6.
1903 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIV-й. ІЮНЬ. 1903 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Священника Никифора Мурзакевича.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39.
1903.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1903 года

Библіографическій листокъ.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива Комитета Министровъ. Историческій очеркъ. Томъ 4-й. Составленъ кн. П. В. Чегодаевымъ, кн. Татарскимъ (гл. I—III) и Н. А. Кислинскимъ (гл. IV и V), подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Изданіе Комитета Министровъ. С.-Петербургъ. 1902 г.

Четвертый томъ разсматриваемой нами книги состоитъ изъ пяти главъ.

Въ первой говорится о главныхъ административныхъ мѣрахъ по упорядоченію желѣзнодорожнаго хозяйства за 1895—1902 гг. Къ числу такихъ мѣръ относится признаніе необходимости существованія, на-ряду съ казеннымъ,—частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства. По этому поводу высказывалось не мало различныхъ мнѣній; но, въ концѣ-концовъ, восторжествовало мнѣніе С. Ю. Витте, что частное желѣзнодорожное хозяйство, при его современной постановкѣ и надлежащемъ правительственномъ надзорѣ, не только не можетъ служить поводомъ къ тѣмъ особымъ опасеніямъ, которыя высказаны государственнымъ контролеромъ, а, напротивъ того, существованіе этого хозяйства представляетъ немаловажныя выгоды съ государственной точки зрѣнія. Высказываясь въ пользу смѣшаннаго желѣзнодорожнаго строительства, С. Ю. Витте считаетъ наиболѣе цѣлесоотвѣтственнымъ строить распоряженіемъ казны или выкупать тѣ линіи, которыя или не могутъ привлечь достаточно частныхъ капиталовъ, или же имѣютъ для правительства особо важное значеніе; напротивъ, частной инициативѣ должно быть предоставлено сооруженіе и эксплоатація во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возможно разсчитывать на успѣшное ея примѣненіе. Въ журналѣ Комитета, удостоившемся Высочайшаго утвержденія 5-го мая 1897 г., противъ объясненій статсъ-секретаря Витте послѣдовала Высочайшая отмѣтка: «Вполнѣ раздѣляю этотъ взглядъ».

Другою весьма важною мѣрою было установленіе контрольнаго надзора за постройкою желѣзныхъ дорогъ на счетъ гарантированныхъ правительствомъ капиталовъ. Установленіе такого надзора было признано необходимымъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ 1883 г., при возведеніи въ Брестѣ центральной станціи для надобностей военнаго вѣдомства и при сооруженіи втораго пути на Варшавско-Тереспольской желѣзной дорогѣ. Затѣмъ, въ 1886 г. контрольный надзоръ былъ учрежденъ за сооруженіемъ пограничныхъ вѣтвей Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги. Постепенное и систематическое расширеніе контрольнаго надзора въ области частнаго желѣзнодорожнаго строительства продолжалось до 1891 г.; съ 1892 г. дальнѣйшее расширеніе контрольной дѣятельности прекратилось.

Къ особымъ мѣрамъ по установленію правительственнаго надзора за внутреннимъ хозяйствомъ нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ—относятся: 1) утвержденіе директоровъ правленія общества Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ путей сообщенія, 2) включеніе въ составъ правленія Перваго общества подъѣздныхъ желѣзныхъ путей въ Россіи директоровъ отъ правительства и 3) установленіе правительственнаго наблюденія за дѣлами общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги.

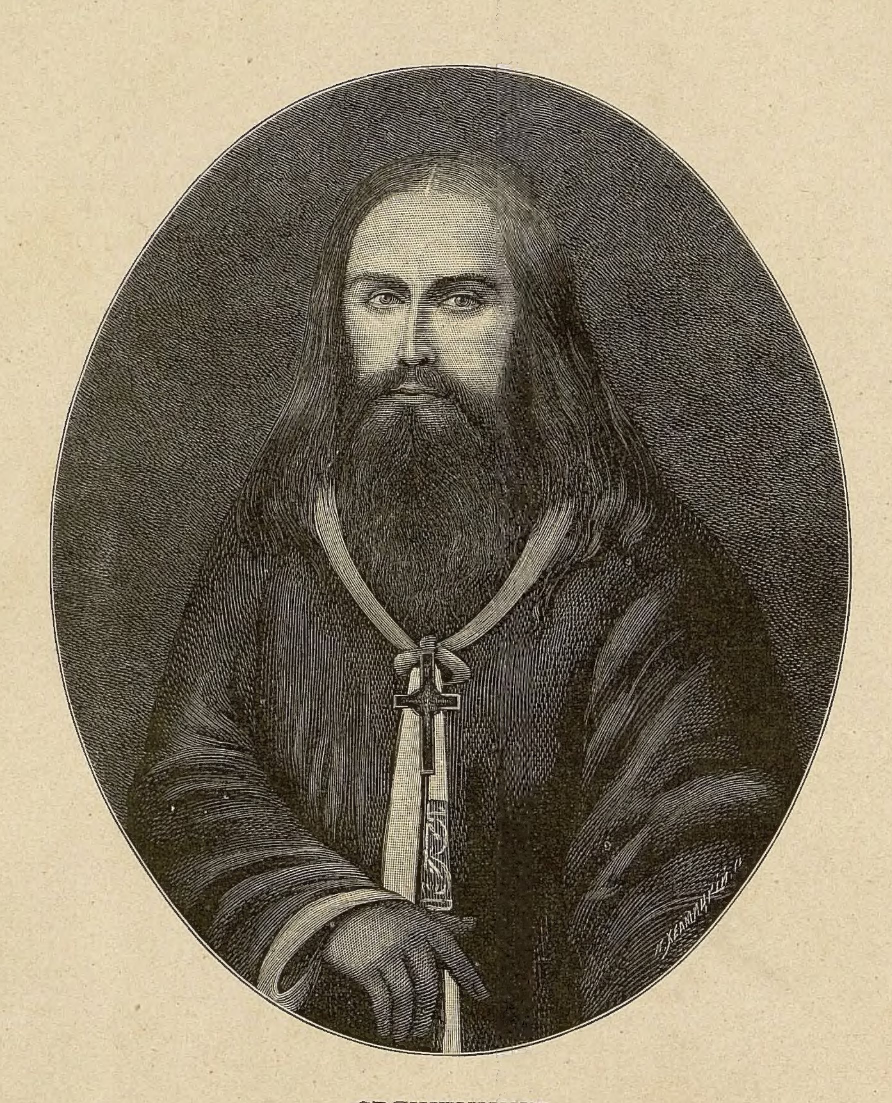
Во второй главѣ обозрѣвается желѣзнодорожное строительство за періодъ времени съ 1895 по 1902 гг. включительно, а въ слѣдующей говорится о выкупѣ въ казну желѣзнодорожныхъ предпріятій за тотъ же періодъ времени.

Четвертая глава заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ главнѣйшихъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ съ цѣлью водворенія въ Россіи изготовленія рельсовъ, подвижнаго состава и прочихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Естественнымъ послѣдствіемъ развитія желѣзнодорожнаго строительства обыкновенно является увеличеніе спроса на чугунъ,—какъ первообразный въ металлургическомъ производствѣ продуктъ, изъ котораго, путемъ его дальнѣйшей переработки, получаются желѣзо и сталь,—главнѣйшіе матеріалы, употребляемые въ дѣло при сооруженіи рельсовыхъ путей и снабженіи ихъ подвижнымъ составомъ. Въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ, а также въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки постройка желѣзныхъ дорогъ шла, поэтому, параллельно съ постепенно прогрессирующимъ оживленіемъ желѣзодѣлательной промышленности. Императоръ Николай I, которому наши желѣзныя дороги обязаны своимъ возникновеніемъ, съ дальновидностью истинно государственнаго человѣка предугадывалъ, какое значеніе для развитія отечественной желѣзопромышленности можетъ имѣть созданіе рельсовой сѣти, и лично прилагалъ старанія къ тому, чтобы положить начало такому развитію. Уже при сооруженіи первой изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ—Царскосельской—съ Высочайшаго соизволенія была сдѣлана попытка привлечь Уральскіе заводы къ поставкѣ желѣза на строившуюся линію. Попытка эта, однако, не имѣла успѣха.

Желѣзная дорога отъ Петербурга до Москвы (Николаевская), по мысли Государя, была предположена къ постройкѣ изъ матеріаловъ исключительно русскаго издѣлія; но русскіе заводчики, въ теченіе трехъ лѣтъ, могли поставить лишь 49.272 п. рельсовъ (вмѣсто предположенныхъ первоначально 3.000.000 пудовъ).

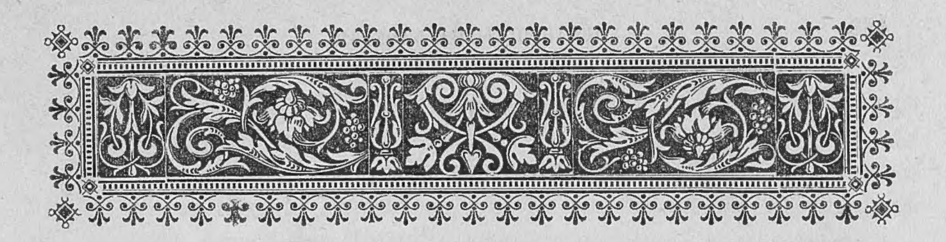
Въ виду сильной потребности въ желѣзнодорожныхъ принадлежностяхъ и несостоятельности нашихъ заводовъ удовлетворить эту потребность, правительству не оставалось ничего инаго, какъ разрѣшать всѣмъ образовавшимся желѣзнодорожнымъ компаніямъ выписывать изъ-

Дозв. ценз. Спб., 24 Мая 1903 г. Тип. Тов. „Общ. Польза“, Б. Подъяч., 39.

СВЯЩЕННИКЪ

НИКИФОРЪ МУРЗАКЕВИЧЪ.

Декабристы на Кавказѣ[1].

Въ русской исторической литературѣ накопилось теперь уже достаточно свѣдѣній о сибирской жизни «декабристовъ», лицъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ по дѣлу 14-го декабря 1825 года. Извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ служили разновременно рядовыми въ кавказскихъ войскахъ. Но о пребываніи ихъ на Кавказѣ извѣстно весьма мало. Нѣсколько отрывочныхъ указаній на ихъ кавказскую службу сохранилось въ запискахъ Пущина, Гангеблова, Розена, Лорера, Бѣляева и др. Статья А. Е. Розена, «Декабристы на Кавказѣ» («Русская Старина» 1884 г., февраль) не даетъ ничего, кромѣ неполнаго ихъ списка.

Предлагаемый очеркъ пополняетъ этотъ пробѣлъ матеріалами, заимствованными нами изъ оффиціальныхъ документовъ. Должно признаться, что онъ далеко не исчерпываетъ о декабристахъ всѣхъ свѣдѣній, таящихся въ кавказскихъ архивахъ. Но при хаотическомъ состояніи этихъ хранилищъ очень важныхъ документовъ, при неимѣніи одного центральнаго кавказскаго архива,—полная разработка всѣхъ свѣдѣній о службѣ декабристовъ на Кавказѣ можетъ быть лишь дѣломъ будущаго.

Заглавіе нашего очерка не совсѣмъ точно: въ немъ идетъ рѣчь не объ однихъ только «декабристахъ» въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и о тѣхъ лицахъ, которыя, за принадлежность къ тайнымъ обществамъ, были осуждены приговорами отдѣльныхъ военно-судныхъ коммиссій. Затѣмъ въ нашъ очеркъ включены свѣдѣнія о «прикосновенныхъ» къ этимъ обществамъ и о войсковыхъ частяхъ, отправленныхъ на Кавказъ за участіе въ происшествіи 14-го декабря 1825 года.

I.

Государственные преступники.

Осужденные приговоромъ верховнаго уголовнаго суда были раздѣлены, по степени вины и наказанія, на одиннадцать разрядовъ, не считая пяти человѣкъ, выдѣленныхъ судомъ въ особую категорію.

Виновные VIII разряда были приговорены къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе. Къ этому разряду причисленъ, въ числѣ другихъ, флота лейтенантъ Борисъ Андреевичъ Бодиско.

IX разрядъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь. Сюда вошли: подпоручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, отставной штабсъротмистръ Ахтырскаго гусарскаго полка Николай Оржицкій и подпоручикъ л.-гв. Измайловскаго полка Нилъ Павловичъ Кожевниковъ.

X разрядъ составилъ одинъ л.-гв. Конно-піонернаго эскадрона капитанъ Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, присужденный къ лишенію чиновъ, дворянства и къ написанію въ солдаты до выслуги.

Наконецъ, послѣдній XI разрядъ составили осужденные къ лишенію только чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою. Въ этотъ разрядъ включены: мичманъ 24-го флотскаго экипажа Петръ Александровичъ Бестужевъ, прапорщикъ 9-й артиллерійской бригады Алексѣй Васильевичъ Веденяпинъ, лейтенанты гвардейскаго экипажа: Ѳедоръ Гавріиловичъ Вишневскій, Епафродитъ Степановичъ Мусинъ-Пушкинъ и Николай Павловичъ Акуловъ; подпоручики л.-гв. Измайловскаго полка: Александръ Александровичъ Фокъ и Михаилъ Демьяновичъ Лаппа; поручикъ л.-гв. Финляндскаго полка Николай Романовичъ Цебриковъ.

Императоръ Николай I указомъ, даннымъ верховному уголовному суду 10-го іюля 1826 года, измѣнилъ приговоръ по четыремъ послѣднимъ разрядамъ слѣдующимъ образомъ:

Борисъ Бодиско (VIII разряда), вмѣсто ссылки на поселеніе, написанъ въ матросы.

Преступники IX разряда, по лишеніи чиновъ и дворянства, написаны въ солдаты въ дальніе гарнизоны.

Виновныхъ по XI разряду повелѣно распредѣлить на службу рядовыми въ дальнѣйшіе гарнизоны; но Николая Цебрикова, по важности вреднаго примѣра, поданнаго имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ въ виду его полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, разжаловать въ рядовые безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства.

Такимъ образомъ, тринадцать человѣкъ были назначены на службу рядовыми въ отдаленные кавказскіе, сибирскіе и оренбургскіе гарни-

зоны. Отправленіе ихъ изъ Петербурга, съ фельдъегерями и жандармами, началось 21-го іюля и окончилось 4-го августа 1826 года. На Кавказъ назначены двое: Оржицкій и Бодиско, получившій разрѣшеніе служить въ пѣхотѣ. Первый опредѣленъ въ Кизлярскій гарнизонный баталіонъ, второй—во Владикавказскій гарнизонный полкъ.

Всѣмъ разжалованнымъ, за исключеніемъ Цебрикова, было дано право выслуги. Но назначеніе ихъ въ гарнизоны значительно ограничивало возможность воспользоваться этою милостію, такъ какъ пребываніе въ гарнизонныхъ частяхъ, несшихъ исключительно внутреннюю службу, не давало почти никакихъ способовъ къ служебному отличію. Поэтому всѣ декабристы, обреченные тянуть солдатскую лямку въ отдаленныхъ гарнизонахъ, просили о переводѣ ихъ въ полевые полки на Кавказѣ, гдѣ постоянно гремѣли боевые выстрѣлы въ той или другой части края.

Милость эта была дарована имъ 22-го августа 1826 г., въ день коронованія императора Николая Павловича. Именнымъ высочайшимъ указомъ, даннымъ начальнику главнаго штаба, государь повелѣлъ: опредѣленныхъ въ гарнизоны сибирскаго, оренбургскаго и кавказскаго корпусовъ рядовыхъ съ лишеніемъ дворянства назначить въ полевые полки кавказскаго корпуса впредь до отличной выслуги; написанныхъ въ гарнизоны безъ лишенія дворянства — опредѣлить въ тѣ же полки, дабы могли загладить вину свою [1]).

Находившіеся въ оренбургскихъ гарнизонахъ Петръ Бестужевъ, Алексѣй Веденяпинъ, Вишневскій и Нилъ Кожевниковъ прибыли въ Грузію въ концѣ декабря 1826 г. Въ январѣ слѣдующаго года пріѣхали изъ сибирскихъ гарнизоновъ Акуловъ, Петръ Коновницынъ, Лаппа, Михаилъ Пущинъ, Фокъ и Цебриковъ. Послѣднимъ, въ апрѣлѣ 1827 г., прибылъ Епафродитъ Мусинъ-Пушкинъ, оставшійся по случаю болѣзни въ Звѣриноголовскомъ баталіонномъ лазаретѣ.

Генералъ Ермоловъ назначилъ десять человѣкъ въ пѣхотные и егерскіе полки 21-ой пѣхотной дивизіи. По просьбѣ дежурнаго генерала главнаго штаба Потапова рядовой Оржицкій былъ опредѣленъ, съ высочайшаго разрѣшенія, въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Ходатаемъ за Михаила Пущина и Петра Коновницына явился генералъ-адъютантъ Паскевичъ, присланный въ концѣ августа 1826 г. въ Тифлисъ для командованія дѣйствующимъ корпусомъ въ персидской войнѣ: готовясь къ походу и нуждаясь въ людяхъ, знающихъ піонерную и квартирмейстерскую части, онъ выпросилъ у Ермолова назначеніе Пущина и Коновницына на службу въ 8-ой піонерный баталіонъ.

Къ этой же категоріи надо причислить еще портупей-юнкера Ивана

[1]) Отношеніе военнаго министра графа Татищева къ генералу Ермолову отъ 13-го сентября 1826 г., № 187.

*

Цвѣловскаго и старшаго адъютанта по квартирмейстерской части Евдокима Емельяновича Лачинова, принадлежавшихъ къ тайнымъ политическимъ обществамъ въ раіонѣ расположенія второй арміи въ южной Россіи. По приговору военно-судныхъ коммиссій они были разжалованы въ рядовые и опредѣлены въ полевые кавказскіе полки: первый въ 1826 г., второй въ 1827 г.

Персидская война (1826—28 гг.) дала разжалованнымъ желанный случай «загладить свою вину». Всѣ они стремились къ отличію, конечно, въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, въ которыя поставленъ рядовой солдатъ. Полковые командиры вполнѣ благожелательно отмѣчали въ своихъ донесеніяхъ ихъ заслуги, но сами не могли ничѣмъ наградить отличившихся. Корпусный командиръ не имѣлъ права на производство ихъ собственною властью въ унтеръ-офицеры, тогда какъ въ обыкновенномъ порядкѣ службы право это принадлежитъ даже полковому командиру. Всѣ наградныя представленія о разжалованныхъ препровождались на высочайшее воззрѣніе.

Важную, но негласную роль въ эту войну игралъ М. И. Пущинъ. Паскевичъ, выпросившій ему назначеніе въ піонерный баталіонъ, вполнѣ воспользовался его познаніями. По свидѣтельству А. С. Гангеблова, Пущинъ состоялъ при штабѣ дѣйствующихъ войскъ. Въ солдатской шинели, онъ распоряжался въ отрядѣ, какъ у себя дома. Онъ руководилъ мелкими и крупными работами, начиная отъ вязанія фашинъ и туровъ, отъ работы киркой и лопатой, до устройства переправъ и мостовъ, возведенія укрѣпленій и т. д. [1]).

Занятія Пущина и его товарищей при штабѣ не понравились въ Петербургѣ. Графъ Дибичъ далъ это почувствовать Паскевичу письмомъ отъ 15-го октября 1827 года, въ которомъ сказано: «касательно обращенія особеннаго вниманія за поведеніемъ унтеръ-офицеровъ Дорохова [1]), Коновницына и Пущина, по высочайшему повелѣнію, честь имѣю сообщить вамъ, что его величество хотя увѣренъ, что вообще за всѣми разжалованными изъ офицеровъ по происшествію 14-го декабря 1825 г. приняты самыя строгія мѣры на счетъ отправленія ими настоящей своей службы и наблюденія за ихъ поступками; но какъ можетъ быть, что по большому ихъ числу при ввѣренныхъ вамъ войскахъ и по обширности другихъ важнѣйшихъ занятій вашихъ вы не могли сами

[1]) А. С. Гангебловъ, Воспоминаніе декабриста. Москва, 1886, стр. 199, 200, 203, 207. Отзывъ Гангеблова подтверждается и другими свидѣтелями дѣятельности Пущина. Самъ Паскевичъ нерѣдко упоминалъ о немъ въ своихъ реляціяхъ.

[2]) Руфинъ Ивановичъ Дороховъ, извѣстный въ свое время дуэлистъ и буянъ, надѣлъ солдатскую шинель не за 14-ое декабря, а за „буйство въ петербургскомъ театрѣ, поединокъ и ношеніе партикулярной одежды“.

входить во всѣ подробности, къ симъ разжалованнымъ касающіяся, почему его величество желалъ бы знать: какъ они располагаются по квартирамъ и въ лагеряхъ, т. е. вмѣстѣ ли съ прочими нижними чинами, или совершенно отдѣльно отъ оныхъ? О чемъ я покорнѣйше прошу меня увѣдомить для доклада его величеству. При семъ честь имѣю присовокупить, что въ такомъ случаѣ, если означенные разжалованные располагаются по квартирамъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ нижнихъ чиновъ, сія мѣра полезна съ той стороны, что они тѣмъ лишены способовъ сообщать прочимъ нижнимъ чинамъ какія-либо вредныя внушенія; но его величество находитъ то неудобство, что они, не имѣя ни съ кѣмъ никакого сообщенія и живя только одни, могутъ съ бóльшею удобностью утверждать себя въ вредныхъ мнѣніяхъ и иногда покушаться на какія-либо злыя намѣренія. Въ отвращеніе чего, его величество полагаетъ удобнѣйшимъ располагать ихъ по квартирамъ и въ лагеряхъ вмѣстѣ съ прочими нижними чинами, но съ препорученіемъ ихъ въ надзоръ надежнымъ старослужилымъ унтеръ-офицерамъ, которые должны имѣть строгое и неусыпное наблюденіе за тѣмъ, чтобы они не могли распространять между товарищами какихъ-либо вредныхъ толковъ».

Паскевичъ отвѣчалъ на эти намеки письмомъ отъ 30-го ноября 1827 года. «За всѣми вообще офицерами и разжалованными за проступки»,—писалъ онъ Дибичу,—«со времени прибытія ихъ въ корпусъ, наблюдаемъ былъ строжайшій присмотръ; послѣдніе, а въ числѣ ихъ Дороховъ, Коновницынъ и Пущинъ, причислены, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, въ полки и роты, гдѣ содержались совершенно наравнѣ съ прочими нижними чинами и подъ особеннымъ надзоромъ полковыхъ и ротныхъ командировъ, на коихъ я въ семъ случаѣ могъ надѣяться Оные же всегда относились съ похвалою на счетъ поведенія, какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ, и ни малѣйшій проступокъ съ ихъ стороны во время сей кампаніи не былъ доведенъ до свѣдѣнія моего. Во время блокады крѣпостей Сардаръ-абада и Эривани было мною дозволено всѣмъ офицерамъ и разжалованнымъ, желающимъ изгладить усердною службою прежнее свое поведеніе, находиться при открытіи траншей. Между ними Дороховъ, Коновницынъ и Пущинъ исполняли свой долгъ съ похвальною ревностью, поощряя прочихъ нижнихъ чиновъ своимъ примѣромъ. При коронованіи рва подъ Эриванью они также находились на работахъ, производимыхъ подъ начальствомъ г.-м. Трузсона; а когда непріятель открывалъ на насъ сильный огонь, Дороховъ неоднократно убѣдительно просилъ генерала удалиться, представляя, что ему не слѣдуетъ подвергаться такимъ опасностямъ, и что здѣсь было ихъ мѣсто. Разжалованный за дуэль, Дороховъ былъ въ семъ случаѣ раненъ пулею въ грудь, одежда Коновницына прострѣлена тремя пулями. Во уваже-

ніе чего я дозволилъ первому отлучиться въ Тифлисъ для излѣченія раны, поручивъ его особенному надзору ген.-ад. Сипягина. Продолжая имѣть за всѣми высланными за проступки въ командуемый мною корпусъ строжайшій присмотръ, но соображаясь въ выше писанномъ съ истинною правдою, я долгомъ почелъ обо всемъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства».

За персидскую войну Пущинъ, Петръ Коновницынъ и Оржицкій были произведены въ офицеры; Петръ Бестужевъ, Вишневскій и Цебриковъ получили чинъ унтеръ-офицера и знакъ отличія военнаго ордена; въ унтеръ-офицеры произведены также Нилъ Кожевниковъ, Лаппа и Епафродитъ Мусинъ-Пушкинъ.

Въ турецкую войну 1828—29 гг. число декабристовъ на Кавказѣ увеличилось. Къ этому времени нѣкоторые изъ осужденныхъ въ каторжныя и крѣпостныя работы отбыли свои сроки и вышли на поселеніе. Имъ было разрѣшено поступить на службу рядовыми въ кавказскіе полки. Дозволеніемъ этимъ воспользовались Александръ Карловичъ Берстель, Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій), Владиміръ Сергѣевичъ Толстой, Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ и Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ.

Въ кампанію 1828 года, ознаменованную взятіемъ турецкихъ крѣпостей Карса, Ахалкалакъ и Ахалциха, всѣ разжалованные служили такъ же честно, какъ и въ персидскую войну: Акуловъ, Веденяпинъ и Фокъ, за штурмъ Карса, были произведены въ унтеръ-офицеры; Фокъ, трижды раненый въ дѣлахъ подъ Ахалцихомъ, получилъ еще и знакъ отличія военнаго ордена; неутомимый и дѣятельный Пущинъ, простреленный въ грудь при штурмѣ Ахалциха, произведенъ въ подпоручики.

Награды эти были по истинѣ ничтожны въ сравненіи съ подвигами, описанными въ реляціяхъ отдѣльныхъ начальниковъ. Но Паскевичъ хотѣлъ выждать окончанія войны для испрошенія бо́льшихъ милостей декабристамъ. «Вообще разжалованныхъ»,—писалъ онъ Дибичу [1]),—«во всѣхъ сраженіяхъ употреблялъ я въ первыхъ рядахъ или въ стрѣлкахъ, и всегда тамъ, гдѣ представлялось наиболѣе опасности. Изъ нихъ одинъ убитъ и 7 ранено. Всѣ они вели себя отлично храбро, въ назначаемыя имъ мѣста шли совершенно съ доброю волею и съ желаніемъ заслужить вину свою кровью. Сверхъ того, о тѣхъ, кои рекомендуются въ прилагаемомъ спискѣ, запрашивалъ я особо полковыхъ командировъ на счетъ ихъ нравственности, и они отозвались, что совершенно ручаются за ихъ поведеніе. Хотя таковыя заслуги разжалованныхъ по дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ и одобряемое поведеніе обращаютъ на нихъ вниманіе начальства, но я полагаю, что производство ихъ въ офицеры можно отложить до окончанія настоящей войны, развѣ въ продолженіе оной окажутъ примѣры отваги и храбрости».

[1]) Отъ 15-го іюля 1828 г., № 250.

Весною 1829 года военныя дѣйствія возобновились. Послѣ разгрома турецкой арміи въ Соганлугскихъ горахъ, Паскевичъ занялъ столицу Анатоліи Эрзерумъ. Война близилась къ концу. Въ Адріанополѣ велись переговоры о мирѣ. Разжалованные декабристы видѣли уже близкое осуществленіе своихъ надеждъ на производство въ офицеры. Въ это время случилось происшествіе, ничтожное само по себѣ, но имѣвшее для нихъ самыя тяжкія послѣдствія.

Командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка Николай Николаевичъ Раевскій, начальствовавшій во время кампаніи сводною кавалерійскою бригадою, отпросился въ отпускъ въ Тифлисъ. Сдавъ команду, онъ выѣхалъ въ послѣднихъ числахъ августа изъ Эрзерума въ сопровожденіи своего адъютанта Исупова, маіора Семичева и 40 нижнихъ чиновъ драгунскаго и своднаго уланскаго полковъ.

Въ пограничное укрѣпленіе Гумры, нынѣшній гор. Александраполь, Раевскій пріѣхалъ 4-го сентября и остановился на три дня для выдержанія карантиннаго срока. Невольное сидѣніе это разнообразилось веселою бесѣдою за обѣдами и невинною игрою въ вистъ. Какъ человѣкъ общительный, Раевскій приглашалъ къ своему столу мѣстнаго коменданта маіора Аносова и карантиннаго врача Грошопфа или, въ русской передѣлкѣ, Грошева. Въ числѣ случайныхъ гостей и партнеровъ генерала былъ также адъютантъ начальника главнаго штаба графа Чернышева гвардіи штабсъ-ротмистръ Бутурлинъ. Онъ пріѣзжалъ въ Эрзерумъ за дешевыми отличіями, но прибылъ слишкомъ поздно, когда кампанія была уже почти окончена. Паскевичъ, изъ угожденія вліятельному Чернышеву, далъ Бутурлину какой-то отрядъ казаковъ, наградилъ его владимірскимъ крестомъ и поручилъ доставить въ Петербургъ знамена, отбитыя у турокъ въ Гуріи. Съ этими трофеями Бутурлинъ и прибылъ 6-го сентября въ Гумринскій карантинъ, когда тамъ находился генералъ Раевскій. На другой день всѣ отправились въ дальнѣйшій путь послѣ веселаго обѣда. Изъ Тифлиса Раевскій выѣхалъ въ Карагачъ, штабъ-квартиру своего полка, а Бутурлинъ поскакалъ въ Петербургъ.

Черезъ шесть недѣль разразилась неожиданная гроза. Начальникъ главнаго штаба, по высочайшему повелѣнію, потребовалъ отъ Паскевича объясненій по поводу поѣздки Раевскаго. «Дошло до высочайшаго свѣдѣнія»,—писалъ графъ Чернышевъ [1],—«что г.-м. Раевскій, возвращаясь изъ главнаго отряда въ Тифлисъ, имѣлъ съ собою большую свиту, въ коей находились принадлежавшіе къ злоумышленнымъ обществамъ: Чернышевъ, Ворцель и Карвицкій, равно Пашковъ и другіе. Въ Гумрахъ г. Раевскій давалъ обѣдъ въ палаткѣ, на которомъ присутствовали всѣ вышепоименованныя лица. Государь императоръ, предполагая, что

[1]) Отъ 29-го сентября 1829 г., № 603.

ваше сіятельство изволите еще находиться въ Азіатской Турціи, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ писать къ тифлисскому военному губернатору, дабы онъ произвелъ по сему предмету точнѣйшее и достовѣрнѣйшее изслѣдованіе, и дозналъ: 1) по какой причинѣ г.-м. Раевскій, оставивъ дѣйствующій отрядъ, отправился въ Тифлисъ и имѣлъ при себѣ большую свиту, въ коей находились и вышепоименованныя лица; и 2) почему лица сіи, вопреки строжайшимъ запрещеніямъ, не находятся при своихъ полкахъ и командахъ, и что именно причиною непростительнаго послабленія, что г.-м. Раевскій допускаетъ ихъ къ столь короткому съ собою обращенію, что дозволяетъ имъ быть даже при своемъ столѣ. Если же вы, милостивый государь, возвратились уже къ сему времени въ предѣлы наши, то его величеству угодно, дабы секретное изслѣдованіе сіе произведено было подъ личнымъ вашимъ наблюденіемъ и о послѣдствіяхъ сего изслѣдованія донесено его величеству въ собственныя руки».

По распоряженію Паскевича начались обширные розыски и допросы, въ результатѣ которыхъ оказалось, что въ конвоѣ Раевскаго находились, изъ числа разжалованныхъ, рядовые Захаръ Чернышевъ, Ворцель, Карвицкій и Квартано. Первый принадлежалъ къ декабристамъ, объ остальныхъ надо сказать нѣсколько словъ.

Графъ Николай Станиславовичъ Ворцель, полковникъ польскихъ войскъ, богатый помѣщикъ Кіевской и Подольской губерній, магистръ Геттингенскаго университета, за принадлежность къ польскимъ тайнымъ обществамъ, былъ лишенъ чиновъ и графскаго достоинства и написанъ въ рядовые до выслуги. Приказомъ 7-го іюня 1829 года опредѣленъ въ Бѣлгородскій уланскій полкъ.

Графъ Станиславъ Станиславовичъ Карвицкій, старикъ 60 лѣтъ, тоже изъ богатыхъ помѣщиковъ Юго-Западнаго края, разжалованный въ одинъ день съ Ворцелемъ и за такую же вину, служилъ въ Борисоглѣбскомъ уланскомъ полку.

Въ судьбѣ Николая Николаевича Квартано ни русскія, ни польскія тайныя общества не играли никакой роли. Будучи офицеромъ пѣхотнаго принца Вильгельма Прусскаго полка, онъ отпросился за границу навѣстить своего отца, занимавшаго должность русскаго консула въ одномъ изъ городовъ Испаніи. Въ то время шла борьба партіи генерала Мина противъ абсолютизма короля Фердинанда VII. Пылкій Квартано, забывъ о своемъ званіи русскаго офицера и объ окончаніи срока отпуска, примкнулъ къ освободительному движенію и храбро сражался подъ предводительствомъ Мина. Когда возстаніе было подавлено, Квартано бѣжалъ въ Бразилію, потомъ долго скитался по Европѣ. Тоска по родинѣ и стѣсненныя обстоятельства заставили его прибѣгнуть къ покровительству великаго князя Михаила Павловича, находившагося

въ Вѣнѣ. Тотъ посовѣтовалъ ему ѣхать въ Петербургъ съ повинною. Квартано такъ и сдѣлалъ. Его посадили въ крѣпость и затѣмъ разрѣшили вступить вновь въ военную службу, но только нижнимъ чиномъ. Такимъ путемъ попалъ онъ на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Это былъ всегда веселый, добродушный и беззаботный человѣкъ, неистощимый разсказчикъ, остроумный и пріятный собесѣдникъ.

Раевскій, любившій веселую и непринужденную бесѣду, простой и привѣтливый въ обхожденіи, не уклонялся внѣ службы отъ общества разжалованныхъ офицеровъ, какъ людей одинаковаго съ нимъ образованія и воспитанія. Естественно, что совмѣстная поѣздка и скучное сидѣніе въ карантинѣ сами по себѣ давали много поводовъ къ тѣсному общенію. Во время остановокъ разжалованные собирались въ палаткѣ молодаго генерала и обѣдали вмѣстѣ съ нимъ. Такъ водилось на Кавказѣ и такое отношеніе къ разжалованнымъ внѣ службы казалось столь естественнымъ, что никому не приходило въ голову видѣть въ этомъ опасное колебаніе дисциплины или политическую неблагонадежность [1]. Паскевичъ не могъ не знать объ этомъ, но смотрѣлъ сквозь пальцы на послабленія, дѣлаемыя разжалованнымъ офицерамъ. Онъ самъ, когда было нужно, вступалъ съ ними въ непосредственныя сношенія. Такъ, онъ держалъ при своемъ штабѣ рядоваго Пущина и давалъ ему служебныя порученія, вовсе не входившія въ кругъ его солдатскихъ обязанностей.

Но Паскевичъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ начальниковъ, которые берутъ на себя отвѣтственность за подчиненныхъ. Донесеніе его на высочайшее имя по дѣлу Раевскаго есть цѣлый обвинительный актъ, въ которомъ бросается тѣнь подозрѣнія и на декабристовъ, и на рядъ лицъ, не имѣвшихъ къ нимъ никакого отношенія, но непріятныхъ лично Паскевичу по той или другой причинѣ. Желаніе выгородить себя и сложить всю отвѣтственность на другихъ заставило Паскевича отречься отъ того, что самъ онъ годомъ раньше сообщалъ о поведеніи и образѣ мыслей разжалованныхъ офицеровъ.

«Поступокъ г.-м. Раевскаго,—писалъ онъ государю[2]),—«сдѣлался мнѣ извѣстенъ прежде полученія высочайшаго повелѣнія вашего император-

---

[1]) Объ одномъ изъ такихъ случаевъ было извѣстно и государю Николаю Павловичу. Во время пребыванія Дибича въ Тифлисѣ, весною 1827 г., до свѣдѣнія его дошло, что Оржицкій, Пущинъ и Коновницынъ приглашались на офицерскіе обѣды. Оржицкаго онъ отправилъ въ штабъ полка, а командиру 8-го піонернаго баталіона замѣтилъ, что польза отъ службы Пущина и Коновницына нимало не должна выводить ихъ изъ состоянія, въ которое они поставлены единственно высочайшею милостью. Дибичъ донесъ объ этомъ государю, и происшествіе не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

[2]) В. Потто, Исторія Нижегородскаго драгунскаго полка, III, 147.

скаго величества, и я не оставилъ его безъ вниманія, но только предоставилъ окончательное рѣшеніе онаго до возвращенія моего въ Тифлисъ, чтобы самому болѣе во всемъ удостовѣриться. Поступокъ этотъ, хотя злоумышленности и не обнаруживаетъ, но тѣмъ не менѣе есть признакъ, что духъ сообщества существуетъ, который по слабости своей не дѣйствуетъ, но съ помощью связей между собою живетъ. Сіе съ самаго начала командованія моего здѣсь не было упущено отъ наблюденій моихъ, и я тогда же просилъ графа Дибича снабдить меня хоть нѣсколько другаго рода генералами, которые съ добрыми правилами соединяли бы и способности; но, не получивъ ихъ, я долженъ былъ дѣйствовать тѣми, какіе были, и по ихъ военнымъ дѣйствіямъ и способностямъ отдавать имъ справедливость. По множеству здѣсь людей сего рода, главное къ наблюденію есть то, чтобы они не имѣли прибѣжища въ лицахъ высшаго званія и, такъ сказать, пункта соединенія. Въ семъ отношеніи удаленіе отсюда г.-м. Сакена есть полезно; удаленіе г.-м. Раевскаго также, весьма полезно удалить и г.-м. Муравьева».

Письмо это, какъ справедливо замѣтилъ В. А. Потто, навсегда останется документомъ, чрезвычайно важнымъ для личной характеристики Паскевича. Дѣйствительно, если обвиненіе Раевскаго въ сочувствіи замысламъ декабристовъ еще имѣло внѣшній видъ правдоподобія, то указаніе на Сакена, Муравьева и даже Дибича можетъ быть объяснено только желаніемъ Паскевича изъ личныхъ видовъ повредить имъ въ мнѣніи государя. Для этого пустилъ онъ въ ходъ обвиненіе ихъ въ явномъ и злонамѣренномъ покровительствѣ лицамъ, участвовавшимъ въ заговорѣ 14-го декабря [1]).

Императоръ Николай Павловичъ, при всемъ расположеніи и довѣріи къ своему «отцу-командиру», не внялъ, однако, его коварнымъ инсинуаціямъ. Онъ взглянулъ на дѣло исключительно съ точки зрѣнія нарушенія воинской дисциплины. Раевскому былъ объявленъ отъ высочайшаго имени строжайшій выговоръ и домашній арестъ при часовомъ на 8 дней [2]). Вслѣдъ за тѣмъ государь приказалъ перевести его въ 5-ю уланскую дивизію.

---

[1]) Баронъ Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ, впослѣдствіи графъ и членъ Государственнаго Совѣта, исполнялъ во время турецкой войны обязанность начальника штаба дѣйствующаго корпуса. Такую же должность занималъ въ персидскую кампанію Николай Николаевичъ Муравьевъ, бывшій впослѣдствіи главнокомандующимъ и намѣстникомъ на Кавказѣ. Испытавъ на себѣ мелочность, придирчивость и мстительность Паскевича, оба при первой возможности оставили кавказскую службу и перешли въ Польшу подъ начальство Дибича.

[2]) Рапортъ графа Чернышева графу Паскевичу отъ 10-го декабря 1829 г. № 739.

Арестъ генерала и, при томъ, георгіевскаго кавалера вызвалъ много толковъ въ кавказскихъ войскахъ. Никто не сомнѣвался въ томъ, что Раевскій сдѣлался жертвою доноса, и всѣ указывали на Бутурлина, гостепріимно принятаго генераломъ въ Гумринскомъ карантинѣ [1]). По общему мнѣнію, ударъ былъ направленъ собственно не противъ Раевскаго, а противъ декабриста Захара Чернышева, находившагося въ свитѣ генерала.

Для объясненія интриги необходимо припомнить, что начальникъ главнаго штаба А. И. Чернышевъ съ давнихъ поръ навязывался въ ближайшее родство съ оберъ-шенкомъ графомъ Григоріемъ Ивановичемъ Чернышевымъ, владѣльцемъ маіората въ 20.000 душъ крестьянъ. Наслѣдникомъ этого богатства былъ единственный сынъ графа Григорія графъ Захаръ Григорьевичъ. Когда молодой человѣкъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по дѣлу декабристовъ, членъ слѣдственной коммиссіи А. И. Чернышевъ, какъ разсказываютъ [2]), счелъ полезнымъ для себя заявить лишній разъ о своемъ съ нимъ родствѣ. При допросѣ онъ обратился къ нему съ словами: «Comment, cousin, vous êtes coupable aussi?» Графъ Захаръ рѣзко возразилъ: «coupable peut-être, mais cousin jamais!».

Приговоръ верховнаго уголовнаго суда, присудившій Захара Чернышева къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и каторжнымъ работамъ, сдѣлалъ открытымъ вопросъ о будущемъ наслѣдникѣ маіоратныхъ имѣній. Претендентомъ выступилъ А. И. Чернышевъ. Извѣстны слова Ермолова по этому поводу. «Что же тутъ удивительнаго? одежда жертвы всегда и вездѣ поступала въ собственность палача».

Между тѣмъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Сибири, Захаръ Чернышевъ получилъ разрѣшеніе поступить на службу рядовымъ въ одинъ изъ кавказскихъ полковъ. Турецкая война могла дать ему способъ къ отличію и возстановленію своихъ правъ, утраченныхъ по судебному приговору. Возможность этого, какъ утверждаютъ, не соотвѣтствовала видамъ А. И. Чернышева. На его счастіе подвернулась какъ разъ исторія съ генераломъ Раевскимъ. Получивъ донесеніе Бутурлина о гумринскомъ обѣдѣ, онъ быстро сообразилъ планъ дѣйствія для устраненія опаснаго конкуррента на маіоратное наслѣдство. Поступокъ Раевскаго былъ представленъ государю, какъ событіе первостепенной важности. Паскевичъ поддержалъ это представленіе своимъ завѣреніемъ, что мя-

---

[1]) Объ этомъ говорятъ единогласно служившіе тогда въ кавказскихъ войскахъ участники турецкой кампаніи А. С. Гангебловъ („Воспоминаніе", стр. 187), М. В. Юзефовичъ («Воспоминанія о Пушкинѣ» въ «Русск. Архивѣ» 1880 г.) и В. Андреевъ («Кавказскій Сборникъ», I, 89, 90, 92).

[2]) М. В. Юзефовичъ, Воспоминанія о Пушкинѣ, 486, 487.

тежный духъ еще не угасъ въ разжалованныхъ декабристахъ, но таится въ нихъ подъ давленіемъ обстоятельствъ.

Результатъ этихъ коварныхъ внушеній не замедлилъ сказаться. Производство въ офицеры, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшееся декабристами, было отмѣнено [1]).

Такимъ образомъ, возможность возстановленія гражданскихъ правъ Захара Чернышева была, если не совсѣмъ устранена, то въ значительной степени ослаблена.

Графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ скончался въ 1830 г., и А. И. Чернышевъ предъявилъ свои права на открывшееся наслѣдство, но онп были отвергнуты Государственнымъ Совѣтомъ. Маіоратъ вмѣстѣ съ фамиліей графа Чернышева перешелъ къ И. Г. Кругликову, женатому на старшей дочери покойнаго, графинѣ С. Г. Чернышевой.

Кромѣ отказа въ наградахъ, разжалованныхъ декабристовъ постигла еще и другая, не менѣе тяжкая, невзгода. Послѣ окончанія войны, часть ихъ собралась къ зимѣ 1829—30 гг. въ Тифлисѣ. Здѣсь имѣли они возможность видѣться другъ съ другомъ и бывать въ обществѣ людей образованныхъ. Послѣ исторіи Раевскаго они лишились этого утѣшенія: всѣхъ разжалованныхъ было приказано распредѣлить по полкамъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы ни въ одномъ не числилось болѣе двухъ человѣкъ. А. А. Бестужевъ, жившій въ Тифлисѣ съ братьями Петромъ и Павломъ, попалъ въ линейный № 10 баталіонъ въ Дербентѣ. Захаръ Чернышевъ былъ переведенъ изъ Нижегородскаго драгунскаго въ 41-й егерскій полкъ, строившій Закатальскую крѣпость.

М. И. Пущинъ, разочаровавшись въ обѣщаніяхъ Паскевича, покинулъ службу на Кавказѣ. Справедливость требуетъ сказать, что не всегда Паскевичъ былъ виноватъ въ неисполненіи своихъ обѣщаній. Въ январѣ 1829 г. онъ ходатайствовалъ о награжденіи Пущина за штурмъ Ахалциха орденомъ св. Георгія 4-й степени, при чемъ рекомендовалъ его въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ: «въ продолженіе всей осады Ахалциха подпоручикъ Пущинъ употребляемъ былъ для разбивки и устроенія батарей въ самыхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ, гдѣ всегда служилъ основною точкою, на которую направлялись колонны, и при сихъ случаяхъ оставался неподвижнымъ подъ жесточайшимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ; въ самыхъ работахъ примѣромъ ободрялъ людей и всегда содѣйствовалъ успѣхамъ оныхъ. На приступѣ 15-го августа, при заложеніи ложемента и батарей въ самомъ пылу сраженія, исполняя ревностно свою обязанность, раненъ жестоко пулею въ грудь на вылетъ. Неизмѣнное усердіе, безпримѣрное мужество и спокойствіе духа под-

---

[1]) Графъ Чернышевъ графу Паскевичу отъ 17-го апрѣля 1830 г., № 2771.

поручика Пущина содѣлываютъ его достойнымъ всемилостивѣйшаго воззрѣнія».

Высочайшаго соизволенія на эту награду не послѣдовало. Вмѣсто ордена храбрыхъ Пущину былъ данъ чинъ поручика. Тридцать лѣтъ спустя, именно 17-го декабря 1858 года, когда Пущинъ находился уже въ отставкѣ, императоръ Александръ II, освѣдомясь объ его подвигахъ подъ Ахалцихомъ, пожаловалъ ему заслуженный кровью георгіевскій крестъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ прибыли на Кавказъ съ поселенія въ Сибири Александръ Осиповичъ Корниловичъ, Сергѣй Ивановичъ Кривцовъ, С. Палицинъ и содержавшійся въ Бобруйской крѣпости Дивовъ. Всѣ трое вступили на службу рядовыми. Въ 1837 году наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, путешествовавшій по западной Сибири, исходатайствовалъ у императора облегченіе участи ссыльно-поселенцевъ изъ декабристовъ. Имъ было разрѣшено покинуть Сибирь подъ условіемъ солдатской службы въ кавказскихъ войскахъ. Дозволеніемъ этимъ воспользовались Александръ Ивановичъ Вегелинъ, Николай Александровичъ Загорѣцкій, Константинъ Евстафьевичъ Игельстромъ, Владиміръ Николаевичъ Лихаревъ, Николай Ивановичъ Лореръ, Михаилъ Александровичъ Назимовъ, Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ, Александръ Ивановичъ Одоевскій, Андрей Евгеніевичъ Розенъ и Алексѣй Ивановичъ Черкасовъ. Два года спустя пріѣхали изъ Сибири на Кавказъ братья Александръ и Петръ Петровичи Бѣляевы, опредѣленные въ Кабардинскій пѣхотный полкъ. Наконецъ, послѣднимъ, уже въ концѣ царствованія Николая I, былъ переведенъ на Кавказъ Александръ Николаевичъ Сутгофъ.

Служба и судьба этихъ декабристовъ достаточно извѣстны по ихъ личнымъ воспоминаніямъ и по запискамъ ихъ сослуживцевъ.

А. Е. Розенъ подвелъ итоги пребыванію декабристовъ на Кавказѣ. По его счету, двадцать изъ нихъ были произведены въ офицеры, трое (Берстель въ 1836 г., Бестужевъ-Марлинскій въ 1837 г. и Лихаревъ въ 1840 г.) убиты въ сраженіяхъ, пятеро умерло отъ болѣзней.

Къ числу павшихъ въ сраженіи надо присоединить еще Дивова, скончавшагося въ 1840 г. отъ раны, полученной имъ въ экспедиціи на р. Фартангѣ въ Малой Чечнѣ. Въ спискѣ умершихъ на Кавказѣ отъ болѣзней пропущенъ Розеномъ А. Н. Сутгофъ, скончавшійся въ Боржомѣ 14-го августа 1872 года. Прибывъ послѣднимъ на Кавказъ, онъ и покинулъ его послѣднимъ.

———

II.

Прикосновенные.

Кромѣ государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ и военно-судными коммиссіями, по дѣлу декабристовъ было привлечено къ отвѣтственности много лицъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ тайнымъ обществамъ. Оффиціально назывались они «лицами, кои прикосновенны были къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, но, не бывъ преданы верховному уголовному суду, понесли исправительныя наказанія».

Виновность этихъ лицъ, очевидно, не поддавалась точному опредѣленію: въ спискахъ, противъ имени каждаго, сказано только, что «былъ прикосновененъ къ злоумышленнымъ сообществамъ». Нѣкоторые изъ подвергшихся наказанію даже не знали о своей прикосновенности и объясняли постигшую ихъ кару совсѣмъ другими причинами.

Извѣстно, что самъ Ермоловъ, всего менѣе склонный къ либерализму, считался главою какого-то кавказскаго тайнаго общества [1]). Вслѣдствіе этого всѣ дѣйствія его подавали поводъ къ сомнѣнію. Въ февралѣ 1821 г. старшій адъютантъ штаба первой арміи, полковникъ Александръ Андреевичъ Авенаріусъ, по представленію Ермолова, получилъ на Кавказѣ въ командованіе 41-й егерскій полкъ. Послѣ обнаруженія тайныхъ обществъ въ южной Россіи, явилось подозрѣніе въ принадлежности къ нимъ Авенаріуса. Отсюда возникло предположеніе, что Ермоловъ просилъ о переводѣ его на Кавказъ, какъ единомышленника. Вслѣдствіе этого отъ Ермолова было потребовано объясненіе о причинахъ, побудившихъ его дать полкъ Авенаріусу. Онъ отвѣчалъ очень энергическимъ рапортомъ на имя военнаго министра. «Не сомнѣваюсь,—писалъ онъ [2]),—что изъ уличенныхъ въ заговорѣ никто не покажетъ, что было какое тайное общество въ корпусѣ, надъ коимъ начальство высочайше мнѣ ввѣрено, и потому полковникъ Авенаріусъ не здѣсь могъ принадлежать къ какому-либо изъ таковыхъ. Въ кавказскій корпусъ просилъ я о переводѣ его по наилучшей рекомендаціи, и съ того времени, какъ онъ здѣсь, нахожу его офицеромъ усерднымъ, исполнительнымъ, безмолвнымъ и командиромъ полка изъ наилучшихъ. Ручаюсь смѣло, что не въ его свойствахъ быть членомъ какого-либо

---

[1]) Слухъ объ этомъ, пущенный въ ходъ извѣстнымъ А. И. Якубовичемъ, служившимъ на Кавказѣ, былъ принятъ за чистую монету членами тайныхъ обществъ въ Россіи. См. объ этомъ въ „Запискахъ декабриста С. Г. Волконскаго“, стр. 415, 416.

[2]) Отъ 4-го марта 1826 г., № 7.

вреднаго общества, едва-ли такого, коихъ члены публиковались печатными списками. Не поручусь я за подозрительнаго».

Тѣмъ не менѣе, надъ Авенаріусомъ, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ секретный надзоръ. Такому же наблюденію подвергся и командиръ 7-го карабинернаго полка полковникъ Н. Н. Муравьевъ [1]), который, «хотя поведеніемъ своимъ и усердіемъ къ службѣ не подавалъ ни малѣйшаго подозрѣнія въ участвованіи въ открытыхъ уже правительствомъ тайныхъ обществахъ, но потому единственно, что многіе изъ однофамильцевъ его оказались къ нимъ принадлежащими» [2]).

Вскорѣ Ермолову пришлось вновь явиться въ роли подозрѣваемаго. Нѣкто капитанъ Колачевскій, въ письмѣ къ братьямъ своимъ, сообщалъ имъ, что влюбленъ въ д ѣ в у г о р ъ. Письмо, отправленное по почтѣ, попало въ руки Дибича. Дѣва горъ показалась ему подозрительною. Копія письма была препровождена къ Ермолову съ требованіемъ свѣдѣній о благонадежности Колачевскаго. Ермоловъ отвѣчалъ [3]): «Дѣва горъ, о коей говоритъ Колачевскій, есть, какъ мнѣ извѣстно, пригожая дѣвушка, въ которую онъ влюбленъ и старается получить ее въ супружество. По множеству соперниковъ совершенно на то не надѣется. Преодолѣніе затрудненій почитаетъ важнымъ успѣхомъ, и какъ надобно думать, прежде точнаго въ томъ удостовѣренія, не рѣшается братьямъ объявить о томъ. Капитанъ Колачевскій, находящійся при военно-окружномъ начальникѣ г.-м. князѣ Мадатовѣ, хорошій офицеръ и всегда былъ такого поведенія и нравственности, которыя не навлекали ни малѣйшаго подозрѣнія. Выраженія въ письмѣ его насчетъ смѣны моей, конечно, неумѣстны, хотя, между родными братьями употребляемыя, не могутъ быть принимаемы въ уваженіе, особенно еще въ письмѣ, по почтѣ пересланномъ. Никакихъ вредныхъ замысловъ и предпріятій Колачевскій имѣть не можетъ, ибо таковые не были бы здѣсь допущены, и я позволю себѣ думать, что довольно ясны тому доказательства, ибо доселѣ ничего подобнаго здѣсь не произошло. Прошу покорнѣйше васъ доложить государю императору, что я весьма хорошо разумѣю обязанности мои удалять развратъ отъ моихъ подчиненныхъ, и всегда столько умѣлъ внушать уваженія къ власти, что не имѣлъ случая наказывать за несоблюденіе онаго. Меня можно обмануть, но, при малѣйшемъ сомнѣніи, не подъ моими глазами могутъ предприняты быть вредныя какія-либо начинанія».

Поэтическое названіе д ѣ в а г о р ъ, взятое изъ пушкинскаго «Кав-

---

[1]) Впослѣдствіи намѣстникъ и главнокомандующій на Кавказѣ.
[2]) Предписаніе Ермолова г.-л. Вельяминову отъ 4-го марта 1826 г., № 8.
[3]) Въ письмѣ къ Дибичу отъ 30-го мая 1826 г., № 26.

казскаго плѣнника», повлекло за собою отдачу влюбленнаго капитана подъ секретный надзоръ.

Во время пребыванія Дибича, весною 1827 г., въ Тифлисѣ, Ермоловъ имѣлъ съ нимъ объясненіе о своемъ образѣ мыслей. При этомъ онъ вновь указывалъ на то, что никто изъ окружающихъ его не былъ замѣшанъ въ заговорѣ. Кюхельбекера онъ выслалъ изъ Грузіи, отрекомендовавъ его князю Волконскому какъ вольнодумца, а Якубовичъ самъ оставилъ службу въ Кавказскомъ корпусѣ [1]).

Сообщая государю о своей бесѣдѣ съ Ермоловымъ, Дибичъ прибавилъ, что не сомнѣвается въ его искренности и откровенности. Но императоръ Николай Павловичъ былъ инаго мнѣнія и навсегда сохранилъ чувство недовѣрія къ знаменитому проконсулу Кавказа.

Большая часть «прикосновенныхъ» была сослана на Кавказъ. Гвардейцы поплатились переводомъ въ армейскіе и даже въ гарнизонные полки, безъ повышенія въ чинахъ. Нѣкоторые смѣщены на низшія должности.

За прикосновенность переведены на Кавказъ въ 1826 году:

Депрерадовичъ, корнетъ Кавалергардскаго полка, въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Шереметевъ, Николай Васильевичъ, поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, въ 43-й егерскій полкъ.

Волковъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, шт.-капитанъ л.-гв. Московскаго полка, въ Тенгинскій пѣхотный полкъ.

Броке, Алексѣй Александровичъ, поручикъ того же полка, въ Мингрельскій пѣхотный полкъ.

Добринскій, поручикъ л.-гв. Финляндскаго полка, въ 43-й егерскій полкъ. Въ дополненіе къ высочайшему приказу о переводѣ, Дибичъ увѣдомилъ [2]) Ермолова, что государю императору угодно, чтобы Добринскому былъ доставленъ случай заслужить свой проступокъ, а Волкова и Броке, какъ служившихъ въ гвардейскомъ полку, наиболѣе участвовавшемъ въ возмущеніи, имѣть подъ особеннымъ строжайшимъ наблюденіемъ.

Арцыбашевъ, корнетъ Кавалергардскаго полка, въ Таманскій гарнизонный полкъ.

Рынкевичъ, корнетъ л.-гв. Коннаго полка, въ Бакинскій гарнизонный полкъ.

Малютинъ, подпоручикъ л.-гв. Измайловскаго полка, въ Севастопольскій пѣхотный полкъ.

---

[1]) Князь Щербатовъ, Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, II, 216.

[2]) Отъ 5-го іюня 1826 г., № 979.

Семичевъ, ротмистръ Ахтырскаго гусарскаго полка, въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Гангебловъ, Александръ Семеновичъ, поручикъ л.-гв. Измайловскаго полка, въ Владикавказскій гарнизонный полкъ.

Гудима, подпоручикъ того же полка, въ Дербентскій гарнизонный полкъ.

Вадковскій, подпоручикъ 17-го егерскаго полка, въ Моздокскій гарнизонный баталіонъ.

Миклашевскій, Александръ Михайловичъ, подполковникъ 22-го егерскаго полка, въ 42-й егерскій полкъ.

Корсаковъ, Михаилъ Матвѣевичъ, поручикъ л.-гв. Гренадерскаго полка, въ Куринскій пѣхотный полкъ.

Въ 1827 году:

Гвоздевъ, Александръ Николаевичъ, подполковникъ квартирмейстерской части при штабѣ 1-й арміи. За необъявленіе извѣстныхъ ему обстоятельствъ о существованіи злоумышленнаго тайнаго общества выдержанъ четыре мѣсяца въ Бобруйской крѣпости и переведенъ въ 42-й егерскій полкъ.

Леманъ, Павелъ Михайловичъ, полковникъ Томскаго пѣхотнаго полка, въ Мингрельскій пѣхотный полкъ.

Бурцовъ, Иванъ Григорьевичъ, полковникъ и командиръ Колыванскаго пѣхотнаго полка, выдержанъ 6 мѣсяцевъ въ Бобруйской крѣпости и переведенъ въ Тифлисскій пѣхотный полкъ подъ команду младшаго.

Титовъ, поручикъ л.-гв. Кирасирскаго полка, въ Омскій гарнизонный баталіонъ и оттуда во Владикавказскій гарнизонный полкъ.

Коновницынъ, графъ, прапорщикъ, прикомандированный къ гвардейской конной артиллеріи,—въ конно-артиллерійскую № 13 роту. Это—младшій братъ Петра Петровича Коновницына, разжалованнаго въ рядовые. Ихъ родная сестра, графиня Елизавета Петровна, была замужемъ за декабристомъ Михаиломъ Михаиловичемъ Нарышкинымъ.

Сухоруковъ, Василій Дмитріевичъ, сотникъ л.-гв. Казачьяго полка, высланъ подъ надзоръ въ Донское войско и затѣмъ назначенъ въ Грузію въ Донской казачій полковника Карпова полкъ.

Искрицкій, Демьянъ Александровичъ, подпоручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба, въ Орскій гарнизонный баталіонъ и оттуда въ 42-й егерскій полкъ.

Бестужевъ, Павелъ Александровичъ, артиллеріи прапорщикъ, въ Сухумскій артиллерійскій гарнизонъ.

Васильчиковъ, прапорщикъ Тверскаго драгунскаго полка, корнетомъ въ Серпуховскій уланскій полкъ.

Въ 1828 году:

Кожевниковъ, Андрей, подпоручикъ л.-гв. Гренадерскаго полка, въ Иркутскій гарнизонный баталіонъ и оттуда въ 42-й егерскій полкъ.

Жуковъ, шт.-ротмистръ гусарскаго принца Оранскаго полка, въ Архангелогородскій гарнизонный полкъ и оттуда въ Куринскій пѣхотный полкъ.

Въ 1829 году: Мусинъ-Пушкинъ, графъ, капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка, въ Петровскій и оттуда въ Тифлисскій пѣхотный полкъ.

Въ 1832 году: Норовъ, Василій Сергѣевичъ, капитанъ л.-гв. Егерскаго полка, долго содержался въ Бобруйской крѣпости и затѣмъ отправленъ на Кавказъ. Братъ министра народнаго просвѣщенія Авраама Сергѣевича Норова.

Всѣ прикосновенные состояли подъ строгимъ секретнымъ надзоромъ. Ближайшіе начальники были обязаны ежемѣсячно доносить объ ихъ службѣ и поведеніи начальнику главнаго штаба для доклада государю императору [1]). Перемѣщеніе, увольненіе въ отпускъ и вообще всякія служебныя измѣненія допускались не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія [2]). Когда въ 42-мъ егерскомъ полку подполковнику Миклашевскому слѣдовало по старшинству получить баталіонъ, ему было въ этомъ отказано и даже не дозволено временно командовать баталіономъ.

Зачисленные въ гарнизоны получили вскорѣ разрѣшеніе принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такъ, Рынкевичъ былъ прикомандированъ на время персидской кампаніи къ Ширванскому пѣхотному полку съ тѣмъ, что если будетъ отличать себя по службѣ, то можетъ быть представленъ къ переводу въ этотъ полкъ. Гангебловъ, съ высочайшаго соизволенія, прикомандированъ къ Кабардинскому полку и т. д.

Всѣ прикосновенные вели себя такъ безукоризненно, что 20-го ноября 1828 г. было повелѣно прекратить ежемѣсячныя о нихъ донесенія, но продолжать тайный и бдительный надзоръ [3]).

Многіе между ними получили хорошее общее и спеціальное образованіе. Кавказская армія того времени очень нуждалась въ такихъ офицерахъ. Паскевичъ широко воспользовался ихъ познаніями и талантами. Бурцовъ и Искрицкій служили въ строю и въ то же время несли обязанности офицеровъ генеральнаго штаба. Искрицкій составилъ во-

---

[1]) Военный министръ графъ Татищевъ Ермолову отъ 20-го и 28-го сентября 1826 г., №№ 7108 и 7195.

[2]) Дежурный генералъ главнаго штаба Потаповъ Ермолову отъ 16-го декабря 1826 г., № 14553.

[3]) Чернышевъ Паскевичу отъ 20-го ноября 1828 г., № 635.

енно-топографическое описаніе Ахалцихскаго и Эрзерумскаго пашалыковъ, сдѣлалъ съемку Боржомскаго ущелья, окрестностей Зивина, Милидюза и Эрзерума. Сотникъ Сухоруковъ, состоя при штабѣ, былъ правою рукою главнокомандующаго въ дѣловой перепискѣ. Паскевичъ, не отличавшійся краснорѣчіемъ ни на словахъ, ни на бумагѣ, охотно пользовался его перомъ, подъ которымъ неясныя мысли дѣлались вразумительными и облекались въ красивую форму. Это тотъ самый Сухоруковъ, о которомъ такъ сочувственно говоритъ Пушкинъ въ своемъ «Путешествіи въ Арзрумъ».

Упомянувъ о Пушкинѣ, необходимо замѣтить, что Семичеву обязана Россія спасеніемъ своего поэта отъ большой опасности. Во время перестрѣлки казаковъ съ турецкими наѣздниками, 14-го іюня 1829 г., Пушкинъ устремился противъ непріятельскихъ всадниковъ съ пикою, взятою имъ у убитаго казака. Семичевъ бросился за нимъ и едва вывелъ изъ передовой цѣпи.

Не смотря на ограниченія въ служебныхъ правахъ, истинныя заслуги «прикосновенныхъ» пробили себѣ путь къ отличіямъ. Въ турецкую кампанію Бурцовъ уже командовалъ Херсонскимъ гренадерскимъ полкомъ, получилъ георгіевскій крестъ за Карсъ и чинъ генералъ-маіора за Ахалцихъ. Къ общему сожалѣнію всѣхъ кавказскихъ войскъ, турецкая пуля положила конецъ его блистательной карьерѣ 19-го іюля 1828 г. А. М. Миклашевскій тоже получилъ въ командованіе 42-й егерскій полкъ, съ которымъ блистательно дѣйствовалъ подъ Карсомъ 23-го іюня 1828 г. Онъ палъ отъ лезгинской пули при штурмѣ Чумкескента въ Сѣверномъ Дагестанѣ 1-го декабря 1831 г. П. М. Леманъ, командуя 41-мъ егерскимъ полкомъ, заслужилъ георгіевскій крестъ за пораженіе турокъ при Каинлы и Милидюзѣ 19-го и 20-го іюня 1829 года.

Поѣздка на Кавказъ Бутурлина, имѣвшая такія неблагопріятныя послѣдствія для декабристовъ, отразилась такимъ же образомъ и на судьбѣ одного изъ прикосновенныхъ, именно В. Д. Сухорукова. А. И. Чернышевъ имѣлъ противъ него какое-то неудовольствіе еще съ того времени, когда разрабатывалось положеніе объ управленіи Донскимъ войскомъ. На Кавказѣ Сухоруковъ получилъ за храбрость владимірскій крестъ и золотое оружіе. Эти отличія не спасли его, однако, отъ преслѣдованій всесильнаго начальника главнаго штаба. Вскорѣ послѣ проѣзда Бутурлина, у Сухорукова, по распоряженію изъ Петербурга, былъ произведенъ обыскъ, при чемъ въ бумагахъ его оказались записки о военныхъ дѣйствіяхъ кавказскихъ войскъ въ турецкую кампанію. Находкѣ этой было придано такое важное значеніе, что Чернышевъ, по высочайшему повелѣнію, запросилъ Паскевича: на какомъ основаніи состоитъ при немъ Сухоруковъ и почему находятся у него записки о войнѣ съ Турціей?

*

Паскевичъ поступилъ и въ этомъ случаѣ такъ же, какъ въ дѣлѣ Раевскаго. Онъ поспѣшилъ сложить часть отвѣтственности на другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бросить тѣнь подозрѣнія на тѣхъ именно лицъ, услугами коихъ наиболѣе пользовался во время войны. Вотъ его отвѣтъ [1]) Чернышеву: «Въ числѣ бумагъ, опечатанныхъ у сотника Сухорукова, находится историческое описаніе войны 1828 и 1829 гг., составленное имъ по моему приказанію. Употребленіе Сухорукова къ такому порученію, когда онъ, какъ извѣстно, замѣшанъ въ происшествіи 14-го декабря и находится подъ секретнымъ надзоромъ, не должно удивлять васъ, ибо въ одинаковомъ съ нимъ разрядѣ находились многіе, служившіе при мнѣ, какъ-то: г.-м. Бурцовъ, полковникъ Леманъ, поручикъ Пущинъ, Искрицкій и полковникъ Вольховскій былъ въ замѣчаніи [2]). Не имѣя другихъ, которые бы съ пользою употреблены быть могли, я, по малому числу людей въ семъ корпусѣ способныхъ, принужденъ былъ давать порученія мои сего рода чиновникамъ. Такимъ образомъ и Сухоруковъ употребляемъ былъ сначала г.-м. барономъ Остенъ-Сакеномъ по канцеляріи начальника штаба, а потомъ, годъ тому назадъ, я поручилъ ему составленіе историческихъ записокъ кампаніи 1828 и 1829 гг.».

Объясненіе это, не заключавшее въ себѣ ни одного слова въ защиту Сухорукова, рѣшило его судьбу. Чернышевъ перевелъ его въ одинъ изъ донскихъ полковъ, стоявшихъ въ Финляндіи, гдѣ онъ и скончался въ сороковыхъ годахъ въ томъ же чинѣ сотника.

III.

Сводный гвардейскій полкъ.

Въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г. участвовали нижніе чины нѣкоторыхъ гвардейскихъ полковъ, увлеченные ложными увѣреніями своихъ офицеровъ. Наиболѣе виновные изъ нихъ были выключены изъ гвардіи и отправлены въ Выборгскую и Кексгольмскую крѣпости; остальные получили всемилостивѣйшее прощеніе. Во второй арміи, въ южной

---

[1]) Отъ 16-го января 1830 г. Кн. Щербатовъ, Біографія Паскевича, III, 328—330.

[2]) Въ черновикѣ Паскевичъ приписалъ собственною рукою: они оправдали довѣріе по службѣ, но многіе изъ нихъ не оставили прежнихъ мыслей. Но потомъ онъ вычеркнулъ эти коварныя слова.

Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій, корпусный оберъ-квартирмейстеръ, блистательно выполнившій свои хлопотливыя и сложныя обязанности въ турецкую кампанію, не значился въ оффиціальномъ спискѣ прикосновенныхъ. Паскевичъ счелъ, однако, необходимымъ напомнить Чернышеву, что Вольховскій былъ въ замѣчаніи по дѣлу декабристовъ.

Россіи, отвѣтственности подверглись нижніе чины Черниговскаго пѣхотнаго полка.

Въ февралѣ 1826 г. изъ мятежныхъ ротъ л.-гв. Московскаго и Гренадерскаго полковъ, получившихъ прощеніе, былъ сформированъ сводный гвардейскій полкъ въ составѣ двухъ баталіоновъ. По высочайшему повелѣнію онъ отправленъ на Кавказъ для участія въ горской войнѣ, чтобы «имѣть случай изгладить и самое пятно минутнаго своего заблужденія и запечатлѣть вѣрность свою къ законной власти при первомъ военномъ дѣйствіи» [1]). Такое же назначеніе получили нижніе чины, исключенные изъ гвардіи и изъ Черниговскаго полка, но они подлежали распредѣленію по тѣмъ кавказскимъ полкамъ, «коимъ преимущественно предъ прочими предстояло усмирять горцевъ силою оружія» [2]).

Сводный гвардейскій полкъ выступилъ изъ Петербурга 27-го февраля 1826 г. въ списочномъ составѣ 38 офицеровъ и 1.282 нижнихъ чиновъ, подъ командой л.-гв. Преображенскаго полка полковника Шипова. Маршрутъ былъ назначенъ ему до Рыбинска сухимъ путемъ, оттуда Волгою въ Астрахань и далѣе моремъ до Сладкоеричной или какой-либо другой пристани на сѣверо-западномъ берегу Каспійскаго моря.

Въ Рыбинскѣ, въ ожиданіи изготовленія судовъ, полкъ простоялъ съ 8-го апрѣля до 20-го мая. Въ Астрахань прибылъ онъ 3-го іюля, но здѣсь произошла новая остановка за неимѣніемъ казенныхъ мореходныхъ судовъ. Астраханское русское купечество наняло на свой счетъ вольныя суда за 13.105 руб. асс. Отъ сел. Харбалай, расположеннаго противъ Житнаго бугра, полкъ отплылъ 10-го іюля и черезъ шесть дней, 16-го іюля, высадился на кавказскій берегъ въ Шандруковской пристани.

Въ ожиданіи прибытія полка, генералъ Ермоловъ дѣлалъ приготовленія для его размѣщенія. Онъ предполагалъ поставить гвардейцевъ для отдыха въ Кабардѣ, а зимою расквартировать по казачьимъ станицамъ на Кубани.

Вторженіе персіянъ въ Закавказье измѣнило неожиданно эти планы. Во время дневки въ станицѣ Калиновской на Терекѣ, 26-го іюля, полковникъ Шиповъ получилъ отъ Ермолова предписаніе слѣдовать поспѣшно въ Грузію. Отъ станицы Екатериноградской полкъ повернулъ на югъ, на Военно-Грузинскую дорогу, которая въ половинѣ августа привела его въ Тифлисъ.

Черезъ мѣсяцъ гвардейцы совершили военную прогулку подъ предводительствомъ Ермолова. Побывавъ въ татарскихъ дистанціяхъ, области джарскихъ лезгинъ и въ Нухинскомъ ханствѣ, они возвратились

[1]) Приказъ по гвардейскому корпусу 17-го февраля 1826 г., № 22.
[2]) Дибичъ—Ермолову отъ 7-го марта 1826 г., № 2333.

въ Тифлисъ въ декабрѣ 1826 года. Здѣсь видѣлъ ихъ начальникъ главнаго штаба Дибичъ. Онъ остался доволенъ полкомъ, нашелъ, что «люди сохранили совершенно гвардейскую выправку, хотя при деплоядахъ отстали отъ петербургской гвардіи».

Въ іюнѣ 1827 г. сводный полкъ, въ составѣ главныхъ силъ, выступилъ противъ персіянъ. Онъ участвовалъ въ дѣлахъ подъ Эриванью, первымъ вошелъ въ этотъ городъ послѣ его сдачи, затѣмъ былъ въ Тавризѣ и парадировалъ 8-го ноября 1827 г. передъ принцемъ Аббасъ-мирзою въ Дейкарганѣ, гдѣ велись предварительные переговоры объ условіяхъ мира.

Послѣ окончанія персидской войны гвардейцы получили разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ. Полкъ покинулъ Тифлисъ 7-го іюля 1828 года. Оффиціальныя «Тифлисскія Вѣдомости» (отъ 11-го іюля 1828 г., № 2) напутствовали его слѣдующими словами: «походъ, совершенный въ Персію полкомъ россійской императорской гвардіи, который, прибывъ изъ столицы сѣвера, вступалъ вмѣстѣ съ побѣдоносными войсками кавказскаго корпуса въ столицу Адербиджана, содержалъ почетный караулъ у наслѣдника иранскаго престола и доставилъ въ Грузію персидское золото—есть событие, достойное исторіи. Нынѣ полкъ сей провожаетъ куруры [1]) и трофеи, пріобрѣтенные россійскимъ оружіемъ во время послѣдней войны, между коими находятся: тронъ Аббаса-мирзы, назначенный къ помѣщенію въ Московскую оружейную палату, 7 пушекъ, вылитыхъ персидскими мастерами въ Тавризскомъ литейномъ дворѣ, во время управленія русскими Адербиджанскою областью, и двѣ картины, взятыя въ Уджанскомъ замкѣ, изображающія побѣды Аббаса-мирзы. Но драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищъ для ученаго міра есть Ардебильская библіотека, пріобрѣтенная при взятіи ген.-адъютантомъ графомъ Сухтеленомъ города Ардебиля».

Въ числѣ офицеровъ своднаго полка находился Аркадій Ивановичъ Майборода, бывшій капитанъ Вятскаго пѣхотнаго полка, приславшій императору Александру I въ Таганрогъ доносъ о существованіи тайнаго общества во второй арміи. Послѣ воцаренія Николая I онъ былъ переведенъ, за отличіе по службѣ, тѣмъ же чиномъ въ л.-гв. гренадерскій полкъ. Впослѣдствіи Майборода перешелъ вновь въ армію, отправился опять на Кавказъ и командовалъ (1842 —1844 г.) Апшеронскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Жизнь свою кончилъ онъ самоубійствомъ.

Е. Вейденбаумъ.

---

[1]) По туркманчайскому мирному договору, Персія обязалась уплатить Россіи десять куруровъ золотомъ (20 милліоновъ руб. сер.) въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ. Изъ нихъ около 7 куруровъ были взнесены при самомъ подписаніи договора.

Великій князь Александръ Павловичъ

и

А. А. Аракчеевъ[1]).

(Ихъ переписка).

1.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

23-го сентября 1796 г. С.-Петербургъ.

Алексѣй Андреевичъ! Маіоръ Купреяновъ пишетъ мнѣ, что мое позволеніе нужно, касательно отставки капитана Зарембы, подпоручика Палицына и подпоручика Горяинова; но я не вижу, какъ оно можетъ быть надобно послѣ соизволенія его императорскаго величества. Впрочемъ, если оно потребно, то безъ сомнѣнія я позволяю.

Пользуясь симъ случаемъ, прошу васъ, Алексѣй Андреевичъ, если оное возможно, произвесть изъ младшихъ унтеръ-офицеровъ въ унтеръ-офицеры: Алексѣя Иванова, Луку Левонтьева и Ивана Жукова, которые всѣ три поведенія исправнаго, чѣмъ весьма меня одолжите.

Я не знаю такъ же, смѣю ли я напомнить его императорскому величеству о унтеръ-офицерѣ Крестьянѣ Бекманѣ, котораго онъ изволилъ говорить, что можно будетъ произвесть въ офицеры за его доброе и исправное поведеніе. Оно бы весьма теперь кстати было, потому, что будетъ недостатокъ въ одномъ офицерѣ; а я вѣрно думаю, что онъ не хуже будетъ по крайней мѣрѣ Воронкова. Я бы весьма радъ былъ знать на сіе ваше мнѣніе.

Пребываю впрочемъ вамъ на вѣкъ доброжелательнымъ, Александръ.

---

[1]) Въ то время баронъ Аракчеевъ.

2.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

1-го октября 1796 г. С.-Петербургъ.

Алексѣй Андреевичъ! имѣлъ я удовольствіе получить письмо ваше, я сожалѣю весьма, что маіоръ и офицеръ мой подвергаются наказаніямъ, особливо въ столь легкихъ вещахъ. Надѣюсь, что впредь будутъ рачительнѣе. Чувствительно васъ благодарю, Алексѣй Андреевичъ! за стараніе, которое вы приложили къ моей просьбѣ; мнѣ отмѣнно сіе лестно. Пребываю на вѣкъ вамъ доброжелательный Александръ.

3.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву [1]).

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! сожалѣю душевно о твоей болѣзни и благодарю тебя искренно за письмо. Если у меня будетъ минута времени, то конечно зайду къ тебѣ.

4.

В. к. Александръ Павловичъ—гр. Аракчееву.

При семъ посылаю записку о выборѣ его императорскаго величества въ бригадъ-маіоры. Сохански, я думаю, и во снѣ не грезилъ того.

5.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! сдѣлай мнѣ одолженіе побудь тутъ, когда будутъ спускать мой караулъ, чтобы они чего-нибудь не напутали; а я ѣду въ полкъ. Извини, что я тебя безпокою. Государь приказалъ, чтобы полкъ былъ передъ дворцомъ въ 11-ть часовъ.

6.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Я тебѣ пріятную вѣсть скажу. Мнѣ не прежде выступать, какъ 5-го февраля или 7-го. У меня все готово къ 30-му генваря. Гренадерскія

---

[1]) Нижеслѣдующія четыре письма не имѣютъ датъ, но всѣ относятся къ 1796 году.

роты идутъ всякая при своемъ баталіонѣ. И такъ ты остаешься здѣсь до отъѣзда въ Павловское и всѣ плацъ-адъютанты такъ же. Я внѣ себя отъ радости: только не говори объ этомъ.

7.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

2-го марта 1797 г.

Батюшка ваше императорское высочество, простите меня, если я смѣю обезпокоить васъ симъ моимъ письмомъ. Я въ немъ больше ничего не имѣю, какъ только хочу слышать и знать о вашемъ дражайшемъ здоровьѣ, ибо приверженность моя и усердіе къ вашему императорскому высочеству останется до конца моей жизни.

Доношу вамъ, что я сего числа погребеніе графа Чернышева кончилъ, но только очень поздно окончилось, въ 2 ч. по полудни, стрѣляли очень дурно, а прочее было изрядно, но только грудь моя опять шалитъ и такъ я принужденъ отдыхать въ постели, что меня можетъ и задержать. Осмѣливаюсь, батюшка ваше высочество, напомнить о Генделіусѣ и пребываю на вѣки вашего императорскаго высочества наиусерднѣйшій вѣрно подданный Алексѣй Аракчеевъ.

8.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

4-го марта 1797 г. Павловское.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ!

Получилъ вчерась письмо твое, за которое чувствительно благодарю. Только жаль мнѣ видѣть, что ты недоволенъ своею грудью. Желаю искренно, чтобы она поправилась, и прошу тебя, побереги себя ради Бога. Когда тебѣ совсѣмъ свободно будетъ, то пріѣзжай сюда, мнѣ право скучно безъ тебя.

У насъ разводныя ученья всякій день, и надобно справедливость отдать, что для столь короткаго времени отмѣнно хороши. Сравненія никакого нѣтъ ни съ лейбъ-гренадерами, ни съ кекзгольмскими. Они все дѣлаютъ; только видно, что люди замучены. Въ одномъ Павловскомъ госпиталѣ 80 человѣкъ больныхъ. Ружьемъ дурно дѣлаютъ; маршируютъ прекрасно. Федорову дана шпага, Ватковскому лента 1-го класса.

Вотъ всѣ наши вѣсти.

Сегодня мы были въ Царскомъ Селѣ и нашли караулы въ великой

неисправности. Офицеръ арестованъ и выключенъ изъ службы. Онъ изъ старыхъ нашихъ: Ландсбергъ. Прощай, другъ мой Алексѣй Андреевичъ! я жду тебя съ крайнимъ нетерпѣніемъ и пребываю на весь вѣкъ

Твой искренній и усердный Александръ.

9.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

7-го марта 1797 г.

Батюшка ваше императорское высочество, отъѣзжая отсюда сейчасъ, желаю и прошу Бога, чтобъ даровалъ вамъ здоровья и чтобы скорѣе я васъ могъ увидѣть. Вотъ одно мое желаніе, котораго я больше и на свѣтѣ не имѣю. Если я буду столь счастливъ, что на дорогѣ гдѣ-нибудь получу хотя одно слово, писанное вами, то я отъ радости и удовольствія, конечно, уже буду здоровъ во всю дорогу. Впрочемъ остаюсь на вѣки наивѣрнѣйшій вамъ вѣрноподданный Аракчеевъ.

10.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

10-го марта 1797 г. Новгородъ.

Батюшка ваше императорское высочество, если я вамъ наскучилъ, то простите великодушно тому, который васъ обожаетъ. Въ Новгородъ пріѣхали, кажется, хорошо и весело. Васъ посланъ встрѣчать губернаторъ Митусовъ, человѣкъ очень добрый, честный, котораго конечно ваше высочество будетъ жаловать своею милостію. Донеся объ ономъ и желая добраго здоровья, остаюсь на вѣки усердный вѣрноподданный Аракчеевъ.

11.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

12-го марта 1797 г. Волочекъ.

Батюшка ваше императорское высочество, милостивое ваше письмо я получилъ въ Вышнемъ Волочкѣ, оно меня столь много обрадовало, что я какъ бы онаго ни старался объяснить, но не въ состояніи. Теперь увѣдомлю васъ о нашемъ вояжѣ. Роты ваши гренадерскія очень хороши и въ Валдаѣ, и государь императоръ былъ доволенъ. Но здѣсь, въ Выш-

немъ Волочкѣ, прогнѣвался на капитана, а причина та, что дурно сдѣлали одинъ темпъ ружьемъ, а второе, что изволитъ говорить, для чего въ оной ротѣ много больныхъ, а послѣ я вамъ донесу лично все. Теперь послали меня въ Тверь въ ночь, и я ѣду туда, а тутъ оставилъ нарочно Аристова, дабы онъ посмотрѣлъ до конца отъѣзда. Прошу Всевышняго Бога, чтобы вы были здоровы и чтобъ скорѣе я могъ васъ увидѣть, ибо я почитаю вашего высочества болѣе всего на свѣтѣ и остаюсь вашъ вѣрноподданный и усердный Аракчеевъ.

Вы здѣсь увидите, ваше императорское высочество, дворянскаго предводителя г. Храповицкаго, человѣка рѣдкихъ достоинствъ, который, если будетъ удостоенъ разговора вашего высочества, то конечно оправдаетъ мою смѣлость.

12.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

10-го апрѣля 1797 г. Москва.

Принося мою вѣрноподданную благодарность вашему императорскому высочеству за воспоминаніе обо мнѣ. Оно есть мнѣ первѣйшее утѣшеніе. Но о болѣзни моей доношу вашему императорскому высочеству, что она меня продержитъ долго и тѣмъ она мнѣ несноснѣе, что я лишаюсь видѣть вашего императорскаго высочества, но счастливъ и тѣмъ, что могу называться усерднымъ вѣрноподданнымъ Алексѣй Аракчеевъ. Батюшка, у васъ много слѣдственныхъ дѣлъ; рѣшите и окончите судьбу страждущихъ.

13.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

11-го апрѣля 1797 г. Москва.

Ваше императорское высочество, милость ваша ко мнѣ есть одно мое величайшее лѣкарство, и я, чтобъ видѣть и быть у вашего высочества, то бѣжалъ бы сію минуту, но какъ я теперь не имѣю никакого дѣла, то и рѣшился полѣчиться, чтобъ избавиться своего кашля, который мнѣ очень досаждаетъ.

Простите мнѣ милостиво, что я вчерась напомнилъ вашему высочеству о дѣлахъ и былъ причиною вчерашняго вашего труда, послѣ сдѣланныхъ уже дневныхъ трудовъ, но милостивая вашего высочества душа, конечно, проститъ меня.

Я счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ, ибо смѣю называться усерднымъ вѣрноподданнымъ и преданнымъ Алексѣемъ Аракчеевымъ.

14.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

11-го апрѣля 1797 г. Москва.

Ваше императорское высочество. Вамъ извѣстно, какъ я преданъ вашему высочеству, то и осмѣливаюсь полученное письмо отъ г. генералъ-адъютанта приложить къ вашему высочеству. Я съ удовольствіемъ оный вызовъ принимаю, ибо ваше высочество изволите быть и оное уже для меня велико, хотя я совсѣмъ бездѣльный человѣкъ буду.

Письмо, батюшка, Растопчина прикажите возвратить обратно ко мнѣ, а я пребуду на вѣки усерднѣйшій вамъ вѣрноподданный Алексѣй Аракчеевъ.

15.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

22-го мая 1797 г. Ковно.

Батюшка, ваше императорское высочество, сколь много пріятно мнѣ было получить письмо черезъ князя Николая Васильевича и слышать отъ него, какъ вы обо мнѣ изволили отзываться; оное одному Богу будетъ извѣстно, и я увѣренъ, что Онъ ниспошлетъ оное къ вамъ и ваша милость ко мнѣ да будетъ милостью вѣчно.

Теперь увѣдомляю васъ, что оставленныя вашимъ высочествомъ дѣла по дивизіи у меня въ Вильнѣ и Ковнѣ мною всѣ обработаны, т. е. у всякаго дѣла написано на особливой бумажкѣ, что писать и теперь отправилъ въ Петербургъ къ Апрѣлеву, почему, по пріѣздѣ, батюшка, вашемъ и можете отъ него оныя спросить.

Нынѣ же полученныя дѣла я, батюшка, въ скорости отдѣлаю и доставлю уже къ вашему высочеству прямо. Ахъ! какъ бы мнѣ пріятно было, чтобъ я чаще получалъ отъ васъ таковыя дѣла, тогда бы я былъ спокоенъ и видѣлъ бы, что бѣдный Алексѣй не забытъ и въ Литвѣ.

Я все боюсь, батюшка, чтобъ Апрѣлевъ могъ вамъ угодить, ибо онъ еще молодъ, то и нужно его почаще понукать... Ахъ! если бы я могъ летать всякій день въ Павловское и дѣлать то, что угодно моему батюшкѣ Александру Павловичу.

Увѣдомляю васъ, что я еще въ Ковнѣ, и послѣ васъ съ ума было

сошелъ, полкъ ничего не знаетъ, маршируетъ очень дурно и ружьемъ дѣлаетъ также, словомъ сказать, все очень дурно. И такъ я цѣлый день учился съ утра до вечера, взявъ по 60 человѣкъ изъ роты и составя баталіонъ и теперь похоже на что-нибудь, но только скажу вамъ откровенно, что шефъ Г. добрый человѣкъ, но только не военный. А завтра я уже ѣду въ Вильну; не знаю, найду ли что, когда пріѣду обратно въ Ковно.

Если я столько буду счастливъ, что угодно будетъ писать вашему высочеству, то адресовать въ Вильну, ибо оттуда уже будетъ оныя ко мнѣ доставлять съ нарочными.

Цѣлуя ручку у вашего высочества, остаюсь вѣрный подданный вашъ Аракчеевъ.

16.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву [1]).

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я къ тебѣ не письмо пишу, а цѣлую грамоту, и надѣюсь, что ты простишь по дружбѣ, что я тебя безпокою въ недоумѣніи моемъ и снабдишь меня совѣтомъ. Я получилъ бездну дѣлъ, изъ которыхъ тѣ, на которыя я не знаю какія дѣлать рѣшенія, къ тебѣ посылаю, почитаю лучше спросить хорошаго совѣта, нежели надѣлать вздору. № 1-й. Отъ Мордвинова, который прописываетъ, что по неимѣнію аудитора, нельзя послать другаго офицера для пріема жалованья. — Я думаю за лучшее предписать ему, чтобы онъ выбралъ изъ унтеръ-офицеровъ способнаго къ сей должности, представилъ бы объ немъ ко мнѣ, а покамесь отправилъ бы его для пріема. № 2-й. О разныхъ командированныхъ у него людяхъ, о которыхъ я совсѣмъ не знаю, какое дать рѣшеніе и испрашиваю твоего совѣта.—№ 3-й. Глупые формулярные списки и наконецъ ихъ ротное, еще глупѣе, росписаніе, которое, я думаю, можно ему назадъ отослать съ приложеніемъ нашей формы. № 4-й. О старшинствѣ одного маіора предъ другимъ, отъ него же, о которомъ, я думаю, надлежитъ и государю доложить: буду ждать твоего совѣта. № 5-й. О маіорѣ отъ воротъ, о которомъ я не помню въ уставѣ ничего, а помнится положенъ капитанъ. Я думаю, и о семъ же надобно доложить государю. № 6-й. О образцѣ мундира его полку. Я удивляюсь, какъ ему не выданъ образецъ вмѣстѣ съ прочими отъ князя Долгорукова Кекзгольмскаго полковника. Я не знаю такъ же, можно ли мнѣ безъ до-

[1]) Письмо это напечано Н. К. Шильдеромъ въ приложеніи (стр. 284) къ 1-му тому его труда „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“. Здѣсь оно помѣщается для полноты собранія писемъ.

кладу отпустить его офицеровъ для обмундированія въ Петербургъ; и что поэтому рѣшить, прошу тебя, снабди меня совѣтомъ. № 7-й и 8-й. Отъ Колюбакина изъ Шлиссельбурга, о неимѣніи совсѣмъ своего полка: о чемъ также не знаю, какъ рѣшить и спрашиваю твоего мнѣнія. № 9-й. Отъ Кобанова. № 10-й списокъ по старшинству, въ которомъ онъ показываетъ штабсъ-капитановъ выше капитановъ, и они у него выбраны въ самомъ дѣлѣ изъ старшихъ повидимому капитановъ, въ чемъ, я думаю, надобно ему растолковать надлежащій порядокъ. № 11-й. Глупое ротное росписаніе, въ которомъ онъ показываетъ много не явившихся офицеровъ. № 12-й. Дневной рапортъ по формѣ. № 13-й. Вѣдомость о унтеръ-штабѣ отъ Ламберта, въ которой онъ показываетъ одного подпоручика при мнѣ. Я совсѣмъ не помню, кого онъ разумѣетъ. № 14-й. Его же ротное росписаніе, въ которомъ показано въ подполковничей ротѣ пустое мѣсто подпоручика повидимому того же, котораго онъ числитъ при мнѣ. № 15-й. Отъ Бѣлозерскаго полка о причисленіи поповичей въ полкъ безъ позволенія моего, котораго, кажется, онъ могъ и ожидать; какъ ты думаешь? № 16-й. Изъ Нарвы отъ Тизенгаузена ротное глупое росписаніе. № 17-й. Списокъ по старшинству офицерамъ по формѣ. № 18-й. Его же рапортъ. № 19-й. Отъ военной коллегіи о лѣкарѣ Набокова полка, спрашиваю твоего совѣта. № 20-й. Отъ Буксгевдена о обозѣ его полку. Что ты объ ономъ думаешь? № 21-й. Отъ Салтыкова объ полотнѣ фламскомъ. № 22-й. Указъ объ спискахъ. Я думаю, что сіе излишнее и посылать, потому, что я подаю мѣсячный рапортъ, и такъ я могу и списки вмѣстѣ подавать, какъ ты думаешь? По счастію, мы рано пріѣхали на ночлегъ, и я все успѣлъ кончить. Прочія бумаги я самъ разрѣшилъ, которыхъ конечно было вдвое столько же, если не болѣе. Прости мнѣ, другъ мой, что я тебя безпокою, но я молодъ и мнѣ нужны весьма еще совѣты: и такъ я надѣюсь, что ты ими меня не оставишь. Прощай, другъ мой! Не забудь меня и будь здоровъ. Александръ.

17.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

27-го мая 1797 г. Вильна.

Батюшка ваше императорское высочество! Прилагая у сего всѣ присланныя отъ васъ бумаги, на которыя я написалъ и отвѣтъ куда слѣдовало, только когда изволите подписать, то прикажите заномерить и оставить копіи. Всѣ вашего высочества назначенія справедливы, какъ изволите усмотрѣть изъ отвѣтовъ. Государю не нужно докладывать о маіорѣ отъ воротъ, ибо оно въ уставѣ есть на 146 страницѣ и оная

вить должность чину не перемѣняетъ. О образцовомъ мундирѣ я сдѣлалъ, чтобъ дать знать Солтыкову; офицеровъ изъ Кронштадта отпускать безъ позволенія государя не можно. О томъ, что Колюбакинъ не имѣетъ еще своего полка, вашему высочеству надобно сказать императору. Ламбертъ показываетъ подпоручика адъютантомъ при себѣ, ибо вить онъ былъ инспекторомъ пѣхоты С.-Петербургской дивизіи. Объ офицерскихъ спискахъ я думаю вотъ что: оное сдѣлали господа генералъ-адъютанты; и что они съ ними будутъ дѣлать? Со всей Россіи столько будетъ оныхъ списковъ и успѣютъ ли онѣ всякій мѣсяцъ ихъ прочитать. Однако уже лучше ваше высочество прикажите отъ себя всякой мѣсяцъ при рапортѣ готовить и отдавать.

Теперь дозвольте донести вашему высочеству о себѣ,что я, пробывъ въ Ковнѣ шесть дней, сдѣлалъ хорошее начало въ полку и нынѣ, пріѣхавъ обратно въ Вильну, учусь уже баталіонами, а перваго числа поѣду въ Брестъ-Литовскій. Я нынѣ болѣе ничего не желаю, какъ только слышать о вашемъ высочествѣ, благополучно ли изволили доѣхать, и если я буду счастливъ полученіемъ онаго извѣстія, то я принесу Богу благодарность.

Не видя вашего высочества лично каждый день, желалъ бы хотя смотрѣть на портретъ вашего высочества, который бы я почиталъ дороже всего на свѣтѣ. Впрочемъ, прося о продолженіи высочайшей вашего высочества милости, пребуду на вѣки усерднымъ и первымъ вѣрноподданнымъ Аракчеевъ.

Я послалъ къ императору письмо, не изволите ли узнать, какъ оно будетъ принято.

18.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

1-го іюня (1797), городъ Гатчина.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! съ вчерашняго числа я получилъ три твоихъ письма, что меня весьма порадовало: первое отъ 22-го мая изъ Ковно; 2-е отъ 27-го мая изъ Вильны и 3-е того же числа, вмѣстѣ съ дѣлами, за обработываніе которыхъ тебя, любезный другъ, чувствительно благодарю. И скажу тебѣ, что мнѣ отмѣнно утѣшно видѣть, что ты меня не забываешь; во мнѣ же тебѣ нечего сумнѣваться. Я не перемѣнчивъ.

Я приказалъ снять со всевозможною точностью рисунки со всѣхъ повозокъ и тебѣ пришлю, какъ скоро готовы будутъ.

При семъ препровождаю къ тебѣ бумаги Мелисина, которыя госу-

дарь мнѣ приказалъ къ тебѣ отослать, чтобы ты по мнѣнію своему отвѣты учинилъ. Я радъ очень видѣть, что я не одинъ прибѣгаю къ твоему мнѣнію.

У насъ новаго, что Архаровъ въ немилости и запрещено ему къ государю прямо адресоваться, а приказано все черезъ меня иттить: что мнѣ навалило много работы, но благодаря Бога по-немногу справляюсь, что уже будетъ очень мудрено, то спрошусь твоего совѣта, любезный другъ,

Жаль мнѣ очень, что Екатеринославскій полкъ тебѣ много хлопотъ надѣлалъ. За твое же стараніе благодарю и прошу тебя, что если тебѣ какая нужда будетъ, то пиши всегда ко мнѣ, я съ радостію буду ее исправлять. Прощай, другъ мой! будь здоровъ. Шиколадъ вскорѣ къ тебѣ пришлю, а если успѣю, то и сегодня, Александръ.

19.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

9-го іюня 1797 г. Пружаны.

Батюшка ваше императорское высочество!.. Сколь я много обрадовался письму вашего высочества, оное одному Богу извѣстно и благодарю Его Всевышняго, что Онъ даровалъ случай присылкою оныхъ артиллерійскихъ бумагъ, и если Его есть святая воля ниспосылать ко мнѣ свои милости, то я другихъ никакихъ не желаю, какъ только чаще слышать о дражайшемъ здоровьѣ вашего высочества.

Бумаги я, батюшка, разсмотрѣлъ; онѣ справедливы и прилагаю объ нихъ два отвѣта, первый содержитъ только краткій отвѣтъ, а второй содержитъ и положеніе покупки оныхъ недостающихъ лошадей, но я боялся одно оное послать, ибо чтобы не сказали, что я хочу учить и умничаю, то и полагаюсь на милость и волю вашего высочества, который нужно, то и изволите подать.

О себѣ всеподданнѣйше доношу, что я нынѣ въ Пружанахъ и дня черезъ три поѣду въ Брестъ-Литовскій въ Апшеронскій полкъ. Егерскіе полки гг. подполковниковъ кн. Багратіона и Чубарова сами въ себѣ довольно хороши и скоро поняли, хотя ничего не знали, но нужно мнѣ, батюшка, егерскаго волторниста, о которомъ я въ другомъ письмѣ пишу нарочно, иногда нужно будетъ вамъ государю показать.

Я всегда, батюшка, увѣренъ въ себѣ былъ, что г. Архарова Богъ когда-нибудь да накажетъ. А что касается до трудовъ вашего высочества, то я, прося Бога, чтобъ Онъ только подкрѣпилъ ваше здоровье, радуюсь, что отъ такого человѣка, каковъ г. Архаровъ, дѣла идутъ черезъ руки

вашего высочества, ибо конечно уже не будетъ никого несчастныхъ и государь нашъ императоръ ни въ чемъ не прогнѣвается и не принужденъ будетъ къ принужденному наказанію.

Прилагаю у сего письмо къ государю императору, которое конечно уже ваше высочество по своей милости изволите подать, избравъ хорошій (случай?) и видя всякую минуту вашего высочества ко мнѣ милости, осмѣлился просить васъ приказать дать мнѣ знать, каково изволитъ принять мои бумаги г. и. и который мой отвѣтъ изволите подать.

Шеколадъ, батюшка, ваше высочество, получилъ и не имѣю силъ за всѣ ваши милости всеподданнѣйше благодарить, но несчастливъ тѣмъ, что вы не изволили отписать о своемъ дражайшемъ здоровьѣ.

Впрочемъ препоручая себя въ милости вашего высочества и цѣлуя ручки ваши, остаюсь на вѣки, называя себя смѣло и не зазорно предъ своею совѣстью вѣрнѣйшимъ вашимъ подданнымъ. Генералъ-квартирмистръ и кавалеръ баронъ Аракчеевъ.

20.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

6-го іюля 1797 г. Петергофъ.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! нѣсколько разъ сбирался тебя поблагодарить за послѣднее письмо твое, но всегда какая-нибудь помѣха отвлекала меня отъ сего для меня пріятнаго упражненія. Наконецъ рѣшился ночь на оное употребить и теперь, во второмъ часу ночи, къ тебѣ пишу. Завтра, другъ мой, ѣдемъ на море.

Желаю искренно, чтобы противный вѣтеръ принудилъ насъ скорѣе назадъ возвратиться.

Отвѣтъ твой и письмо на артиллерійскія бумаги очень полюбились государю и по онымъ посланы повелѣнія къ Мелесино. Я ему отдалъ долгій отвѣтъ, и короткаго не показывалъ. Ты мнѣ крайне не достаешь, другъ мой, и я жду съ большимъ нетерпѣніемъ той минуты, когда мы увидимся. Прощай, другъ мой! при семъ посылаю Егерскаго волторниста котораго ты просилъ. Александръ.

21.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

17-го іюля 1797 г. С.-Петербургъ.

Батюшка ваше императорское высочество. Въ должность коменданта вчерашняго числа я вступилъ.—Дай Боже, чтобъ я скорѣе могъ ра-

портъ къ вамъ носить по-прежнему. Квартиры моего баталіона я осмотрѣлъ, которыя сдѣланы очень дурно; во-первыхъ, духота страшная и во-вторыхъ, комнаты всѣ по одной сажени величиною, то я и дѣлаю нынѣ планъ, какъ оное поправить, и представлю къ вашему императорскому высочеству.

Испрашиваю вашей высочайшей милости: мой баталіонъ ходитъ въ полковой караулъ въ полкъ, но какъ мнѣ нужно въ моихъ квартирахъ имѣть свой караулъ, ибо уже и случилось, что ночью украли нѣсколько рубашекъ у солдатъ, то и позволить мнѣ оный учредить, а въ полкъ уже не ходить.

Изъ моего баталіона наряжаются офицеры по полку дежурными, но, какъ извѣстно вашему высочеству, разстояніе отъ моего баталіона до полка, то и сдѣлать высочайшую милость ко всѣмъ моимъ офицерамъ имѣть дежурство особо при своемъ баталіонѣ.

Цѣлую высочайшія ваши ручки, остаюсь вѣрноподданный баронъ Аракчеевъ.

22.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

19-го іюля 1797 г. С.-Петербургъ.

Батюшка ваше императорское высочество! Осмѣлился принесть къ вашему императорскому высочеству первую мою просьбу, касающуюся уже именно до меня. Послѣ сломанныхъ домовъ, на которомъ теперь строятся экзерциргаузъ въ Милліонной, осталися отъ оныхъ домовъ по Мойкѣ назади экзерциргауза флигели, а именно отъ Брюсова дому, отъ стараго почтамта и отъ купленнаго въ казну Захарова дома; но какъ я квартиру имѣя во дворцѣ не имѣю конюшни, сараевъ и для жительства своихъ людей мѣста, то сдѣлайте высочайшую милость, батюшка, ваше императорское высочество, доложите государю императору, чтобъ оные флигели мнѣ пожалованы были; они хотя теперь и переломаны, но я, употребя на поправку ихъ тысячъ шесть, буду имѣть у себя уже маленькій собственный домъ.

Ваша милосердая душа, конечно, мнѣ исходатайствуетъ отъ государя императора оную милость, ибо кромѣ вашего императорскаго высочества я никого не имѣю.

Генералъ-квартирмистръ и кавалеръ баронъ Аракчеевъ.

23.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

6-го августа 1797 г. С.-Петербургъ.

Батюшка ваше императорское высочество! Благодарю Бога и ваше высочество за высочайшее ваше письмо, которое всегда мнѣ дѣлаетъ величайшее утѣшеніе въ моихъ обстоятельствахъ. Я не смѣлъ писать, думая, дабы не прогнѣвить и не наскучить вашему высочеству, знаю, сколь много нынѣ заняты и безъ моихъ пустяковъ. Простите, мнѣ ваше императорское высочество, что я два раза въ небытность графа по дурацкой своей охотѣ училъ разводы вмѣстѣ и въ оное время случился вашего высочества полкъ. Я болѣе объ немъ ничего не могу сказать, какъ только, что онъ очень хорошъ.

Здоровье ваше меня безпокоитъ болѣе всего, и я желалъ бы, чтобы Богъ представилъ вашему высочеству мою усердность въ полномъ ея видѣ, тогда бы я былъ увѣренъ въ вашихъ ко мнѣ милостяхъ,

Пріѣздъ мой въ Павловскъ зависитъ отъ приказанія вашего высочества. Что я получилъ вчерась съ нарочнымъ фельдъегеремъ, то прилагаю копію и остаюсь на вѣки вѣрнымъ вашимъ вѣрноподданнымъ, баронъ Аракчеевъ.

24.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Сего 11-го августа 1797 г. Новгородъ

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Не хочу никакъ пропустить случай тебя поблагодарить за два письма, которыя я съ чувствительнымъ удовольствіемъ получилъ, и тебя увѣрить въ искренней моей привязанности и дружбѣ. Я слава Богу здоровъ и желаю, чтобы и ты таковъ же былъ. Прощай, другъ мой! не забывай старыхъ друзей. Но смотри ради Бога за Семеновскими.

25.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

11-го августа 1797 г. С.-Петербургъ.

Батюшка ваше императорское высочество! Видно мое такое счастіе, что мнѣ опредѣлено во всю жизнь мучиться; но не знаю, будетъ ли мо-

*

ихъ силъ, чтобъ что-нибудь съ онымъ полкомъ сдѣлать, а я думаю, что онъ сдѣлаетъ, что я скоро умру. Войдите въ мое положеніе: какъ мнѣ можно будетъ взыскивать, ибо у меня три генералъ-маіора въ командѣ и я такой же, то можетъ ли тутъ быть хорошая субординація. То и отъ меня ваше императорское высочество изволите получить скоро просьбу объ увольненіи. Со всѣми сими скуками я очень радъ о вашемъ пріемѣ и благодарилъ за оное Бога. А въ отставку уже, батюшка, я за васъ пойду, ибо вамъ нельзя потому, что Семеновскій полкъ очень хорошъ и какъ вчерась учился вашъ баталіонъ, то я никогда и ничего лучше не видывалъ, а что сегодня будетъ, то объ этомъ завтра узнаете, а я вчерась съ Александромъ Михайловичемъ вашимъ обѣдалъ вмѣстѣ у меня. Ну ужъ баталіонъ вашъ на славу прекрасенъ. Я, батюшка, замучился съ артиллеріею, ибо очень дурно и худо идетъ. Болѣе ничего не имѣю, какъ только цѣлуя ваши обѣ ручки остаюсь на всю жизнь вѣрнѣйшій вашъ вѣрноподданный баронъ Аракчеевъ.

26.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Августа 12-го 1797 г.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Генералъ-маіоръ Талызинъ просилъ меня его рекомендовать тебѣ: что я и дѣлаю съ отмѣнною охотою, потому что онъ человѣкъ отмѣнно хорошій и офицеръ рѣдкой справедливости.—Я прошу тебя, пріими его хорошенько и снабжай его нужными совѣтами, которые, я увѣренъ, онъ потщится исполнить съ обычною его ревностію, и чѣмъ ты отмѣнно меня одолжишь.

Пребываю на вѣкъ твой искренній Александръ.

27.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

12-го августа 1797 г.

Батюшка ваше императорское высочество! Гдѣ ваше слово, тутъ я жертвую жизнью. Генералъ-маіора Талызина я принялъ хорошо и буду стараться его любить и учить, а что не хорошо, то поправлять, ибо я думаю ваше высочество изволитъ мнѣ оное позволить. Хочется, батюшка, очень знать о маневрѣ вашемъ въ разсужденіи васъ и цѣлуя руку вашу, остаюсь вѣрный вашъ вѣрноподданный баронъ Аракчеевъ.

28.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву [1]).

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! что тебѣ сдѣлалось? отпиши мнѣ подробнѣе о своемъ здоровьѣ. Мнѣ весьма грустно безъ тебя и еслибы не праздники, я бы къ тебѣ поѣхалъ. Дѣла всѣ вчера ввечеру кончилъ —въ Москвѣ.

29.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я пересказать тебѣ не могу, какъ я радъ, что ты съ нами будешь. Это будетъ для меня великое утѣшеніе и загладитъ нѣкоторымъ образомъ печаль разлуки съ женою, которую мнѣ, признаюсь, жаль покинуть.—Одно у меня безпокойство, это твое здоровье. Побереги себя ради меня.

30.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! При семъ сообщаю рѣшенныя три дѣла, мѣсячный рапортъ и списокъ офицерамъ отъ Ватковскаго, рапортъ отъ генерала-отъ-инфантеріи Каховскаго объ генеральскомъ адъютантѣ, желающемъ служить въ Бѣлозерскомъ полку; отъ Свистунова изъ военной коллегіи сообщенія, касательно до ружей Павловскаго гренадерскаго полка и требованіе отъ Вязмитенова сторожа въ академію. Отъ Архарова три рапорта о полученіи моихъ орденовъ и печатныя копіи изъ военной коллегіи двухъ указовъ.

Впрочемъ, другъ мой, у насъ все благополучно. Сегодня только у насъ не веселы. Получили извѣстіе, что свадьба съ шведскимъ королемъ совсѣмъ разорвалась. Я по счастію не выйду сегодня; насморкъ все меня мучитъ. Каковъ-то ты въ своемъ здравіи и скоро ли будешь къ намъ? Я въ отмѣнномъ нетерпѣніи тебя видѣть. Твой искренній Александръ.

---

[1]) Нижеслѣдующія письма, безъ датъ, относятся къ 1797 году.

31.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Какъ я радъ, что ты пріѣхалъ. Съ отмѣннымъ нетерпѣніемъ жду ту минуту, въ которую съ тобой увижусь.

32.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! письмо твое получилъ, за которое чувствительно и благодарю. Касательно до полковаго караула, я напишу повелѣніе Голицыну о учрежденіи караула. Оный сдѣлай по твоему разсмотрѣнію. Прощай, другъ мой! будь здоровъ. Александръ.

33.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Государь мнѣ приказалъ дать знать Карпову, что онъ давичѣ замѣтилъ, что у нѣкоторыхъ офицеровъ темляки золотые съ чернымъ; то, чтобы они носили настоящіе темляки, если они имѣютъ офицерскіе чины, а ежели не имѣетъ кто офицерскаго чина, чтобы не носилъ темляка. Пожалуйста пошли объ этомъ ему дать знать.

34.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Я такъ давно къ тебѣ писемъ не писалъ, то не хочу пропустить сей случай, что за болѣзнію задержанъ дома.

У насъ чудеса дѣлаются. Тревога за тревогой, вчерашняя имѣла дурныя послѣдствія: два офицера преображенскіе были разжалованы въ солдаты, но послѣ, слава Богу, опять прощены.

Государь мнѣ также приказалъ тебѣ сказать, чтобы ты изобрѣлъ, что удобнѣе будетъ присоединить: гвардейскій баталіонъ артиллерійской къ большому ученію всей артиллеріи, или особо Канабиху заставить сдѣлать въ Гатчинѣ для одного онаго баталіона.

Теперь, другъ мой, у меня есть моя просьба до тебя. Пожалуй пиши ко мнѣ, каковы бываютъ мои разводы и ученья и въ чемъ ошибки и неисправности состоятъ? Я слышалъ, что Голицынъ не умѣлъ сдѣлать каре. Я объ ономъ уже писалъ Карсакову, чтобы впредь сего не случалось. Отпиши мнѣ о семъ приключеніи и пожалуй впредь муштруй ихъ хорошенько въ ученыхъ: чѣмъ ты крайне обяжешь того, который на весь вѣкъ свой останется твоимъ истиннымъ другомъ и который желаетъ нетерпѣливо, чтобы ты пріѣхалъ въ Павловскъ. Александръ.

35.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Чувствительно тебя благодарю за письмо, а особливо за твою довѣренность, которая для меня весьма лестна; я надѣюсь, что ты увѣренъ въ полной моей къ тебѣ. Я божусь, что это наговорилъ каналья Ватковскій, которому я подобнаго не видывалъ.

Одно мнѣ непріятно было въ письмѣ твоемъ; это то, что ты боишься наскучить мнѣ своими письмами. Ты, я думаю, довольно долженъ быть увѣренъ, сколько они мнѣ пріятны. Итакъ я всегда тебѣ буду благодаренъ, когда въ свободный часъ ты мнѣ что-нибудь напишешь.

Еще я могу тебѣ попреку сдѣлать въ томъ, что ты не отвѣчалъ на мой вопросъ, касательно до ошибки въ строеніи каре. Я признаюсь тебѣ, что похвала, которую ты дѣлаешь о моемъ полку, походитъ немного на критику. Итакъ, по дружбѣ, прошу тебя, объясни мнѣ подробнѣе о недостаткахъ и неисправностяхъ.

Завтра у насъ маневръ. Богъ знаетъ какъ пойдетъ? Я сомнѣваюсь, чтобы хорошо было. Я хромой. Въ проклятой фальшивой тревогѣ помялъ опять ту ногу, которая была уже помята въ Москвѣ, и только что могу на лошади сидѣть; а ходить способу нѣтъ; и такъ я съ постели на лошадь, а съ лошади на постель. Ты говоришь, другъ мой, что отъ меня зависитъ пріѣздъ твой въ Павловское. Если такъ, пріѣзжай не отмѣнно какъ скорѣе. Пребываю на вѣкъ тебѣ вѣрнымъ другомъ Александръ.

36.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Пожалуй, сдѣлай мнѣ одолженіе и отошли содержавшагося семеновскаго гренадера Стрелябина въ полковой онаго караулъ, чтобы тамъ его содержать и объ немъ не рапор-

товать, потому что онъ оставленъ только для одной справки, а другаго мушкатера Луку Леонтіева прикажи не прежде надъ нимъ экзекуцію дѣлать, какъ въ субботу, а содержать его подъ именемъ рядоваго генералъ-маіора Колюбакина полку, въ который я его опредѣлилъ. Пребываю на вѣкъ твой искренній другъ Александръ.

37.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Съ крайнимъ сокрушеніемъ долженъ тебѣ сказать, что государь приказалъ тебѣ принять полкъ отъ Голицына, котораго отпустилъ въ отставку. Я говорю съ сожалѣніемъ потому, что ты этого боишься. Впрочемъ, для полка это отмѣнно хорошо, и я предвижу, что онъ перещеголяетъ всѣ наши. Теперь я долженъ твое желаніе исполнить и сказать тебѣ, что меня очень хорошо сегодня приняли и ничего о прошедшемъ не упоминали. Еще вчерась мнѣ милостивые отзывы были, чрезъ мою жену, такъ, какъ напримѣръ: чтобы я не сердился на него и тому подобныя. Впрочемъ, сіе не перемѣняетъ моего желанія иттить въ отставку, но по несчастію мудрено, чтобы оно сбылось.

Отпиши мнѣ, каково училъ мой баталіонъ, да, пожалуй, не шутя, а скажи сущую правду, безъ обиняковъ; это одна благодарность, которую я требую за пару штановъ, которую я подарилъ на твой баталіонъ.

Прощай, другъ мой! будь здоровъ и не забудь меня. Твой вѣрный другъ Александръ.

38.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Я нѣсколько разъ собирался тебѣ писать, но всегда отвлеченъ былъ какой-нибудь помѣхой. Наконецъ, сегодня нашелъ случай.

Вчерашняго числа государь мнѣ отдалъ присланный отъ тебя счетъ о обмундированіи полка и приказалъ, чтобы я съ тобою списался, чтобъ шить мундиры своими солдатами, что и убавитъ счетъ.

Я нашелъ, впрочемъ, цѣны отмѣнно дешевы, о чемъ и донесъ государю. Въ осторожность тебя предъувѣдомляю, что однѣ пуговицы до-

роги и что мнѣ за 14 коп. портище дѣлаютъ. Ты отъ меня спроси у Путилова, онъ тебѣ скажетъ, кто мнѣ ихъ дѣлаетъ.

Я приказалъ Апрѣлеву вчерась тебѣ отписать, чтобы ты погодилъ дѣлать басонъ на нашивки и кисточки, потому что государь заказалъ другаго фасона для образца. На музыкантовъ, однако же, можно дѣлать.

Для уплаты за пуговицы уговорись съ купцомъ, чтобы онъ взялъ старыя, которыя гораздо больше.

У насъ, впрочемъ, довольно смирно идетъ. Я жду съ нетерпѣніемъ возвращенія въ городъ; тамъ чаще, другъ мой, будемъ вмѣстѣ.

Прощай, будь здоровъ, твой вѣрный другъ Александръ.

39.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Алексѣй Андреевичъ! Государю угодно, по моему докладу, чтобы выранжированныя лошади Кавалергардскаго полка были приняты въ Преображенскій полкъ и употреблены, которыя годятся въ вьючныя, а другія въ подъемныя: о чемъ уже отъ меня и писано къ Дотишану.

Вчерашняго числа ушелъ человѣкъ изъ его величества роты. Чертковъ ко мнѣ приходилъ и спрашивалъ: что ему дѣлать? Такъ какъ сегодня ученья, то я боялся, если онъ доложитъ, чтобы государь не разсердился и тѣмъ бы испортилось ученье. Я ему говорилъ, чтобы онъ не докладывалъ; а тебя объ ономъ нарочно увѣдомляю для того, чтобы ты, если хочешь, можешь показать его въ дневномъ большомъ рапортѣ не ночующихъ изъ тѣхъ людей, которые остались въ Петербургѣ въ околодкѣ больными, или совсѣмъ объ немъ ничего не сказывать.

Прощай, другъ мой! будь здоровъ. Твой вѣрный другъ Александръ.

40.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Искренне сожалѣю, что ты нездоровъ, а особливо, что кровью харкалъ. Ради Бога побереги себя, если не для себя, то по крайней мѣрѣ для меня. Мнѣ отмѣнно пріятно видѣть твои расположенія ко мнѣ. Я думаю, что ты не сумнѣваешься въ моемъ и знаешь, сколь я тебя люблю чистосердечно. Александръ.

41.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Государь приказалъ, чтобы попрежнему ходило во внутренній караулъ два конной-гвардіи офицера, съ тѣмъ различіемъ, чтобы одинъ съ половиною людей, становился на старомъ мѣстѣ, а другой съ другой половиной, на мѣстѣ кавалергардовъ, и посты бы между ними раздѣлить, включая и кавалергардскій постъ.

Гренадерамъ стать на прежнемъ мѣстѣ возлѣ большой церкви, гдѣ зимою стояли; унтеръ-офицерскій постъ предъ этой комнатой: что все и учредить завтра къ пріѣзду.

Встрѣчи никакой не надобно, гусаровъ поставить по-прежнему же возлѣ параднаго крыльца.

Фронтъ конной гвардіи, которая будетъ стоять въ кавалергардской, надобно поставить спиною къ новой стѣнѣ, между двухъ дверей, лицомъ къ той дирекціи, на которой они прежде стояли. Фронтъ же тѣхъ, которые возлѣ императрицы поставить, гдѣ самъ лучше изобрѣтешь.

Прощай, другъ мой! Будь здоровъ. Я съ нетерпѣніемъ жду тебя увидѣть и радуюсь отмѣнно, что по-старому часто вмѣстѣ будемъ. Твой вѣрный другъ Александръ.

42.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

22-го марта 1798 г. Грузино.

Батюшка ваше императорское высочество! Простите меня, всемилостивѣйшій государь, что я осмѣлился безпокоить ваше императорское высочество, которое произошло отъ унынія моей души, а отъ онаго и повезли меня отчаянно больнаго въ Вышній-Волочекъ.

Всемилостивѣйше пожалованную мнѣ государемъ императоромъ отставку получилъ и приношу рабскую мою благодарность; но безпокоюсь, дабы я предъ лицемъ государя императора не былъ неблагодарнымъ. Тѣмъ болѣе меня безпокоитъ, что отставка моя послѣдовала на другой день моего выѣзда изъ С.-Петербурга, которому отъѣзду причина вашему императорскому высочеству извѣстна. Я хотѣлъ дать спокойствіе всѣмъ тѣмъ людямъ, которымъ непріятно было еще мое пребываніе

въ Петербургѣ. Откланяться же государю императору не осмѣлился, бывъ уже въ отпуску.

Объяснивъ все оное вашему императорскому высочеству, предаю себя въ единое покровительство вашего императорскаго высочества, увѣренъ будучи, что если нужно и мое оправданіе справедливо(е), то конечно ваше императорское высочество предъ государемъ императоромъ защитите меня. Всевышній Богъ да накажетъ меня нынѣ въ моей болѣзни, если я не былъ всегда усерденъ къ службѣ его императорскаго величества.

При всѣхъ моихъ нынѣшнихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, единое еще есть утѣшеніе, что смѣю, повергаясь къ вашему императорскому высочеству, называться вѣрноподданнымъ. Баронъ Аракчеевъ.

43.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

7-го мая 1798 г. Валдай.

Любезный другъ, Алексѣй Андреевичъ! Подъѣзжая къ Вышнему-Волочку, душевно бы желалъ тебя увидѣть и сказать тебѣ изустно, что я такой же тебѣ вѣрный другъ, какъ и прежде. Признаюсь однако же, что я виноватъ предъ тобою и что давно къ тебѣ не писалъ; но ей-Богу отъ того произошло, что я не имѣлъ минуты для себя времени, и я надѣюсь, что ты довольно меня коротко знаешь, чтобы могъ усомниться на минуту обо мнѣ. Если же ты сіе сдѣлалъ, то по чести согрѣшилъ и крайне меня обидѣлъ, но я надѣюсь, что сего не было. Прощай, другъ мой! не забудь меня и пиши ко мнѣ: чѣмъ ты меня крайне одолжишь. Такъ же поболѣе смотри за своимъ здоровьемъ, которое, я надѣюсь, поправится, по крайней мѣрѣ, желаю онаго отъ всего сердца и остаюсь на вѣкъ твой вѣрный другъ Александръ.

44.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Богъ мнѣ даровалъ дочь и очень счастливо.

45.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

29-го іюля 1798 г. Петергофъ.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Я имѣю порученіе отъ государя тебѣ написать, что онъ имѣетъ нужду до тебя, и чтобы ты пріѣхалъ къ нему. Я отмѣнно радуюсь сему случаю, который мнѣ причинитъ веселіе тебя видѣть, чего уже я давно желаю. Исполнивъ волю государя, не остается мнѣ другаго, какъ пожелать тебѣ отъ искренняго сердца здоровья и хорошаго пути. Прощай, другъ мой! твой вѣрный другъ Александръ.

46.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

31-го августа 1799 г. Гатчино.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Искренно тебя благодарю за письмо твое и за поздравленіе, и если, что одно могло меня безпокоить, то конечно сомнѣніе, которое ты имѣешь обо мнѣ и котораго я никогда не заслуживалъ моею привязанностію къ тебѣ. Жаль мнѣ, что давно тебя не видалъ; но, зная причины, нахожу весьма нужно имъ повиноваться. Прощай, другъ мой! Пребываю на всегда тебѣ искренній Александръ.

47.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

15-го октября 1799 г. Гатчино.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Я не хотѣлъ прежде тебѣ отвѣчать, нежели исполню желаніе твое. Вчерась я говорилъ Васильеву объ лѣкарѣ, и онъ согласился его опредѣлить по-прежнему въ Ораніенбаумъ; а такъ какъ у меня тамъ уже есть одинъ, такъ онъ и будетъ оставаться въ твоемъ распоряженіи, и ты можешь его вести куда хочешь.

Я надѣюсь, другъ мой, что мнѣ нужды нѣтъ тебѣ при семъ несчастномъ случаѣ возобновлять увѣреніе о моей непрестанной дружбѣ; ты

имѣлъ довольно опытовъ объ ней, и я увѣренъ, что ты и не сомнѣваешься. Повѣрь, что она никогда не перемѣнится.

Я справлялся вездѣ о помянутомъ твоемъ ложномъ донесеніи, но никто объ немъ ничего не знаетъ, и никакой бумаги такого рода ни отъ кого совсѣмъ въ государеву канцелярію и не входило; а государь, призвавши Ливена, продиктовалъ ему самъ тѣ слова, которыя стоятъ въ приказѣ. Если что-нибудь было, то съ побочной стороны. Но я вижу по всему дѣлу, что государь воображалъ, что покража въ Арсеналѣ была сдѣлана по иностраннымъ наученіямъ. И такъ какъ уже воры сысканы, какъ уже, я думаю, тебѣ и извѣстно, то онъ ужасно удивился, что обманулся въ своихъ догадкахъ. Онъ за мною тотчасъ прислалъ и заставилъ пересказать, какъ покража сдѣлалась; послѣ чего сказалъ мнѣ: «я былъ все увѣренъ, что это по иностраннымъ проискамъ». Я ему на это отвѣчалъ, что иностраннымъ мало пользы будетъ въ пяти старыхъ штандартахъ. Тѣмъ и кончилось. Про тебя же ни слова мнѣ не говорилъ и видно, что ему сильныя внушенія на тебя сдѣланы, потому что я два раза просилъ за Апрѣлева, который и дѣла совсѣмъ съ тѣмъ не имѣлъ, но онъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ согласиться, ни почему иному, кажется, какъ по тому, что Апрѣлевъ отъ тебя шелъ. Прощай, другъ мой Алексѣй Андреевичъ! не забывай меня, будь здоровъ и думай, что у тебя вѣрный во мнѣ другъ остается. Александръ.

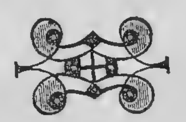
48.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

12-го декабря 1799 г.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Чувствительно благодарю тебя за твое письмо и за поздравленіе меня съ рожденіемъ. Твоя дружба всегда для меня будетъ весьма пріятна, и повѣрь, что моя не перестанетъ на вѣкъ. Я самъ боленъ. Когда же тебѣ получше будетъ, то пріѣзжай ко мнѣ; мнѣ крайняя нужда съ тобою видѣться и переговорить о довольно значущихъ вещахъ, касающихся до тебя.

Сообщ. **Н. Д.**

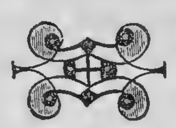
Подарокъ москвичей князю Волконскому по случаю привезеннаго имъ извѣстія о вступленіи на престолъ императора Петра III.

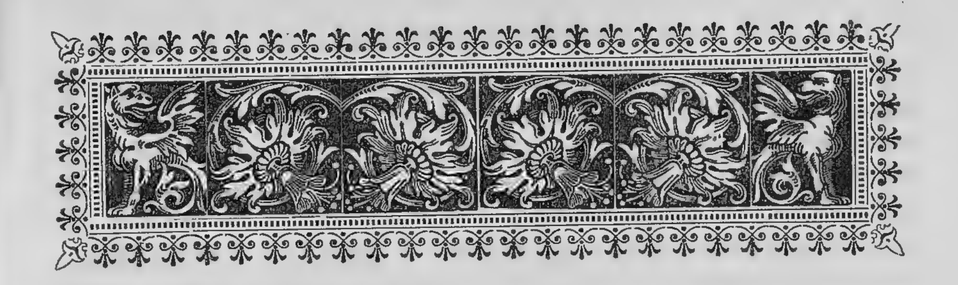

Указъ генералъ-поручику и камергеру графу Ивану Воронцову.

30-го января 1762 г.

Съ высочайшимъ удовольствіемъ усмотрѣли мы, изъ всеподданнѣйшихъ отъ васъ рапортовъ, что сходно съ волею нашею исполнили вы во всѣхъ частяхъ возложенное на васъ дѣло объявленія въ столичномъ нашемъ городѣ Москвѣ о благополучномъ нашемъ восшествіи на прародительской Всероссійскія имперіи престолъ, обнадеживая васъ, что мы всегда склонны будемъ продолжать къ вамъ по мѣрѣ достоинствъ и усердія вашего всевысочайшее наше благоволеніе. Всемилостивѣйше повелѣваемъ мы еще и соизволяемъ, чтобы вы подаренныя вамъ отъ московскаго духовенства и купечества, въ знакъ ихъ истинной радости, деньги 5.000 руб. для себя приняли и оными пользовались.

Записки Н. Г. Залѣсова.

VII [1]).

Экзамены.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Поступленіе въ академію.—Стефанъ и Сухозанетъ.—Составъ курса.—Профессора.—Выпускъ и пребываніе въ образцовыхъ войскахъ.—Отъѣздъ въ дѣйствующую армію.

Къ веснѣ я перешелъ жить на квартиру къ Аничкову [2]), чтобы вмѣстѣ съ нимъ готовиться въ академію, и мы поселились на небольшомъ чердакѣ, который онъ занималъ въ домѣ тестя своего брата—бывшаго корпуснаго эконома Артемьева. Я просилъ было освободить меня отъ службы, но объ этомъ и слышать не хотѣли до тѣхъ поръ, пока директоръ Неплюевскаго корпуса полковникъ Шиловъ не выхлопоталъ о прикомандированіи меня къ корпусу въ качествѣ дежурнаго офицера. Обручевъ, встрѣчая насъ съ Аничковымъ въ обществѣ, очень былъ недоволенъ, что мы не во фронтѣ и велѣлъ экзаменовать насъ со всею строгостью. Наконецъ, наступило время экзаменовъ. Предсѣдателемъ былъ оберъ-квартирмейстеръ Бларамбергъ, впослѣдствіи директоръ военно-топографическаго депо, а членами капитаны Шульцъ и Гернъ (впослѣдствіи генералъ-маіоры въ отставкѣ) и штабсъ-капитаны Ромишевскій (былъ потомъ начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи) и Макшеевъ (впослѣдствіи профес-

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1903 г.

[2]) Впослѣдствіи генералъ-маіору и профессору Академіи генеральнаго штаба.

соръ академіи). Экзаменовали насъ строго; Аничковъ былъ смѣлѣе меня, служба его была хороша, онъ былъ со всѣми экзаменаторами знакомъ; я же былъ приготовленъ хуже, забитъ службою и начальствомъ, а потому и болѣе робокъ. Въ результатѣ вышло, что оба мы экзаменъ выдержали, но Аничковъ гораздо лучше меня. Какъ бы то ни было, дорогая мечта моя отчасти исполнилась: я вырывался изъ ненавистной службы въ линейныхъ баталіонахъ и уѣзжалъ въ Петербургъ, а тамъ что Богъ дастъ; во всякомъ случаѣ, если бы не попалъ въ академію, я рѣшилъ не возвращаться въ Оренбургъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ я получилъ отправленіе. За мной пріѣхали братъ и мать, чтобы довезти до Белебея, тамъ я простился съ ними и отцомъ и, напутствуемый слезами и благословеніями, въ легкой повозкѣ помчался въ Петербургъ, полный страха и надеждъ. Желая заблаговременно до экзаменовъ быть въ Петербургѣ, я ѣхалъ день и ночь, отчего моя повозка совсѣмъ разсыпалась, и я, продолжая путь на перекладной, нигдѣ не останавливаясь, на 13 день послѣ выѣзда изъ Белебея, въѣзжалъ въ 11 часовъ ночи въ какой-то громадный городъ, освѣщенный (какъ мнѣ тогда казалось) фантастическимъ огнемъ фонарей и магазиновъ. Подорожную мою отобрали на заставѣ, другаго вида со мной не было, а въ Петербургѣ тогда только лишь послѣдовало приказаніе безъ вида никого въ номера не принимать.

Будь я опытенъ, я бы могъ сперва занять номеръ, а потомъ потолковать о видѣ, но я вездѣ на первый спросъ швейцара, гдѣ мой видъ, отвѣчалъ, что его нѣтъ, и меня никуда не пускали. Такъ странствовалъ я до 3-хъ часовъ ночи; ямщикъ отказался возить и сталъ выкладывать вещи мои на Невскомъ тротуарѣ. Слезы отчаянія на безпріютность мою въ такомъ городѣ стали уже прошибать меня, когда я увидѣлъ на крыльцѣ большаго зданія дремавшаго дворника и, растолкавъ его, спросилъ, не отдаются ли въ этомъ домѣ номера. Велика была моя радость, когда въ отвѣтъ услышалъ: «есть, батюшка, есть, пожалуйте», и ни слова о паспортѣ. Мигомъ я занялъ номеръ, разсчитался съ извозчикомъ, рухнулся въ постель и проснулся только къ 6-ти часамъ вечера. Тутъ только я узналъ, что занимаю номеръ въ Пассажѣ.

Явясь въ канцелярію Академіи узнать о началѣ экзаменовъ и переговоривъ со встрѣтившимися тамъ офицерами, я къ ужасу увидалъ, что въ Оренбургѣ я многое училъ, чего не слѣдовало, и наоборотъ вовсе не читалъ тѣхъ руководствъ, которыя были излюблены профессорами академіи. Немедленно я бросился въ книжный магазинъ Крашенинникова и К°, забралъ тамъ нужныя книги и тотчасъ же перебрался изъ дорогаго Пассажа въ какую-то мансарду на Пантелеймоновской улицѣ.

День и ночь я читалъ, на сколько доставало моихъ глазъ; наконецъ,

наступили экзамены, и къ 9-ти часамъ утра я пѣшкомъ добрался до академіи. Офицеровъ, желающихъ поступить въ академію, оказалось—30 и по большей части гвардейцы; изъ гарнизона же, какъ тогда называли линейные баталіоны, явилось только два (я и Клугинъ). Надобно было видѣть, какъ насъ осматривали не только гвардія, но и армія, сколько презрѣнія было въ этомъ взглядѣ, который въ то же время какъ бы говорилъ: «вы-то, несчастные, куда лѣзете?»

Предубѣжденіе экзаменаторовъ противу гарнизоннаго мундира, понятная робость моя, а главное неудачная подготовка къ экзамену по оренбургскимъ книгамъ были причиною, что первые экзамены у меня прошли весьма неудовлетворительно, и я написалъ уже къ отцу о своей неудачѣ.

Хожденіе каждый день пѣшкомъ отъ Пантелеймона къ Николаевскому мосту и обратно весьма меня утомляло, а отъ безсонныхъ ночей страшно разболѣлись глаза; къ счастію, къ половинѣ экзаменовъ подъѣхалъ изъ Оренбурга Аничковъ и сталъ по ночамъ читать мнѣ вслухъ руководства. Экзамены кончились, и я съ трепетомъ ожидалъ рѣшенія своей участи; наконецъ, намъ прислали пріемный списокъ, и благодареніе Богу и вниманію ко мнѣ добраго вице-директора генерала Стефана я, хотя и послѣднимъ, но былъ принятъ; всего же насъ поступило изъ 30 человѣкъ только 20. Я поспѣшилъ обрадовать этою вѣстью напуганныхъ моихъ родныхъ, и съ радости мы отправились съ Аничковымъ въ Малую Морскую въ бывшій тамъ трактирчикъ «Парижъ», гдѣ издержали на обѣдъ послѣдніе остававшіеся у насъ въ карманѣ два рубля.

Съ поступленіемъ въ академію намъ пришлось встать къ ней поближе, и мы наняли двѣ комнатки въ подвальномъ этажѣ дома Розеншильдъ-Паулина на углу Средней Подъяческой улицы, у Харламова моста за 12 рублей въ мѣсяцъ. Столъ же брали изъ кухмистерской самый мерзостный за 6 рублей въ мѣсяцъ на брата; согрѣвали комнаты по большей части самоваромъ и только благодаря чаю не умирали съ голода.

Началось ежедневное хожденіе въ академію; я во весь годъ не пропустилъ ни одной лекціи и, имѣя подъ рукою необходимыя руководства, поправилъ свою репутацію на столько, что былъ переведенъ въ практическое отдѣленіе среднимъ изъ числа экзаменовавшихся офицеровъ. Въ теоретическомъ отдѣленіи тогда читали лекціи: извѣстный П. С. Лебедевъ, А. П. Карцовъ, гроза академіи старикъ генералъ Болотовъ, Шульгинъ и другіе. Штабъ-офицерами нашими были Дитрихсъ и добрѣйшій К. Ѳ. Багговутъ (потомъ гатчинскій комендантъ). Питаясь воздухомъ, мы однако же не забывали развлеченій и каждую копѣйку несли въ театръ, особенно въ Италіанскую оперу, занимая конечно за

50 коп. мѣста въ райкѣ. Тогда пѣли Гризи, Маріо, Тамберликъ, Тамбурини, Персіани, Віардо и Демерикъ,—было кого послушать; въ Александринку же насъ привлекалъ Каратыгинъ-трагикъ, Мартыновъ, Максимовъ, Самойловъ, Григорьевъ и красавицы-сестры Самойловы.

Главными начальниками въ академіи были тогда: вице-директоръ генералъ-маіоръ Стефанъ и директоръ, безногій, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ. Венгерецъ родомъ, бывшій офицеръ австрійскаго генеральнаго штаба, проспавшій вмѣстѣ съ эрцъ-герцогомъ Іоанномъ Ваграмское сраженіе, Стефанъ былъ образованный, добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ. За свою доброту онъ даже былъ обойденъ нѣсколькими чинами; дѣло въ томъ, что товарищъ, съ которымъ онъ ѣхалъ однажды въ командировку, побилъ дорогой станціоннаго смотрителя и, будучи женихомъ, уговорилъ Стефана принять этотъ грѣхъ на себя, увѣривъ, что все дѣло кончится только арестомъ, но послѣдствія оказались гораздо серьезнѣе.

Пугаломъ академіи былъ Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ. Деспотъ до мозга костей, онъ былъ назначенъ директоромъ академіи Императоромъ Николаемъ съ цѣлью школить хорошенько будущихъ офицеровъ генеральнаго штаба и не позволять имъ сильно умничать и либеральничать. Вѣчно больной, раздражительный, страшный картежникъ, Сухозанетъ былъ помѣшанъ на мелочахъ и приходилъ въ академію только для распеканій. Мы по очереди являлись къ нему каждый день по вечерамъ съ рапортомъ и часа два всегда дежурили у него въ пріемной, пока онъ не выспится. Принималъ же онъ рапортъ чаще всего при выходѣ своемъ, чтобы сѣсть въ карету и ѣхать играть въ карты. Въ такихъ случаяхъ за нимъ всегда несли небольшую шкатулку съ деньгами. Разъ помню, я былъ дежурнымъ въ скверный осенній день и, порядочно продрогши, пріѣхалъ къ Сухозанету съ рапортомъ. Въ пріемной горѣлъ въ каминѣ огонь, кругомъ мертвая тишина; я усѣлся на диванъ и, согрѣтый огонькомъ, крѣпко, крѣпко заснулъ, какъ въ просонкахъ слышу громкій голосъ: «что съ тобой, ты боленъ?» Открываю глаза; передо мною Сухозанетъ въ мундирѣ. Съ просонокъ я не могу встать, не могу найтись, что отвѣчать, но новый вопросъ: «ты боленъ?» спасаетъ меня, и я самымъ слабымъ голосомъ говорю: «точно такъ, мнѣ дурно».— «Мундиръ разстегнуть, шарфъ, за докторомъ поскорѣе!» —кричитъ Сухозанетъ прислугѣ и самъ уѣзжаетъ, а я, напившись холодной воды— тоже давай Богъ ноги. Счастье, что Сухозанетъ не могъ и въ мысляхъ допустить такой дерзости со стороны офицера: спать на дежурствѣ, и потому самъ надоумилъ меня, какъ ему отвѣчать; иначе, конечно, меня сейчасъ же исключили бы изъ академіи съ самой дурной аттестаціей.

Когда на другой день я откровенно разсказалъ объ этомъ про-

исшествіи нашему доброму Багговуту, такъ онъ присѣлъ даже отъ ужаса и нѣсколько минутъ не могъ сказать ни слова.

Требованіе чинопочитанія и дисциплины у такихъ людей, какъ Сухозанетъ, доходило тогда почти до безумія. Разъ онъ пригласилъ къ себѣ окончившаго уже курсъ въ академіи конно-артиллерійскаго прапорщика на обѣдъ и на другой день, призвавши его дежурнаго штабъ-офицера, обругалъ послѣдняго елико возможно, сказавъ ему при этомъ:

— Когда блаженной памяти графъ Аракчеевъ удостоилъ меня пригласить къ себѣ на обѣдъ, то я, бывши прапорщикомъ гвардейской артиллеріи, весь обѣдъ просмотрѣлъ ему въ глаза, а вчера я, генералъ-аншефъ (такъ любилъ называть себя Сухозанетъ), позвалъ къ себѣ обѣдать армейскаго прапорщика, и что же, братецъ, онъ сдѣлалъ?.. Онъ весь обѣдъ ѣлъ! Нѣтъ, такъ служить нельзя, у тебя, братецъ, въ отдѣленіи нѣтъ никакой дисциплины...

Лѣто мы провели на Бронной горѣ на съемкѣ, а на зиму наняли новую квартиру у того же Харламова моста, въ домѣ Фохтса въ нижнемъ этажѣ. Въ практическомъ отдѣленіи мои занятія шли еще успѣшнѣе, и начальство академіи стало ко мнѣ очень благоволить. Въ практическомъ отдѣленіи читали у насъ лекціи полковникъ М. И. Богдановичъ и Д. А. Милютинъ (нынѣ графъ и фельдмаршалъ); послѣдній читалъ чрезвычайно увлекательно.

Слѣдующее лѣто мы опять провели на съемкѣ въ прелестномъ имѣніи Потемкина—Гостилицахъ, гдѣ Аничковъ познакомился съ будущей своей женой, дочерью управляющаго Потемкина—Крымовой.

Выпускной экзаменъ я сдалъ прекрасно, но, къ сожалѣнію, у меня не достало одного балла, чтобы получить чинъ за отличіе. Тогда баллы въ академіи ставились по особой системѣ, и полные баллы составляли цифру 470. Сильно горевалъ я по этому случаю, сочувствовали мнѣ и всѣ добрые мои товарищи, но пособить было нельзя. Наступилъ публичный экзаменъ. Съѣхался генералитетъ, пріѣхалъ военный министръ князь Чернышевъ, и начался экзаменъ. Меня вызвали изъ военной исторіи и стратегіи, и я отвѣчалъ такъ хорошо, что Чернышевъ не далъ мнѣ и кончить. На другой день утромъ неожиданно явился въ нашей бѣдной квартирѣ Багговутъ въ мундирѣ и, обнявъ меня, объявилъ, что Чернышевъ добавилъ мнѣ одинъ баллъ, и я получаю чинъ за отличіе.

По окончаніи курса насъ немедленно откомандировали въ образцовыя войска, и мы сначала попали въ Павловскъ въ кавалерійскій полкъ. Окончившихъ курсъ офицеровъ оказалось всего 16 человѣкъ.

Въ минуту, когда я пишу свои записки, насъ остается на службѣ, спустя 23 года по выходѣ изъ академіи, ровно половина, то есть 8 человѣкъ.

Окончивъ экзаменъ, я покатилъ съ Аничковымъ въ Гостилицы, вы-

сваталъ ему невѣсту и затѣмъ съ Клугинымъ и Полторацкимъ поселился на одной квартирѣ въ Павловскѣ. Кавалерійскимъ полкомъ тогда командовалъ полковникъ Курдюмовъ; онъ, какъ и всѣ тогдашніе образцовые командиры, съѣлъ по фронту собаку, но дальше этого, конечно, не шелъ. Мы ходили каждый день на ученье, дежурили и къ веснѣ перебрались въ Царское Село, въ образцовую пѣшую батарею, которой командовалъ полковникъ Салтыковъ. Съ этою батареею перешли мы въ Красносельскій лагерь, тамъ насъ перевели въ конную батарею подъ начальство полковника Милюкова. Этимъ лѣтомъ мы были въ качествѣ офицеровъ генеральнаго штаба два раза на маневрахъ—на одномъ подъ командою Н. Н. Муравьева, а на другомъ подъ командою Ридигера. Мнѣ особенно осталось памятнымъ невозмутимое спокойствіе, съ которымъ Муравьевъ распоряжался на маневрахъ и встрѣчалъ императора Николая.

Въ августѣ насъ перевели въ образцовый пѣхотный полкъ къ знаменитому генералу Полешкѣ, который началъ намъ немедленно выправлять кости, дѣлать груди, тянуть ноги и проч. Строгости пошли большія, но мы терпѣли въ ожиданіи скорой перемѣны къ лучшему.

Еще въ началѣ 1853 года мы знали уже о недоразумѣніяхъ, возникшихъ у насъ съ Турціею, посылкѣ князя Меншикова и Непокойчицкаго въ Константинополь и вступленіи князя Горчакова въ княжества. Такъ тянулось время, когда въ половинѣ сентября Полешко получилъ приказаніе отобрать трехъ особенно знающихъ фронтъ офицеровъ и выслать немедленно въ Петербургъ. Выборъ палъ на Клугина, меня и Глиноецкаго. На другой день мы были уже у генералъ-квартермистра Берга, а черезъ недѣлю тащились съ Клугинымъ въ Бухарестъ, въ распоряженіе князя Горчакова.

Бѣдный отецъ мой ждалъ меня нетерпѣливо въ отпускъ; самъ я день и ночь рисовалъ себѣ картину свиданія съ моими стариками, и вотъ вмѣсто родины пришлось увидать Витебскъ, Житоміръ, Яссы и Бухарестъ.

Въ отвратительнѣйшій осенній день 23-го сентября мы выѣхали на перекладной изъ Питера и по невылазной грязи тянулись до Яссъ. Здѣсь въ первый разъ увидали солнышко и въ началѣ октября прибыли въ Бухарестъ. Намъ отвели квартиру у какой-то старой боярыни Путкуляско, которая ежедневно являлась къ намъ браниться по-валахски за то, что мы ложимся позже 9 часовъ и много изводимъ дровъ на камины. Мы, въ свою очередь, бранили ее въ глаза на русскомъ языкѣ, котораго она также не понимала ни слова, и изъ этой перебранки выходили всегда забавныя сцены, и мы отъ души хохотали. По прибытіи, меня сейчасъ взяли въ управленіе генералъ-квартермистра, а Клугина командировали въ 12-ю дивизію къ Липранди. Вслѣдъ за нами пріѣхали въ Бухарестъ еще Лавровъ и Мейендорфъ.

VIII.

Краткая характеристика главныхъ начальниковъ арміи.—Зима съ 1853 на 1854 годъ въ Бухарестѣ.

Главнокомандующимъ войсками на Дунаѣ состоялъ князь Горчаковъ. Высокаго роста, худой старикъ, Горчаковъ былъ высоко честный человѣкъ и недюжинный генералъ, но отнюдь не главнокомандующій.

Начальникъ штаба у Горчакова, какъ бы для контраста, по росту былъ колибри, генералъ-адъютантъ Коцебу. Весьма дѣятельный и способный канцелярскій чиновникъ, Коцебу былъ въ то же время человѣкъ безсердечный, эгоистъ съ головы до пятокъ и, забравъ вскорѣ Горчакова въ свои руки, дѣлалъ, что хотѣлъ въ арміи.

Генералъ-квартермистромъ былъ генералъ Бутурлинъ, бывшій конногвардейскій офицеръ, а потомъ адъютантъ Паскевича. Онъ имѣлъ весьма малое понятіе о своемъ дѣлѣ, но писалъ не дурно; Бутурлинъ былъ остроумный, веселый собесѣдникъ и дома ходилъ всегда одѣтый à l'enfant.

Дежурный генералъ Ушаковъ, креатура Паскевича, авторъ описанія его подвиговъ въ Азіатской Турціи, былъ весьма обыкновенный труженикъ.

Генералъ-интендантъ Затлеръ, бывшій адъютантъ штаба артиллеріи Паскевича, интендантъ его въ Венгерскую кампанію, всѣмъ обязанный фельдмаршалу, представлялъ единственно даровитую личность среди главнаго штаба арміи, ибо выжившаго изъ ума отъ старости начальника артиллеріи Сержпутовскаго и не имѣвшаго способностей начальника инженеровъ Бухмейера считать, конечно, нечего.

Бытописателемъ арміи, составителемъ всѣхъ реляцій былъ тоже креатура Паскевича еще съ Венгерской кампаніи подполковникъ Меньковъ.

Онъ состоялъ какъ бы соглядатаемъ при князѣ и постоянно доносилъ о всемъ Паскевичу, прямо отъ себя.

Среди такихъ лицъ, близкихъ Паскевичу, долженъ былъ распоряжаться князь Горчаковъ, зная, что каждый его шагъ извѣстенъ въ Варшавѣ и что, не смотря ни на что, онъ все-таки подчиненъ и будетъ еще болѣе подчиненъ тому же Паскевичу. Мудрено тутъ было дѣйствовать и самому рѣшительному человѣку, а Горчакову тѣмъ болѣе, когда у него вся самостоятельность давно уже была убита фельдмаршаломъ.

Для полноты картины главной квартиры сюда надо еще добавить графа Орлова-Денисова, походнаго атамана арміи, человѣка не лишеннаго смекалки, но большаго кутилу. У него каждый вечеръ производились попойки, тамъ наливался постоянно его закадычный другъ Меньковъ, предсѣдательствуя и ораторствуя въ этихъ собраніяхъ. Впослѣд-

ствіи Меньковъ издалъ въ Лейпцигѣ особую книгу «Нѣмцы и Дунай», гдѣ упоминаетъ объ этихъ собраніяхъ и бранитъ на чемъ свѣтъ Коцебу.

Я не буду описывать первыхъ шаговъ своей службы у Бутурлина, гдѣ, состоя помощникомъ Менькова по составленію журнала военныхъ дѣйствій, я въ то же время былъ помощникомъ адъютанта строеваго отдѣленія и вѣдалъ всю дислокацію арміи.

Вскорѣ по пріѣздѣ я такъ хорошо изучилъ дислокаціюарміи и маршрутную карту княжествъ, что помнилъ ихъ наизусть и постоянно диктовалъ маршруты безъ карты забѣгавшимъ къ намъ ежедневно интендантскимъ чиновникамъ. Вѣроятно, это качество и моя скромность послужили къ тому, что Бутурлинъ сталъ меня вездѣ возить съ собой, хотя при его скупости я положительно едва не умиралъ съ голоду, разъѣзжая съ нимъ въ его допотопной каретѣ. Такъ, въ январѣ мѣсяцѣ я побывалъ съ нимъ въ Бойлештахъ и подъ Калафатомъ, гдѣ первый разъ участвовалъ въ дѣлѣ подъ Модловитой; затѣмъ весной 1854 г. я перешелъ подъ Силистрію, гдѣ участвовалъ въ траншейной войнѣ и въ отбитіи вылазки турокъ подъ руководствомъ нашего добраго полковника Герсеванова (впослѣдствіи генералъ-квартермистръ кн. Меншикова въ Крыму), за что и получилъ орденъ Анны 3-й степени съ мечами. Съ Бутурлинымъ я отступилъ отъ Силистріи и въ его же колымагѣ возвратился въ Россію на зимовыя квартиры въ Кишиневъ. Здѣсь однако же судьба сжалилась надо мною. Бутурлинъ уѣхалъ съ Горчаковымъ въ Крымъ, а я остался въ штабѣ Лидерса.

Наша кампанія за Дунаемъ не повела ни къ чему рѣшительному, а тутъ еще появился Паскевичъ и напустилъ такихъ страховъ Австріей, что ничего не оставалось дѣлать, какъ убираться восвояси. Никакихъ выдающихся распоряженій Паскевича мы не видали, и даже самая контузія его подъ Силистріею, воспѣтая Меньковымъ, была не болѣе, какъ предлогомъ для его удаленія изъ арміи, ибо вовсе не была серьезна.

Въ продолженіе цѣлой зимы съ 1853 на 1854 годъ главная квартира князя Горчакова всего только два раза выѣзжала изъ Бухареста: въ Калафатъ и Браиловъ; остальное же время мы постоянно проводили въ пресловутой столицѣ Валахіи. Трудно найти другой городъ, расположенный на мѣстности болѣе безжизненной, чѣмъ Бухарестъ. Ни горки, ни порядочной рѣки, ни чистаго воздуха: грязь, вонь, нечистота во всѣхъ возможныхъ видахъ—вотъ, что поражало всякаго пріѣзжавшаго тогда въ Бухарестъ. На огромный городъ (слишкомъ 100 т. жителей), на столицу княжества, въ Бухарестѣ не было ни одной чистой и прямой улицы, не исключая и главной изъ нихъ Подъ-Могошой, на которой жилъ господарь Стирбей. Надобно было имѣть особенную способность примѣняться

къ мѣстности и жить въ городѣ по худой мѣрѣ года два, чтобы хоть сколько-нибудь познакомиться съ этимъ лабиринтомъ вонючихъ закопченныхъ улицъ и переулковъ. Отсутствіе всякой гармоніи въ размѣщеніи зданій, площадей и церквей невольно поражало съ перваго взгляда. Единственнымъ общественнымъ гуляньемъ, куда обыкновенно, начиная съ 12 и до 3-хъ часовъ зимой и по вечерамъ лѣтомъ съѣзжалась валахская аристократія, было Киселевское шоссе, обыкновенное, какія у насъ въ Россіи тянутся на тысячу верстъ—обсаженное по бокамъ деревцами на разстояніи 2-хъ верстъ. Да и это мѣсто, гдѣ совершались румынскіе parties de plaisir, устроено весьма недавно на деньги, собранныя съ цѣлой Валахіи въ память управлявшаго въ 1829 году княжествомъ П. Д. Киселева (впослѣдствіи графа), даровавшаго валахамъ конституцію и пользующагося у нихъ огромною любовью и популярностью.

Кромѣ шоссе въ самомъ городѣ было два мѣста, куда иногда собиралась лѣтомъ публика: это Чюшменджи и Вармбергъ—два весьма небольшихъ садика; въ послѣдній особенно привлекалъ публику скрипачъ и дерижеръ оркестра Вистъ. Вообще жизнь въ Бухарестѣ не могла похвалиться своимъ разнообразіемъ. Главнѣйшее развлеченіе составляла конечно италіанская опера: представленія ея шли по три раза въ недѣлю въ новомъ довольно миленькомъ театрѣ. Въ труппѣ были довольно сносный баритонъ, басъ и одна примадонна-англичанка, пожилая женщина, но съ довольно еще свѣжимъ голосомъ. Удовольствіе слушать оперу стоило не дорого: всего три цванцигера. Былъ тогда въ Бухарестѣ и маленькій балетъ, царицей котораго слыла Эмилія Петровичъ. Замѣчательность этого балета состояла въ томъ, что всѣ танцы его представительницъ ничѣмъ не отличались отъ канкана, на что́ впрочемъ валашки отнюдь не жаловались.

Странную смѣсь эполетъ русскихъ и валахскихъ, бородокъ и фраковъ представляла всегда италіанская опера. Въ буфетѣ слышалась бездна нарѣчій. Впослѣдствіи великимъ постомъ открылся и французскій театръ, но весьма грязный по своему помѣщенію и постоянному запаху чеснокомъ. Главнѣйшимъ же мѣстомъ для развлеченій русскихъ и валаховъ служили маскарады: изъ нихъ даваемые въ Италіанскомъ театрѣ отличались нѣкоторой оффиціальностью и считались за лучшіе; тутъ всегда собиралась изысканная публика, платя за входъ 3 цванцигера, но обыкновенно мужчины оставались въ театрѣ не болѣе какъ до 2-го часа, а потомъ отправлялись въ «Hôtel de prince» въ маскарады, даваемые ея содержателемъ. Тамъ публика вела себя совершенно безцеремонно, домино самыя фантастическія, самыя прозрачныя являлись во всѣхъ видахъ; шампанское лилось рѣкой между офицерами, и каждая кадриль, каждая полька здѣсь была не что иное,

какъ самый отчаянный канканъ, кончавшійся тѣмъ, чѣмъ кончаются всѣ канканы. Изъ всѣхъ женщинъ, съ которыми преимущественно любила вести знакомство наша молодежь, особенное вниманіе тогда обращала одна дѣвушка Марица, очень недурная собой, обладавшая какою-то чарующею силою. Офицеры безумѣли отъ ея ласкъ. Сколькихъ я зналъ молодыхъ и образованныхъ людей, которые едва не сходили по ней съ ума. Но не только юное поколѣніе теряло голову, даже старики и люди женатые не избѣгли ея вліянія. Генералъ-штабъ-докторъ арміи ходилъ отъ нея какъ помѣшанный. Родомъ венгерка, по несчастію семейному отвергнутая отцомъ, Марица, по увѣренію знавшихъ ее, принадлежала къ хорошему дому и носила по документамъ фамилію Comtesse d'Ail.

Что касается до другихъ общественныхъ удовольствій, то надобно сказать по правдѣ, что большіе вечера съ танцами были у валаховъ какъ-то не въ большомъ ходу—или, можетъ быть, общее безденежье бояръ было тому причиною. Въ продолженіе зимы было только два оффиціальныхъ бала: одинъ данъ княземъ Горчаковымъ, а другой полномочнымъ коммиссаромъ Россіи Будбергомъ для встрѣчи Новаго года. Первый изъ этихъ баловъ отличался удивительной роскошью, и о немъ говорили почти цѣлый мѣсяцъ. Балъ былъ данъ въ домѣ военно-административнаго совѣта. Самый домъ и всѣ прилежащія къ нему строенія были великолѣпно иллюминованы, на лицевой сторонѣ его горѣлъ во весь вечеръ огромный бриллiантовый вензель государя. Самый подъѣздъ былъ залитъ огнемъ; съ первой его ступени и до втораго этажа вились самые тонкіе роскошные ковры, окаймленные самыми рѣдкими экзотическими растеніями, наполнявшими и самыя комнаты, тысячи люстръ, три оркестра музыки добавляли все это. Но самымъ лучшимъ украшеніемъ бала были конечно женщины. Все, что Валахія могла собрать и создать самаго лучшаго и роскошнаго—все было на этомъ балѣ. Богатство костюмовъ доходило до сумасшествія. Золото и бриллiанты блистали почти на каждой. Блонды, самый прозрачный газъ и тюль господствовали въ нарядахъ. Лифы у платьевъ были самые ужасные, ибо они только поддерживали, но не скрывали формъ женщинъ. Балъ съ великолѣпнымъ ужиномъ обошелся въ 3.000 червонцевъ; всѣхъ особъ было до 400.

Не говоря о новыхъ интригахъ, завязавшихся съ нынѣшнимъ прибытіемъ русскихъ въ княжества, много было на этомъ балѣ людей, знакомыхъ еще по 1848 году. Вообще надо замѣтить, что прекрасныя валашскія дамы не отличаются слишкомъ строгой нравственностью; вотъ почему здѣсь счастливый бракъ въ томъ смыслѣ, какъ вообще принято это, составляетъ анахронизмъ. Очень часто можно было встрѣтить въ Бухарестѣ, что жена, пользуясь всѣми средствами содержанія

отъ мужа, живетъ однако же въ особой половинѣ дома, принимаетъ, кого хочетъ, не обращая никакого вниманія на мужа.

IX.

Выходъ изъ княжествъ.—Стоянка въ Кишиневѣ и Одессѣ.

Перейдя Дунай, мы побрели къ границамъ Трансильваніи, спустились затѣмъ къ Журжѣ и отсюда 15-го іюля отправились восвояси, сжигая повременамъ свои корабли, т. е. запасы провіанта и фуража, заготовленнаго съ избыткомъ по распоряженію фельдмаршала.

Простоявъ по дорогѣ двѣ съ половиною недѣли въ Фокшанахъ и уничтоживъ здѣсь значительное количество одобештскаго вина, главная квартира 4-го сентября послѣ великихъ трудовъ и боевыхъ подвиговъ благополучно перешла изъ Яссъ въ Скуляны къ родному очагу и расположилась затѣмъ въ Кишиневѣ.

Съ приходомъ въ Кишиневъ собственно Дунайская кампанія окончилась, ибо все вниманіе далѣе обратилось на Крымъ. Туда, какъ въ бездонную бочку, начали двигаться отъ насъ подкрѣпленія, туда полѣзли и всѣ наши авантюристы.

Наступилъ февралъ 1855 года, грозная драма подъ Севастополемъ разыгрывалась все сильнѣе, а мы преспокойно проживали въ Кишиневѣ, куда наѣхала масса офицерскихъ женъ, и усердно посѣщали театръ и танцовальные вечера. Въ двадцатыхъ числахъ февраля жиды первые принесли намъ вѣсть о кончинѣ императора Николая, а чрезъ нѣсколько дней пришло и оффиціальное объ этомъ сообщеніе. Вскорѣ князь Горчаковъ былъ переведенъ въ Крымъ, а я съ бренными остатками Южной арміи и вопреки просьбѣ князя Меншикова—прислать меня въ Крымъ—былъ оставленъ подъ командою Лидерса.

Недолго Лидерсъ просидѣлъ въ Кишиневѣ, любовныя дѣла влекли его въ Одессу. Тотчасъ явились на сцену разныя стратегическія причины, требовавшія этого перехода, и весною мы дѣйствительно перебрались въ столицу Новороссійскаго края. Тяжела была моя служба, ибо, какъ говорится, изъ огня я попалъ въ полымя. Отъ Бутурлина я перешелъ подъ команду генералъ-квартирмейстера Глѣбова, въ полномъ смыслѣ слова мужика, съ которымъ чуть не ежедневно пошли у меня столкновенія. Но время шло, союзники громили Севастополь, а мы въ Одессѣ устраивали смотры и парады для развлеченія Лидерса. Въ сентябрѣ мы потянулись въ Николаевъ на смотръ новаго государя, гдѣ я выслушалъ кучу любезностей отъ генералъ-квартирмейстера барона

Ливена, а затѣмъ поселились опять въ Одессѣ. Къ веснѣ Лидерсъ съ своими домочадцами отъѣхалъ въ Крымъ, а къ намъ явился Сухозанетъ съ княземъ Васильчиковымъ и Козляниновымъ. Время службы съ этими послѣдними было для меня самое отрадное во всю кампанію, ибо въ тогдашнее время рѣдко приходилось встрѣчать людей столь вѣжливыхъ, благородныхъ и такъ горячо относившихся къ своимъ подчиненнымъ, какъ князь Васильчиковъ и Козляниновъ. Подъ конецъ кампаніи появился снова у насъ Коцебу, въ качествѣ командира 5-го корпуса. Онъ усиленно сталъ звать меня съ собой въ Варшаву, обѣщая чинъ капитана, но я положительно отъ этого отказался, за что и нажилъ въ немъ себѣ большаго врага. Весною 1856 года судьба еще разъ бросила меня подъ команду Лидерса, Непокойчицкаго и въ руки милаго Глѣбова, въ качествѣ начальниковъ 2-й арміи, но къ счастію не надолго; я послалъ уже письмо къ барону Ливену съ настоятельною просьбою о переводѣ изъ Одессы.

X.

Переводъ изъ Одессы въ Оренбургъ. — Жизнь въ Белебеѣ. — Братья Тевкелевы. – Глумилинъ.— Пріѣздъ въ Оренбургъ. –Перовскій и его управленіе.— Женитьба.

Въ маѣ мѣсяцѣ состоялся приказъ о переводѣ моемъ въ Оренбургъ, и я немедленно сталъ готовиться къ отъѣзду. Добрый Россицкій (нашъ интендантъ) подарилъ мнѣ на дорогу старенькій тарантасъ, и я совершенно счастливый отправился откланиваться начальству. Глѣбовъ принялъ меня на этотъ разъ ласково и, оффиціальнымъ предписаніемъ разблагодаривъ меня за службу, выхлопоталъ мнѣ у главнокомандующаго 150 руб. на путевыя издержки. Пріемъ Непокойчицкаго, жившаго въ то время на дачѣ Картаци, былъ особенно любезенъ. Поблагодаривъ меня за службу, онъ сказалъ:

— Я всегда сочту за особое удовольствіе служить съ вами и если вы когда-либо вздумаете перейти къ намъ, пишите ко мнѣ; я всегда буду радъ вамъ.

Пообѣдавъ послѣдній разъ въ кругу добрыхъ товарищей въ «Европейской гостиницѣ», я на другой день распростился съ моими сожителями Глиноецкимъ и Лаврентьевымъ [1]) и, провожаемый плачущимъ моимъ старшимъ писаремъ Назаровымъ, выѣхалъ 23-го мая 1856 года

---

[1]) Впослѣдствіи редакторъ „Военнаго Сборника" и „Русскаго Инвалида".

часа въ три послѣ обѣда черезъ Херсонскую заставу по дорогѣ въ Оренбургъ.

Я не помню въ жизни своей болѣе отраднаго чувства, какъ то, съ которымъ послѣ шестилѣтней разлуки и тяжкихъ трудовъ кампаніи возвращался къ роднымъ. Я чувствовалъ себя на свободѣ, и это сознаніе полнаго простора еще болѣе скрашивало мое положеніе, и безъ того представлявшееся въ самомъ радужномъ свѣтѣ. Полной грудью я вдыхалъ свѣжій полевой воздухъ, и сердце было полно любовью ко всѣмъ и ко всему, а чудная майская природа еще болѣе поддерживала такое настроеніе. Ѣздивши весь свой вѣкъ на перекладной, я теперь съ особеннымъ наслажденіемъ покачивался въ казанскомъ тарантасѣ и незамѣтно доѣхалъ до Николаева. Здѣсь встрѣтивъ двухъ братьевъ Ризенкампфовъ, ѣхавшихъ въ отпускъ въ Петербургъ, я подвезъ ихъ до Кременчуга, откуда, повернувъ на сѣверо-востокъ, направился уже одинъ въ свою дорогую Башкирію.

Мнѣ предстояло сдѣлать до 3.500 верстъ по всевозможнымъ дорогамъ и, не смотря на это, я рѣшилъ ѣхать день и ночь. Быстро прокатилъ я до Бѣлгорода, гдѣ на станціи любовался гогартовскими картинами, но отсюда, при поворотѣ на малый почтовый трактъ къ Пензѣ, пошла задержка въ лошадяхъ, на каждой станціи валялись въ повалку по нѣсколько человѣкъ офицеровъ, застрявшихъ тутъ за весьма малымъ исключеніемъ или вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, а чаще по случаю безпробуднаго кутежа.

Переваливъ въ Симбирскѣ черезъ Волгу, я уже началъ чувствовать себя какъ дома и черезъ три дня былъ въ Бугульмѣ, такъ много напомнившей мнѣ о лѣтахъ моей юности. Отсюда оставалось только 100 верстъ до Белебея, гдѣ жили мои старики, и я конечно немедленно пустился въ путь. Проѣхавъ еще засвѣтло мимо мѣста моей родины, заросшаго уже въ то время бурьяномъ, я часовъ въ 5 утра, когда благовѣстили къ заутренѣ, въѣхалъ въ Белебей. Что было у меня на сердцѣ, трудно передать. Съ жаднымъ вниманіемъ всматривался я въ каждый уголокъ родной земли, въ каждаго прохожаго, а ихъ было много на улицахъ—день былъ базарный. Наконецъ, я дома, стучу въ дверь, выходитъ отецъ, и мы замерли, обнявши другъ друга; вслѣдъ затѣмъ я бросился прямо въ спальню матушки; она испугалась отъ неожиданности и безмолвная отъ радости крѣпко прижала къ себѣ, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь вновь не отнялъ меня у нея. Только послѣ долгихъ рыданій старушка едва-едва могла заговорить со мною.

Чистый, горный воздухъ Белебея, беззаботность послѣ тяжкихъ трудовъ, ласка родныхъ—все это такъ благодѣтельно подѣйствовало на меня, что черезъ мѣсяцъ я сталъ замѣтно поправляться и даже полнѣть къ великой радости моей старушки. Большую часть времени я по-

свящалъ на прогулки съ братомъ по прекраснымъ окрестностямъ Белебея и разъѣздамъ по роднымъ; въ промежуткахъ мы слушали новости отъ мѣстнаго почтмейстера, кажется по фамиліи Ветошникова — бывшаго фельдъ-егеря, который вполнѣ былъ гоголевскимъ почтмейстеромъ, ибо, кромѣ газетъ, зачастую прочитывалъ и письма, въ чемъ искренно намъ сознавался. Братъ служилъ тогда по выборамъ дворянства, а потому ему приходилось иногда заѣзжать и къ мѣстнымъ тузамъ-помѣщикамъ, изъ коихъ однако же въ Белебеевскомъ уѣздѣ жили въ своихъ деревняхъ только Тевкелевы и Глумилинъ.

Тевкелевыхъ было, кажется, три брата; они были татары и владѣли большими имѣніями въ 3-хъ губерніяхъ. Старшаго Александра Петровича я зналъ давно; лихой когда-то гусаръ и кутила Павлоградскаго полка. Теперь онъ былъ въ отставкѣ, съѣздилъ въ Мекку и, сдѣлавшись хаджи, облекся въ костюмъ муллы; впослѣдствіи онъ занялъ мѣсто уфимскаго муфтія. Второй братъ былъ когда-то командиромъ лейбъ-гвардіи Крымскаго эскадрона, вышелъ въ отставку полковникомъ и женился на дочери Букей-хана, сестрѣ Чингизовъ. Третій братъ служилъ въ лейбъ-казакахъ. У Тевкелевыхъ была сестра, замѣчательная въ свое время красавица, она влюбилась въ гувернера-француза Коко, бѣжала съ нимъ, но, бывъ поймана до вѣнчанія, заявила, что желаетъ принять православіе и поэтому была помѣщена въ Уфимскій женскій монастырь; въ концѣ концовъ однако же она рѣшилась остаться магометанкой и впослѣдствіи возвращена братьямъ; послѣдующая судьба ея мнѣ не извѣстна.

Михаилъ Михайловичъ Глумилинъ былъ сынъ Михаила Васильевича Глумилина, друга моего отца, съ которымъ онъ началъ вмѣстѣ службу въ Уфимскомъ губернскомъ правленіи и жилъ на одной квартирѣ; впослѣдствіи Михаилъ Васильевичъ женился на Софьѣ Тимоѳеевнѣ Аксаковой (о нихъ упоминаетъ С. Т. Аксаковъ въ своей семейной хроникѣ), сдѣлался богатъ, но, не смотря на это, сохранилъ до конца жизни доброе расположеніе къ бѣдному моему отцу. Михаилъ Михайловичъ Глумилинъ былъ женатъ на Леонтьевой, сестру которой Донаурову я зналъ очень хорошо, а двѣ младшихъ сестры Глумилина были замужемъ: одна за профессоромъ Бутлеровымъ, а другая за извѣстнымъ спиритомъ Юмомъ. Въ Белебеѣ я познакомился также съ пріѣзжавшимъ туда уфимскимъ губернаторомъ Потуловымъ, съ которымъ впослѣдствіи служилъ въ Вильнѣ, и съ двумя братьями Левашовыми, о старшемъ братѣ которыхъ Николаѣ я уже говорилъ прежде.

Въ началѣ сентября я съѣздилъ съ отцомъ на ярмарку въ Бугульму, чтобы повидаться съ родными и посмотрѣть на городокъ, гдѣ каждый уголъ былъ близокъ моему сердцу, а 21-го сентября выѣхалъ къ мѣсту службы въ Оренбургъ. Въ бытность въ Белебеѣ старику отцу ужасно

хотѣлось меня женить на помѣщицѣ, и онъ указывалъ мнѣ на многихъ дѣвушекъ, но мнѣ такъ хорошо жилось на волѣ, что я рѣшительно отказался отъ брака, не подозрѣвая, что черезъ четыре мѣсяца женюсь самъ по своей охотѣ.

23-го сентября часа въ 4 послѣ обѣда я, послѣ 6-ти-лѣтней отлучки, подъѣхалъ къ мѣсту моего воспитанія, Оренбургу, и съ понятнымъ замираніемъ сердца всматривался въ каждую улицу, въ каждый домъ, какъ въ старыхъ добрыхъ знакомыхъ. Къ моему изумленію, городъ нисколько не измѣнился, только по манію волшебнаго жезла или лучше сказать по прихоти Перовскаго возникъ около Караванъ-Сарая обширный паркъ, созданный на песчаной равнинѣ трудами башкиръ.

Я остановился у дяди своего, ветерана польской и турецкой кампаній, маіора Балагурова, служившаго тогда смотрителемъ госпиталя, и, отдохнувъ немного, поѣхалъ съ теткою въ крѣпость, чтобы повидаться съ родными. Подъѣзжая къ воротамъ, мы встрѣтили запряженную парой въ дышло огромную долгушу или по-оренбургски «карандасъ», на которой сидѣло нѣсколько дамъ и адъютантовъ—это каталось семейство начальника штаба корпуса генерала Бутурлина. Посмотрѣвъ съ интересомъ на курьезный экипажъ, я поѣхалъ далѣе, не подозрѣвая, что въ числѣ другихъ на этой долгушѣ сидѣла тогда и будущая моя жена. Живо я устроился въ Оренбургѣ и нанялъ квартиру рядомъ съ институтомъ.

Оберъ-квартирмейстеромъ былъ тогда мой товарищъ по курпусу, полковникъ Дандевиль, принявшій меня какъ стараго коллегу по-родственному; отъ него я поѣхалъ къ Бутурлину. Олицетвореніе доброты и полной русской патріархальности, генералъ принялъ меня чуть не въ одной рубашкѣ, не зная, куда дѣваться отъ жара при своей страшной полнотѣ; я сразу почувствовалъ себя какъ дома и тотчасъ же познакомился съ его супругой, урожденной донской казачкой Власовой.

Прошло нѣсколько дней—былъ посланъ особый докладъ къ Перовскому, въ которомъ испрашивалось, когда ему будетъ угодно принять меня, и въ назначенный день и часъ я предсталъ предъ корпуснымъ командиромъ. То, что я увидѣлъ, было уже одною тѣнью когда-то бывшаго красавца. Перовскій сидѣлъ въ покойныхъ креслахъ, одѣтый въ фантастическій, имъ же придуманный башкирскій сюртукъ, дышалъ тяжело и едва говорилъ. Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ о Крымской кампаніи, онъ мановеніемъ руки отпустилъ меня такъ же сурово и сухо, какъ и принялъ. Перовскій помѣщался тогда въ бель-этажѣ губернаторскаго дома, а внизу жила родственница его, графиня Толстая, съ перезрѣлой дочерью, братъ которой, извѣстный Илюшка Толстой, былъ начальникомъ штаба Оренбургскаго казачьяго войска [1]).

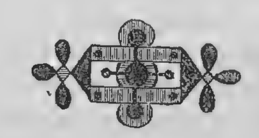
[1]) Впослѣдствіи начальникъ пограничной стражи и сенаторъ.

Правителемъ канцеляріи при Перовскомъ былъ тогда Кудрявцевъ (впослѣдствіи директоръ департамента министерства финансовъ), но всѣми дѣлами по гражданской части орудовали уфимскій губернаторъ, позже сошедшій съ ума Яковъ Ханыковъ, и предсѣдатель пограничной коммиссіи, бывшій профессоръ Петербургскаго университета (впослѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати) В. В. Григорьевъ. Послѣдній писалъ почти всѣ важныя бумаги Перовскому, который на старости лѣтъ до такой степени сдѣлался педантомъ въ служебной перепискѣ, что ни одной бумаги не оставлялъ безъ собственноручной поправки. Всѣми военными дѣлами заправлялъ дежурный штабъ-офицеръ маіоръ Рейтернъ (братъ министра финансовъ) и, признаться сказать, дѣлалъ по этой части все, что хотѣлъ. Комендантомъ былъ тогда генералъ Ладыженскій—старый офицеръ генеральнаго штаба, первый проникшій съ нашею духовною миссіею въ Китай и снявшій единственный въ свое время планъ Пекина.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Оренбургъ, я сталъ какъ свой среди радушной и доброй семьи Бутурлиныхъ, гдѣ мы всегда бывали съ товарищемъ по генеральному штабу—Лаптевымъ. Черезъ два мѣсяца я сдѣлалъ предложеніе старшей дочери Бутурлина, а въ январѣ 1857 года была наша свадьба. Женившись, мы поселились въ 2-хъ небольшихъ комнаткахъ во дворѣ казеннаго дома, занимаемаго моимъ тестемъ, что̀ было очень кстати, такъ какъ мы начали семейную нашу жизнь съ 16 рублями въ карманѣ. Каждое утро я работалъ въ штабѣ, гдѣ былъ старшимъ адъютантомъ, а вечера большею частью проводилъ въ бесѣдѣ съ тестемъ, человѣкомъ любознательнымъ и неистощимымъ разсказчикомъ. Болѣзнь жены заставила меня наступившею весною ѣхать на Сергіевскія минеральныя воды, что̀ было легко устроить, такъ какъ я въ то же время получилъ приказаніе заняться составленіемъ военно-статистическаго описанія Самарской губерніи.

Сообщ. **Н. Н. Длуская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній бывшаго гвардейскаго офицера.

Кончина императора Николая и восшествіе на престолъ Александра II.— Празднованіе столѣтія л.-гв. Гренадерскаго полка.—Крестьянская реформа.

Въ 1855 году я имѣлъ честь состоять полковымъ адъютантомъ л.-гв. Гренадерскаго резервнаго полка [1]). Въ этомъ году скончался императоръ Николай Павловичъ, и вступилъ на престолъ бывшій главнокомандующій гвардейскими и гренадерскимъ корпусами наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Многія обстоятельства этихъ достопамятныхъ событій сохранились свѣжо въ моей памяти, и я желаю подѣлиться своими воспоминаніями какъ со всѣми интересующимися этимъ достопамятнымъ временемъ, такъ въ особенности съ близкими всегда моему сердцу, полковыми товарищами давно прошедшаго и настоящаго времени. Тогда праздновалось столѣтіе, а скоро, въ 1906 году, предстоитъ торжество 150-лѣтія нашего славнаго полка.

Въ четвергъ, 17-го февраля 1855 года, вся полковая семья наша собралась вечеромъ у полковаго казначея К... Часу въ 11-мъ подали мнѣ полученный въ канцеляріи экстренный конвертъ изъ штаба главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскимъ корпусами съ надписью: с е к р е т н о, в ъ с о б с т в е н н ы я р у к и п о л к о в а г о к о м а н д и р а.

---

[1]) Съ выступленіемъ въ 1854 году гвардіи въ походъ къ западнымъ предѣламъ Имперіи въ 3-хъ баталіонномъ составѣ, въ Петербургѣ остались четвертые резервные баталіоны, которые, съ прибытіемъ безсрочно-отпускныхъ и новобранцевъ, были развернуты въ особые полки сперва двухбаталіоннаго, а къ зимѣ того же года трехбаталіоннаго состава, съ наименованіемъ ихъ резервными полками, съ назначеніемъ особыхъ командировъ полковъ, а также начальниковъ дивизій и командира гвардейскаго резервнаго корпуса, съ отдѣльными штабами, какъ дивизіонными, такъ и корпуснымъ.

Я представилъ конвертъ бывшему здѣсь же полковнику Б. П. Преженцову, который, прочтя въ сторонѣ бумагу и подозвавъ меня, объявилъ, что штабъ требуетъ немедленной присылки полковаго адъютанта. Мы оба были въ полнѣйшемъ недоумѣніи, что̀ могло вызвать такое экстраординарное требованіе въ ночное время; Б. П. Преженцовъ сказалъ мнѣ, что онъ спать не будетъ до моего возвращенія, какъ бы поздно оно ни послѣдовало; послѣ чего я незамѣтно вышелъ и отправился. Каково же было мое удивленіе, когда, по прибытіи въ штабъ, куда почти одновременно со мною прибыли адъютанты всѣхъ расположенныхъ въ Петербургѣ гвардейскихъ полковъ, начальникъ штаба, генералъ-адъютантъ Витовтовъ объявилъ намъ, что императоръ опасно занемогъ, при чемъ пригласилъ насъ идти съ нимъ въ Зимній дворецъ для полученія предварительныхъ распоряженій и передачи ихъ въ полки. Придя во дворецъ, генералъ Витовтовъ оставилъ насъ въ одной изъ залъ, а самъ направился дальше къ внутреннимъ покоямъ.

Теперь, по прошествіи полувѣка, я хорошо помню о томъ поразительномъ впечатлѣніи, какое произвело на насъ это роковое извѣстіе. Какъ! государь, котораго мы всѣ видѣли полнымъ силъ и здоровья, за два дня, во вторникъ 15-го числа, въ Михайловскомъ манежѣ на отправленіи маршевыхъ баталіоновъ для укомплектованія дѣйствующихъ полковъ, вдругъ опасно занемогъ, и не какою-нибудь опасною болѣзнью, а простымъ гриппомъ. Тогда подъ этимъ наименованіемъ считался осложненный насморкъ съ кашлемъ, и никому въ голову не приходило, что при гриппѣ можетъ послѣдовать такой печальный исходъ.

Полные недоумѣнія, мы блуждали, въ угнетенномъ настроеніи духа, по тускло освѣщенной залѣ дворца, едва переговариваясь нѣсколькими словами. Черезъ четверть часа возвратился Витовтовъ и передалъ намъ нѣкоторыя распоряженія для сообщенія въ полки съ приказаніемъ немедленно возвратиться. Былъ уже второй часъ ночи, когда мы разъѣхались и передали печальную новость. Полковой командиръ нашъ до того былъ ею пораженъ, что едва могъ придти въ себя. Къ 3 часамъ мы были опять во дворцѣ; второе приказаніе уже ожидало насъ; передавъ его въ полки, мы возвратились опять во дворецъ около 5 часовъ утра. Все, что̀ сообщалось, было совершенно секретно, и можно только сказать, что приказанія имѣли характеръ весьма тревожный; чувствовалось, что катастрофа приближается. Дворецъ все еще былъ мрачный, и никто не пріѣзжалъ; изрѣдка только проходили мимо насъ смущенныя особы царской фамиліи; но къ 6 часамъ начали собираться понемногу высокопоставленныя лица наши и дипломатическаго корпуса. Насъ, адъютантовъ, все еще не отпускали, и въ 8-мъ часу послѣдовало приказаніе служить молебны о здравіи императора въ полковыхъ манежахъ, а адъютантамъ опять возвратиться во дворецъ.

Около 10 часовъ утра 18-го февраля мы застали уже тамъ большое число лицъ, ежеминутно увеличивающееся. Наконецъ, въ началѣ втораго часа по полудни распространилась по дворцу роковая вѣсть о кончинѣ императора. Что тогда произошло, трудно описать: всѣ потеряли головы; движеніе, суета страшная, многіе плакали, бросались даже въ кабинетъ покойнаго императора, и хотя никто этому не препятствовалъ, но тамъ царствовало полное благоговѣніе передъ спокойнымъ лицомъ почившаго, отъ котораго только-что отлетѣла рыцарская душа его.

Мы тотчасъ получили приказаніе, чтобы командиры полковъ прибыли во дворецъ для принесенія присяги новому императору. Когда я выѣзжалъ изъ дворца, то вся площадь была наполнена народомъ, и со стороны бывшей разводной площадки [1]), между дворцомъ и адмиралтействомъ, раздавались шумные возгласы. Шумѣлъ народъ. Послѣ же слышалъ, что требовали доктора Мандта, лѣчившаго покойнаго императора. Спускаясь съ дворцовой лѣстницы и едва пробираясь черезъ толпу вновь прибывающихъ, я встрѣтилъ одного знакомаго камеръ-юнкера, который спросилъ меня о состояніи здоровья государя, и когда я отвѣтилъ, что его величество уже скончался, то не только знакомый мой, но и другіе, слышавшіе мой отвѣтъ, остановились, какъ громомъ пораженные; такъ всѣ были озадачены отъ полной неожиданности событія.

Передавъ послѣднее приказаніе, мы остались въ полкахъ, а часа черезъ два съ половиной, присягнувшій полковой командиръ возвратился изъ дворца и привелъ къ присягѣ полкъ.

Новое царствованіе началось!

Черезъ день, 20-го февраля, гвардейскимъ офицерамъ было приказано прибыть въ Зимній дворецъ къ часу дня; всѣ собраны были по полкамъ въ одномъ залѣ. Государь съ малолѣтнимъ наслѣдникомъ, покойнымъ Николаемъ Александровичемъ, вошелъ въ залъ и сказалъ, что прощается съ нами, какъ главнокомандующій, и встрѣчаетъ насъ, какъ императоръ. Долго онъ говорилъ и, наконецъ, прочиталъ выдержку изъ завѣщанія императора Николая I-го, въ которомъ покойный въ особенно теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ за службу свою славную, вѣрную гвардію. Тутъ голосъ государя дрогнулъ, и на глазахъ его показались слезы. Его благородная, изящная наружность, необыкновенно трогательное выраженіе лица и звучный, мягкій, симпатичный голосъ до того наэлектризовали офицеровъ, что они пали на колѣни, замахали султанами, бывшими на прежнихъ каскахъ, и съ неумолкаемыми криками «ура!» бросились къ нему, а маленькаго наслѣдника подхватили на руки, такъ какъ около государя образовалась страшная тѣснота; возвратиться

---

[1]) Нынѣ садъ передъ Зимнимъ дворцомъ.

къ той двери, изъ которой вышелъ къ намъ, онъ уже не могъ; огромная толпа офицеровъ оттѣснила его, и онъ едва могъ пробраться уже въ противоположную дверь зала. Минута была незабываемо-торжественная, въ которую выразилась вполнѣ та безпредѣльная любовь, какую умѣлъ внушить къ себѣ бывшій нашъ главный начальникъ, принимавшій тяжкое бремя царствованія въ ужасный моментъ, переживаемый Россіею, тѣснимой всей Европой.

Не буду останавливаться на подробностяхъ довольно продолжительныхъ печальныхъ церемоній и самаго погребенія усопшаго императора; все это достаточно извѣстно. Замѣчу только, что особенно трогательно было видѣть на панихидахъ во дворцѣ и въ Петропавловскомъ соборѣ прощаніе вдовствующей императрицы съ нѣжно-любимымъ ею супругомъ и удрученное состояніе новаго императора.

Къ зимѣ 1855 года 2-я гвардейская резервная дивизія была передвинута въ Москву, гдѣ и оставалась до расформированія ея въ 1856-мъ году по окончаніи войны и коронаціонныхъ торжествъ.

30-го марта 1856 г. исполнялось столѣтіе со дня основанія лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка и за нѣсколько дней до этого числа императоръ Алесандръ II пожаловалъ въ Москву для присутствованія при юбилейномъ празднованіи полка. Вмѣстѣ съ его величествомъ прибылъ новый командиръ гвардейскаго резервнаго корпуса, генералъ-адъютантъ князь А. И. Барятинскій, будущій намѣстникъ Кавказа. Государь былъ особенно милостивъ и въ очень хорошемъ расположеніи духа, вѣроятно потому, что состоялось перемиріе подъ Севастополемъ.

Наконецъ наступилъ знаменательный для лейбъ-гренадеръ юбилейный день. Парадъ былъ назначенъ въ большомъ московскомъ манежѣ, куда къ $10^1/_2$ часамъ утра прибылъ полкъ со старыми боевыми знаменами, а вновь даруемыя стояли у церкви манежа. Я долженъ былъ явиться къ 12 часамъ во дворецъ и поздравить его величество—шефа нашего—съ исполнившимся столѣтіемъ полка. Представляющихся было очень много и между прочими отдѣльной группой стояли губернскій и уѣздные предводители московскаго дворянства. Въ пріемномъ залѣ былъ также кн. Барятинскій, который и поставилъ меня первымъ у двери, изъ которой его величество долженъ былъ выйти къ представляющимся. Вскорѣ государь вышелъ въ нашемъ мундирѣ и, на произнесенное мною поздравленіе съ днемъ совершившагося столѣтняго юбилея полка, изволилъ милостиво отвѣтить:

— Я тоже поздравляю и благодарю за службу,—при чемъ удостоилъ меня объятіемъ и поцѣлуемъ.

Государь началъ пріемъ представляющихся, и когда онъ подходилъ къ предводителямъ дворянства, то кн. Барятинскій приказалъ мнѣ ѣхать къ полку и объявить, что его величество сейчасъ прибудетъ въ

манежъ. Только-что я передалъ это приказаніе и, надѣвъ бывшій въ то время принадлежностію фронтовой формы нагрудный знакъ, сталъ на свое мѣсто у музыки, какъ вскорѣ взошелъ государь и, обойдя фронтъ, приказалъ приступить къ церемоніи освященія новыхъ знаменъ, которую совершалъ претопресвитеръ Бажановъ. Отъ него, по окончаніи богослуженія, знамена принялъ колѣнопреклоненный командиръ полка и черезъ меня передалъ ихъ знаменщикамъ, съ которыми я обнесъ ихъ передъ фронтомъ полка при громогласномъ «ура!». Затѣмъ слѣдовало прохожденіе полка церемоніальнымъ маршемъ, и его величество, выразивъ полковому командиру полнѣйшую благодарность за парадъ, изволилъ отбыть изъ манежа. Въ тотъ же день былъ большой обѣдъ во дворцѣ, при чемъ за царскимъ столомъ сидѣли, кромѣ министра императорскаго двора и корпуснаго нашего командира, исключительно офицеры полка: по правую сторону императора прежде служившіе, а по лѣвую—бывшіе въ то время въ составѣ полка по старшинству. Министръ двора и князь Барятинскій сидѣли противъ государя, а рядомъ съ послѣднимъ было назначено мѣсто полковому адъютанту; всѣ остальные, къ обѣду приглашенные, не принадлежащіе къ полку, какого бы ни были высокаго ранга, помѣщались за другими столами. Во время обѣда играла музыка нашего полка и играла очень хорошо. Когда государь узналъ, что музыканты учились всего одинъ годъ, то особенно благодарилъ ихъ. За обѣдомъ государь нѣсколько разъ изволилъ обращаться ко мнѣ съ вопросами по исторіи полка, которую я, конечно, предварительно хорошо прочиталъ и потому въ отвѣтахъ не затруднялся. Послѣ обѣда всѣ перешли въ сосѣдній залъ, гдѣ былъ поданъ кофе; государь обращался къ намъ съ милостивымъ разговоромъ и изволилъ сказать, чтобы мы имѣли въ виду предстоящій застой въ производствѣ, такъ какъ изъ двухъ полковъ составится одинъ, излишніе нижніе чины будутъ уволены въ безсрочный отпускъ, а офицеры всѣ поступятъ въ одинъ полкъ. Тогда я сказалъ, что мы служили въ войскахъ, когда въ томъ надобность была, а теперь, по окончаніи войны, вѣроятно многіе тоже попросятся въ безсрочный отпускъ. На это государь отвѣтилъ:

— Вижу, куда ты собираешься,—и, отведя меня немного въ сторону, изволилъ спросить:—слышалъ ты, что я говорилъ сегодня московскимъ предводителямъ дворянства?

Я отвѣтилъ, что долженъ былъ уѣхать къ полку, и потому мнѣ не удалось самому слышать, но что рѣчь его величества предводителямъ была настолько знаменательна, что я еще до обѣда узналъ о ней и преклоняюсь передъ мудрымъ начинаніемъ великаго монарха. Государь улыбнулся и сказалъ:

— Очень радъ за тѣхъ, кто сознаетъ необходимость предположенной мною реформы; поѣзжай и благословясь работай.

И такъ великое въ исторіи Россіи дѣло освобожденія крестьянъ впервые было провозглашено императоромъ въ мундирѣ л.-гв. Гренадерскаго полка. Глубоко соболѣзную теперь, что мнѣ не пришлось дослужить до права носить этотъ мундиръ.

Въ этотъ же день въ л.-гв. Гренадерскомъ полку появилось поэтическое привѣтствіе слѣдующаго содержанія:

Свершился нынѣ вѣкъ твоей достойной жизни,
Давно прославленный лейбъ-Гренадерскій полкъ!
Служилъ геройски ты возлюбленной отчизнѣ,
И дѣлъ твоихъ восторгъ досель въ ней не умолкъ.

* * *

Едва родившійся во дни Елизаветы,
Ты съ юныхъ лѣтъ уже былъ битвы властелинъ.
И, помня данные отечеству обѣты,
Съ врагами родины дрался, какъ исполинъ!

* * *

И, славы полнъ, ты, взысканный Екатериной,
Стремительно леталъ во слѣдъ ея орловъ,
И не забылъ Кагулъ твой мечъ неотразимый,
И помнитъ Измаилъ грозу твоихъ штыковъ!

* * *

Но грянулъ страшный громъ двѣнадцатаго года,
И ты, закаленный въ губительныхъ бояхъ,
За русскій тронъ и славу русскаго народа
Дрался—и умиралъ на отческихъ поляхъ!

* * *

И русскій царь, нашъ Александръ Благословенный,
Отъ стѣнъ родной Москвы тебя въ Парижъ водилъ,
И,—съ нами русскій Богъ,—врагъ всюду побѣжденный
Предъ нимъ вѣнчанную главу свою склонилъ!

* * *

Свѣжа въ твоихъ сердцахъ могила Николая,
Великій путь тебѣ онъ къ славѣ указалъ,—
И маніемъ его, Балканы низвергая,
Ты лавры вѣчные подъ Варною стяжалъ!

* * *

Твой вѣкъ обиленъ былъ великими дѣлами,
И войска русскаго ты славу сохранилъ,
Взлелѣянный шестью державными царями,
Для нихъ ни жизни ты, ни крови не щадилъ!

* * *

Широкая лежитъ въ грядущемъ вамъ дорога
И свѣтится въ дали роскошная заря!
И то заря—надежда твердая на Бога
И благость нашего безцѣннаго царя!

* * *

Воспрянь же прежній духъ въ твоей груди широкой!
Сравниться съ предками усердіемъ горя,
И жизни не щади для смерти ты высокой,
За вѣру, родину и русскаго царя!

Этотъ геройскій духъ воспрянулъ въ послѣднюю турецкую войну, при взятіи Горняго Дубняка, когда лейбъ-гренадеры, осыпаемые градомъ смертоносныхъ снарядовъ, съ распущенными знаменами шли, какъ на ученьи, неудержимо бросились на крѣпостные валы и, вспомоществуемые измайловцами и еще нѣкоторыми полками, овладѣли этимъ стратегическимъ пунктомъ.

Скоро послѣдовало отбытіе его величества изъ Москвы, а я, въ восторгѣ отъ милостивыхъ словъ, сказанныхъ мнѣ государемъ послѣ царскаго обѣда, испросилъ себѣ трехмѣсячный отпускъ. Отправясь въ свое имѣніе Костромской губерніи, я началъ присматриваться къ предстоящей дворянству дѣятельности, разсчитывая, послѣ коронаціонныхъ празднествъ и по расформированіи резервнаго полка, ѣхать въ безсрочный отпускъ и посвятить себя сельскому хозяйству и подготовленію къ предстоящей крестьянской реформѣ.

Возвратился я изъ отпуска въ Москву въ началѣ августа. 14-го числа къ вечеру ихъ величества прибыли для священнаго коронованія, остановясь предварительно въ Петровскомъ дворцѣ, гдѣ въ тотъ же день послѣдовала церемонія прибитія знаменъ для гвардейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, вновь сформированныхъ изъ гвардейскихъ резервныхъ полковъ, а также для бывшихъ на западной границѣ трехъ баталіоновъ л.-гв. Гренадерскаго полка; 16-го числа происходило освященіе и раздача этихъ знаменъ. 17-го въ 3 ч. по полудни состоялся торжественный въѣздъ въ Москву ихъ императорскихъ величествъ; 20-го былъ парадъ на Ходынскомъ полѣ огромной массы гвардіи въ двойномъ противъ обыкновеннаго комплектѣ. Блистательный обрядъ священнаго коронованія совершился 26-го августа. Погода была великолѣпная, безоблачное небо и ни малѣйшаго вѣтра.

Два солнца взошло въ этотъ день надъ Москвою; одно обыкновенное свѣтило, весь міръ оживотворяющее, другое — наше русское свѣтило, даровавшее намъ своими благотворными преобразованіями новую свѣтлую жизнь, — нашъ незабвенный царь-освободитель Александръ II. Не поддается описанію тотъ торжественный моментъ, когда императоръ въ коронѣ и порфирѣ, со скипетромъ и державой, сопровождаемый своею блестящею свитою и иностранными чрезвычайными послами, поднялся на Красное крыльцо Кремлевскаго дворца и съ верхней площадки троекратно поклонился присутствовавшимъ съ присущими ему сердечнымъ привѣтомъ и достоинствомъ высокоблагороднаго вѣнценосца. За тѣмъ слѣдовали обѣды и балы въ Грановитой па-

латѣ, въ Александровскомъ залѣ дворца, у нѣсколькихъ иностранныхъ пословъ, въ дворянскомъ собраніи и торжественный спектакль, состоявшійся 30-го августа. Въ этотъ день нашъ полкъ занималъ караулы въ Москвѣ, а потому — и караулъ въ Большомъ театрѣ. На спектакль невозможно было попасть оберъ-офицеру, такъ какъ, при громадной массѣ лицъ высокопоставленныхъ, иностранныхъ посольствъ и придворныхъ, многіе полковники не получили билетовъ даже въ верхнихъ мѣстахъ; а потому я, съ разрѣшенія полковаго командира, самъ себя нарядилъ въ театральный караулъ. Въ то время караульный офицеръ долженъ былъ во все время спектакля находиться, въ караульной формѣ съ каской на головѣ, въ серединѣ театральнаго зала, при среднемъ проходѣ въ партерѣ, а потому я хорошо видѣлъ все торжество этого вечера. Царская фамилія помѣщалась въ средней ложѣ; по обѣ стороны ложи бель-этажа были предоставлены иностраннымъ посламъ, которые соперничали другъ передъ другомъ своими блестящими мундирами и туалетами ихъ дамъ, буквально залитыми бриліантами; въ особенности этой роскошью отличались ложи англійскаго и австрійскаго посольствъ. Французскій посолъ гр. Морни былъ еще холостымъ, и потому въ его ложѣ дамы отсутствовали. Представленіе состояло изъ оперы «Любовный напитокъ», съ Бозіо и Лаблашъ, и балета «Маркитантка», съ Ф. Чирито и Перо.

Коронованный императоръ отбылъ въ Петербургъ, и приступлено было къ переформированію гвардейскихъ полковъ по мирному положенію въ трехбаталіонный составъ, при чемъ увольнялись домой всѣ старослужащіе нижніе чины, около трехъ тысячъ человѣкъ. На каждаго слѣдовало приготовить отпускные документы и всѣ дѣла резервныхъ полковъ передать въ дѣйствующіе полки; все это было возложено на канцеляріи и адъютантовъ резервныхъ полковъ. Работы было много, трудились мы безъ отдыха и, не смотря на то, я только черезъ полтора мѣсяца могъ воспользоваться разрѣшеннымъ мнѣ безсрочнымъ отпускомъ и отправиться въ деревню къ новой дѣятельности.

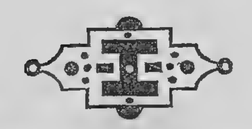
Два года прошли въ ожиданіи великаго переворота въ жизни Россіи. Между помѣщиками понемногу распространялись слухи о предположенной эмансипаціи крестьянъ, но достовѣрнаго ничего не знали; нѣкоторымъ молодымъ дворянамъ, пріѣхавшимъ изъ столицъ, была извѣстна непреклонная воля государя къ уничтоженію крѣпостнаго права, но они не были уполномочены объявлять объ этомъ и потому ограничивались только общими разсужденіями по этому вопросу, проводя мысль о необходимости скорѣе приступить къ благому начинанію, и съ нетерпѣніемъ ожидали разрѣшенія на это верховной власти. Такіе новые взгляды не нравились большинству помѣщиковъ съ устарѣлыми понятіями; они очень горячо и въ несдержанныхъ выраженіяхъ

порицали взгляды молодежи, которая, нужно отдать ей справедливость, въ большинствѣ случаевъ старалась не раздражаться этими порицаніями, а спокойно и убѣдительно доказывать правоту своихъ стремленій на пользу меньшой братіи. Затѣмъ, послѣ долгихъ ожиданій, появился извѣстный рескриптъ государя генералъ-губернатору Сѣверо-Западнаго края, генералъ-адъютанту Назимову, и высочайшее разрѣшеніе приступить къ обсужденію въ собраніяхъ дворянъ назрѣвшаго вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ. Тогда пошли уже въ средѣ дворянъ открытые споры и даже распри съ постепеннымъ, впрочемъ, усиленіемъ партіи, сочувствующей предстоящей реформѣ.

Наконецъ наступило 19-е февраля 1861 года! Манифестъ монарха былъ объявленъ у насъ въ Кинешемскомъ уѣздѣ, какъ и повсемѣстно въ имперіи, на 1-й недѣлѣ великаго поста. Церкви были переполнены; всѣ съ благоговѣніемъ слушали чтеніе царскаго воззванія и при произнесеніи словъ: «Осени себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ», присутствовавшіе, какъ крестьяне, такъ и дворяне, перекрестясь, пали на колѣна, и послышались по всей церкви умилительныя рыданія.

Совершилось! Моментъ былъ потрясающій; Россія обновлялась! Народъ спокойно разошелся по домамъ, и великое дѣло началось. Только люди, все это видѣвшіе, которые жили самостоятельной жизнью до Александра II и послѣ него, могутъ достаточно оцѣнить его мощную, благотворную дѣятельность на пользу Россіи.

Князь **А. П. Вадбольскій.**

Высочайшій выговоръ за небрежность.

Циркуляръ управляющаго министерствомъ юстиціи прокурорамъ.

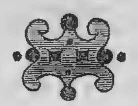
31-го января 1828 г.

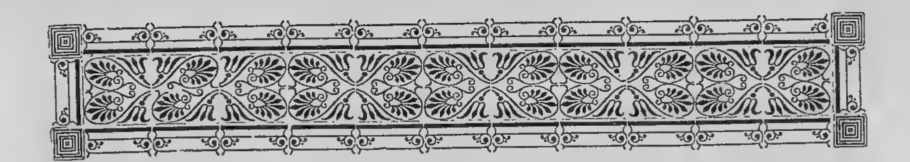
Государь императоръ изволилъ получить всеподданнѣйшій рапортъ московскаго губернскаго прокурора, объ арестантахъ, въ Москвѣ содержащихся более года, вложенный въ первоначальный листъ черноваго таковаго же рапорта.

Его величество повелѣть соизволилъ, за сію неосмотрительность московскаго губернскаго прокурора, сдѣлать ему выговоръ въ примѣръ другимъ.

Во исполненіе таковой монаршей воли, г. статсъ-секретаремъ Муравьевымъ мнѣ сообщенной, учинивъ московскому губернскому прокурору высочайше повелѣнный выговоръ, я даю объ ономъ знать всѣмъ губернскимъ прокурорамъ, для надлежащей съ ихъ стороны осмотрительности при исправленіи обязанностей службы.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

М. Р. Шидловскій

(по поводу оперы „Псковитянка“).

Въ началѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати былъ свиты е. в. генералъ-маіоръ М. Р. Шидловскій.

Пользуясь безусловнымъ уваженіемъ близко знавшихъ его людей, М. Р. Шидловскій, въ оффиціальныхъ и общественныхъ сферахъ не особенно располагалъ къ себѣ своей прямолинейностью и иногда чрезмѣрною горячностью; дѣйствія его часто подвергались рѣзкой критикѣ, при чемъ не скупились награждать его не совсѣмъ лестными для него эпитетами, по поводу его внѣшнихъ формъ, нѣсколько напоминавшихъ военную дисциплину временъ Николая I-го.

М. Р. Шидловскій былъ фанатикомъ долга; никакія побочныя обстоятельства и соображенія не могли заставить его отклониться отъ того, что̀ онъ считалъ прямымъ и точнымъ указаніемъ служебныхъ обязанностей, и въ этомъ отношеніи онъ представлялъ собою характерный, по тому времени, типъ.

Разъ я былъ свидѣтелемъ такого случая. Въ засѣданіи совѣта [1]), цензоромъ драматическихъ сочиненій докладывалось о поступившемъ въ цензуру либретто къ новой оперѣ Римскаго-Корсакова «Псковитянка». Въ виду нѣкоторыхъ ея сценъ (вѣче, народный бунтъ), цензоръ не находилъ удобнымъ допустить постановку этой оперы въ настоящемъ ея видѣ. Съ этимъ мнѣніемъ согласилось и большинство членовъ совѣта, полагавшаго предоставить цензору предложить автору сдѣлать въ либретто нѣкоторыя исключенія и измѣненія и затѣмъ вновь внести его

---

[1]) Я былъ тогда членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати.

на обсужденіе совѣта [1]). Но одинъ изъ членовъ, гофмейстеръ Ѳ. М. Толстой (извѣстный меломанъ и критикъ) горячо вступился за оперу и сталъ доказывать крайнюю, съ художественной точки зрѣнія, нежелательность какихъ-либо измѣненій или исключеній, при чемъ сослался на великаго князя Константина Николаевича, съ которымъ, какъ онъ говорилъ, онъ видѣлся наканунѣ и который живо интересовался этой оперой и желалъ сколь можно скорѣе видѣть ее на сценѣ, при чемъ добавилъ, что и императрица, какъ ему лично извѣстно, принимаетъ въ ней живѣйшее участіе. Тутъ Шидловскій, рѣзкимъ движеніемъ повернувшись къ Толстому, отчеканилъ ему такой отвѣтъ: «Ваше превосходительство! мы здѣсь сидимъ во имя закона и обязаны въ рѣшеніяхъ нашихъ руководиться лишь соображеніями, внушаемыми исполненіемъ служебнаго долга, независимо отъ какихъ бы то ни было личныхъ вкусовъ и желаній,—откуда и отъ кого бы они ни исходили; и я счелъ бы себя въ отвѣтѣ передъ государемъ, еслибъ когда-нибудь допустилъ малѣйшее отклоненіе отъ этого принципа, а ваше превосходительство я покорнѣйше просилъ бы не вносить въ наши дѣла обстоятельствъ, не подлежащихъ и не могущихъ подлежать нашему обсужденію».

Ѳ. М. Толстой сконфузился и болѣе не возражалъ.

Исторія эта въ тотъ же день стала извѣстна въ Англійскомъ клубѣ, и злые языки не преминули разнести ее со всевозможными комментаріями.

Вскорѣ послѣ этого Толстой оставилъ службу въ главномъ управленіи по дѣламъ печати; Шидловскій же назначенъ былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Что касается судьбы «Псковитянки», то окончательное разрѣшеніе на ея постановку состоялось уже при преемникѣ Шидловскаго, М. Н. Лонгиновѣ (кажется. въ 1872 г.), по исключеніи или измѣненіи авторомъ оперы нѣкоторыхъ ея сценъ.

П. Д. Стремоуховъ.

---

[1]) Вслѣдствіе сего докладъ цензора въ этотъ разъ не былъ включенъ въ журналъ засѣданія совѣта.

Изъ воспоминаній Г. И. Мѣшкова.

Пенза въ началѣ прошлаго столѣтія. Губернаторы кн. Г. С. Голицынъ и М. М. Сперанскій.—Посѣщеніе Пензы великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.—Губернаторъ Ѳ. П. Лубяновскій.—Епископы Иннокентій (Смирновъ) и Амвросій (Орнатскій).—Вступленіе войскъ въ Пензу.—Императоръ Александръ I въ Пензѣ въ 1824 году.—Канцелярскіе чиновники, ихъ жалованье и обычаи.—Провинціальные балы и увеселенія.

Съ наступленіемъ 1815 года, когда мнѣ пошелъ шестой годъ, матери моей вздумалось самой заняться свойственнымъ этому моему возрасту образованіемъ, т. е. она начала учить меня чтенію и письму. Оба эти занятія пришлись мнѣ, такъ сказать, по сердцу; я съ восхищеніемъ думалъ о томъ времени, въ которое и я, какъ всѣ, буду читать книги. Старанія матери моей были успѣшны; когда, чрезъ полтора года, дальнѣйшее образованіе мое было передано нанятому учителю, я уже порядочно читалъ, и въ этомъ отношеніи хлопотъ учителю было не много. Не смотря на протекшіе съ тѣхъ поръ 53 года, я какъ будто сейчасъ смотрю на своего учителя: это былъ семинаристъ высокаго роста съ смуглымъ, серьезнымъ лицомъ, въ долгополомъ синемъ сюртукѣ фабричнаго сукна съ побѣлѣвшими швами. Тогда щеголей было меньше теперешняго. Звали его Иванъ Васильевичъ Іерихонскій. Видя мою охоту къ ученію, онъ и самъ занимался со мною охотно и въ тѣ четыре или пять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ былъ моимъ учителемъ, я все больше и больше получалъ пристрастіе къ чтенію. Достойный педагогъ, занимаясь со мною по три часа ежедневно, преподавалъ мнѣ катехизисъ Ѳеофана Прокоповича, грамматику и ариѳметику Меморскаго; а въ послѣдній годъ своихъ со мною занятій началъ проходить со мною всеобщую исторію Шрекка и географію Пятунина. За всѣ эти труды онъ

получалъ такую плату, которая теперь покажется ничтожною и даже смѣшною, но тогда казалась изрядною: по пяти рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Платить за меня больше и дать мнѣ высшее образованіе отецъ мой не имѣлъ возможности; а сверхъ того ему казалось, что для той карьеры, которая мнѣ предназначалась, т. е. для гражданской службы, другихъ познаній не нужно было. Я учился охотно, а чтеніе сдѣлалось господствовавшею во мнѣ страстію, и я посвящалъ ему все мое время. Свойственныхъ тогдашнему моему возрасту игрушекъ у меня никогда не бывало; я обыкновенно просилъ отца и мать, чтобы, вмѣсто игрушекъ, покупали мнѣ книги съ картинками, или эстампы, разумѣется суздальской гравировки, которые въ то время во множествѣ продавались ходившими по домамъ разнозчиками. Эти мои просьбы всегда удовлетворялись. Кромѣ того, жившая напротивъ нашего дома княжна Олимпіада Алексѣевна Чегодаева, бывшая съ нашимъ семействомъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, въ день моего рожденія и именинъ, дарила мнѣ каждый годъ по нѣсколько эстамповъ. Няня моя, очень меня любившая и только недавно умершая на 80-мъ году, также меня баловала въ этомъ отношеніи и часто дарила мнѣ по одному, или по два эстампа. Изъ нихъ у меня и теперь сохраняется коллекція портретовъ тѣхъ генераловъ, которые участвовали въ войнѣ 1812—1815 годовъ. Эта страсть къ книгамъ и эстампамъ такъ во мнѣ и осталась.

Съ сосѣдями своими родители мои были въ лучшихъ отношеніяхъ. Изъ нихъ я назову Бахметевыхъ, Василія Михайловича Сабурова и Алексѣя Николаевича Загоскина; у втораго были внуки, а у послѣдняго сыновья и дочери, возрастъ которыхъ подходилъ къ моему. Но самою большою радостью было для меня, ежели мать моя брала меня съ собою, отправляясь къ Кохамъ. Но что же это были за Кохи? Личности эти, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ описанія, и я скажу о нихъ нѣсколько словъ. Ѳедоръ Андреевичъ Кохъ, полковникъ еще Екатерининской службы, былъ въ то время, когда Пензенскою губерніею съ 1780 по 1796 годъ управлялъ генералъ-поручикъ Ступишинъ, нѣкоторое время комендантомъ въ Пензѣ; онъ всегда былъ готовъ на разсказы о добромъ быломъ времени. Бывало, взмостясь къ нему на колѣни, разсказы эти слушалъ я съ большимъ удовольствіемъ и вниманіемъ, особо занимали меня семилѣтняя война и походы противъ турокъ. Оригиналенъ былъ его костюмъ: въ царствованіе Александра I, онъ все продолжалъ носить ту же форму Екатерининскаго времени, съ которою былъ уволенъ въ отставку. Въ свѣтлозеленомъ долгополомъ мундирномъ сюртукѣ, подбитомъ краснымъ стамедомъ, въ короткихъ казимировыхъ бѣлыхъ штанахъ, въ башмакахъ, съ незавязанными чулками, въ колпакѣ и съ длинною тростью, похожею на нынѣшнія священническія, съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ на длинной лентѣ,

этотъ почтенный 83-хъ лѣтній ветеранъ гуляетъ, бывало, по Покровской улицѣ. Костюмъ его не измѣнялся и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заходилъ къ кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ; по крайней мѣрѣ, онъ много разъ бывалъ въ нашемъ домѣ одѣтымъ такимъ образомъ. Сестра его, дѣвица Христина Андреевна, была не многимъ моложе. По нѣмецкому обычаю, она сама завѣдывала своею кухнею и сама же стряпала разные сладкіе пирожки и другія печенья. Они-то меня и тянули въ этотъ гостепріимный, патріархальный домъ, ежели не считать еще другаго, прибавочнаго удовольствія. У нихъ были двѣ маленькія, ученыя собачки; бывало, одну изъ этихъ собачекъ нарядятъ въ старинный, нарочно сшитый миніатюрный мундиръ, съ шляпою и деревянною шпагою; другую въ роброндъ и фижмы. Въ этомъ нарядѣ, обѣ собачки, ходя на заднихъ лапкахъ, выдѣлывали уморительныя штуки, и я каждый разъ уходилъ отъ Коховъ съ большимъ сожалѣніемъ, потому что оба старика меня любили, баловали и кормили всякими сластями.

Къ воспоминаніямъ этой эпохи я долженъ отнести, во-первыхъ, то время, когда высланы были въ Пензу офицеры французскихъ войскъ, взятые въ плѣнъ во время отечественной войны, и потомъ, обратное слѣдованіе чрезъ Пензу на свои мѣста башкирскихъ войскъ. Въ обоихъ случаяхъ, домъ нашъ не остался безъ постояльцевъ, потому что квартирная повинность отводилась тогда въ Пензѣ натурою. Плѣнныхъ я едва помню; остался только въ памяти моей одинъ капитанъ, очень израненный. Я помню, что онъ носилъ на головѣ серебряную бляху, потому что былъ жестоко раненъ въ черепъ. Башкирскія войска я помню яснѣе, такъ какъ они проходили позже. У насъ квартировали пять или шесть нижнихъ чиновъ; но напротивъ нашего дома, у княжны Чегодаевой, квартировалъ ихъ полковникъ, котораго звали Мязитъ Матвѣевичъ. Не смотря на краткость пребыванія въ Пензѣ, онъ былъ у насъ нѣсколько разъ и когда собрался въ дальнѣйшій путь, то подарилъ мнѣ лукъ и колчанъ со стрѣлами, которые и теперь у меня цѣлы. Между тѣмъ, квартированіе башкиръ въ нашемъ домѣ не обошлось безъ послѣдствій: чрезъ нѣсколько дней по выходѣ изъ Пензы, одинъ изъ этихъ башкиръ бѣжалъ съ дороги и, возвратясь сюда, явился на свою бывшую квартиру и объявилъ отцу моему, что ушелъ съ намѣреніемъ креститься. Не смотря на этотъ поводъ, побѣгъ все-таки остался побѣгомъ, и отецъ мой, хотя съ сожалѣніемъ, но долженъ былъ предать бѣглеца въ полицію. Чѣмъ кончилось это дѣло, я уже не знаю.

Въ Пензѣ въ это время былъ губернаторомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и камергеръ князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ. Молодой, красавецъ собою, знатной фамиліи, богатый и образованный, онъ жилъ, какъ настоящій вельможа. Позднѣе я слышалъ, что, живя въ провинціи при существовавшей тогда на все дешевизнѣ, онъ, все-таки,

проживалъ здѣсь до 100 тысячъ рублей ежегодно; сумма огромная для того времени. И этому очень можно было повѣрить; балы, маскарады, благородные спектакли въ домѣ его смѣнялись одни другими, зимою или лѣтомъ, это было все равно. Князь Голицынъ и жена его были въ давнишнихъ дружескихъ связяхъ съ мою крестною матерью, генеральшею Ступишиною; и это было поводомъ къ тому, что они, бывая часто въ домѣ г. Ступишиной, близко познакомились съ моими отцомъ и матерью и почтили ихъ своимъ добрымъ расположеніемъ и вниманіемъ. На всѣ, бывавшіе въ домѣ князей Голицыныхъ праздники и удовольствія родители мои были постоянно приглашаемы, и князь всегда присылалъ за ними экипажъ, такъ какъ у нихъ своего не было. Иногда отецъ и мать мои бывали у князей Голицыныхъ и запросто; при чемъ, по желанію княгини, мать моя брала съ собою и меня. Я зналъ наизусть нѣсколько строфъ тогда только-что вышедшей въ свѣтъ баллады Жуковскаго: «Людмила». Бывало, князь, посадивъ меня къ себѣ на колѣни, говорилъ: «ну, тезка, читай Людмилу!» И я читалъ; а за то мнѣ всегда готова была награда въ видѣ конфектъ.

Въ мартѣ 1815 года семейство наше увеличилось еще слѣдующимъ образомъ: У матери моей была младшая сестра, дѣвица Вѣра Ѳедоровна Ложкина. Она воспитывалась въ Москвѣ, въ пансіонѣ и, окончивъ свое образованіе, до 17 лѣтъ своего возраста жила въ Тамбовской губерніи, въ домѣ тамошней помѣщицы, Анны Ивановны Языковой. Мать моя просила отца выписать молодую дѣвушку сюда, чтобы жить вмѣстѣ. Я, какъ ребенокъ, ничего объ этомъ не зналъ; но въ одинъ день (это было въ воскресенье), когда отецъ куда-то отправился, а мать, бывшая на послѣднихъ дняхъ беременности, была у обѣдни, вдругъ во дворъ нашъ явился дорожный экипажъ, и вышедшая изъ него молодая, очень красивая, бѣлокурая дѣвушка, вошедши въ комнаты, расцѣловала меня и брата моего и объявила, что она наша тетка. Вскорѣ отошла обѣдня, и мать моя возвратилась; но радость свиданія съ сестрою, послѣ долгой разлуки, едва не обошлась ей дорого. Тетка моя, желая сдѣлать матери сюрпризъ, спряталась за дверь; когда мать моя вошла въ комнату, тетка вдругъ бросилась ей на шею, и взволнованная испуганная этимъ мать упала безъ чувствъ. Дня черезъ три послѣ этого, 21-го марта, родилась сестра Агнея Ивановна, воспріемниками которой были тѣ же г.г. Ступишина и Бахметевъ и я, съ дѣвицею Маргою Ефимовною Чемесовою. Мнѣ было 5, а кумѣ моей 24 года отъ роду.

Родители мои, соображаясь съ своими средствами, жили скромно; поэтому, такое событіе, какъ крестинный обѣдъ, представлялось мнѣ событіемъ необыкновеннымъ. Пріѣхали всѣ кумовья: г. Ступишина, въ возкѣ, въ шесть лошадей цугомъ, какъ она ѣзжала всегда, пользуясь

правомъ генеральства и съ своимъ костылемъ (она была хрома); г. Бахметевъ въ своемъ сѣромъ фракѣ. Пришла и сосѣдка наша, княжна Чегодаева, въ неизмѣнной своей зеленой, атласной, съ высокою тульею, шляпкѣ, съ зеленымъ же перомъ. Такія шляпки носила одна только она; еще я видѣлъ только на старыхъ эстампахъ прошлаго столѣтія. Учтивостямъ генеральши къ княжнѣ и обратно не было конца; онѣ величали другъ друга сіятельствомъ и превосходительствомъ.

Уединенный, всегда спокойный образъ нашей семейной жизни нарушался иногда, впрочемъ очень рѣдко, тѣми случаями, когда генеральша Ступишина вздумаетъ, бывало, пріѣхать къ намъ вечеромъ, чтобы, въ партіи съ моимъ отцомъ и еще съ кѣмъ-либо изъ лицъ, ей близкихъ, поиграть въ бостонъ, до котораго она была большая охотница. Подобное посѣщеніе, разумѣется, объявлялось заранѣе, и когда наставалъ торжественный день, Боже мой! что за суматоха поднималась въ нашемъ скромномъ убѣжищѣ! Зеркала, висѣвшіе на стѣнахъ эстампы: «Вертеръ и Шарлотта» за стеклами вымывались начисто, старые фамильные портреты въ гостиной, ломберные столы и незатѣйливая, обитая бѣлымъ съ голубыми полосами канифасомъ мебель освобождались отъ покрывавшей ихъ пыли и на два стола въ гостиной, въ ярко вычищенныхъ подсвѣчникахъ, церемоніально устанавливались четыре сальныя свѣчи. Лампы были тогда рѣдкостью; о стеаринѣ не имѣли еще понятія, а что касается до воска, то я, чрезъ нѣсколько даже лѣтъ, бывалъ на такихъ танцовальныхъ вечерахъ, гдѣ все освѣщеніе состояло тоже изъ однихъ сальныхъ свѣчей!

Или, иногда, человѣкъ 10—12 изъ короткихъ знакомыхъ, все мужчины, собирались поиграть въ карточки. Бывали случаи, что засиживались до двухъ, или трехъ часовъ за полночь; но въ какую же игру играли эти господа? Въ свои козыри и на мѣдныя деньги! Я помню, что одинъ разъ, когда мать моя и тетка были въ деревнѣ у г. Ступишиной, отецъ мой, не бывши никогда сторонникомъ поздняго сидѣнья и утомившись, оставилъ своихъ посѣтителей за карточными столами и, раздѣвшись, легъ спать. Кончивши игру, гости хватились хозяина; но онъ, уже въ колпакѣ, съ постели отвѣчалъ имъ: «я давно уже легъ, господа! Вы меня просто замучили!» Такова была простота нравовъ того времени, что эта выходка моего отца, которую теперь сочли бы обидою, была привѣтствована только однимъ громкимъ, дружескимъ смѣхомъ; гости разъѣхались и разошлись безъ малѣйшаго неудовольствія.

Весною и лѣтомъ мы пользовались еще другимъ удовольствіемъ. Домъ отца моего стоялъ на Нижней Покровской улицѣ; стоило, повернувши изъ воротъ налѣво, перейти одинъ переулокъ, чтобы потомъ, по мосту чрезъ рѣку Пензу, перебраться въ поле. Это мы всѣ, и старшіе и младшіе, называли: «идти на поляну». Компанія, которая отправля-

лась на эту прогулку, ежедневно, ежели погода была хороша, обыкновенно состояла человѣкъ изъ двадцати, а иногда и больше. Тутъ кромѣ собственнаго нашего семейства бывали двое моихъ дядей съ ихъ женами и сыномъ старшаго дяди, семейство Лазаревыхъ, Ѳедоровыхъ, Бетюцкихъ и Рихтеръ. На полянѣ рѣзвостямъ не было конца: тутъ были и хороводы, и горѣлки. Бывало, возвратясь вечеромъ домой, ложишься спать съ мыслію: «какъ бы завтра повеселиться по-нынѣшнему!»

Наступаетъ бывало, праздникъ Свѣтлаго Воскресенія. Въ пятницу на страстной недѣлѣ домъ нашъ принималъ уже праздничный видъ; въ субботу утромъ, обыкновенно подъ личнымъ надзоромъ моей матери, начинался процессъ окраски яицъ сандаломъ или шелкомъ. Но вотъ наступаетъ 10 часовъ вечера,и въ церквахъ начинается благовѣстъ «къ стоянью». Въ это время тѣ семейства, о которыхъ я упомянулъ выше, какъ объ участникахъ въ прогулкахъ, всѣ собирались къ намъ, съ тѣмъ, чтобы, не ложась спать, всѣмъ вмѣстѣ отправиться къ заутренѣ въ одну и ту же церковь. Меня, разумѣется, въ тѣсноту не брали, но все, что я описалъ выше, тѣмъ не менѣе мнѣ памятно.

Утромъ 20-го октября 1816 г., по увольненіи князя Голицына отъ должности пензенскаго губернатора, пріѣхалъ въ Пензу преемникъ его, тайный совѣтникъ М. М. Сперанскій.

Между тѣмъ, пріѣздъ новаго губернатора, прежнее высокое его положеніе и, можно сказать, слава его имени занимали умы всѣхъ: всѣ и вездѣ о немъ разговаривали. Въ нашемъ домѣ также много о немъ говорили, потому что младшій изъ моихъ дядей, Сергій Ивановичъ, служилъ въ это время въ губернскомъ правленіи секретаремъ и, стало быть, ежедневно былъ свидѣтелемъ энергическихъ, благоразумныхъ и безпристрастныхъ распоряженій Сперанскаго. Этотъ сановникъ, узнавши дядю моего короче, почтилъ его полнымъ своимъ довѣріемъ и вскорѣ исходатайствовалъ ему орденъ св. Владиміра 4-й степени,—отличіе, въ то время рѣдкое, особенно ежели принять еще въ соображеніе молодость моего дяди, который имѣлъ тогда только 29 или 30 лѣтъ.

Безпрестанные разговоры и разсказы о Сперанскомъ возбудили во мнѣ желаніе его видѣть, и я не успокоился до тѣхъ поръ, пока отецъ мой не удовлетворилъ моей просьбы взять меня къ обѣднѣ въ соборъ, гдѣ, по праздникамъ, Сперанскій бывалъ обыкновенно. Благородная, величавая и выразительная его наружность и теперь у меня какъ будто предъ глазами: я живо помню его высокій ростъ, почти лишенную волосъ голову, его взглядъ, обыкновенно въ полъ-глаза, его низкіе всѣмъ поклоны, его синій, или иногда сѣрый фракъ съ двумя звѣздами на лѣвой сторонѣ и большой крестъ на шеѣ. Позднѣе Сперанскій былъ нѣсколько разъ и у насъ въ домѣ.

Въ сентябрѣ Пенза удостоилась посѣщенія великаго князя Михаила Павловича, въ сопровожденіи генералъ-лейтенанта Паскевича, впослѣдствіи знаменитаго фельдмаршала, князя Варшавскаго, графа Эриванскаго. Его высочество, бывъ встрѣченъ съ большою торжественностью, подъѣхалъ прямо къ собору, гдѣ служба въ то время была только въ нижнемъ этажѣ, потому что отдѣлка верхняго только-что была начата, а старый соборъ, существовавшій съ 1700 года, за ветхостью, въ 1815 году, былъ разобранъ. Вечеромъ великій князь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ балъ, данный въ честь его собравшимся сюда дворянствомъ. Я видѣлъ и великаго князя и будущаго фельдмаршала; отецъ мой, отправляясь въ соборъ, взялъ и меня съ собою.

Протекли два года, и семейство наше увидѣло посреди себя новаго члена: 31-го мая 1819 г., наканунѣ Троицына дня, между вечернею и всенощною, родился братъ мой Владиміръ Ивановичъ, пятый ребенокъ моей матери. Здоровье ея было удовлетворительно; но на другой день вечеромъ, она была очень испугана пожаромъ, происшедшимъ въ сосѣдней съ нашею, Верхней Покровской улицѣ. Въ Троицынъ день въ то время обыкновенно бывало народное гулянье въ такъ называемой «Очкинской рощѣ», перейдя рѣку Пензу, за городомъ. День былъ превосходный; отецъ мой, желая доставить удовольствіе мнѣ и брату Александру, отправился съ нами туда же; но каковъ же былъ нашъ ужасъ, когда, едва дошедши до мѣста, мы услышали набатъ и, оглянувшись, увидѣли, что пожаръ недалеко отъ нашего дома! Бѣгомъ возвратились мы домой, но, слава Богу, все кончилось благополучно: пожаръ скоро потушили, а испугъ моей матери прошелъ, къ счастію, безъ всякихъ для нея послѣдствій.

Въ началѣ того же мѣсяца губернаторъ Сперанскій, получивъ назначеніе генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, уѣхалъ изъ Пензы. Передъ отъѣздомъ, онъ приглашалъ отца моего на службу туда же, предлагая должность совѣтника; но отецъ, имѣя въ то время на рукахъ много частныхъ дѣлъ, прибыль отъ которыхъ далеко превышала тогдашнее жалованье совѣтника и, бывши обремененъ большимъ семействомъ, что̀ очень затруднило бы переѣздъ, благодарилъ генералъ-губернатора, отклонивъ его предложеніе. Тогда Сперанскій пригласилъ служить въ Сибирь вышеупомянутаго моего дядю Сергія Ивановича; а онъ, не имѣя другаго семейства кромѣ жены, охотно согласился и въ началѣ слѣдующаго года, вслѣдствіе полученной имъ отъ Сперанскаго оффиціально бумаги, отправился, на первый случай, одинъ, въ Томскъ, гдѣ тотчасъ же получилъ мѣсто совѣтника съ производствомъ въ чинъ коллежскаго ассесора. Лѣтомъ отправилась къ нему и жена его, Александра Алексѣевна; тамъ оставались они до осени 1827 года. Довѣріе и благорасположеніе генералъ-губернатора къ дядѣ

моему во все время, пока этотъ послѣдній состоялъ подъ его начальствомъ, нисколько не измѣнились; доказательствомъ этому могутъ служить многія его письма къ моему дядѣ, которыя, по кончинѣ его въ 1859 году, я взялъ къ себѣ и доселѣ сохраняю.

Сперанскій уѣхалъ изъ Пензы 7-го мая, дождавшись прибытія назначеннаго ему преемникомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ѳедора Петровича Лубяновскаго, съ которымъ издавна былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Проводы уважаемаго начальника были торжественны. Дворянство и чиновники устроили для него прощальный завтракъ, въ домѣ купца Калашникова, на берегу Суры, гдѣ былъ готовъ паромъ для переправы, потому что, по раннему времени года, рѣка только-что вошла въ берега и устройство моста было еще невозможно. Отецъ мой, отправясь на берегъ, взялъ съ собою и меня; такимъ образомъ я, 9-ти лѣтній мальчикъ, былъ свидѣтелемъ отъѣзда и проводовъ знаменитаго государственнаго сановника.

Около этого же времени престарѣлый нашъ епископъ Аѳанасій былъ уволенъ, по желанію его, на покой; преемникомъ ему назначенъ былъ извѣстный своею ученостію и краснорѣчіемъ Иннокентій (Смирновъ). Принявъ поставленіе въ этотъ санъ, преосвященный Иннокентій пріѣхалъ въ Пензу, какъ мнѣ помнится, или въ концѣ мая, или въ началѣ іюня; но, къ сожалѣнію, жителямъ Пензы не долго пришлось увлекаться и наслаждаться краснорѣчіемъ новаго архипастыря и удивляться его святой жизни; пріѣхавши сюда уже сильно больнымъ, онъ скончался 10-го октября того же года 35-ти лѣтъ отъ роду. Я нѣсколько разъ видѣлъ его въ служеніи и одинъ разъ на экзаменѣ въ семинаріи; наружность его у меня въ свѣжей памяти. Тѣло его погребено въ склепѣ подъ соборомъ; надъ нимъ иждивеніемъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской поставленъ незатѣйливый памятникъ. Не смотря на протекшее съ тѣхъ поръ полустолѣтіе, уваженіе пензенскихъ жителей къ памяти почившаго такъ велико, что ни одинъ почти день не проходитъ и теперь безъ того, чтобы кто-либо изъ нихъ не просилъ отслужить надъ гробницею панихиды. Во многихъ домахъ, какъ и у меня, есть его портреты. На мѣсто его пріѣхалъ въ началѣ слѣдующаго года также извѣстный своими духовно-историческими сочиненіями преосвященный Амвросій (Орнатскій). Это былъ человѣкъ страннаго, строптиваго и неуживчиваго характера, не пользовавшійся потому пріязнію жителей, въ совершенный контрастъ искренней любви и глубокому уваженію, которыми пользовался его предшественникъ...

Въ отсутствіе моей матери, въ октябрѣ, или въ ноябрѣ, теперь уже не помню хорошенько, въ Пензенскую губернію прибыла для квартированія 5-я дивизія 2-го пѣхотнаго корпуса, подъ командою генералъ-

лейтенанта Ивана Ѳедоровича Эмме. Собственно въ Пензѣ расположился дивизіонный штабъ и часть Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка, командиромъ котораго былъ полковникъ Александръ Андреевичъ Габбе, еще молодой человѣкъ. Но начальнику дивизіи было лѣтъ 70, или около того; генеральскій чинъ онъ получилъ, какъ въ послѣдствіи времени самъ мнѣ говорилъ, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины Второй. Не смотря на свои лѣта, онъ былъ невѣроятно бодръ и пользовался крѣпкимъ здоровьемъ. Покрытый звѣздами и крестами, съ крашеными волосами, онъ на балахъ нерѣдко открывалъ танцы вальсомъ; а о кадриляхъ и экосезахъ и говорить уже нечего. Онъ оставилъ службу въ 1825 году; на мѣсто его поступилъ генералъ-маіоръ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Юшковъ, а въ 1826 г., дивизія выступила изъ Пензенской губерніи.

Вступленіе въ губернію войскъ произвело здѣсь общее волненіе. До того, кромѣ внутренней стражи и проходившихъ воинскихъ командъ, войскъ никакихъ и никогда здѣсь не бывало на постоянномъ квартированіи. Жители (говоря вообще) любовались воинами и въ особенности гренадерами, которыхъ было въ каждомъ полку, кромѣ егерскихъ, по одному баталіону. И дѣйствительно, тутъ было чѣмъ любоваться. Молодцы собою, всѣ большаго роста, съ усами, въ киверахъ съ кутасами и витишкетами, съ высокими, почти аршинными султанами, эти воины, изъ которыхъ одни сражались при Смоленскѣ и Бородинѣ, другіе видѣли Парижъ, при парадахъ и разводахъ казались «ходячимъ лѣсомъ». Высшій классъ общества интересовался офицерами, изъ которыхъ многіе были людьми богатыми и хорошо образованными, даже служившими прежде въ гвардіи, но переведенными въ армію вслѣдствіе извѣстныхъ безпорядковъ въ Семеновскомъ полку. Молодежь изъ служившихъ въ присутственныхъ мѣстахъ чиновниковъ, любуясь на офицерскіе мундиры, шарфы съ кистями и брюки съ красными лампасами, сходила съ ума отъ желанія вступить въ военную службу; многіе и вступили, въ томъ числѣ двоюродный братъ мой Николай Алексѣевичъ, который, состоя въ гражданской службѣ и имѣя уже первый классный чинъ, поступилъ въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ юнкеромъ.

Наступившій затѣмъ 1824 годъ былъ ознаменованъ важнымъ для здѣшняго края событіемъ. Со времени основанія Пензы въ 1666 году, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, городъ этотъ не былъ еще удостоенъ посѣщенія особъ коронованныхъ. Но въ этомъ году государю императору Александру Павловичу угодно было назначить Пензу сборнымъ пунктомъ для личныхъ смотровъ и маневровъ войскъ всего 2-го пѣхотнаго корпуса. Понятно, что и въ военномъ, и въ гражданскомъ вѣдомствѣ поднялась страшная суматоха; приготовленіямъ и распоряженіямъ не было конца. Дворянство предположило выстроить на

Соборной площади, противъ корпусовъ присутственныхъ мѣстъ, огромную деревянную, крытую желѣзомъ галлерею, намѣреваясь дать въ честь державнаго гостя балъ. Къ исполненію было приступлено тотчасъ же, и мѣсяца чрезъ два зданіе было готово. Въ немъ могло помѣщаться до 1.500 человѣкъ. Огромныя колонны украшали фасадъ. Между тѣмъ начали собираться понемногу войска; они состояли изъ 4-й, 5-й и 6-й пѣхотныхъ дивизій, въ каждой изъ которыхъ было по шести полковъ; изъ гусарской дивизіи, гдѣ были четыре полка: Изюмскій, Павлоградскій, Иркутскій и Елисаветградскій, и одной дивизіи артиллерійской. Командирами пѣхотныхъ дивизій были генералъ-адъютанты Сипягинъ и Потемкинъ и генералъ-лейтенантъ Эмме; гусарскою дивизіею командовалъ генералъ-маіоръ Леонтьевъ; артиллерія была подъ командою генералъ-лейтенанта Игнатьева. Корпуснымъ командиромъ былъ генералъ-отъ-инфантеріи князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ, георгіевскій кавалеръ второй степени, родной племянникъ Суворова. Когда войска собрались, пріѣхалъ главнокомандовавшій 1-й арміею, графъ Сакенъ, съ начальникомъ главнаго штаба этой арміи, генералъ-лейтенантомъ барономъ Толемъ (впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи и графъ) и начальникомъ артиллеріи, генераломъ-отъ-артиллеріи, княземъ Яшвилемъ. Еще до прибытія государя, начались предварительные смотры и, такъ сказать, репетиціи маневровъ, хотя эти послѣдніе, какъ оказалось впослѣдствіи, ни къ чему не повели:—государю угодно было произвести маневры по собственному предначертанію и безъ предварительной для нихъ программы.

Велико и невиданно было для здѣшняго края количество собравшихся сюда войскъ, но въ самомъ городѣ оставались только корпусный и дивизіонные штабы; войска же были расположены вокругъ города лагеремъ, или помѣщались въ окрестныхъ селеніяхъ. Маневры, ученія, смотры и артиллерійская стрѣльба производились каждый день, чему какъ нельзя больше благопріятствовала превосходная погода, какъ будто само Небо сочувствовало радости пензяковъ видѣть здѣсь обожаемаго монарха. Отецъ мой, а иногда и мать съ теткою, не пропускали случая быть зрителями этихъ воинскихъ упражненій, я съ братомъ Александромъ также были постоянными ихъ спутниками. Въ первый разъ мирные пензенскіе жители услышали, во время артиллерійскихъ занятій, свистъ пушечныхъ ядеръ; общественный садъ, о которомъ я упомянулъ выше, былъ полонъ всякій почти день зрителями примѣрной защиты и взятія штурмомъ нашего города.

За нѣсколько дней до прибытія государя императора, жители города были зрителями церемоніи, также до тѣхъ поръ ими невиданной. Начальникъ гусарской дивизіи, генералъ-маіоръ Леонтьевъ, умеръ послѣ кратковременной болѣзни; парадныя сопровождаемыя военными поче-

стями похороны его не могли не привлечь большинства жителей города. Тѣло покойнаго предположили было отпѣвать въ соборѣ; но преосвященный Амвросій, о характерѣ котораго я упомянулъ выше, никакъ на то не согласился. По его понятіямъ, нельзя было внести покойника въ храмъ, готовившійся встрѣтить императора. Наступилъ день похоронъ, но пренія все еще продолжались; кончилось тѣмъ, что обѣдня, за которою происходилъ обрядъ погребенія, началась въ первомъ часу по полудни, и все-таки не въ соборѣ, а въ мужскомъ Спасопреображенскомъ монастырѣ. Торжественность обряда, при звукѣ военной музыки, при громѣ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, произвела на жителей большое впечатлѣніе.

Но время высочайшаго въ Пензу прибытія все приближалось. Государь долженъ былъ прибыть съ тамбовскаго тракта; согласно полученному распоряженію, слѣдовало, при самомъ въѣздѣ въ городъ, приготовить помѣщеніе, въ которомъ его величество могъ бы, остановясь на короткое время, смѣнить дорожное платье. Для этого, около самой тамбовской заставы былъ избранъ домъ г. Отто, теперь уже не существующій, въ которомъ и были сдѣланы необходимыя улучшенія. У г. Отто доселѣ сохраняется кресло, служившее государю императору въ это время.

Губернаторъ Ѳ. П. Лубяновскій принималъ, съ энергическою дѣятельностію, всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы, для слѣдованія его величества чрезъ губернію и для высочайшаго пребыванія въ Пензѣ все было въ лучшемъ, по возможности, порядкѣ. Предъ домомъ архіерейскимъ нужно было что-то исправить; съ просьбою о томъ губернаторъ отправилъ къ преосвященному Амвросію полицеймейстера коллежскаго совѣтника Путяту. Это былъ человѣкъ уважаемый, но безобразный собою. Когда онъ передалъ преосвященному просьбу губернатора, присовокупивъ, что нечистота предъ домомъ не можетъ быть теперь допущена, преосвященный спросилъ его: «а куда же губернаторъ дѣнетъ твое-то безобразіе?»

Но вотъ наступилъ наконецъ ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ день прибытія государя императора. Это было 30-го августа, день тезоименитства его величества. Время, въ которое государь императоръ изволитъ прибыть въ этотъ день, опредѣлено не было; поэтому народъ началъ собираться къ тамбовской заставѣ съ ранняго утра, а нѣкоторые, больше запасливые и терпѣливые, пришли туда еще съ вечера, т. е. 29-го числа. Погода была превосходная; не смотря на предпослѣднее число августа, было тепло и ясно, какъ въ маѣ.

На соборной колокольнѣ пробило 8 часовъ по полудни. Площадь и обширное, ведущее съ южной стороны въ соборъ крыльцо были полны народомъ. Все и всѣ ожидали, смотря и слушая съ нетерпѣніемъ. Вла-

сти гражданскія, въ полномъ парадѣ и преосвященный, въ полномъ облаченіи, съ первенствующимъ духовенствомъ, ожидали высочайшаго прибытія на послѣднихъ ступеняхъ крыльца. Графъ Сакенъ, хотя былъ Андреевскимъ кавалеромъ, имѣлъ на себѣ ленту Александровскаго ордена, потому что 30-го августа былъ кавалерскій его праздникъ. Предъ квартирою государя въ губернаторскомъ домѣ былъ почетный караулъ.

Вскорѣ, какъ перекатъ грома, послышались крики: «ура!» Это было изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ народа, который буквально, можно сказать, наполнялъ все пространство, отдѣлявшее домъ г. Отто отъ собора, хотя тутъ разстоянія никакъ не меньше версты.

У собора встрѣтили его величество епархіальный преосвященный съ духовенствомъ и губернаторъ съ губернскимъ предводителемъ и всѣми чиновниками. Выслушавъ привѣтственную рѣчь преосвященнаго и приложась въ соборѣ къ св. иконамъ, государь изволилъ отправиться на квартиру; вышелъ изъ коляски къ караулу, на флангѣ котораго находились графъ Сакенъ, князь Горчаковъ, князь Яшвиль, всѣ генералы и штабъ-офицеры. У подъѣзда губернаторъ отрапортовалъ словесно о благосостояніи губерніи и поднесъ его величеству письменный о томъ рапортъ.

Вслѣдъ за тѣмъ въ тотъ же вечеръ, имѣли аудіенціи графъ Сакенъ, нѣкоторые изъ генераловъ, и представлялись всѣ генералы, всѣ полковые командиры и командиры артиллерійскихъ бригадъ. Губернатору государь изволилъ отозваться въ самыхъ лестныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ.

На другой день, 31-го августа, въ 6 часовъ утра, государь, отслушавъ литургію въ приходской церкви Св. Петра и Павла, присутствовалъ на смотрѣ войскъ. По объѣздѣ ихъ, его величество объявилъ высочайшее благоволеніе и потомъ самъ лично удостоилъ командовать. Войска проходили церемоніальнымъ маршемъ. По возвращеніи на квартиру, представлялись государю епархіальный архіерей съ духовенствомъ и игуменьею Троицкаго женскаго монастыря. Затѣмъ губернаторъ представлялъ его величеству гражданскихъ чиновниковъ и губернскаго предводителя, который самъ уже представлялъ пензенское дворянство; наконецъ, губернаторъ представлялъ иногородныхъ дворянъ, Пензенское городское общество и депутатовъ отъ другихъ городовъ, съ хлѣбомъ и солью.

1-го сентября, также въ 6 часовъ утра, государь изволилъ отправиться на маневры. Съ одной стороны войска, превосходно одѣтыя, а съ другой, сонмы зрителей и множество экипажей составляли картину прелестную. Маневры продолжались 6 часовъ. Нижнимъ чинамъ за оба дня пожаловано по два рубля, по два фунта говядины и по двѣ чарки вина на человѣка.

Къ обѣденному столу его величества въ этотъ день приглашены были всѣ генералы, всѣ командиры полковъ и артиллерійскихъ бригадъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Нессельроде, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Матусевичъ, статскій совѣтникъ Северинъ, губернаторъ Лубяновскій, губернскій предводитель дворянства, генералъ-маіоръ Кишенскій, отставной генералъ-маіоръ Ланской и дѣйствительный статскій совѣтникъ Анненковъ.

2-го сентября, равнымъ образомъ въ 6 часовъ утра, государь изволилъ присутствовать у развода Невскаго пѣхотнаго полка; послѣ смотрѣлъ манежную ѣзду полковъ 2-й гусарской дивизіи и, наконецъ, цѣльную стрѣльбу пѣхоты и артиллеріи. Всѣ эти части удостоились высочайшаго одобренія; нижніе чины получили по рублю на человѣка, а пѣхотнымъ стрѣлкамъ назначено особенное денежное награжденіе.

Съ мѣста, гдѣ происходила цѣльная стрѣльба, государь изволилъ отправиться въ заведенія приказа общественнаго призрѣнія и въ тюремный за̀мокъ. У дверей тюремной церкви приложился къ поднесенному священникомъ кресту, а въ больницѣ за̀мка изволилъ съ особенною подробностію разспрашивать двухъ, недавно наказанныхъ за преступленія и объ одной изъ нихъ женщинѣ далъ губернатору особое повелѣніе. Въ больницѣ приказа самъ отвѣдывалъ приготовленную для больныхъ пищу и вездѣ въ полной мѣрѣ одобрилъ чистоту и устройство.

Въ то же утро, государь, въ сопровожденіи губернатора, осматривалъ городъ, пожарный инструментъ, гимназію и временный госпиталь 2-го пѣхотнаго корпуса, одно отдѣленіе котораго помѣщалось въ Дворянскомъ домѣ.

Вечеромъ 2-го сентября, его величество удостоилъ высочайшаго присутствія балъ, данный дворянствомъ въ той галлереѣ, о которой я упомянулъ выше. Губернаторъ, губернскій и уѣздные предводители имѣли счастіе встрѣтить его величество у подъѣзда. Въ аванзалѣ государь императоръ былъ встрѣченъ супругами губернатора и губернскаго предводителя и, удостоивъ подать руку первой изъ нихъ, изволилъ войти въ залу и тѣмъ открыть балъ. Слѣдующею дамою его величества была супруга губернскаго предводителя; прочія дамы, съ которыми государь удостоилъ пройти польскій, всѣ были назначены заранѣе. Но тутъ встрѣтился особенный случай. Въ числѣ гостей была Софья Александровна Кушкина, урожденная Ребиндеръ, только недавно вышедшая замужъ за Андрея Андреевича Кушкина, который служилъ адъютантомъ при начальникѣ гусарской дивизіи. Красота этой молодой дамы была истинно изумительна. Государь, остановивши на ней свой взглядъ, изволилъ о ней спросить и, получивъ отвѣтъ, кто она такая, соблаго-

волилъ пройти польскій и съ нею [1]). Пробывши на балѣ болѣе полутора часа, его величество отправился на квартиру, изъявивъ губернскому предводителю и дворянству въ милостивѣйшихъ выраженіяхъ признательность за угощеніе и назвавъ пензенскій балъ вторымъ послѣ московскаго.

3-го сентября, также въ 6 часовъ утра, государь во второй разъ присутствовалъ на маневрахъ. Никакой предварительной диспозиціи объявлено не было, и никто изъ генераловъ не былъ предупрежденъ о распоряженіяхъ, какія его величеству угодно было сдѣлать. Государь самъ изволилъ командовать, и движенія войскъ, до самой минуты начатія ихъ никому неизвѣстныя, совершались съ быстротою и точностію. Нижнимъ чинамъ пожаловано опять по рублю, по фунту говядины и по чаркѣ вина на человѣка.

Послѣ маневровъ, продолжавшихся болѣе шести часовъ, государь изволилъ быть на обѣдѣ, данномъ 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ въ устроенной для того на горѣ, въ виду города, палаткѣ. По окончаніи обѣда его величество отправился въ артиллерійскій лагерь, гдѣ, послѣ осмотра внутренняго устройства артиллеріи, всѣмъ былъ совершенно доволенъ.

Высочайшее пребываніе въ Пензѣ и въ Пензенской губерніи ознаменовано было многими щедротами: во множествѣ были розданы драгоцѣнные подарки и денежныя пособія. Городу Пензѣ, для укрѣпленія берега рѣки, пожаловано 20.000 р. ассигнаціями.

Наканунѣ отъѣзда его величества поздно вечеромъ имѣли счастіе получить: князь Горчаковъ осыпанную бриллiантами табакерку съ портретомъ; баронъ Толь—Александровскій орденъ; губернаторъ Лубяновскій—Владимірскій орденъ 2-й степени.

4-го сентября въ 7 часовъ утра, государь изволилъ отправиться изъ Пензы по симбирскому тракту; въ городѣ Городищахъ изволилъ кушать и въ 5 часовъ по полудни былъ уже за границею Пензенской губерніи.

Съ отбытіемъ изъ Пензы его императорскаго величества, все пришло въ прежнюю колею, объ этомъ событіи осталось одно только воспоминаніе, и теперь мало уже осталось ему современниковъ.

Въ числѣ лицъ, составлявшихъ въ то время свиту государя, былъ и нынѣшній генералъ-фельдмаршалъ графъ Бергъ, въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба; князь Горчаковъ, впослѣдствіи намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, былъ оберъ-квартермистромъ 1-й арміи, въ чинѣ полковника.

Но я забылъ сказать, что въ день прибытія его величества въ Пензу, въ устроенной для бала галлереѣ былъ данъ дворянствомъ

[1]) Теперь во второму мужу Золотарева.

большой обѣдъ, на который были приглашены весь генералитетъ и штабъ-офицеры. Во время тостовъ за здравіе государя императора и всей августѣйшей фамиліи, подвезенная артиллерія гремѣла безъ умолку. Постройка галлереи и всѣ издержки на этотъ обѣдъ и балъ обошлись въ 70.000 рублей. Купечество также устроило балъ; для этого, бывшая въ городскомъ саду галлерея была нарочно перестроена съ перенесеніемъ на другое мѣсто. Государь удостоилъ принять и этотъ балъ; но когда всѣ собрались, пріѣхавшій генералъ-адъютантъ объявилъ, что вслѣдствіе полученія какихъ-то важныхъ бумагъ, требовавшихъ немедленнаго занятія, его величество быть не можетъ.

Между тѣмъ губернаторъ нашъ, Ѳ. П. Лубяновскій, видя меня въ обществѣ и, видно судя по моему росту, что я старѣе тѣхъ лѣтъ, какія имѣлъ дѣйствительно, какъ-то при свиданіи съ отцомъ моимъ спросилъ его, почему онъ не опредѣляетъ меня на службу? Отецъ воспользовался этимъ случаемъ и просилъ губернатора опредѣлить, вмѣстѣ со мною, и брата моего; но какъ ему было только 13 лѣтъ, то просилъ, чтобы онъ былъ только зачисленъ, а между тѣмъ было бы ему позволено продолжать ученіе; на что губернаторъ и изъявилъ согласіе. Это было въ послѣднихъ числахъ мая 1825 г.; отецъ написалъ намъ просьбы, я обѣ переписалъ, братъ подписалъ (еще по линейкамъ) одну изъ нихъ, и мы всѣ трое отправились (помнится, это было 30-го числа) сперва въ церковь отслужить молебенъ, а оттуда къ губернатору. Просьбы наши были приняты, и 3-го іюня мы оба опредѣлены въ штатъ губернскаго правленія копіистами. Братъ остался дома, а я на другой же день отправился на службу.

По распоряженію секретаря, Герасима Макаровича Лысова, я поступилъ въ сенатскую экспедицію, гдѣ столоначальникомъ былъ Петръ Леонтьевичъ Андреевъ, за мѣсяцъ предъ тѣмъ получившій первый классный чинъ. Наступили послѣднія числа мѣсяца, когда обыкновенно дѣлалась раскладка жалованья, и мнѣ, къ моему собственному и товарищей моихъ удивленію, за этотъ же мѣсяцъ положено жалованье десять рублей ассигнаціями, тогда какъ назначеніе жалованья новому канцелярскому служителю обыкновенно дѣлалось чрезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ службы и въ количествѣ болѣе ограниченномъ. Теперь окладъ этотъ, составляющій менѣе трехъ рублей серебромъ, показался бы ничтожнымъ и смѣшнымъ; но въ то время, когда и столоначальники правленія получали только по 33 р. въ мѣсяцъ, а высшій окладъ канцелярскихъ служителей, и то уже давнишнихъ, составлялъ 20 р. въ мѣсяцъ,—такое ко мнѣ, молодому мальчику, вниманіе произвело въ товарищахъ моихъ волненіе и зависть. Но для меня это было все равно; я, признаюсь, не помнилъ себя отъ восхищенія, имѣя въ

своемъ распоряженіи такую сумму, пріобрѣтеніемъ которой былъ обязанъ собственно самому себѣ и своимъ трудамъ.

Во мнѣ было уже столько понятія, что я хорошо сознавалъ необхомость доказать мое усердіе ближайшимъ начальникамъ и держать себя на виду начальниковъ старшихъ. Я началъ съ того, что трудился, сколько былъ въ силахъ, бывая у должности неупустительно каждый день и по утру и послѣ обѣда, между тѣмъ, какъ товарищи мои иногда дозволяли себѣ не приходить, кто утромъ, кто вечеромъ. Оказывая полное уваженіе старшему начальству, т. е. членамъ и секретарю, я никакъ не позволялъ себѣ пропустить какой-либо торжественный день, чтобы не побывать у всѣхъ съ поздравленіемъ, что дѣлали и другіе, старше меня. Теперь это почти вывелось и также покажется смѣшнымъ; но тогда, 75 лѣтъ назадъ, были другія понятія. Младшіе вовсе не считали за стыдъ оказывать уваженіе старшимъ, какъ считаютъ нынѣ, а я былъ въ очевидномъ выигрышѣ: усердіе мое къ службѣ хвалили и цѣнили, а старшіе начальники, видя мое къ нимъ уваженіе, и сами всегда были ко мнѣ ласковы и привѣтливы. Отца и мать моихъ это очень радовало, и первому часто приходилось слышать похвальные о мнѣ отзывы.

Едва прошли двѣ недѣли послѣ перевода моего въ губернскую канцелярію, какъ Пенза была взволнована и приведена въ глубокую горесть сперва частнымъ, а потомъ оффиціальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ государя императора Александра Павловича. Напрасно старался бы я описать непритворную, сердечную печаль всѣхъ и каждаго, она была тѣмъ глубже, что только съ небольшимъ годъ назадъ мы видѣли его посреди насъ веселымъ, полнымъ благости и въ цвѣтущемъ здоровьѣ. Роковое извѣстіе получено было съ курьеромъ, въ понедѣльникъ 7-го декабря, утромъ, и тотчасъ же раздался съ соборной колокольни благовѣстъ большаго колокола, призывавшій къ слушанію панихиды по усопшемъ вѣнценосцѣ и къ принесенію присяги императору Константину Павловичу. Храмъ мгновенно наполнился рыдавшимъ народомъ; горе было общее. Началось богослуженіе; совѣтникъ губернскаго правленія, Степанъ Михайловичъ Поповъ, которому поручено было читать указъ Правительствующаго Сената, возвѣщавшій невозвратимую потерю, отъ слезъ, едва былъ въ состояніи окончить чтеніе. Затѣмъ, началась присяга и подписаніе присяжныхъ листовъ. Все это продолжалось очень долго; потомъ всѣ разошлись, полные невыразимой печали.

Но неисповѣдимыя судьбы Всевышняго готовили для Россіи новую, никѣмъ неожиданную перемѣну: чрезъ немногіе дни, еще въ декабрѣ же, новый курьеръ привезъ высочайшій манифестъ о вступленіи на престолъ государя императора Николая Павловича, а съ почтою получены подробныя извѣстія о прискорбныхъ событіяхъ 14-го декабря.

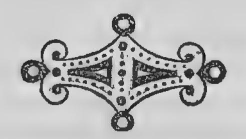
Годъ прошелъ незамѣтно; съ окончаніемъ годоваго траура по императорѣ Александрѣ Павловичѣ, общественныя удовольствія начались по-прежнему и, въ день тезоименитства императора Николая Павловича, 6-го декабря, я былъ на большомъ балѣ, данномъ губернаторомъ Лубяновскимъ. Это было первое мое появленіе въ свѣтъ и съ того времени, одинъ разъ навсегда, я получилъ отъ губернатора приглашеніе на всѣ будущіе балы и танцовальные вечера въ его домѣ.

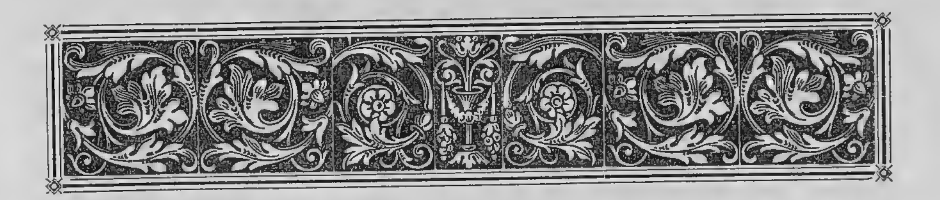
Балы тогдашніе не были похожи на нынѣшніе. Не было той роскоши въ нарядахъ, въ которой теперь свѣтскія дамы стараются, такъ сказать, перегнать одна другую; туалеты ихъ были не такъ затѣйливы; не было и существующаго теперь обыкновенія взаимно критиковать эти наряды. Собирались веселиться—и веселились. На балы приглашались къ 7-ми часамъ, тогда какъ теперь собираются въ 11. Конечно, и тогда къ 7-ми часамъ не собирались; но тѣ, которые пріѣзжали въ 8, заставали балъ уже начавшимся. Балы открывались обыкновенно польскимъ; затѣмъ слѣдовалъ неизбѣжный экосезъ. Потомъ начинались кадрили съ шеномъ; вальсъ, матрадуръ, попури, вальсъ-козакъ, галопъ. Танцовали иногда мазурку, но никогда не больше, какъ въ четыре пары, ежели только находились лица, умѣвшія танцовать этотъ живописный танецъ. Тогда, около танцовавшихъ собирались всѣ присутствовавшіе, оставивъ карты, потому что и дѣйствительно было что посмотрѣть. Это былъ настоящій балетъ; плохо танцовавшіе не рѣшались въ немъ участвовать. Но я обыкновенно былъ въ числѣ танцовавшихъ; по большей части дамами моими были или младшая дочь губернатора, или его племянница. Все оканчивалось веселымъ котильономъ и потомъ переходили къ ужину. За ужиномъ подавалось тогда и горячее, какъ за обѣдомъ: супъ и проч. Ужинали за однимъ столомъ; обыкновенія ужинать за отдѣльными столиками еще не было. Послѣ ужина танцовали иногда гроссфатеръ: тутъ рѣзвостямъ и бѣготнѣ конца не было. Подъ предводительствомъ первой пары, танцовавшіе весело мчались чрезъ всѣ открытыя комнаты, не ограничивая себя одною бальною залою. Было не мыслимо, чтобы кто-либо изъ присутствовавшихъ молодыхъ мужчинъ позволилъ себѣ не танцовать; не пригласить къ танцамъ оставшуюся безъ кавалера даму считалось невѣжливостію. Но не одна только молодежь участвовала тогда въ танцахъ; отъ участія въ нихъ не отказывались и пожилые, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ на гг. Жедринскаго, Бровцына, Путяту, Полякова и другихъ, хозяева всегда разсчитывали. Между тѣмъ, каждому изъ этихъ господъ было за 50 лѣтъ; всѣ они были украшены орденами. Вообще—всякій, кто захочетъ принять на себя трудъ сравненія двухъ эпохъ, тогдашней и нынѣшней, когда молодые люди щеголяютъ отказами отъ танцевъ и невниманіемъ къ дамамъ, предпочитая имъ карты или

билліардъ,—согласится, что въ первую изъ этихъ эпохъ жили несравненно веселѣе, нежели живутъ теперь. Мнѣ возражаютъ иногда теперь, говоря, что я сужу пристрастно и что въ старое, доброе время мнѣ было веселѣе потому только, что я былъ тогда молодъ. Съ этимъ я никакъ не соглашусь; веселѣе было просто потому, что было веселѣе, и потому, что тогда, безъ всякаго сомнѣнія, умѣли веселиться лучше нынѣшняго.

Бывало,—не говоря уже объ удовольствіяхъ большаго свѣта, молодежь обоего пола соберется въ которомъ-нибудь изъ знакомыхъ домовъ, на святки, въ маскарадныхъ костюмахъ. Чего тутъ не было? И маскарадъ, и танцы, и фанты, и гаданья. И опять здѣсь веселилась не одна только молодежь; люди серьезныхъ лѣтъ не считали себя стариками и не представляли изъ себя философовъ; они весело раздѣляли эти удовольствія, и даже сами ихъ заводили; молодымъ людямъ это нравилось и придавало имъ еще больше веселости. Спрашиваю: есть ли теперь что-либо подобное? О святочныхъ вечерахъ, маскарадахъ, гаданьяхъ, нѣтъ и помина; молодые люди, съ серьезными физіономіями, представляютъ изъ себя мыслителей, рѣшающихъ судьбы настоящей минуты и, что еще смѣшнѣе, думаютъ, что они таковы въ дѣйствительности. Прошло незабвенное, золотое, веселое время; прошло и больше не возвратится.

Но я заговорился, увлекшись воспоминаніями; старики обыкновенно любятъ говорить о тѣхъ дняхъ, которые, много лѣтъ назадъ, канули въ Лету, и не я одинъ бываю виноватъ въ этомъ отношеніи.

Священникъ Н. А. Мурзакевичъ,

обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 году.

V [1]).

Показанія подсудимыхъ и прикосновенныхъ къ нимъ лицъ были представлены епископу Иринею, который, 15-го января 1813 года, препроводилъ ихъ съ своимъ мнѣніемъ на разсмотрѣніе архіепископа Ѳеофилакта.

Ириней полагалъ: 1) священнику Мурзакевичу запретить священнослуженіе и удалить отъ церкви; 2) протопопу Звѣреву и священнику Соколову запретить только священнослуженіе и поступки ихъ вмѣстѣ съ поступками Великанова и Мельникова представить на разсмотрѣніе гражданскаго вѣдомства.

Мнѣніе еп. Иринея поражаетъ своею непослѣдовательностью и несправедливостью. Онъ вовсе не «принялъ въ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла», а только нѣкоторыя, и имъ даетъ совершенно ложное освѣщеніе; онъ не принялъ въ соображеніе ничего, что такъ или иначе клонится къ оправданію подсудимыхъ, и, наоборотъ, имѣлъ въ виду лишь тѣ обстоятельства, которыя можно было направить къ ихъ обвиненію.

Разсмотрѣвъ дѣло, архіепископъ Ѳеофилактъ писалъ Иринею [2]):

«Преосвященнѣйшій владыко, любезный братъ о Христѣ! Согласенъ я съ мнѣніемъ вашего преосвященства (о томъ, что означенное дѣло подлежитъ разсмотрѣнію гражданскаго правительства); но поелику на-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1903 г.

[2]) 16-го января 1813 г. Дѣло дух. конс., л. 59-й.

рушеніе должности судится обыкновеннымъ порядкомъ, въ уголовной палатѣ, а для разбирательства тѣхъ, кои употреблялись французскимъ правительствомъ въ разныя порученія, учреждена въ Москвѣ, по высочайшему повелѣнію, особая коммиссія, куда и главноуправляющему Смоленской губерніей, господину сенатору, калужскому гражданскому губернатору П. Н. Каверину, высочайше повелѣно отсылать всѣхъ таковыхъ, какого бы званія они ни были, то рекомендую вашему преосвященству учинить слѣдующее:

1) Губернскаго секретаря Н. Великанова нынѣ же препроводить къ его превосходительству Павлу Никитичу Каверину по-надлежащему, а поступокъ бывшаго смоленскаго полицеймейстера Мельникова предоставить разсмотрѣнію и поступленію по законамъ здѣшнему губернскому правленію.

2) О свящ. Мурзакевичѣ съ протопопомъ Звѣревымъ и св. Соколовымъ, о коихъ, какъ остающихся безъ наказанія, блазнится и духовенство, и публика, по отобраніи у нихъ граматъ и, если есть, указовъ, съ запрещеніемъ священнодѣйствія и благословенія рукою и по взятіи подписки, чтобы до рѣшенія дѣла никуда они изъ города не отлучались, представить на главное благоусмотрѣніе Свят. Прав. Синода, помѣстивъ, между прочимъ, въ своемъ представленіи и сіе обстоятельство, что протопопъ Звѣревъ, хотя въ послужномъ спискѣ одобряется за прежніе годы, но не малое падаетъ на него подозрѣніе по причинѣ связи его съ учителемъ смол. губернской гимназіи Ефремовымъ, который женатъ на его дочери и былъ генеральнымъ секретаремъ во французскомъ муниципалитетѣ, здѣсь существовавшемъ, за что онъ и содержится теперь подъ стражей».

На другой день, 17-го января, подсудимымъ было оффиціально запрещено священнослуженіе, благословеніе рукою и отлучка изъ города, и взяты въ томъ подписки. Ставленническія граматы Мурзакевича и Соколова, по ихъ заявленію, были похищены вмѣстѣ съ прочими документами во время нашествія французовъ, а у Звѣрева вмѣстѣ съ указомъ о награжденіи скуфьею — сгорѣли при пожарѣ дома тогда же. О Великановѣ же полицеймейстеръ Цитреусъ еще до полученія распоряженія Ѳеофилакта сообщилъ, что онъ 16-го января по утру взятъ полиціей прямо изъ присутствія консисторіи и отосланъ къ подполковнику Устьянцеву для содержанія съ подобными ему подъ карауломъ; дѣло же о немъ съ приложеніемъ двухъ французскихъ подлинныхъ «цидулокъ» [1]) отослано къ главноуправляющему Смол. губ. П. Н. Каверину, который

[1]) О квартирѣ въ его домѣ и о бытіи ему членомъ муниципалитета.

чрезъ губернатора, барона К. И. Аша, препроводилъ его въ Москву, въ коммиссію для разбора дѣлъ объ измѣнѣ.

Дѣло же о встрѣчѣ Наполеона съ резолюціею Иринея и отзывомъ Ѳеофилакта было отправлено 23-го января 1813 г. на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

Въ началѣ іюня 1813 г. послѣдовалъ указъ Св. Синода, отъ 18-го мая, которымъ всѣ распоряженія Ѳеофилакта по дѣлу Мурзакевича и его сослуживцевъ были утверждены. Епископу же Иринею предписывалось увѣдомить Синодъ о рѣшеніи по этому дѣлу гражданскаго начальства.

Между тѣмъ дѣло было передано въ смоленскую уголовную палату. Ѳеофилактъ 7-го сентября уѣхалъ въ Могилевъ, аИриней былъ перемѣщенъ въ Кіевъ съ званіемъ епископа чигиринскаго и викарія кіевской митрополіи.

5-го сентября 1813 г. прибылъ вновь назначенный въ Смоленскъ епископъ Іоасафъ (Срѣтенскій), бывшій викарій новгородскій. «По виду суровый, по душѣ благій»,—замѣчаетъ о немъ о. Никифоръ. Правилъ онъ смоленскою епархіей до 1821-го года и оставилъ по себѣ память «юриста, практикою усвоившаго знаніе законовъ» [1]).

При немъ дѣло Мурзакевича приняло благопріятный оборотъ.

Прежде всего, смоленская уголовная палата рѣшеніемъ своимъ отъ 24-го марта 1814 г. оправдала подсудимыхъ священниковъ.

Священникъ Никифоръ Мурзакевичъ, сказано въ постановленіи палаты, кромѣ подносу имъ Наполеону просвиры, также въ другомъ ни чемъ не доказанъ, и по сдѣланному, по предписанію палаты, смоленскимъ полицейскимъ правленіемъ изслѣдованію, оказалось: онъ, Мурзакевичъ, во время нашествія въ здѣшній городъ Смоленскъ непріятеля, находился при раненыхъ россійскихъ офицерахъ и солдатахъ съ повѣшенною на шеѣ его иконою Божіей Матери, и въ то же самое время, при разломаніи непріятелемъ архіерейскаго дома и ризницы, оную избавилъ отъ грабежа и оставилъ все въ цѣлости. А при выгнаніи непріятеля изъ Смоленска, когда вознамѣрились и Одигитріевскую церковь также разграбить и снять колокола, не допустилъ и до онаго, за что былъ битъ, дранъ за волоса и бороду.

Въ подносѣ же вышеписанной просвиры, почесть можно, послѣдовало не по чему иному, какъ изъ одной робости, и тогда, когда онъ несъ для больного мѣщанина, по зову коего шелъ исповѣдывать и причащать его; за что и слѣдовало

[1]) Истор.-стат. оп. см. еп., 143.

бы сдѣлать съ нимъ по подсудности, по правиламъ церковнымъ, какое-либо положеніе здѣшней духовной консисторіи, но, вмѣняя ему вышеписанное и запрещеніе священнослуженія и удаленіе отъ церкви съ начала производства о семъ дѣла,— также оставить свободнымъ [1]).

До рѣшенія уголовной палаты всѣ подсудимые оставались безъ мѣстъ и безъ содержанія. На представленіе епископа Іоасафа послѣдовалъ 8-го іюля 1814 года указъ Синода, чтобы бывшимъ подсудимымъ было разрѣшено священнослуженіе, и они были немедленно опредѣлены по церквамъ по усмотрѣнію Іоасафа. Архіерей потребовалъ отъ консисторіи справку объ имѣющихся на лицо въ Смоленскѣ свободныхъ священническихъ мѣстахъ.

Пока консисторія наводила справки о праздныхъ мѣстахъ, епископъ Іоасафъ получилъ отъ члена Св. Синода, Амвросія, митрополита новгородскаго, письмо, гдѣ онъ, по порученію Св. Синода, объявлялъ Іоасафу, чтобы онъ бывшихъ подъ судомъ протопопа и священниковъ опредѣлилъ къ тѣмъ же церквамъ, гдѣ они и прежде были, а прикомандированнымъ во время ихъ «бытія подъ судомъ» священникамъ далъ бы мѣста по своему усмотрѣнію.

Въ силу этого еп. Іоасафъ указомъ 26-го іюля приказалъ: опредѣлить священника Мурзакевича къ Одигитріевской церкви.

VI.

Такъ кончилось печальное дѣло объ измѣнѣ, въ которомъ больше всѣхъ досталось Мурзакевичу. Страданія, вынесенныя имъ за это время, оставили на душѣ его тяжелый слѣдъ. Хотя страсть къ книжнымъ занятіямъ и не угасла въ немъ, и, окончивъ «Евангельскую исторію», онъ въ 1815 г. принялся за составленіе «Жизни апостоловъ Петра и Павла», но прежней бодрости и ясности душевной онъ уже навсегда лишился.

Съ внѣшней стороны положеніе его, если не улучшилось, то и не измѣнилось: онъ сохранилъ уваженіе къ себѣ лучшихъ представителей общества. Новый архіерей Іоасафъ относился къ нему благосклонно.

Въ 1816 г. 17-го мая прибылъ въ Смоленскъ великій князь Николай Павловичъ. 18-го мая въ праздникъ Вознесенія, онъ слушалъ литургію въ соборѣ, потомъ посѣтилъ Воротнюю церковь, гдѣ передъ его пріѣздомъ возложили на чудотворный образъ Богоматери новую серебряную трехпудовую ризу. Послѣ обѣда онъ посѣтилъ школу кан-

---

[1]) Дѣло См. конс. № 50, л. 104—105.

тонистовъ на Казанской улицѣ и осматривалъ королевскій бастіонъ, гдѣ генералъ Паскевичъ разсказывалъ ему ходъ сраженія 5-го августа. Сюда же былъ вызванъ Паскевичемъ, на всякій случай, и о. Никифоръ, какъ историкъ г. Смоленска. И дѣйствительно, когда Николай Павловичъ спросилъ: «кто и когда эту крѣпость устроилъ», генералъ Кутузовъ указалъ на о. Никифора, говоря: «вотъ смоленскій исторіографъ; онъ это знаетъ».

Великій князь, подойдя къ Мурзакевичу, просилъ его надѣть шляпу и, самъ надѣвъ свою, спросилъ: «когда эта крѣпость устроена, кѣмъ и по какому случаю?» О. Никифоръ разсказалъ все подробно. Кто-то изъ генераловъ спросилъ о постройкѣ собора, и на это былъ данъ обстоятельный отвѣтъ.

Генералъ Паскевичъ сказалъ великому князю:

— Этотъ батюшка былъ здѣсь на батареѣ и со крестомъ и св. водою ободрялъ солдатъ, пріобщалъ раненыхъ и хоронилъ убитыхъ.

— Какъ могли вы тутъ подъ картечами уцѣлѣть?—спросилъ великій князь.

— Онѣ летали мимо моей шляпы, но меня не касались,—отвѣчалъ Мурзакевичъ. Для меня опаснѣе было 5-го августа быть въ шанцахъ, когда французы овладѣли офицерскою и солдатскою слободами и бросились въ шанцы въ штыки. Здѣсь я видѣлъ, какъ наши стрѣлки выгоняли французовъ изъ солдатской слободы, а граждане со стѣны бросали на нихъ каменьемъ. Да и самого Наполеона я видѣлъ, на бѣломъ конѣ съ ватагою польскихъ улановъ разъѣзжавшаго за Чортовымъ рвомъ.

— Этотъ батюшка,—замѣтилъ Кутузовъ,—«Смоленской исторіи» напечаталъ первую книгу, а теперь собираетъ записки и надѣется скоро вторую книгу издать.

— Скоро выдать не могу,—отвѣтилъ его высочеству Мурзакевичъ,— ибо въ книгахъ терплю нужду для усовершенствованія перваго изданія о древностяхъ города; книги, какія при первомъ изданіи были, подарилъ въ кадетскій корпусъ, а другія разграблены.

Великій князь снялъ шляпу и сказалъ:

— Благодарю васъ покорно за ваше объясненіе. А вы, отецъ мой, благословите и помолитесь объ искренно любящемъ васъ [1]).

Вѣроятно, въ это время о. Никифоръ познакомился съ генералъ-маіоромъ Ал. Александр. Писаревымъ. Онъ былъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа и въ это время занимался собираніемъ матеріаловъ по исторіи 1812 года, которые и издалъ въ 1817 г. подъ заглавіемъ «Военныя письма» (2 тома, Москва). 17-го іюля 1816 года Мурзакевичъ

[1]) Изъ письма о. Никифора къ арх. Виктору.

по его приглашенію былъ у него въ домѣ въ с. Шиловичахъ (недалеко отъ Смоленска), разсказывалъ ему о 1812 годѣ и такъ понравился ему, что между ними возникла задушевная переписка, главнымъ образомъ, по поводу историческихъ вопросовъ. Въ своихъ письмахъ Писаревъ называетъ о. Никифора: «почтенный мой іерархъ (?) и сообщаетъ о своихъ хлопотахъ по устройству судьбы его сочиненій («Жизнь Іисуса», «Исторія откровенія») передъ княземъ Голицынымъ и т. п. Въ «Военныхъ письмахъ» Писаревъ подробно упоминаетъ о подвигахъ Мурзакевича въ 1812 г. и о его литературныхъ трудахъ.

Въ этомъ случаѣ онъ пользовался не только разсказами Мурзакевича, но и оффиціальнымъ свидѣтельствомъ, выданнымъ послѣднему генераломъ Паскевичемъ. Вотъ это свидѣтельство:

«Дано сіе Одигитріевской церкви въ г. Смоленскѣ священнику Никифору Мурзакевичу въ томъ, что дѣйствительно онъ, Мурзакевичъ, 1812-го года былъ при мнѣ во время сраженія подъ Смоленскомъ, 4-го августа на батареѣ въ королевскомъ проломѣ, окропляя св. водою и имѣя крестъ въ рукахъ, укрѣплялъ мужество солдатъ моихъ, сражавшихся храбро съ непріятелемъ, присутствуя самъ между стрѣлками; исповѣдывалъ раненыхъ и пріобщалъ Св. Тайнамъ; не щадя собственной жизни, былъ до конца сраженія подъ пулями и картечами съ малолѣтнимъ своимъ сыномъ. Я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшую обязанность за столь похвальный поступокъ довести нынѣ до свѣдѣнія начальства, ибо на представленіе мое тогда къ бывшему командиромъ г. генералу-отъ-кавалеріи Раевскому о награжденіи его онъ ничего до сего времени не получилъ. Въ чемъ за подписаніемъ и съ приложеніемъ герба моей печати свидѣтельствую. Ноября 3-го числа 1816 года».

Это свидѣтельство Паскевичъ, будучи въ Смоленскѣ въ слѣдующемъ 1817 году, взялъ у Мурзакевича для представленія преосв. Іоасафу при письмѣ своемъ слѣдующаго содержанія:

«23-го іюля 1817 г. Преосвященный владыко! Командуя 26-ю пѣхотною дивизіею въ сраженіи 1812-го года 4-го августа въ Смоленскѣ и удерживая непріятеля, со стороны королевскаго пролома, отъ сильной непріятельской канонады и ружейнаго огня, я имѣлъ много раненыхъ и умирающихъ на мѣстѣ солдатъ, требовавшихъ тогда, по закону нашему, для исповѣданія и причащенія Св. Таинъ священника. По требованію моему явился тогда со крестомъ въ рукахъ Одигитріевской церкви священникъ Никифоръ Мурзакевичъ. Исповѣдуя и пріобщая Тайнами умирающихъ, примѣромъ своимъ ободрялъ стрѣлковъ и неустрашимо во все время былъ въ сраженіи съ 12 лѣтнимъ своимъ сыномъ, носившимъ за нимъ святую воду. Я въ то время представлялъ начальству о вознагражденіи его за столь примѣрный и похвальный поступокъ, но, прибывъ съ дивизіею моею въ Смоленскъ, нашелъ, что помянутый священникъ до

сего времени не вознагражденъ. Представляя о семъ вашему преосвященству вмѣстѣ со свидѣтельствомъ, мною даннымъ ему, Мурзакевичу, осмѣливаюсь утруждать ваше преосвященство моею всепокорнѣйшею просьбою о представлении вашемъ высшему начальству его, Мурзакевича, за ревность къ отечеству и примѣрный поступокъ въ столь критическое время, бывшее въ 1812 году, къ награжденію, каковыхъ удостоились полковые священники, по высочайшему повелѣнію, въ подобныхъ случаяхъ. Вашего преосвященства, моего милостиваго архипастыря, покорнѣйшій слуга, Иванъ Паскевичъ».

Послѣ этого преосвященный Іоасафъ сталъ еще благосклоннѣе относиться къ о. Никифору.

Въ слѣдующемъ году, по представленію Іоасафа, о. Никифоръ былъ награжденъ изъ Синода скуфьею (это была тогда высшая награда духовенства).

Паскевичъ, вообще, относился къ о. Никифору весьма сочувственно, не разъ бывалъ у него въ домѣ, обѣщая позаботиться объ его дѣтяхъ.

О. Никифоръ по-прежнему не оставлялъ своихъ историческихъ занятій. Такъ, въ 1817 году онъ началъ собирать бумаги о 1812-мъ годѣ. Правитель канцеляріи губернатора барона Аша, Андрей Ивановичъ Ивановскій, женатый на дочери Аша, самъ любитель отечественной исторіи, предоставилъ Мурзакевичу возможность выписывать документы на дому. По совѣту Мурзакевича Ивановскій внушилъ губернатору мысль о напечатаніи и обнародованіи воззванія ко всѣмъ сословіямъ губерніи съ приглашеніемъ разыскивать рукописи и памятники старины, описывать ихъ, особенно же записывать воспоминанія о 1812-мъ годѣ, и все это прислать губернатору.

Къ сожалѣнію, ни «благородное дворянство», ни «почтенное духовенство», ни «другихъ сословій особы» не отозвались на этотъ призывъ. Тѣмъ не менѣе Мурзакевичъ занялся описаніемъ 1812-года на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ, и въ 1820 году чрезъ старшаго своего сына Илью представилъ начало этого «Описанія» графу Н. П. Румянцеву. «Безъ помощи и пособія едва-ли я его въ окончаніе приведу», писалъ ему при этомъ о. Никифоръ. И дѣйствительно, «Описаніе 1812-го года» не было окончено, и даже въ спискѣ сочиненій Мурзакевича, приводимомъ въ автобіографіи его сына Николая, не упоминается.

Въ августѣ 1818 г. Мурзакевичъ получилъ первое письмо отъ графа Н. П. Румянцева, въ которомъ онъ благодарилъ о. Никифора за высланную имъ по его просьбѣ «Исторію Смоленска» и за сообщеніе свѣдѣній о найденныхъ въ городской стѣнѣ учителемъ гимназіи Еленевымъ бумагахъ Петра Великаго и его генераловъ. Съ этого времени начинается между о. Никифоромъ и Румянцевымъ дѣятельная переписка.

*

По порученію Румянцева Мурзакевичъ добываетъ свѣдѣнія объ авторѣ «Скиѳской Исторіи», вяземскомъ священникѣ Лызловѣ [1]), пересылаетъ ему рукопись «Исторіи Смоленска» іеромонаха Шупинскаго (1780 г.) и свои архивныя выписки, также «Описаніе жизни мученика Меркурія» и сдѣланный имъ рисунокъ его шлема и туфлей, покупаетъ на базарѣ за 25 р. «Хронографъ»; копается въ архивахъ, ищетъ старинныхъ рукописей по монастырямъ и церковнымъ колокольнямъ, ѣздитъ за ними по уѣздамъ въ Дорогобужъ и Вязьму, въ Вяземскомъ магистратѣ отыскиваетъ 2 рукописи: «Вяземскія писцовыя книги» 7102 (1594) и 7124 (1616) г. (Волконскаго и Шипилова); гдѣ-то находитъ рукопись временъ Алексѣя Михайловича съ перечисленіемъ помѣстій Смоленскаго собора и списками съ грамотъ Алексѣя Михайловича къ разнымъ смоленскимъ воеводамъ и архіепископу Сильвестру; затѣмъ,—описаніе крѣпостей города Вязьмы съ ихъ артиллеріею и т. д. Наконецъ, ѣдетъ въ Рославль описывать таможній «Воеводскій архивъ», причисленный къ уѣздному суду.

О. Никифоръ просилъ у графа разрѣшенія посвятить ему свой трудъ «Жизнь апостоловъ Петра и Павла». Румянцевъ отказался, выразивъ, что онъ съ удовольствіемъ принялъ бы посвященіе ему какого-нибудь труда по Смоленской исторіи. Точно также Румянцевъ отказался пожертвовать что-либо для семинарской библіотеки и на бѣдныхъ бурсаковъ, такъ какъ онъ «избралъ уже себѣ кругъ издержекъ, которыя гораздо превышаютъ его средства».

За то большимъ благодѣяніемъ было для о. Никифора ходатайство Румянцева предъ А. Ив. Тургеневымъ, директоромъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, объ опредѣленіи на службу при канцеляріи его старшаго сына.

Желая быть независимымъ въ судьбѣ своихъ дѣтей отъ духовныхъ собратій, онъ всѣхъ почти своихъ сыновей направилъ по свѣтской службѣ. Въ 1825 г. преосв. Іосифъ [2]) даже изъявилъ ему неудовольствіе на то, что онъ чрезъ университетъ выводитъ своихъ дѣтей изъ духовнаго сословія. Въ 1828 г. епископъ Іосифъ, не получивъ отъ соборянъ на свои вопросы свѣдѣній о Чудотворной иконѣ Одигитріи, обра-

---

[1]) Эта исторія, написанная въ 1692 г., найдена была въ подлинникѣ Мурзакевичемъ въ консисторскомъ архивѣ, куда попала изъ библіотеки ректора Константина Соколовскаго. Напечатана была дважды Новиковымъ въ Москвѣ въ 1776 г. и въ Петербургѣ въ 1787 г. Розысканія и разспросы Мурзакевича, по просьбѣ Румянцева, привели его къ убѣжденію, что Лызловъ былъ священникъ, а не стольникъ, какъ напечатано въ изданіи Новикова.

[2]) Епископъ Іосифъ Величковскій переведенъ былъ изъ Архангельска на мѣсто Іоасафа, назначеннаго бѣлорусскимъ архіепископомъ. Правилъ Смол. епархіею съ 3-го іюля 1821 г. по 17-е февр. 1834 г. „Пастырь кроткій, но болѣзненный“, говоритъ о немъ о. Никифоръ о своемъ дневникѣ.

тился къ о. Никифору. Въ теченіе трехъ лѣтъ о. Никифоръ пересмотрѣлъ и собралъ все, что было написано объ этой иконѣ у византійскихъ и русскихъ историковъ, и въ 1831 г. представилъ преосвященному рукопись подъ заглавіемъ: «Краткое историческое изслѣдованіе о чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы, называемой Смоленской» [1]).

Труды о. Никифора въ 1829 г. читалъ пріѣхавшій на ревизію семинаріи инспекторъ Петербургской академіи, архимандритъ Иннокентій, докторъ богословія (впослѣдствіи извѣстный «Иннокентій Херсонскій») и одобрилъ ихъ, посовѣтовавъ только избѣгать славянизмовъ, т. е. совершенно обратное тому, что совѣтовали о. Никифору Трескинъ и другіе его критики. Ученый ревизоръ просилъ о. Никифора даже переписать для него копіи съ «Четвероевангелія», «Жизни апостоловъ» и «Изслѣдованія о Смоленской иконѣ».

Это «изслѣдованіе» было послѣднею лептою Мурзакевича, принесенною имъ церкви и родному городу. Уже въ 1832 г. онъ записываетъ въ дневникѣ: «Напало на меня бездѣйствіе отъ старости или дѣятельности; усталость и тупозрѣніе».

Меньше, чѣмъ черезъ два года, предчувствіе его оправдалось: проболѣвъ немного, онъ 8-го марта 1834 г. года тихо скончался на 65 году жизни. Наканунѣ смерти онъ переслалъ въ правленіе семинаріи 50 р. для больныхъ сиротъ-семинаристовъ и 100 томовъ книгъ въ училище дѣтей канцелярскихъ служителелей (устроенное въ 1830 г. въ д. Хлѣбникова у Свирской ц.).

Отпѣвали и провожали тѣло его 11-го марта ректоръ семинаріи Леонидъ и инспекторъ Германъ съ нѣсколькими городскими священниками. Гробъ опустили въ могилу на Окопскомъ кладбищѣ (на мѣстѣ «окоповъ» Шеина) возлѣ стѣны алтаря.

Умеръ о. Никифоръ одинокимъ, такъ какъ четыре сына его находились въ разныхъ мѣстахъ на службѣ: Илья—въ Петербургѣ, въ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, Константинъ въ Тобольскѣ — врачемъ, Иванъ — въ Ригѣ полковымъ священникомъ, и Николай въ Одессѣ—преподавателемъ исторіи въ Ришельевскомъ лицеѣ. Послѣдній одинъ только пріѣхалъ въ Смоленскъ въ маѣ мѣсяцѣ и принялъ наслѣдство, заключавшееся въ пяти рукописяхъ: 1) Исторія Божественнаго откровенія (хранится въ городскомъ музеѣ), 2) Псалтирь на русскомъ языкѣ (находится у старьевщика на базарѣ), 3) Житіе ап. Петра и Павла (въ епархіальной библіотекѣ), 4) Изслѣдованіе о чудотворной

---

[1]) Не издана. 2 экземпляра этого изслѣдованія хранятся въ епарх. библіотекѣ, въ собр. рукописей П. А. Васильева.

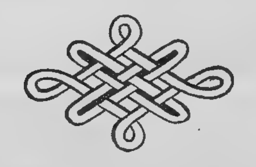
иконѣ Одигитріи (тамъ же) и 5) Списокъ изобрѣтателямъ (находится неизвѣстно гдѣ).

Денегъ послѣ покойнаго осталось 5.000 рублей ассигнац., скопленныхъ трудомъ и лишеніями въ теченіе долгой трудовой жизни и заключавшихся въ десяти билетахъ. Въ предсмертномъ письмѣ своемъ сыну о. Никифоръ писалъ: «Николай, ежели я умру, не видавшись съ тобою, скажи прочимъ, что, я съ 1826-го года [1]) переставши вамъ помогать, самъ нужду терпѣлъ, а для васъ положилъ, сколько могъ, въ Смоленское общественное призрѣніе. По смерти, когда соберетесь, возьмите».

Деньги были раздѣлены поровну между сестрою и четырьмя братьями. Изъ книгъ часть взялъ Николай Никифоровичъ съ собою въ Одессу для проектированной его другомъ М. М. Кирьяковымъ Новороссійской библіотеки, а остальныя, до 1.000 томовъ, передалъ родному городу для основанія городской публичной библіотеки [2]).

«Одно обстоятельство меня порадовало—говоритъ Николай Никифоровичъ въ своей автобіографіи,—это разсказъ о томъ, какъ полгорода провожало покойнаго отца моего на Окопское кладбище, и какъ, по отшествіи его въ міръ лучшій, воздали должное уваженіе его дѣламъ и характеру прямому».

И. И. Орловскій.

---

[1]) Когда всѣ дѣти были уже выведены на дорогу и послѣдній изъ нихъ, Николай, учился на второмъ курсѣ Московскаго университета.

[2]) Городская библіотека, учрежденная въ 1856 г. при губерн. Ахвердовѣ подъ именемъ „Библіотеки статистич. комитета", вся была раскрадена безъ остатка. Теперь книги съ ея штемпелемъ и наклеенными на крышкѣ переплета „правилами" продаются у старьевщиковъ на базарѣ. Тамъ же можно видѣть и Роленя, Шрекка и др. книги изъ библ. Мурзакевича. Остатки комитетской библіотеки въ 80 годахъ были переданы въ управу, помѣщавшуюся на мѣстѣ нынѣшняго общественнаго собранія; часть ихъ сохранилась до учрежденія въ 1889 г. городской библіотеки, куда и поступила.

Письма императрицы Маріи Өеодоровны

къ великимъ князьямъ

Николаю и Михаилу Павловичамъ[1]).

Num. 27.

Ce Mercredi, 16 Juin 1815.

Mes bons amis, je ne puis vous écrire longuement ce soir, je souffre toute l'après-dîné d'un mal de tête hémorrhoïdal des plus forts, j'ai peine à ouvrir les yeux. Je l'attribue au mauvais temps que nous avons depuis deux jours: aujourd'hui la pluie n'a pas discontinué. Bonsoir, mes enfants, le reste, s'il plaît à Dieu, à demain; je vous embrasse de tout mon coeur.

Ce Jeudi, 17 Juin.

Mon mal de tête m'a duré toute la nuit et toute la journée; je ne me suis soulagée que depuis les 4 heures, et de moment en moment cela va de mieux en mieux. Ce n'est que présentement que je peux prendre la plume en main pour jaser avec vous, mes bons amis. Le bruit court que c'est aujourd'hui que nous passons le Rhin; cette pensée peut-être a augmenté mon mal de tête, car celle de savoir le sang couler me donne une agitation inexprimable. Que Dieu veille sur l'empereur, sur vous deux et sur tous les nôtres. J'ai à reprendre ma narration d'avant-hier après le dîner. Nous étions entre nous à l'exception de notre bon comte Miloradovitch; nous avons donc promené en ligne et avons fait le chemin de Sla-

[1]) См. „Русскую Старину", апрѣль 1903 г.

venka qui nous a bien fait penser à vous, mes amis, et à l'heureux temps où vous leviez le plan de cette situation. La pluie nous a surprises, mais la société n'en a pas été dérangée, quoique nous ayons eu aussi des éclairs. Nous avons passé la soirée sur le balcon de mon petit cabinet rond, et les gazettes nous étant arrivées, nous avons lu la description du champ de Mars. Voilà donc cette misérable nation qui proclame de nouveau le monstre dont il y a un an elle brisait les statues et pendait l'effigie. En vérité la réflexion s'arrête et l'indignation la plus profonde remplit l'âme; mais malheureusement cette scène d'exaltation donne une impulsion aux esprits pour lui, qui rendra le combat encore plus sanglant. Mes nouvelles sur la journée d'hier sont, chers enfants, que M-r de Sipäguin est venu me dire adieu, il n'a pas voulu s'arrêter, ainsi j'ai pris congé de lui dans la matinée. Vous sentez que nous avons beaucoup parlé de vous. Sa manière de penser, de voir me paraît des plus estimables, et certainement c'est une société qui je vous recommande; il me paraît vous aimer beaucoup et s'intéresser de coeur et d'âme à vous. Nous avons jasé une bonne demi-heure, il m'a promis d'être toujours bien vrai, bien sincère vis-à-vis de vous; il m'a fait vos éloges, et m'a dit entre autre qu'il avait été bien charmé de voir à plusieurs occasions que vous n'étiez pas prêts à croire au mal que vous entendiez dire des individus, mais qu'au contraire que vous les défendiez. A dîner j'ai vu le colonel Taube qui est venu de Krasno Sello pour me dire adieu. Après le dîner je l'ai fait entrer chez moi, il m'a remis l'incluse pour vous, cher Michel, et nous avons pris congé après qu'il m'ait encore bien parlé de l'attachement qu'il vous porte. Le bon vieux Zagriaski nous est arrivé de la ville après que sa femme l'avait retenu ces 4 semaines; il m'a demandé de vos nouvelles et se porte bien. Le mauvais temps nous avait conférés en chambre, et nous avons joué. Le général de Klinger est aussi des nôtres; pour aujourd'hui j'ai vu le général Tatistchef nouvellement arrivé. Votre bon Miloradovitch nous a quittés ce soir, il reviendra Dimanche et veut passer votre fête, cher Nikoche, chez moi: voilà une aimable attention. Le lendemain il part pour joindre les colonnes. Le comte et la comtesse Kotschoubei ont été des nôtres. Le temps s'est remis au beau, mais ma mauvaise tête m'a peiné deux jours très peu; mais grâce à Dieu, je me sens beaucoup mieux ce soir. Je n'ai pas de grandes nouveautés à vous dire d'ici, à l'exception de celle que notre aimable comtesse Orlof a passé la journée d'hier chez nous et est partie pour Moscou après souper; le comte Miloradovitch était très triste et abattu, et l'est encore aujourd'hui. Toutes nos pensées sont tournées sur le Rhin, et nous voudrions deviner ce qui s'y passe. On dit ici que Eugène Beauharnais s'est enfui et ne retourne en France! Cela est-il vrai? Bon-

soir, chers enfants, je me sens fatiguée et termine ces lignes en vous embrassant bien tendrement.

Ce Vendredi, 18 Juin.

Je me sens bien aujourd'hui, mes bons amis, mon mal de tête étant passé, elle ne m'est que faible encore, mais elle me paraît très forte en la comparant à son état d'hier. Je me suis promenée à pied avec Annette, elle avait déjà fait une petite tournée, mais elle a voulu faire cette seconde avec moi. Nous avons philosophé, mais en tâchant cependant de rendre notre philosophie douce, bonne, indulgente et non pas âpre et rude. Je reviens à vos lettres, chers enfants, et ne puis assez vous répéter, cher Nikoche, combien vos jugements sur Alexandrine me charment. Ils sont ceux d'un être qui cherche le bonheur véritable dans son union, qui ne veut pas la baser sur la passion, mais sur un examen réfléchi des qualités de celle à qui il veut donner la main: c'est baser votre félicité et celle d'Alexandrine que de penser et d'agir ainsi. Tout ce que vous me dites de cette intéressante et aimable jeune personne m'assure qu'elle sera bien reçue, bien vue et bien aimée chez nous; j'en augure de même une grande dose de bonheur pour moi, et par celui dont elle vous fera jouir, et par le sentiment que j'espère qu'elle me portera; quant à moi je suis très disposée à l'aimer tendrement et vous assure, cher Nikoche, que je lui porte déjà le plus vif et tendre intérêt. Il me paraît que la dame qui est près d'elle ne vous plaît guère; je voudrais que le père eût la confiance de la confier à mes soins, il ne s'en repentirait pas, et ce serait d'un bien essentiel pour la jeune personne. L'empereur vous a-t-il parlé d'elle?—D'où vient, mes bons amis, que vous ne me dites mot du bon général Konovnitzin, ni de l'honnête Sakrefski? Sipäguin m'a dit hier qu'il lui a écrit et lui a parlé de vous avec ses anciens sentiments. Faites leur mes compliments à tous deux. Informez vous chez Sakrefski, s'il est vrai qu'on publie, ou qu'on publiera, une gazette militaire au quartier général (les gazettes l'annoncent); en ce cas priez le de me l'envoyer. Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf, mes compliments à vos messieurs. Le général Achverdof, qui vient dîner chez moi quand il veut, est venu hier, il a été très réjoui de vos bonnes nouvelles et de tant de tendresse accordée à notre bon général. J'ai vu Block hier qui m'apporta ces deux petites feuilles pour vous. Joseph se porte bien et apprend bien. Vos petits finnois sont toujours les mêmes, ils ne grandissent pas, mais se portent bien; ils sont très occupés autour de nos fortifications. Je les ai fait ranger en ordre de bataille et marcher, ils me paraissent n'avoir pas démérité. Vous ai-je dit déjà que le comte Golovkin est des nôtres? Sa santé est constamment mauvaise et le force même de rester des jours entiers

chez lui; c'est bien, bien dommage. Sa femme est toujours la même et paraît étouffer, avec cela elle a un bras d'une épaisseur considérable. Voilà en vérité toutes et toutes mes nouvelles; toutes pauvres qu'elles sont, je vous les dis. Hier soir j'ai reçu une lettre du prince Paul (Nikoche, il me paraît vous voir), qui m'annonce avoir reçu son congé, qu'il a grandement et grandement mérité; il avait quitté son corps et la Russie sans permission, même l'empereur y avait encore beaucoup d'indulgence et même de la bonté. Je suis charmée de ne plus le voir à notre table, car il faisait honte à notre famille! Adieu, chers enfants, mes chers amis, que Dieu vous guide et vous maintienne dans vos principes. Veillez sur vos liaisons, relisez mes instructions et rappelez vous de mes conseils, alors la bénédiction divine reposera sur vous comme la mienne. Je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous aime inexprimablement.

Marie.

Tâchez de vous informer où se trouve le corps d'Eugène; on m'a dit qu'il avait eu ordre de marcher.

Miloradovitch nous a parlé hier d'un infortuné qui l'est devenu par une perte qu'il a faite d'un argent qu'il devait porter, le même jour qu'il avait perdu son enfant; il l'a perdu de sa poche; ce bon Miloradovitch fait une collecte pour lui; j'ai cru vous faire plaisir de vous y faire contribuer et j'ai ordonné à Block de donner de chacun de vos sommes quatre cent roubles: n'est-ce pas que vous m'en remercierez, mes amis!

Среда, 16-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Добрые друзья мои, не могу много писать вамъ сегодня вечеромъ; я страдаю сегодня съ самаго обѣда сильнѣйшею головною болью геморроидальнаго свойства и едва могу открыть глаза. Я приписываю это дурной погодѣ, которая началась со вчерашняго дня; сегодня весь день не переставая шелъ дождь. Прощайте, дѣти мои, напишу еще, если Богу будетъ угодно, завтра. Обнимаю васъ отъ всего сердца.

Четвергъ, 17-го іюня.

Головная боль продолжалась у меня всю ночь и весь день; мнѣ стало легче только съ 4-хъ часовъ, и теперь съ каждою минутою становится все лучше и лучше. Только теперь я могла взяться за перо, чтобы поболтать съ вами, добрые друзья мои. Говорятъ, будто мы переходимъ сегодня Рейнъ; быть можетъ, мысль объ этомъ усилила мою головную боль, такъ какъ я страшно волнуюсь, когда думаю, что кровь будетъ

пролита. Да хранитъ Господь императора, васъ обоихъ и всѣхъ нашихъ. Буду продолжать разсказъ о томъ, что мы дѣлали третьяго дня послѣ обѣда. Кромѣ нашего добраго гр. Милорадовича, у меня были только свои; мы катались въ линейкахъ по дорогѣ въ Славянку, которая очень напомнила намъ васъ, друзья мои, и то счастливое время, когда вы снимали планъ этой мѣстности; насъ засталъ дождь, но это не разстроило нашей компаніи, хотя и сверкала молнія. Вечеръ мы провели на балконѣ въ моемъ маленькомъ кругломъ кабинетѣ; въ это время были получены газеты, и мы прочитали описаніе парада на Марсовомъ полѣ; итакъ, эта жалкая нація снова восторженно принимаетъ то чудовище, статуи котораго она разбивала и портреты котораго она вѣшала годъ тому назадъ.

По истинѣ, всякія разсужденія смолкаютъ, и душою овладѣваетъ величайшее негодованіе; къ несчастью, эта восторженная сцена склоняетъ снова умы въ сторону этого чудовища, вслѣдствіе чего сраженіе будетъ еще кровопролитнѣе. Относительно новостей вчерашняго дня могу вамъ сказать, дорогія дѣти мои, что Сипягинъ пріѣзжалъ проститься со мною, но не хотѣлъ оставаться, поэтому я простилась съ нимъ по утру. Вы чувствуете, что мы много говорили о васъ. Я нахожу его образъ мыслей, его взглядъ на вещи въ высшей степени заслуживающими уваженія и, разумѣется, совѣтую вамъ пользоваться его обществомъ; мнѣ кажется, что онъ очень любитъ васъ и искренно интересуется вами; мы проболтали добрыхъ полчаса; онъ обѣщалъ мнѣ быть всегда вполнѣ правдивымъ и искреннимъ по отношенію къ вамъ; хвалилъ васъ и сказалъ между прочимъ, что ему было очень пріятно видѣть при разныхъ случаяхъ, что вы не расположены вѣрить всему дурному, что̀ вамъ приходится слышать о разныхъ лицахъ, но что, напротивъ, вы защищаете ихъ. За обѣдомъ я видѣла полковника Таубе, который пріѣзжалъ изъ Краснаго Села проститься со мною; послѣ обѣда я пригласила его къ себѣ, онъ передалъ мнѣ прилагаемое при семъ письмо для васъ, дорогой Михаилъ, и мы простились, послѣ того какъ онъ еще разъ говорилъ о своей преданности къ вамъ. Изъ города пріѣзжалъ добрый старикъ Загряжскій, котораго жена задерживала въ теченіе 4-хъ недѣль; онъ спрашивалъ о васъ; онъ здоровъ. По случаю дурной погоды мы не могли выйти изъ комнатъ и занимались игрою. Съ нами провелъ время также генералъ Клингеръ; я видѣла сегодня Татищева, который только-что пріѣхалъ. Добрый Милорадовичъ покинулъ насъ сегодня вечеромъ; онъ вернется въ воскресенье и хочетъ провести у меня день вашего рожденія, дорогой Никошъ; это очень любезно съ его стороны. На слѣдующій день онъ уѣзжаетъ къ своей части. У насъ были также графъ и графиня Кочубей. Погода исправилась, но моя несчастная голова не давала мнѣ покоя два дня; сегодня вечеромъ,

благодаря Бога, я чувствую себя гораздо лучше. Я могу сообщить вамъ весьма мало новаго; скажу только, что наша милая графиня Орлова провела вчера день съ нами и послѣ ужина уѣхала въ Москву; гр. Милорадовичъ былъ очень грустенъ и убитъ и не повеселѣлъ до сихъ поръ. Всѣ наши мысли обращены къ Рейну, и намъ хотѣлось бы угадать, что̀ тамъ происходитъ. Здѣсь говорятъ, будто Евгеній Богарне бѣжалъ и не вернется во Францію. Правда ли это? Прощайте, дорогія дѣти, я чувствую себя утомленной и заканчиваю эти строки, нѣжно цѣлуя васъ.

Пятница, 18-го іюня.

Сегодня я чувствую себя хорошо, добрые друзья мои, такъ какъ головная боль у меня прошла; я чувствую еще только нѣкоторую слабость въ головѣ, но, по сравненію съ вчерашнимъ, она значительно окрѣпла. Я гуляла пѣшкомъ съ Аннетой; она раньше сдѣлала маленькую прогулку, но захотѣла еще пройтись со мною; мы философствовали, но старались, чтобы наша философія была спокойная, добрая, снисходительная, а не грубая и рѣзкая. Возвращаюсь къ вашимъ письмамъ, дорогія дѣти мои, и не могу достаточно повторить вамъ, дорогой Никошъ, какъ я восхищена вашими разсужденіями объ Александринѣ. Это мысли человѣка, который ищетъ въ бракѣ истинное счастье, который не основываетъ его на страсти, а на зрѣломъ обсужденіи качествъ той, съ которой онъ хочетъ идти рука объ руку; думая и поступая такимъ образомъ, вы упрочите счастье свое собственное и Александрины. Все то, что вы пишете мнѣ объ этой интересной и милой дѣвушкѣ, даетъ мнѣ увѣренность, что она встрѣтитъ у насъ радушный пріемъ, ласку и любовь; это предвѣщаетъ мнѣ также, что, видя счастье, которое она вамъ доставитъ, и тѣ чувства, какія, я надѣюсь, она будетъ питать ко мнѣ, я буду также очень счастлива; что касается меня, то я готова нѣжно любить ее и увѣряю васъ, дорогой Никошъ, что я уже питаю къ ней живѣйшее и искренное расположеніе. Мнѣ сдается, что дама, состоящая при ней, вамъ вовсе не нравится; я хотѣла бы, чтобы ея отецъ довѣрилъ ее моему попеченію, ему не придется въ этомъ раскаяться, и это принесло бы весьма существенную пользу для этой молодой особы. Говорилъ ли съ вами о ней императоръ?

Какимъ образомъ, добрые друзья мои, вы не пишете мнѣ ничего о добромъ ген. Коновницынѣ и о честномъ Закревскомъ? Сипягинъ говорилъ мнѣ вчера, что онъ писалъ ему и отозвался о васъ съ прежнимъ чувствомъ. Передайте имъ обоимъ мой привѣтъ. Справьтесь у Закревскаго, правда ли, что при главной квартирѣ издается или будетъ издаваться (какъ пишутъ въ газетахъ) военная газета; въ такомъ случаѣ попросите его высылать ее мнѣ. Искренній привѣтъ папашѣ Ламсдорфу

и поклонъ вашимъ кавалерамъ. Ген. Ахвердовъ, который пріѣзжаетъ обѣдать ко мнѣ, когда ему вздумается, былъ у меня вчера; онъ былъ очень радъ слышать о васъ добрыя вѣсти и о столь нѣжномъ отношеніи къ нашему доброму генералу. Я видѣла вчера Блока, который принесъ мнѣ эти два листочка для васъ. Іосифъ здоровъ и хорошо учится. Ваши маленькіе финляндцы все въ томъ же положеніи, они не ростутъ, но здоровы; они дѣятельно возятся возлѣ нашихъ укрѣпленій. Я велѣла поставить ихъ въ боевой порядокъ и заставить маршировать; кажется, они не провинились. Писала ли я вамъ, что графъ Головкинъ у насъ? Онъ все недомогаетъ и даже вынужденъ иногда не выходить цѣлыми днями изъ своей комнаты; это очень, очень жаль; его жена все та же, она какъ будто задыхается; при томъ у нея очень толстыя руки. Вотъ и всѣ наши новости; какъ онѣ ни скудны, но я сообщаю ихъ вамъ. Вчера вечеромъ я получила письмо отъ принца Павла (мнѣ казалось, Никошъ, что я васъ вижу), въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ, что онъ уволенъ отъ службы, что̀ онъ вполнѣ, вполнѣ заслужилъ; онъ покинулъ свой отрядъ и Россію безъ разрѣшенія; императоръ отнесся къ нему даже слишкомъ милостиво и снисходительно. Я очень рада не видѣть его болѣе за нашимъ столомъ; это былъ позоръ для нашей семьи! Прощайте, дорогія дѣти, дорогіе друзья мои, да наставитъ васъ Господь и да утвердитъ Онъ васъ въ вашихъ правилахъ; слѣдите за тѣмъ, въ какомъ обществѣ вы будете вращаться, за вашими связями; перечитывайте мои наставленія и не забывайте моихъ совѣтовъ; тогда Божіе и мое благословеніе будутъ надъ вами. Цѣлую васъ отъ всего, отъ всего сердца и неизъяснимо люблю васъ. Марія.

Постарайтесь узнать, гдѣ находится корпусъ Евгенія; мнѣ сказали, что онъ получилъ приказаніе выступить.

Милорадовичъ разсказывалъ намъ вчера объ одномъ несчастномъ, потерявшемъ деньги, которыя онъ долженъ былъ снести въ тотъ день, когда у него умеръ ребенокъ; онъ выронилъ ихъ изъ кармана; добрый Милорадовичъ дѣлаетъ въ пользу его сборъ; я думала, что вамъ будетъ пріятно принять въ немъ участіе, и приказала Блоку дать отъ каждаго изъ васъ по четыреста рублей; не правда ли, вы поблагодарите меня за это, друзья мои?

Num. 28.

Ce 18 Juin 1815.

Je viens de terminer, mes bons amis, une grande lettre de 4 pages pour le courrier d'aujourd'hui, et vous trace du plus vite ces lignes par la poste, me flattant toujours que vous aussi vous vous servirez de cette voie stable et uniforme qui, si elle ne favorise pas la confiance, du moins

porte la consolation dans le coeur par l'assurance de la bonne santé de ceux que nous chérissons, et c'est déjà un bonheur véritable. Je ne sais rien encore de notre journée; je crois cependant que je ferai dîner au Pavillon des roses, qui est bien joli et bien en fleur. Le petit temple, qui doit mettre à l'abri le monument d'Alexandrine, est terminé et est devenu charmant comme tout ce qui s'exécute d'après les dessins de Rossi. La sole de verdure qui a pris la place de la tente turque est de même bien belle et embellit bien plus la place que ne le faisait la tente. Qu'il me tarde de vous voir, mes enfants, et juger de ces nouveautés et nous trouver ensemble. Il me paraît que je n'aurais alors plus rien à désirer au monde. Adieu, mes bons amis, portez vous bien, conservez vous toujours religieux, innocents, purs, restez ce que vous êtes par le caractère et les principes et vous me rendrez constamment la plus heureuse des mères. Je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes me bénédictions.

Marie.

Je me donne quelques moments de satisfaction, mes bons enfants, en vous traçant encore ce peu de mots avant de me coucher. Notre journée s'est passée bien solitairement et tristement. L'averse n'a pas cessé de la journée et nous en sommes à 4 degrés de chaud; tout nage autour de nous.

18-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Я только-что окончила, добрые друзья мои, большое письмо въ четыре страницы, которое отправила съ сегодняшнимъ курьеромъ, а теперь пишу вамъ наскоро эти нѣсколько строкъ по почтѣ и льщу себя надеждою, что и вы изберете этотъ надежный и простой путь, ибо, хотя онъ не благопріятствуетъ откровенности, но по крайней мѣрѣ приноситъ сердцу отраду, давая намъ увѣренность, что тѣ, коихъ мы нѣжно любимъ, здоровы; это уже есть истинное счастье. Я не знаю еще, какъ мы проведемъ день, но думаю, что я прикажу подать обѣдъ въ Розовомъ павильонѣ, который очень красивъ и весь въ цвѣту; маленькій храмъ, который будетъ защищать памятникъ Александрины, оконченъ; онъ прелестенъ, какъ и все исполненное по рисункамъ Росси. Лужайка, разбитая на мѣстѣ турецкой палатки, также очень красива и несравненно болѣе украшаетъ мѣсто, нежели палатка. Какъ мнѣ хотѣлось бы поскорѣе увидѣть васъ, дѣти мои, осмотрѣть вмѣстѣ съ вами эти новыя сооруженія и быть вмѣстѣ съ вами. Кажется, мнѣ не останется тогда ничего желать. Прощайте, добрые друзья мои, будьте здоровы, будьте всегда религіозны, невинны, чисты, оставайтесь такими, какъ вы есть,

по характеру и нравственнымъ правиламъ, и я всегда буду счастливѣйшею изъ матерей. Цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Доставляю себѣ еще нѣсколько минутъ удовольствія, добрыя дѣти мои, написавъ вамъ еще нѣсколько словъ до отхода ко сну. Мы провели сегодняшній день очень одиноко и скучно. Весь день шелъ проливной дождь и у насъ всего 4 градуса тепла; вокругъ насъ все тонетъ въ водѣ.

Num. 29.

Ce 19 Juin 1815. Samedi.

Je vous ai écrit deux fois dans la journée d'hier, mes bons amis, aussi je n'ai pas commencé à vous écrire encore le soir et me suis réservé ce plaisir pour aujourd'hui. Ce matin à mon réveil j'ai eu la grande satisfaction de recevoir vos aimables lettres de Francfort: elles ont été une vraie surprise pour moi, car d'après la célérité de votre voyage que vous avez fait très célèrement, je supposais que vous ne vous étiez pas arrêtés du tout à Francfort. Je vous remercie, mes bons amis, de penser à moi, et vous assure que c'est contribuer de beaucoup au bonheur de mes jours; car je n'éprouve plus de jouissance, ni de satisfaction, qu'au moment des nouvelles de mes enfants. Vous avez été bien réjouis en trouvant le bon général Konovnitzin à Francfort. Comment le trouvez-vous par sa santé? D'où vient, mes enfants, que M-r de Wincengerode, Tchernichef et Wolkonski s'arrêtent à Francfort? Je partage bien l'opinion de ces messieurs et crains comme eux que la lutte sera des plus fortes. Les gazettes disent Napoléon rendu à l'armée aux environs de Laon, pour pouvoir se transporter de là où il sera attaqué. En attendant il fait publier que ses négociations avec l'Autriche vont bon train. Son esprit de perfidie, de calomnie est constamment le même, cependant il me paraît que le parti jacobin est bien fort, et que sous ce rapport il joue grand jeu, car il pourra le renverser avant qu'il ne s'en doute, car peu à peu on voit remonter en scène les gens les plus tarés sous le rapport du jacobinisme. Je vous remercie, cher Nicoche, de l'envoi de la brochure qui me paraît très intéressante. Vous êtes bien aimable d'avoir encore pensé à moi sous ce rapport. Répondez moi, mes enfants, sur les trois paquets d'estampes des vues que vous m'avez envoyés par le courrier du 2 de Heidelberg. Soyez sans inquiétude, cher Nicoche, sur mon opinion sur la figure d'Alexandrine, je me la présente sous les traits les plus agréables; je trouve même la figure du petit médaillon rappeler beaucoup la mère, ainsi elle ne peut que plaire; croyez, cher Nicoche, que mon coeur est bien disposé à l'aimer, elle n'a qu'à vouloir l'être, et elle le sera autant que vous!—c'est tout dire.

Vous ne me dites rien, mes chers amis, de Marie; il paraît donc que vous vous êtes manqués, ce qui lui fera beaucoup de peine. Avez-vous vu du moins à Weimar ses enfants et le prince héréditaire; comment trouviez-vous les petits? J'ai fait prier M-r de Markéwitch à venir dîner demain chez moi et lui ferai vos commissions pour les fusils pour les petits princes, fils du roi et fils de la princesse Guillaume. Après avoir répondu à tous les points de votre lettre, je vous parlerai de notre journée d'hier. Nous avons dîné au Pavillon des roses, par un très beau temps; après que nous nous étions levés de table, Golovkine nous dit qu'il était arrivé une scène tragique pendant le dîner: un loup a eu l'audace de se jeter sur une vache du troupeau, qui paissait tout près de la décoration de Gonzague et lui a arraché un morceau de sa queue; le petit garçon qui paissait le troupeau a accouru la défendre, mais la pauvre bête était toute ensanglantée. Chreitton, qui était chez nous, est allé l'inspecter et nous a rassuré sur ses morsures, mais il a exigé de la séparer, craignant que ce ne fût un loup enragé, mais cependant il paraît que cela ne l'est parce qu'il s'est enfui lorsque le garçon a crié après lui. Cette histoire a fait événement, et toute triste qu'elle est, nous a donné par ses incidents quelques moments de gaieté vu l'amabilité de Golovkine. Le soir nous nous sommes promenés à pied et avons soupé à la maison, ayant dû me ménager encore, mais grâce à Dieu je me suis sentie très bien le soir. Pour aujourd'hui j'ai la peine de voir mon cheval malade, on a dû le saigner, ainsi j'ai fait ma promenade à pied. A dîner nous avons eu le comte Arakchéef, il a été des nôtres toute la journée. Le temps du très beau s'est mis au froid, cependant nous avons été en ligne, mais la pluie nous a chassés, vers le soir il est survenu, quoiqu'il n'y avait que 9 degrés de chaud, un violent orage, qui nous a engagés après souper de rester encore ensemble, Annette, la comtesse, la Nélidof, et sachant que Nélédinski l'attendait pour profiter de sa voiture, nous l'avons fait entrer et nous avons jasé jusqu'à ce que l'orage soit fini; cela nous a mené très tard. Ainsi bonsoir, mes bons amis. Toute à vous de coeur et d'âme. Le reste à demain.

Ce 20 Juin. Dimanche.

Quel temps, mes enfants; on ne s'en fait pas d'idée: il serait affreux au mois de Novembre, ainsi jugez combien il nous le paraît en Juin. Depuis que je suis en Russie je n'ai pas vu de saison pareille, il fait sombre, gris comme au fond de l'automne, une pluie battante toute la journée, un vent glacial, et au moment que je vous écris ce soir seulement 6 degrés de chaud. Mon petit jardin nage, et on dit les chemins gâtés. Quelques personnes prétendent avoir vu des flocons de neige, je ne les ai pas vus, mais cela ne m'étonnerait pas. J'ai eu cependant à mon

grand étonnement assez de monde: le prince Lopukin, les deux princes Lobanof, M-r de Narischkin, Dmitri, Messieurs de Sablukof, Schakofskoi, le nouveau directeur Arsénief, Miloradovitch, Markéwitch, et Tschoglokof et Dépréradovitch pour prendre congé; le comte Arakchéef était des nôtres depuis hier. Je me suis acquittée de vos commissions pour M-r Markévitch, qui m'a dit que dans quelques semaines la chose serait faite. Pour la soirée tout le monde nous a quittés, il ne nous est resté que notre comte Miloradovitch, Jacques Lobanof et M-r de Narischkin qui tous repartent ce soir; le comte Miloradovitch va dire ses adieux à la ville et nous reviendra Mardi. Nous n'avons aucune nouvelle, mes bons amis, et il paraît que l'ignorance est partout la même, car on n'écrit rien même de Berlin, d'où les premières nouvelles nous arrivent toujours. J'ai oublié de nommer M-r de Kosodavlew au nombre des derniers; il n'a pas l'air d'avoir été si malade; il m'a dit qu'on ne lui marquait rien de nulle part. Les gazettes annoncent en tous caractères qu'il y a un mariage arrêté entre le duc de Berry et une archiduchesse d'Autriche: mon attente s'est donc parfaitement remplie, car j'étais persuadée qu'il se ferait, et que toutes les difficultés, qu'on a portées dans le temps à l'exécution du projet dont il a été question, étaient en grande partie causées par les manigances viennoises. Au reste que bien leur fasse. Comment peut on vouloir donner son enfant à ce jeune homme après tout ce qui vient de se passer en France, car si le bonheur et les circonstances l'y ramènent, il s'y trouvera constamment marchant sur un volcan qui peut à chaque moment l'engloutir, lui et toute sa famille. Annette pense parfaitement comme moi et n'a plus le moindre désir de cet établissement. Mais n'entendez-vous pas parler de l'autre? Pensez à moi que des relations de famille prévaudront aussi dans cette affaire, et que ce parti manquera tout de même à Annette. J'avoue que cette pensée m'atteint profondément et m'est un grand sujet de peine et d'inquiétude; mais la main de Dieu est toute puissante, et s'en rapporter à Sa volonté suprême est notre devoir. Vos 5 finnois sont venus en habit de fête me faire visite aujourd'hui. J'ai vu de même Joseph qui est arrivé hier de l'école avec les enfants de Villamof. Il m'a chargée de ses compliments et a voulu vous écrire. Il grandit et se porte bien. En repensant à votre lettre de Francfort je m'aperçois ne vous avoir pas répondu, cher Nikoche, sur l'article où vous me contez votre conversation avec A(lexandrine), dans laquelle elle vous a demandé pourquoi votre voyage d'Angleterre n'a pas eu lieu. Cette question me prouve, qu'il se peut, qu'elle soit inquiétée que ce projet ne puisse se reprendre, et cette inquiétude est en votre faveur, cher Nicoche, et prouve de l'intérêt pour vous. Cette explication ne vous fera pas peine. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien, veillez à votre conservation physique

et morale et ne m'oubliez pas. Je vous embrasse de toute, toute mon âme.

Ce Lundi, 21 Juin.

Mes chers amis, vous apprendrez en peu que Pawlovsk s'est mis à nager, la pluie battante continue, il fait un ouragan affreux, un froid glacial, tout est sous eau, et à une heure après-midi nous n'avions que 5 degrés de chaud. Il y a de quoi en prendre le spleen, et je vous assure que je n'en suis pas éloignée, car rien ne porte à la sérénité; mais je me travaille pour que du moins ma disposition triste ne paraisse à mon extérieur et ne me rende désagréable à la société. Je ne puis rien vous dire de nouveau ce matin, chers enfants. J'ai vu notre bonne Annette en tout, elle se porte bien, et la comtesse et moi nous étions à lui chanter ses éloges, à moraliser, philosopher. Dieu veuille la rendre heureuse et protège son union avec le pr(ince) d'O(range). Dites m'en tout ce que vous en apprendrez; j'en écris encore aujourd'hui à l'empereur. Veuille l'Être Suprême lui accorder la jouissance de travailler à son bonheur. Pour vous mettre au courant de tous mes faits et gestes je vous dirai que je fais placer dans cette antichambre longue, qui précède mes appartements au bel-étage et conduit aux grands appartements le beau dessin après Mengs que vous avez vu à la communauté. J'ai à coeur que vous restiez au courant de tout ce qui se fait chez moi. Adieu, mes bons amis. Je suis un peu inquiète pour «Такъ такъ» qui est assez indisposé en ville, et quoiqu'il ait eu la candeur de m'envoyer la relation de son indisposition, je vous avoue cependant, mes enfants, que je ne me sens pas à mon aise de vous la faire, et prendrai des phrases pour vous mettre au fait, de même que Rühl de ce qu'il souffre: à la suite des douleurs de coliques il a eu la même souffrance que le métropolite, après quoi on a trouvé des dépôts calcaires (phosphore acide). Le médecin suppose que c'est une matière goutteuse qui dépérit. Il s'est trouvé soulagé et est sorti en voiture, mais le temps ayant changé, il a pris froid et a de la fièvre. Voilà l'extrait de 7 pages. Mais pendant trois ou 4 jours ses souffrances à la façon métropolitaine ont été grandes. Il a appelé Zélinski, mais n'a pas eu besoin cependant de son secours. Si Rühl peut conclure quelque chose de ce que je vous dis, priez le qu'il dise son opinion. Kurakin m'a chargée de remettre le papier à Harry; lorsqu'il me le rendra je l'enverrai à Rühl. Mes amitiés au cher papa Lamsdorf, bien des choses au bon général Konovnitzin, et mes compliments à vos messieurs et aux braves militaires qui pensent à moi. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous recommande à Dieu dans tous les moments de la journée. Portez vous bien, conduisez vous bien, appliquez vous et rappelez vous des conseils de la plus tendre mère.

Je vous embrasse mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

19-го іюня 1815 г., суббота.

(Переводъ). Я писала вамъ дважды вчера, добрые друзья мои, поэтому я не стала писать вамъ еще разъ вчера вечеромъ и оставила это удовольствіе на сегодня. Проснувшись сегодня утромъ, я имѣла удовольствіе получить ваши милыя письма изъ Франкфурта; они были для меня настоящимъ сюрпризомъ, такъ какъ, судя по быстротѣ вашего путешествія, которое вы совершили съ большой скоростью, я полагала, что вы вовсе не останавливались во Франкфуртѣ. Благодарю васъ, добрые друзья мои, за то, что вы думаете обо мнѣ; увѣряю васъ, что вы этимъ очень услаждаете мнѣ жизнь; ибо я испытываю радость и удовольствіе лишь въ тѣ минуты, когда я получаю извѣстія о моихъ дѣтяхъ. Вамъ было очень пріятно встрѣтить во Франкфуртѣ добраго ген. Коновницына. Какъ вы находите его здоровье? Какимъ образомъ случилось, дѣти мои, что гг. Винцингероде, Чернышевъ и Волконскій остаются во Франкфуртѣ? Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе этихъ господъ и опасаюсь, такъ же точно, какъ и они, что война будетъ жестокая. Судя по газетамъ, Наполеонъ находится въ арміи въ окрестностяхъ Лаона, чтобы двинуться туда, гдѣ его атакуютъ. Между тѣмъ онъ приказалъ обнародовать, что его переговоры съ Австріей идутъ успѣшно. Присущій ему духъ коварства и клеветы остается неизмѣннымъ, но мнѣ кажется, что якобинская партія очень сильна, и что въ этомъ отношеніи онъ ведетъ опасную игру, такъ какъ эта партія можетъ низвергнуть его въ то время, какъ онъ не будетъ и подозрѣвать этого, такъ какъ мало-по-малу на сценѣ появляются люди наиболѣе извѣстные, какъ завзятые якобинцы. Благодарю васъ, дорогой Никошъ, за присланную брошюру, которая показалась мнѣ весьма интересной; какъ мило съ вашей стороны, что вы и объ этомъ подумали для меня. Отвѣтьте мнѣ, дѣти мои, относительно трехъ пакетовъ съ эстампами видовъ, присланныхъ вами съ курьеромъ, отправившимся 2-го числа изъ Гейдельберга. Будьте покойны, дорогой Никошъ, относительно моего мнѣнія о наружности Александрины; я представляю себѣ черты ея лица самыми пріятными; я нахожу даже, что ея лицо, въ маленькомъ медальонѣ, очень напоминаетъ мать, слѣдовательно, она не можетъ не понравиться; вѣрьте, дорогой Никошъ, что я всѣмъ сердцемъ готова полюбить ее, ей стоитъ только захотѣть этого, и я буду любить ее такъ же сильно, какъ васъ! Этимъ все сказано.

Вы ничего не пишете мнѣ, дорогіе друзья мои, о Маріи; я заключаю изъ этого, что вы разъѣхались съ нею, чѣмъ она будетъ очень огорчена. Видѣли ли вы, по крайней мѣрѣ, въ Веймарѣ ея дѣтей и наслѣднаго принца? Какъ вы нашли малютокъ? Я велѣла просить завтра къ обѣду г. Маркевича и передамъ ему ваше порученіе относительно ружей для маленькихъ принцевъ, сына короля и сына супруги принца Вильгельма.

*

Отвѣтивъ на всѣ пункты вашего письма, разскажу вамъ, какъ мы провели вчерашній день. Мы обѣдали въ Розовомъ павильонѣ, погода была прекрасная; когда мы встали изъ-за стола, Головкинъ сказалъ намъ, что во время обѣда произошелъ трагическій случай; волкъ имѣлъ смѣлость кинуться на корову, пасшуюся въ стадѣ около декораціи Гонзаго, и оторвалъ у нея кусокъ хвоста; маленькій мальчикъ, пасшій стадо, побѣжалъ ей на помощь; несчастное животное было все окровавлено. Крейтонъ, который былъ у насъ, пошелъ взглянуть на нее и успокоилъ насъ относительно полученныхъ ею укусовъ, но приказалъ отдѣлить ее отъ стада, опасаясь, не былъ ли волкъ бѣшеный; впрочемъ, кажется, этого не могло быть, такъ какъ онъ убѣжалъ, когда мальчикъ закричалъ на него. Этотъ случай былъ для насъ настоящимъ событіемъ, хотя довольно грустнымъ, но нѣкоторыя подробности его доставили намъ нѣсколько минутъ веселости, благодаря любезности Головкина.

Вечеромъ мы сдѣлали прогулку пѣшкомъ и ужинали дома, такъ какъ мнѣ надобно еще беречься, но благодаря Бога я чувствовала себя вечеромъ очень хорошо. Сегодня я была огорчена болѣзнью моей лошади; ей пришлось пустить кровь, поэтому я гуляла пѣшкомъ; къ обѣду пріѣхалъ Аракчеевъ и провелъ съ нами весь день; съ утра погода была прекрасная, но затѣмъ стало гораздо холоднѣе; несмотря на это, мы катались въ линейкахъ, но дождь загналъ насъ домой; вечеромъ была сильная гроза, хотя было всего 9 градусовъ тепла, вслѣдствіе этого мы и послѣ ужина сидѣли всѣ вмѣстѣ: Аннета, графиня и Нелидова; зная, что Нелединскій ожидалъ ее, желая воспользоваться ея каретою, мы попросили его войти и болтали до тѣхъ поръ, пока гроза не кончилась, и такимъ образомъ засидѣлись очень поздно. Итакъ прощайте, добрые друзья мои. Ваша всей душою и всѣмъ сердцемъ. Остальное до завтра.

Воскресенье, 20-го іюня.

Что за погода, дѣти мои, даже трудно себѣ представить; она была бы ужасна даже въ ноябрѣ, поэтому можете судить, какою она должна намъ показаться въ іюнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Россіи, я не видѣла подобнаго лѣта; темно, сѣро, какъ въ глубокую осень, цѣлый день идетъ проливной дождь, дуетъ ледяной вѣтеръ, и сегодня вечеромъ въ ту минуту, какъ я пишу вамъ, всего 6 градусовъ тепла; мой маленькій садикъ весь подъ водою; говорятъ, что дороги попорчены; нѣкоторые утверждаютъ, будто они видѣли хлопья снѣга, я ихъ не видѣла, но это меня не удивляетъ. При всемъ томъ, къ великому моему удивленію, у меня было довольно много гостей: кн. Лопухинъ, оба кн. Лобановы, Дмитрій Нарышкинъ, Саблуковъ, Шаховской, новый директоръ Арсеньевъ, Милорадовичъ, Маркевичъ, Чеглоковъ и Депрерадовичъ, которые

пріѣзжали проститься; гр. Аракчеевъ у насъ со вчерашняго дня. Я исполнила ваше порученіе относительно г. Маркевича; онъ сказалъ мнѣ, что дѣло будетъ сдѣлано чрезъ нѣсколько недѣль. Къ вечеру всѣ разъѣхались; у насъ остались только нашъ графъ Милорадовичъ, Яковъ Лобановъ и Нарышкинъ; всѣ они уѣзжаютъ сегодня вечеромъ; гр. Милорадовичъ ѣдетъ дѣлать прощальные визиты въ городѣ и вернется во вторникъ. Мы не получаемъ никакихъ извѣстій, добрые друзья мои; повидимому, всѣ находятся въ такой же неизвѣстности, ибо даже изъ Берлина, откуда всегда получаются первыя вѣсти, ничего не пишутъ. Я забыла назвать еще г. Козодавлева; на мой взглядъ онъ былъ не такъ боленъ; онъ сказалъ мнѣ, что ему ниоткуда ничего не пишутъ. Въ газетахъ говорятъ открыто о предстоящемъ бракѣ герцога Беррійскаго съ эрцгерцогиней Австрійской; слѣдовательно, мое ожиданіе оправдалось, ибо я была увѣрена, что этотъ бракъ состоится и что всѣ препятствія, которыя ставились нѣкогда къ осуществленію извѣстнаго проекта, были вызваны главнымъ образомъ коварствомъ Вѣнскаго двора. Впрочемъ, Богъ съ ними! Можно ли желать отдать свою дочь этому молодому человѣку послѣ всего, что произошло во Франціи, ибо если счастье и обстоятельства приведутъ его снова въ эту страну, то онъ будетъ тамъ ходить вѣчно на вулканѣ, который можетъ каждую минуту поглотить его и все его семейство. Аннета вполнѣ раздѣляетъ мои мысли и нисколько не желаетъ болѣе этого брака. Но не слыхали ли вы чего-нибудь о другомъ (молодомъ человѣкѣ)? Полагаете ли вы, такъ же какъ я, что въ этомъ дѣлѣ возьмутъ верхъ родственныя соображенія, и что эта партія все-таки будетъ не для Аннеты? Признаюсь вамъ, эта мысль сильно волнуетъ меня и причиняетъ мнѣ много горя и тревоги; но Господь всемогущъ, и нашъ долгъ—подчиняться Его всевышней волѣ. Сегодня были у меня ваши 5 финляндцевъ въ праздничныхъ платьяхъ. Я видѣла также Іосифа, который пріѣхалъ вчера изъ школы съ дѣтьми Вилламова; онъ просилъ меня передать вамъ поклонъ и хотѣлъ писать вамъ; онъ ростетъ и здоровъ. Думая о вашемъ письмѣ, полученномъ изъ Франкфурта, я припоминаю, что я не отвѣтила, дорогой Никошъ, на тотъ пунктъ, въ которомъ вы передаете мнѣ вашъ разговоръ съ Александриною, когда она спросила васъ, почему не состоялось ваше путешествіе въ Англію. Этотъ вопросъ доказываетъ мнѣ, что ее безпокоитъ, быть можетъ, мысль, что этотъ планъ можетъ снова возникнуть; эта тревога говоритъ въ вашу пользу, дорогой Никошъ, и свидѣтельствуетъ о ея расположеніи къ вамъ. Это объясненіе, конечно, не огорчитъ васъ. Прощайте, добрые друзья мои, спите спокойно, заботьтесь о вашемъ благополучіи физическомъ и нравственномъ и не забывайте меня. Цѣлую васъ отъ всей души.

Понедѣльникъ, 21-го іюня.

Дорогіе друзья мои, вы услышите скоро, что Павловскъ поплылъ, проливной дождь льетъ безъ перерыва, свирѣпствуетъ страшная буря, вѣтеръ дуетъ леденящій, все залито водою и въ часъ дня у насъ было всего 5 градусовъ тепла; есть отъ чего сдѣлаться сплину; увѣряю васъ, что онъ скоро нападетъ на меня, такъ какъ ничто не располагаетъ къ спокойствію; но я употребляю всѣ усилія, чтобы мое грустное настроеніе не отражалось по крайней мѣрѣ на моемъ лицѣ и не дѣлало меня непріятной для окружающаго общества. Не могу сообщить вамъ сегодня утромъ ничего новаго, дорогія дѣти мои. Я видѣла только нашу добрую Аннету, она здорова, и мы вмѣстѣ съ графиней воспѣвали ей похвалы, морализировали, философствовали. Пошли ей Господь счастья и да благословитъ Онъ ея бракъ съ принцемъ Оранскимъ. Напишите мнѣ все, что вы услышите объ этомъ; я еще пишу сегодня по этому поводу императору. Да даруетъ ему Всевышній возможность способствовать ея счастью. Чтобы вы могли знать все, что я дѣлаю, скажу вамъ, что я приказала помѣстить копію съ прекрасной картины Менгса, которую вы видѣли въ Смольномъ, въ длинной передней комнатѣ, которая находится передъ моими комнатами въ бель-этажѣ и ведетъ въ большіе аппартаменты; мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы знали все, что дѣлается у меня. Прощайте, добрые друзья мои. Я нѣсколько безпокоюсь за «Такъ такъ», который довольно сильно боленъ въ городѣ; хотя онъ былъ настолько наивенъ, что прислалъ мнѣ описаніе своей болѣзни, но признаюсь, дѣти мои, мнѣ не особенно удобно передать вамъ это описаніе, и я попробую объяснить вамъ и Рюлю намеками, чѣмъ именно онъ страдаетъ: послѣ сильныхъ болей въ желудкѣ у него сдѣлалась та же болѣзнь, что у митрополита, послѣ чего у него оказались известковыя отложенія (фосфорная кислота). Врачъ предполагаетъ, что это образованіе подагрическаго свойства, которое разсасывается; ему стало лучше, и онъ выѣзжаетъ въ каретѣ, но такъ какъ погода измѣнилась, то онъ простудился, и у него сдѣлалась лихорадка. Вотъ вкратцѣ то, что изложено имъ на семи страницахъ. Онъ страдалъ въ теченіе 3 или 4 дней такими сильными болями, какъ митрополитъ; онъ пригласилъ Зелинскаго, но ему не пришлось прибѣгнуть къ его помощи. Если Рюль можетъ вывести какое-нибудь заключеніе изъ того, что я пишу вамъ, то попросите его высказать свое мнѣніе. Куракинъ просилъ меня передать эту бумагу Гарри; когда онъ возвратитъ ее мнѣ, то я пошлю ее Рюлю. Мой привѣтъ дорогому папашѣ Ламсдорфу, поклонъ доброму ген. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ и молодцамъ военнымъ, которые вспоминаютъ обо мнѣ. Цѣлую васъ отъ всего сердца и всякую минуту молю

Господа, чтобы Онъ хранилъ васъ. Будьте здоровы, ведите себя хорошо, будьте прилежны и не забывайте совѣтовъ самой любящей изъ матерей.

Цѣлую васъ тысячу разъ и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Num. 30.

Ce soir du 21 Juin, Lundi, 1815.

Je me donne quelques moments de satisfaction, mes bons enfants, en vous traçant encore ce peu de mots avant de me coucher. Notre journée s'est passée bien solitairement et tristement. L'averse n'a pas cessé de la journée et nous en sommes à 4 degrés de chaud; tout nage autour de nous, et les fleurs de mon petit jardin ont la plus triste apparence. J'ai eu la satisfaction de voir M-r de Krusenstern arrivé depuis peu d'Angleterre; sa conversation si instructive est une véritable jouissance, et j'en ai éprouvé beaucoup en l'entendant parler sur l'Angleterre et sur l'état de prospérité dans lequel il l'a trouvée, qu'il me dit avoir singulièrement augmenté depuis son dernier voyage. M-r de Krusenstern soigne l'expédition que le comte Romanzof va faire faire autour du monde. Le vaisseau partira, à ce qu'il suppose, dans 15 jours ou trois semaines; c'est M-r Kotzebue qui en est le chef, M-r de Krusenstern l'estime beaucoup et fait grand cas de son mérite. Le vaisseau porte le nom de Rurik. Tous les instruments nécessaires à l'expédition ont été achetés par Krusenstern en Angleterre. C'est un beau voyage à faire qui me tenterait si j'étais homme. A propos de voyage, j'espère que vos chevaux sont arrivés, et j'espère de même que mes petits chirurgiens les ont précédés, car on leur a donné le conseil d'aller en avant à Francfort; marquez moi, mes amis, s'ils sont heureusement advenus et si Wylie les a pris sous sa protection. J'ai fait ces jours la lecture d'une brochure qui m'a beaucoup intéressée et que je vous recommande, mes enfants; elle a pour titre: «.......» [1] et si vous réussissez à vous la procurer, faites en l'acquisition pour moi et envoyez la moi. Elle est à conserver et à lire; j'avoue que je suis d'accord avec ses principes sur bien et bien des points. Bonsoir, mes enfants, dormez bien; que Dieu vous bénisse comme je le fais.

Ce Mardi, 22 Juin.

La même intempérie d'hier existe encore aujourd'hui, et la pluie n'a pas cessé d'un instant, aussi suis-je menacée de bien des dommages dans mon jardin, l'eau est si haute que quoique toutes les digues soient ouvertes, l'eau passe en torrent à côté du grand pont, là où se trouve

[1]) Въ подлинникѣ заглавіе осталось не вписаннымъ.

le pont de bois; l'île du monument d'Hélène est presque submergée; enfin que faire? Cette année est désagréable sous tous les rapports. Pas de courrier, mes enfants, raison de plus pour vous et pour moi à ne pas négliger la voie réglée de la poste. Disons dans nos lettres de belles choses aux maîtres de poste, appelons en à leur qualité de père ou de fils, et ils s'intéresseront à notre correspondance et la soigneront, ce qui leur vaudra la bénédiction divine. J'attends aujourd'hui le comte de Tolstoi et notre bon comte Miloradovitch: leur société me fera grand plaisir. Zagriaski m'a dit qu'il passerait la journée aux pieds de sa femme; je la passerai à m'occuper, à travailler, à penser à vous; je me dirai quelquefois que vous aussi penserez à moi, mes bons amis, et que naturellement nous élevons nos âmes à Dieu pour Lui demander notre prochaine réunion. Ainsi soit-il! Adieu, chers et bons enfants. Mes amis, je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes mes bénédictions. Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf; mille choses au bon g(énéral) Konovnitzin, mes compliments à vos messieurs et à nos braves militaires qui pensent à moi. Прощайте, съ нами Богъ.

Marie.

Понедѣльникъ, вечеромъ, 21-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Доставляю себѣ нѣсколько минутъ удовольствія, добрыя дѣти мои, набросавъ вамъ еще нѣсколько словъ прежде, нежели лечь спать; мы провели сегодняшній день очень одиноко и скучно. Весь день лилъ проливной дождь, и у насъ всего 4 градуса тепла; вокругъ насъ все подъ водою, и цвѣты въ моемъ маленькомъ садикѣ имѣютъ самый печальный видъ. Я имѣла удовольствіе видѣть г. Крузенштерна, недавно пріѣхавшаго изъ Англіи; его поучительный разговоръ доставляетъ истинное наслажденіе, и я дѣйствительно наслаждалась, слушая его разсказы объ Англіи и объ ея цвѣтущемъ состояніи, которое, по его словамъ, значительно увеличилось со времени его послѣдняго путешествія. Г. Крузенштернъ занятъ устройствомъ кругосвѣтной экспедиціи, которую собирается предпринять графъ Румянцовъ. Корабль уйдетъ въ море, какъ онъ полагаетъ, недѣли черезъ двѣ или три; имъ командуетъ Коцебу, о которомъ Крузенштернъ отзывается съ большимъ уваженіемъ. Корабль называется «Рюрикъ». Всѣ инструменты, необходимые для экспедиціи, пріобрѣтены Крузенштерномъ въ Англіи. Это чудесное путешествіе, которое очень соблазнило бы меня, если бы я была мужчиною. Кстати, о путешествіи; надѣюсь, что ваши лошади прибыли; надѣюсь также, что мои маленькіе хирурги прибыли раньше ихъ, такъ какъ имъ совѣтовали ѣхать впередъ во Франкфуртъ; напишите мнѣ, друзья мои,

благополучно ли они пріѣхали и взялъ ли ихъ Вилье подъ свое покровительство. Я читала на-дняхъ брошюру, которая очень заинтересовала меня и которую я совѣтую вамъ прочесть, дѣти мои; она озаглавлена: «. . . . .»[1], и если вамъ удастся достать ее, пріобрѣтите ее для меня и пришлите мнѣ. Ее слѣдуетъ сохранить и перечитывать; признаюсь, я въ весьма многихъ отношеніяхъ согласна съ высказываемыми въ ней взглядами. Прощайте, дѣти мои, спите спокойно, да благословитъ васъ Господь такъ же, какъ я благословляю васъ.

Вторникъ, 22-го іюня.

И сегодня все еще продолжается такая же ненастная погода, какъ вчера; дождь не прекращался ни на минуту, поэтому моему саду грозятъ большія поврежденія; вода такъ высока, что хотя всѣ плотины открыты, но вода несется потокомъ возлѣ большаго моста, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится деревянный мостъ; островъ съ памятникомъ Елены почти весь подъ водою; но что же дѣлать? Этотъ годъ непріятенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Курьеровъ нѣтъ и нѣтъ, дѣти мои; тѣмъ болѣе мы должны пользоваться съ вами правильнымъ сообщеніемъ по почтѣ; будемъ хвалить въ нашихъ письмахъ почтмейстеровъ, будемъ взывать къ ихъ отеческимъ и сыновнимъ чувствамъ, они заинтересуются нашей перепискою и позаботятся о ней, за что благословеніе Божіе будетъ надъ ними. Я ожидаю сегодня гр. Толстого и нашего добраго гр. Милорадовича; ихъ общество доставитъ мнѣ большое удовольствіе. Загряжскій сказалъ мнѣ, что онъ проведетъ сегодняшній день у ногъ своей жены, а я буду заниматься, работать, думать о васъ, говоря себѣ время отъ времени, что и вы иногда вспоминаете обо мнѣ, добрые друзья мои, и что, само собою разумѣется, мы возносимъ къ Господу мольбы о томъ, чтобы Онъ скорѣе соединилъ насъ. Да будетъ такъ! Прощайте, добрыя и дорогія дѣти. Цѣлую васъ тысячу и тысячу разъ, друзья мои, и посылаю вамъ свое благословеніе. Мой нѣжный привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и поклонъ доброму ген. Коновницыну, вашимъ кавалерамъ и тѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, которые помнятъ обо мнѣ. Прощайте, съ нами Богъ.

Марія.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Пропускъ въ подлинникѣ.

Перемѣна политики съ Франціею

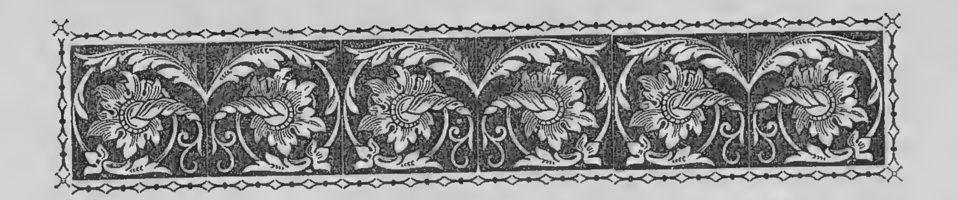

Указъ с.-петербургскому военному губернатору генералу-отъ-инфантеріи Голенищеву-Кутузову.

27-го августа 1801 г.

На представленіе ваше о прибывшемъ сюда французѣ изъ провинціи Альзаса, учителѣ словесныхъ наукъ Антуанѣ Иллингѣ, въ разрѣшеніе считаю нужнымъ дать всѣмъ знать, что по перемѣнившимся обстоятельствамъ сношеній Россіи съ Франціею, какъ его, такъ и другихъ соотчичей его должно принимать и содержать на томъ же точно основаніи, какъ и всѣхъ другихъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ свидѣтельствами о не подозрительномъ и добромъ поведеніи, не подвергая ихъ особеннымъ обрядамъ, для сей націи на время только установленнымъ и теперь уже невмѣстнымъ.

П. А. Каратыгинъ и его ученики по сценѣ:

Мартыновъ и Максимовъ.

I.

Однимъ изъ младшихъ учениковъ князя А. А. Шаховскаго, пользовавшихся впослѣдствіи громкой извѣстностью и занявшихъ почетное мѣсто на сценѣ Александринскаго театра, былъ извѣстный острякъ и водевилистъ П. А. Каратыгинъ, братъ знаменитаго трагика. Это была также замѣчательно даровитая личность и при томъ изумлявшая необыкновеннымъ разнообразіемъ талантовъ. Уступая своему брату въ силѣ генія и преклоняясь передъ его заслугами и славой, Петръ Андреевичъ имѣлъ, въ свою очередь, собственныя немалыя преимущества, впрочемъ менѣе блестящія и не столько обезпечивающія прочную память въ потомствѣ. Это былъ по преимуществу человѣкъ бойкаго ума и остраго соображенія, обаятельный въ кругу сослуживцевъ и знакомыхъ, человѣкъ съ извѣстнымъ авторитетомъ и большимъ тактомъ, виртуозъ въ области тонкихъ и изящныхъ шутокъ и летучихъ мѣткихъ характеристикъ, по складу своего ума нашедшій впрочемъ призваніе въ игривыхъ водевиляхъ и эфемерныхъ эпиграммахъ. О младшемъ Каратыгинѣ не даромъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ артистъ Нильскій, что «это былъ складъ всевозможныхъ дарованій», такъ какъ «помимо актерства, онъ успѣшно занимался литературой и художествомъ» и что «еслибы была возможность собрать всѣ стихотворенія, касавшіяся сцены, то составилась бы чудесная хроника русскаго театра за полвѣка его лучшей эры» [1]. Но, къ сожалѣнію, остроумный артистъ разбрасывалъ безъ оглядки блестки своего яркаго юмора, случайнымъ отраже-

[1]) „Историческій Вѣстникъ", 1894, VI, 651.

ніемъ котораго являются теперь кое-какіе ходячіе анекдоты. Гораздо больше значенія имѣла его преподавательская дѣятельность въ театральномъ училищѣ, которой Александринская сцена обязана многимъ хорошимъ. На этомъ поприщѣ Каратыгинъ вмѣстѣ съ Сосницкимъ являются продолжателями Шаховскаго и Дмитревскаго.

Съ гораздо бо̀льшимъ правомъ можно считать Шаховскаго театральнымъ крестнымъ отцомъ младшаго Каратыгина, нежели его брата, знаменитаго трагика. Извѣстно, что послѣдній, прежде всего замѣченный и оцѣненный Шаховскимъ, скоро подчинился, однако, иному вліянію и тѣмъ навсегда навлекъ на себя гнѣвъ своего прежняго патрона, который «былъ разгнѣванъ этой дерзостью и никогда не могъ простить ему такого оскорбленія» [1]). Какимъ образомъ избѣгнулъ такой участи П. А. Каратыгинъ и почему онъ остался не только подъ ферулой, но и на попеченіи того же князя Шаховскаго, онъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ въ своихъ извѣстныхъ запискахъ и только ограничивается слѣдующимъ брошеннымъ вскользь замѣчаніемъ: «хотя братъ мой и сдѣлался ренегатомъ, выйдя изъ его студіи, но я, какъ воспитанникъ, принадлежалъ къ числу его учениковъ, онъ меня очень любилъ и ласкалъ; одно лѣто я даже провелъ у него на дачѣ» и проч. Полагаемъ, что кромѣ чисто внѣшней причины, заключавшейся въ томъ, что младшій Каратыгинъ обучался въ подвѣдомственномъ Шаховскому театральномъ училищѣ, здѣсь иногда имѣли значеніе также для Шаховскаго давнія отношенія его къ семьѣ Каратыгиныхъ и добровольно данное имъ обѣщаніе принять подъ свое покровительство способныхъ юношей, а для юнаго будущаго артиста — отъѣздъ изъ Петербурга какъ Катенина, такъ и Грибоѣдова, оспаривавшихъ прежде у Шаховскаго вліяніе на артистическое образованіе старшаго Каратыгина. При томъ, судя по всѣмъ даннымъ, уже въ эти ранніе годы Каратыгинъ младшій обнаруживалъ гораздо меньше блестящихъ сценическихъ задатковъ, чѣмъ его братъ, и это снова могло служить причиной, такъ сказать, большей ординарности его карьеры. Хотя онъ сдѣлался замѣтенъ отчасти уже на школьной сценѣ, какъ раньше на домашней сценѣ своего отца, но особенно не выдѣлялся изъ своихъ братьевъ и знакомыхъ. Но вотъ ему была поручена на публичномъ театрѣ, въ бенефисъ талантливаго комика Боброва, небольшая роль въ одной изъ пьесъ Коцебу. Само собою разумѣется, что это обстоятельство показалось ему тогда, а, пожалуй, и дѣйствительно было, настоящимъ событіемъ въ жизни. «Я былъ 13 лѣтній мальчишка», — говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — мальчишку игралъ и былъ въ полномъ восторгѣ». Раза два во время исполненія имъ этой первой его роли, послышались рукоплесканія, за-

---

[1]) „Русская Старина“, 1873, т. VI, стр. 151.

ронившія въ дѣтской головкѣ смѣлыя надежды и побудившія начальство поручать ему отъ времени до времени роли мальчиковъ. Но никакого серьезнаго значенія эти успѣхи имѣть пока не могли; и юношу продолжали настойчиво обучать балетной премудрости и даже пѣнію, несмотря на отсутствіе голоса: ему даже «угрожала мрачная перспектива фигурантской службы». Проложить себѣ дорогу къ настоящему дебюту помогло ему наконецъ новое покровительство Шаховскаго, пожелавшаго доставить ему возможность выступить передъ большой публикой вмѣстѣ съ одной изъ своихъ лучшихъ ученицъ Дюровой; но такъ какъ молодой Каратыгинъ былъ въ данномъ случаѣ все-таки на второмъ планѣ, да и роль была дана ему незначительная, то, несмотря на громкіе успѣхи брата и на старанія вліятельнаго князя, онъ чуть не остался въ тѣни. Тѣмъ не менѣе, можетъ быть не безъ помощи театральныхъ связей отца и брата, ему удалось скоро занять амплуа драматическихъ любовниковъ. Такимъ образомъ первые шаги его на избранномъ поприщѣ оказались въ сущности довольно заурядными. Но съ тѣхъ поръ (т. е. 1823 г.) Каратыгинъ второй началъ успѣшно трудиться на Александринской сценѣ рядомъ съ своимъ братомъ, безъ всякихъ правъ на сравненіе съ нимъ, но въ то же время, какъ актеръ несомнѣнно способный и умный, искренно любившій дѣло, съ вполнѣ самостоятельнымъ и почтеннымъ значеніемъ, а отнюдь не какъ ловкая посредственность, эксплоатирующая въ свою пользу отраженіе яркихъ лучей родственной славы.

Вопросъ о томъ, случайное ли стеченіе обстоятельствъ или самый характеръ призванія ограничилъ сценическую карьеру младшаго Каратыгина преимущественно водевилями, не допускаетъ никакихъ колебаній: очевидно, талантъ его имѣлъ достаточный просторъ для развитія и даже проявлялъ себя довольно разнообразно, но родную сферу нашелъ онъ себѣ именно только въ водевилѣ. Только тогда артистъ и почувствовалъ себя на настоящей дорогѣ, когда, по его собственнымъ словамъ, «судьба вытолкнула его на амплуа, болѣе подходящее къ его веселому характеру и способностямъ». Правда, послѣднее слово сопровождено у него въ запискахъ оговоркой: «можетъ быть», но всякое сомнѣніе отпадаетъ въ виду предшествующаго его же собственнаго признанія: «въ общественномъ быту счастливымъ любовникамъ, конечно, многіе могутъ позавидовать, но счастливые любовники въ комедіяхъ и драмахъ—самыя несчастныя созданія; они каждый вечеръ повторяютъ свои стереотипныя объясненія въ любви, тянутъ безпрерывную канитель и надоѣдаютъ зрителямъ до тошноты своими приторными сластями». Эти слова позволяютъ предполагать и въ болѣе раннюю пору преобладаніе въ П. А. Каратыгинѣ трезвой разсудочной рефлексіи надъ необходимой для подобныхъ ролей стихіей безотчетнаго увлеченія.

Съ другой стороны, вся литературная дѣятельность Каратыгина младшаго, безъ сомнѣнія нисколько не стѣсняемая внѣшними условіями и не направляемая какой-либо случайностью, обращена была всегда исключительно на живые, остроумные водевили, пьесы и разсказы въ легкомъ сатирическомъ вкусѣ. Намъ неизвѣстны, правда, его ранніе литературные опыты, начинающіеся еще съ 1821 г., небольшія пьески, написанныя для домашней сцены театральнаго училища и заслужившія въ свое время одобреніе Грибоѣдова, но уже первое поставленное на настоящую сцену его произведеніе. «Знакомые незнакомцы», носитъ на себѣ всѣ отличительныя черты его авторскихъ пріемовъ и наклонностей: это былъ водевиль съ прозрачными намеками на современныя лица и интересы дня. Онъ былъ озаглавленъ, «Знакомые незнакомцы», и, кажется, уже въ самомъ этомъ заглавіи заключалось легкое указаніе на скрытый смыслъ пьесы, ясно истолкованный затѣмъ особенно игрой артиста Рязанцева, явившагося на сценѣ двойникомъ Булгарина. Въ водевилѣ изображалась между прочимъ вражда послѣдняго съ Полевымъ, и это придало сюжету извѣстную пикантность. До представленія и во время его авторъ находился въ крайне напряженномъ состояніи и переживалъ такимъ образомъ въ своемъ литературномъ дебютѣ тѣ же чувства и волненія, которыя были такъ знакомы ему по давнимъ театральнымъ дебютамъ. Теперь снова наступила роковая минута, и все, что къ ней относилось, навсегда и глубоко запало въ душу литератора-артиста. Послѣ нея его будущность опредѣлилась совершенно, и съ тѣхъ поръ не оставалось уже никакого сомнѣнія, гдѣ и въ чемъ искать успѣха и чему отдать свою дѣятельность.

Лучшей заслугой Каратыгина 2-го слѣдуетъ безспорно считать образованіе подъ его руководствомъ (въ качествѣ учителя театральной школы) таланта знаменитаго Александра Евстафьевича Мартынова, въ продолженіе почти тридцати лѣтъ служившаго блестящимъ украшеніемъ Александринской сцены.

II.

Мартыновъ былъ человѣкъ въ высшей степени замѣчательный и какъ актеръ, и какъ личность. Это была натура совершенно русская, и, вѣроятно, потому-то на сценѣ онъ всегда превосходно воспроизводилъ именно національные типы и былъ нѣсколько неестественъ и блѣденъ въ роляхъ иностранцевъ. Люди, близкіе къ покойному артисту, передаютъ множество любопытныхъ разсказовъ, характеризующихъ его не-

обыкновенную даровитость, соединенную съ безграничнымъ добродушіемъ и чрезвычайно привлекательной простотой и непринужденностью обращенія. Мартыновъ относился ко всѣмъ дружески и сердечно, и держалъ себя всегда на распашку. Естественность была его стихіей,—обстоятельство, безъ сомнѣнія, не оставшееся безъ вліянія на судьбу и на направленіе его артистическаго дарованія. Понятно, что человѣкъ, съ раннихъ лѣтъ всосавшій въ плоть и кровь простоту, не могъ и на сценѣ явиться натянутымъ и холоднымъ декламаторомъ. Извѣстно, что Каратыгинъ 1-ый выступилъ на сцену въ переходное время отъ напыщеннаго ложноклассицизма къ новѣйшему реализму. Оттого талантливый артистъ никогда не могъ совершенно освободиться отъ эффектной торжественности, доставившей ему славу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послужившей главной причиной того прискорбнаго обстоятельства, что подъ конецъ своей дѣятельности онъ казался лишь блестящимъ представителемъ старой школы искусства. Каратыгинъ былъ въ своей сферѣ, когда ему приходилось изображать героевъ; тутъ онъ, какъ превосходный пластикъ, производилъ сильное впечатлѣніе и срывалъ громкія рукоплесканія; но чуть только приходилось ему выступать въ такъ называемыхъ роляхъ фрачныхъ и играть обыкновенныхъ людей, чуть надо было дѣйствовать на душу, а не плѣнять только взоры граціозной картинностью позы, онъ уже чувствовалъ неловкость и прибѣгалъ по привычкѣ, но совершенно некстати, къ декламаціи—въ роли Чацкаго и къ порывистымъ жестамъ и размахиванію руками въ «Евгеніи Онѣгинѣ».

Достоинство игры Мартынова заключалось, напротивъ, какъ разъ въ противоположномъ. Онъ являлся передъ зрителями безъ всякихъ претензій, самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ и передавалъ чувства изображаемаго лица, былъ ли это купецъ, помѣщикъ, чиновникъ, или крестьянинъ и съ такимъ искусствомъ, что, казалось, нисколько не заботился объ игрѣ, но все давалось ему само собой, какъ будто ему ровно ничего не стоило являться передъ публикой въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ и именно каждый разъ тѣмъ лицомъ, которое онъ долженъ былъ изображать. Конечно, это было совершенно ошибочное впечатлѣніе, и на самомъ дѣлѣ Мартыновъ много и упорно работалъ надъ своимъ талантомъ, но нельзя отрицать, что артистъ былъ всегда въ своей сферѣ во всѣхъ національныхъ роляхъ и что ему въ самомъ дѣлѣ была присуща извѣстная доля той безпечности генія, которую такъ художественно обрисовалъ Пушкинъ въ своемъ Моцартѣ. Если что̀ вредило Мартынову, то развѣ только нѣкоторая наклонность къ тривіальности, воспитанная въ немъ пестрой труппой Александринскаго театра и поддерживаемая страстью къ аплодисментамъ. Но такъ было только вначалѣ.

Родился Мартыновъ 12-го іюля 1816 года. Онъ былъ сынъ бѣднаго дворянина, служившаго въ качествѣ управляющаго имѣніемъ у знатной и богатой г-жи Сухозанетъ. Эта-то барыня и присовѣтовала, можетъ быть замѣтивъ въ мальчикѣ какіе-нибудь задатки его будущаго призванія, отдать его въ театральную школу. Раньше же Мартыновъ обучался въ какомъ-то пансіонѣ, но вскорѣ былъ взятъ оттуда. Хотя такимъ образомъ какъ будто сама судьба указала мальчику ожидавшую его дорогу, но ему было суждено пройти къ избранной цѣли черезъ множество препятствій. Прежде всего какой-то служившій при театрѣ чиновникъ Гемнигъ сталъ почему-то противиться поступленію Мартынова въ театральное училище; по неизвѣстнымъ для насъ соображеніямъ онъ не только отклонялъ это поступленіе, но совѣтовалъ отдать мальчика именно въ Петропавловскую школу. И вотъ въ то самое время, когда уже предстояло такъ или иначе разрѣшить данный вопросъ, слѣпой случай указалъ даровитому ребенку его настоящую дорогу.

Произошло это такимъ образомъ, по словамъ самого Мартынова, переданнымъ въ «Сѣверной Пчелѣ» въ годъ его смерти однимъ изъ пріятелей, г. А. С. [1]).

«Мой отецъ—разсказываетъ Мартыновъ,—былъ управляющимъ у г-жи Е. А. Сухозанетъ. Она очень цѣнила его труды и любила меня, какъ забавнаго мальчика. Однажды у г-жи Сухозанетъ обѣдали гости, между которыми былъ и князь С. С. Гагаринъ, одинъ изъ четырехъ членовъ комитета, завѣдывавшаго въ 1827 г. театрами. За столомъ она разсказала гостямъ о маленькомъ своемъ фаворитѣ, и князь присовѣтовалъ отдать меня въ театральное училище. Въ то время тамъ, однако, вакансіи не оказалось. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ иду я по Дворцовой набережной и ѣмъ пряникъ. Вдругъ какой-то господинъ идетъ на встрѣчу: «что ты ѣшь, мальчикъ?».

— Пряникъ-съ...

— Брось, душа моя, желудокъ испортишь.

Я взялъ и бросилъ дорогое лакомство въ воду. Господину тому поступокъ мой понравился.

— Какъ тебя звать?

— Саша-съ.

— А фамилія твоя?

— Мартыновъ-съ.

— Не сынъ ли управителя Е. А. Сухозанетъ?

— Точно такъ-съ.

---

[1]) «Сѣверная Пчела», 1860, № 205.

«Господинъ этотъ, оказавшійся княземъ Гагаринымъ, велѣлъ мнѣ къ нему явиться и черезъ три дня я былъ опредѣленъ въ училище».

Князь Гагаринъ, бывшій прежде директоромъ театра и сохранившій тамъ связи и вліяніе, дѣйствительно вскорѣ добился опредѣленія маленькаго Мартынова казеннокоштнымъ воспитанникомъ, но послѣдняго все еще ожидали новыя испытанія. Въ былые годы въ театральныхъ школахъ не существовало позднѣйшей спеціализаціи, и въ частности для драматическихъ артистовъ предварительной школой служилъ обыкновенно водевиль, на которомъ юные артисты первоначально развивали и упражняли свой талантъ.

Все это повторилось и въ юности Мартынова. Только-что взглянулъ на него знаменитый балетмейстеръ Дидло, какъ онъ былъ уже очарованъ его сложеніемъ, обѣщавшимъ искуснаго танцора; только успѣлъ онъ по своему обычаю всесторонне осмотрѣть мальчика и ощупать ему грудь и ноги, какъ тотчасъ же намѣтилъ въ немъ жертву своей фанатической страсти къ балету и объявилъ, что «изъ этого тощаго вѣтрогона, при тщательной дрессировкѣ, выйдетъ второй Дидло». Это былъ уже не первый случай, когда страстно преданный своему дѣлу балетмейстеръ, какъ коршунъ на добычу, набрасывался на хорошо сложеннаго и одареннаго способностями ребенка. Во всякомъ случаѣ всѣ подобные факты ясно доказываютъ замѣчательную проницательность и энергію Дидло; невольно рождается вопросъ: почему же не находился никто больше въ штатѣ цѣлой театральной школы, кто бы предупредилъ хоть разъ Дидло въ данномъ отношеніи? Намъ кажется, что въ исторіи русскаго театра имя этого талантливаго балетмейстера должно навсегда сохранить свое значеніе отчасти и потому, что, какъ бы то ни было, многія яркія дарованія были открыты и указаны именно имъ, а уже потомъ по его указанію замѣчали ихъ другіе и тогда спѣшили обыкновенно перебить у него учениковъ. Большей частью смотрятъ на Дидло, только какъ на искуснаго балетмейстера по призванію и въ то же время какъ на суроваго, безпощадно-жестокаго муштровщика. Это, конечно, и справедливо и давно засвидѣтельствовано не только его учениками, но и всѣми вообще, кто только зналъ его. Но Дидло умѣлъ также превосходно опредѣлять и направлять способности, что́ чрезвычайно важно, хотя, какъ фанатикъ и человѣкъ крайне односторонній, могъ пользоваться этимъ своимъ даромъ только въ примѣненіи къ своей узкой и безплодной спеціальности. Онъ самъ погруженъ былъ всей душой въ батманы и пируэты и готовъ былъ навязать ихъ каждому способному ребенку; онъ жилъ только балетомъ и для балета—и въ этомъ уже, конечно, заключалась непростительная его односторонность. Часто, вспоминая участіе Дидло въ признаніи какого-нибудь замѣчательнаго дарованія, приписывали ему и немалую заслугу, заклю-

чавшуюся въ образцовой выправкѣ артиста и въ сообщеніи ему ловкости и хорошихъ манеръ, столь необходимыхъ для каждаго сценическаго дѣятеля. Но такъ же часто высказывалось противоположное убѣжденіе, будто бы Дидло не только не принесъ своими мастерскими уроками никакой существенной пользы такому-то артисту, но былъ даже вреденъ для него своей безтолковой и безпощадной муштровкой. Нужно, однако, согласиться, что изящество, свобода и непринужденность движеній, если даже все это есть въ природѣ артиста, даются, все же, не сразу и не сами собой, а нуждаются въ извѣстномъ упражненіи и что наконецъ самое умѣнье и искусство Дидло признать и оцѣнить даровитость воспитанника значительно облегчало послѣднему дальнѣйшіе успѣхи, выдвигая его на видный планъ и дѣлая предметомъ общаго вниманія. Нужно помнить, что даже и послѣ этой оцѣнки его любимцамъ часто приходилось еще долго съ трудомъ пробираться по сумрачнымъ дебрямъ закулиснаго лабиринта. Это соображеніе считаемъ нужнымъ высказать въ виду слишкомъ распространенныхъ и нѣсколько несправедливыхъ, по нашему мнѣнію, обвиненій Дидло въ томъ, что будто бы онъ умѣлъ только немилосердно ломать ноги своимъ ученикамъ [1]).

На Мартынова Дидло, несомнѣнно, обращалъ большое вниманіе; онъ поставилъ его въ первую пару и предназначалъ его къ званію перваго танцовщика. Спору нѣтъ, что большинство изъ наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ Дидло, а въ томъ числѣ и Мартыновъ, не могли удовлетвориться стать любезными сердцу своего учителя сильфами, зефирами и амурами и легко разставались съ ними при первой возможности, а потомъ охотно подсмѣивались надъ смѣшнымъ фанатизмомъ своего бывшаго тирана; но именно пройденный у него искусъ, во-время окончившійся и замѣненный болѣе осмысленнымъ служеніемъ музамъ, едва-ли проходилъ совсѣмъ безъ пользы. Въ драматическомъ классѣ обратилъ вниманіе на Мартынова П. А. Каратыгинъ, и Гедеоновъ сталъ настойчиво совѣтовать Мартынову посвятить себя драматическому искусству. Но тутъ, какъ говоритъ Мартыновъ, «судьбѣ было угодно отодвинуть меня отъ моего призванія. Любя живопись еще въ домѣ Е. А. Сухозанетъ, я поступилъ въ ученье къ декоратору Канопи. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Канопи умеръ, и я оставилъ живопись» [2]). Впрочемъ подобныя отклоненія отъ призванія повторяются не разъ въ біографіяхъ нашихъ замѣчательныхъ артистовъ, и они невольно наводятъ на мысль о томъ, какъ трудно бываетъ иногда вѣрно опредѣлить его въ раннемъ возрастѣ.

---

[1]) «Музыкальный Свѣтъ», 1876, и «Очеркъ исторіи русской сцены», Бураковскаго. Спб. 1877 г.

[2]) «Сѣверная Пчела», 1860, № 205.

Любопытно то, что артистъ Брянскій, обучавшій Мартынова раньше Каратыгина 2-го, представляя послѣднему своихъ учениковъ, такъ отозвался о немъ: «Вотъ этотъ мальчуганъ учится у Конопи живописи и просится перейти въ драматическій классъ; я заставилъ его выучить одну роль, прослушалъ его, но, кажется, лучше ему оставаться краскотеромъ: выговоръ у него дурной, голосъ слабый и, кажется, изъ него толку не будетъ» [1]). Кто же виноватъ, что даровитаго юношу лучше умѣлъ разгадать балетмейстеръ Дидло, нежели драматическій актеръ Брянскій. Наконецъ, пора колебаній проходитъ, артистъ открываетъ свое настоящее поприще. Этимъ, однако, не кончаются безчисленныя препятствія на пути къ успѣхамъ и славѣ. Сначала юношѣ приходится долго сидѣть на незначительныхъ роляхъ, терпѣть нужду, выносить тяжелыя нравственныя испытанія. Еще въ школьныхъ спектакляхъ, благодаря покровительству Гедеонова, Мартыновъ сталъ выдвигаться и особенно съ большимъ успѣхомъ игралъ въ пьесѣ своего учителя Каратыгина «Знакомые незнакомцы». Потомъ, въ 1832 г., будучи воспитанникомъ, онъ дебютировалъ въ незначительномъ и пустомъ водевилѣ «Филатка и Мирошка», послѣ чего удостоился выпуска изъ школы съ низшимъ окладомъ жалованья. Уже въ послѣднее время пребыванія въ школѣ онъ съ жаромъ проходилъ комическія роли подъ руководствомъ новаго учителя, П. А. Каратыгина, который умѣлъ лучше Брянскаго понять и оцѣнить способности своего воспитанника. Но далеко было еще время настоящей сценической дѣятельности, а между тѣмъ Мартыновъ жестоко страдалъ отъ нужды и неимѣнья хорошихъ ролей. Если онъ съ честью выдержалъ и завоевалъ себѣ наконецъ достойное его таланта положеніе въ труппѣ, если его не загубила нужда, то причиной этого были врожденная доброта и благодушіе, несомнѣнно сильно облегчавшія прохожденіе тернистаго пути. Но сколько пришлось ему перенести прежде, чѣмъ сдѣлаться любимцемъ публики, показываетъ его собственный разсказъ о томъ, какъ, живя вмѣстѣ съ товарищемъ по школѣ, они чистили другъ другу сапоги и платье, какъ часто недоставало имъ денегъ даже на покупку сальной свѣчи, такъ что приходилось изучать роли при поэтическомъ свѣтѣ луны. Однажды, благодаря усиленной экономіи, Мартынову удалось купить новую пару платья; но когда онъ, возвратившись съ прогулки по Невскому проспекту, заснулъ крѣпкимъ сномъ, то, проснувшись, долженъ былъ убѣдиться, что платье его похищено, и ему пришлось снова щеголять въ изношенномъ сюртукѣ. А между тѣмъ въ юношѣ кипѣли силы, и онъ сознавалъ свое призваніе, будучи въ то же время обреченъ на безсрочное долгое терпѣніе. Положеніе сдѣлалось еще труднѣе, когда молодой

[1]) Вольфъ «Хроника С.-Петербургскихъ театровъ», т. I, стр. 32.

*

артистъ женился и семья его быстро росла, и все-таки, несмотря на явную благосклонность къ нему публики, ему предстояло еще отчаянно и упорно бороться съ нуждой.

Въ этотъ первый періодъ своей артистической дѣятельности Мартыновъ переигралъ множество водевильныхъ ролей, затѣмъ ему приходилось при тогдашнемъ репертуарѣ участвовать большей частью въ мелодрамахъ. Относительно водевилей возможно предположеніе, что они могли быть даже полезны для молодаго артиста, какъ школа—по крайней мѣрѣ такое мнѣніе о водевилѣ существуетъ у нѣкоторыхъ опытныхъ артистовъ: сыграть водевиль далеко не легко, и способностямъ артиста здѣсь всегда найдется извѣстное приложеніе—при томъ, конечно, условіи, чтобы водевиль не былъ какой-нибудь ничтожной пошлостью. Но мелодрамы, по своей неестественности, могутъ только вредить или по меньшей мѣрѣ задерживаютъ развитіе таланта. Какъ бы то ни было, черезъ все это надо было пройти, чтобы найти наконецъ свое мѣсто на сценѣ. Послѣднее было не легко для Мартынова еще и потому, что онъ всегда былъ совершенно чуждъ низкопоклонства, а между тѣмъ оно было почти необходимо въ театральной сферѣ, при чемъ угождать надо было не только театральному начальству, но даже и Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину, имѣвшему тогда большое вліяніе въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, а въ томъ числѣ даже и въ театрѣ, благодаря издаваемой имъ «Сѣверной Пчелѣ» и весьма не равнодушному къ самой подлой лести и подслуживанью. Дѣло въ томъ, что вліятельнымъ и почти единственнымъ органомъ, гдѣ печатались театральные отчеты и рецензіи, была тогда почти исключительно «Сѣверная Пчела», чрезвычайно любившая, чтобы артисты являлись къ ней на поклонъ въ редакцію, а такъ какъ «Пчела» никогда не имѣла удовольствія видѣть у себя въ редакціи Мартынова, то и предпочитала хранить о немъ гробовое молчаніе, какъ бы хороша ни была игра молодаго артиста. Само собой разумѣется, что долго продолжаться такъ не могло, и Мартыновъ при своемъ выдающемся талантѣ, хоть и поздно, былъ вознагражденъ за это намѣренное замалчиванье его заслугъ восторженными похвалами другихъ органовъ печати и постоянными аплодисментами публики, которые наконецъ заставили иныхъ опасаться, чтобы эти тріумфы не отозвались вредно на игрѣ артиста. Въ своей статьѣ «И мои воспоминанія о театрѣ» Р. М. Зотовъ писалъ въ 1840 г.: «Мартыновъ сдѣлался нынѣ однимъ изъ любимѣйшихъ сюжетовъ. У него много комизма, и если онъ усовершенствуется, то будетъ очень хорошимъ артистомъ. Къ сожалѣнію, онъ впадаетъ часто въ неестественность и тривіальность.

«И это все происходитъ отъ неумѣренныхъ похвалъ журналистовъ и отъ страсти къ аплодисментамъ, которые погубили

столько талантовъ! Да спасетъ его судьба отъ этого несчастія! Истинный комизмъ всегда соединенъ съ естественностью, чистымъ вкусомъ и благородствомъ: какъ бы низка ни была играемая роль,—но истинное искусство можетъ ее облагородить и украсить на сценѣ,—а малѣйшая тривіальность уронитъ ее еще больше. Г. Мартыновъ имѣетъ много, очень много способностей и неподдѣльнаго дарованія. Недостаетъ ему друзей съ чистымъ вкусомъ и безпристрастною опытностью» [1]). Пусть такъ; но это еще болѣе показываетъ трудность достиженія истиннаго успѣха и славы на сценическомъ поприщѣ, и тѣмъ больше чести артисту, преодолѣвшему всѣ препятствія. Впрочемъ, намъ кажется сомнительнымъ это безпокойство Зотова и его жалобы на лишнія похвалы печати молодому Мартынову. Можетъ быть, Зотову пріятнѣе были такіе отзывы о Мартыновѣ, какъ Ѳ. В. Булгарина, который находилъ, что «Мартыновъ отлично хорошій буффо, т. е. комикъ, разыгрывающій не характерныя, но смѣшныя роли, карикатуры» [2]). И только! Больше ничего не сумѣлъ разсмотрѣть въ даровитомъ комикѣ Ѳаддей Венедиктовичъ, имѣвшій замѣчательный даръ не понимать ничего истинно-замѣчательнаго и превозносить бездарность. А между тѣмъ въ то же почти время Бѣлинскій уже сравнивалъ Мартынова съ Живокини и даже предсказывалъ первому болѣе блистательную будущность. «Что̀ касается до Живокини—здѣсь (въ Петербургѣ) Мартыновъ, и какъ онъ еще молодъ, и можно надѣяться, что будетъ совершенствоваться, то едва-ли не Москва должна завидовать Петербургу» [3]). «Вотъ, господа, талантъ! Если онъ будетъ изучать и учиться, то не только водевиль, но и комедія долго еще не осиротѣютъ на Александринскомъ театрѣ» [4]).

Въ большинствѣ же отчетовъ обыденныхъ и мало извѣстныхъ театральныхъ обозрѣвателей мы еще находимъ очень скудныя свѣдѣнія о Мартыновѣ; его обыкновенно хвалятъ, но еще далеко не подозрѣваютъ его будущаго значенія. Мы узнаемъ только, что «Мартыновъ наградилъ сторицею за скуку», которую успѣла нагнать пьеса и другіе исполнители [5]), что въ сценѣ, въ которой онъ является въ женскомъ платьѣ, публика не умолкала отъ хохота [6]), что въ маленькой роли учителя чистописанія, дающаго уроки барышнѣ тайкомъ отъ ея жениха, онъ явился передъ публикой типичнымъ лицомъ съ тщательно приглаженной

---

[1]) „Репертуаръ", 1840, II, „И мои воспоминанія" Р. М. Зотова, стр. 49.
[2]) „Репертуаръ русской сцены", 1840, I, „Панорамическій взглядъ", стр. 24.
[3]) Сочиненія Бѣлинскаго, т. III, стр. 181.
[4]) Тамъ же, стр. 189.
[5]) „Репертуаръ русской сцены", 1839, II, „Отчетъ объ Александринскомъ театрѣ», стр. 13.
[6]) Тамъ же, „Хроника Александринскаго театра", стр. 3.

головкой, обращая самое строгое вниманіе также и на всю внѣшность, начиная съ костюма и до послѣдняго жеста, съ характеристическими манерами, костюмомъ и интонаціей. Во всякомъ случаѣ уже съ самаго начала Мартыновъ сталъ заявлять себя между прочимъ искусствомъ гримироваться, въ которомъ впослѣдствіи онъ имѣлъ единственнаго соперника въ лицѣ В. В. Самойлова. Мартыновъ часто умѣлъ забавлять публику въ самыхъ пустыхъ и безцвѣтныхъ роляхъ [1]). Подобно Самойлову, и ему особенно трудно было выдвинуться при Дюрѣ, хотя и на его сторонѣ, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ», были также «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», издаваемыя Краевскимъ. Тамъ часто попадаются уже въ концѣ 30-хъ годовъ благопріятные отзывы объ его игрѣ, напримѣръ, что въ водевилѣ Григорьева II «Свѣтъ въ новомъ родѣ или поѣздка въ Парголово». Мартыновъ игралъ стараго подъячаго, вѣчнаго титулярнаго совѣтника, задумавшаго жениться на дочери откупщика;—костюмъ, движенія, голосъ, взглядъ—все это было совершенствомъ благородной карикатуры, которая въ самомъ серьезномъ жителѣ возбудитъ не только улыбку, но полный, громкій, неудержимый смѣхъ [2]). «А въ то же самое время критикъ «Сѣверной Пчелы» В. В. В., т. е. Владиміръ Строевъ, писалъ: «Можетъ ли «Недоросль» идти хорошо, когда Митрофана играетъ Мартыновъ? Этотъ молодой артистъ по недостатку врожденнаго комизма (?!) всегда прибѣгаетъ къ фарсамъ». Театральная администрація, въ свою очередь, тоже почему-то долго не благоволила къ Мартынову и давала артисту Куликову, извѣстному будущему режиссеру, явное предпочтеніе какъ передъ нимъ, такъ и передъ В. В. Самойловымъ. До чего доходило униженіе великаго артиста, можно судить уже потому, что его заставляли иногда въ дивертисментахъ просто плясать трепака. Мартынову, какъ артисту, приходилось также раздѣлять негодованіе слѣпыхъ приверженцевъ рутины съ такими геніальными драматическими писателями, какъ Гоголь. Однажды «Репертуаръ и Пантеонъ», желая тѣмъ паче унизить неудачную передѣлку для сцены «Мертвыхъ Душъ», утверждалъ, что неуспѣхъ пьесы былъ полнѣйшій и что даже Мартыновъ разсказомъ о капитанѣ Копѣйкинѣ не только не сорвалъ улыбки съ устъ публики, но чуть не усыпилъ ее.

Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже встрѣчались враждебные отзывы о Мартыновѣ, и все чаще отмѣчались крупныя достоинства его игры. Число поклонниковъ его возростало чуть не съ каждымъ днемъ, и если еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ однажды къ нему неожиданно явился благо-

---

[1]) „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1843, III, X, стр. 7.
[2]) Литературныя прибавленія къ „Русскому Инвалиду“.

дарить за высокія художественныя наслажденія незнакомецъ, оказавшійся барономъ Брамбеусомъ, съ тѣхъ поръ какъ ему удалось выступать то въ «Школѣ Женщинъ», то въ «Скупомъ» Мольера, то въ пьесахъ Гоголя,—между знатоками разногласіе уже постепенно смолкаетъ. Мартыновъ заставляетъ положительно изумляться быстрому росту своего таланта. Однажды въ пьесѣ «Дѣдушка Назаръ Андреевичъ» онъ въ высшей степени художественно изобразилъ безпредѣльное добродушіе дѣдушки. «Этого дѣдушку превосходно сыгралъ г. Мартыновъ»—замѣчаетъ «Репертуаръ»: «сколько искусства, сколько таланта! Едва вѣришь, чтобы этого дѣдушку игралъ такой молодой человѣкъ, какъ г. Мартыновъ. Высокій талантъ» [1]. И все-таки матеріальное положеніе артиста почти не улучшалось и въ сущности продолжало оставаться самымъ незавиднымъ: изъ его автобіографіи видно, что въ то же самое время, когда, по выраженію г. Вольфа, онъ выносилъ на своихъ плечахъ весь репертуаръ, онъ продолжалъ получать низкій окладъ въ 609 руб. ассигнаціями и бѣдствовалъ съ семьей самымъ отчаяннымъ образомъ, являясь иногда на спектакли голодный и холодный. Такъ поощрялись тогда геніальные артисты!..

Въ 1840 годахъ Мартынову приходилось часто играть въ пустѣйшихъ и нелѣпѣйшихъ водевиляхъ вродѣ «Здравствуйте, братцы, или прощайте», «Тигровая кожа», «Рецептъ для исправленія мужей». Но, какъ мы говорили, на его долю стали выпадать уже и такія роли, какъ роль Гарпагона, въ которой Мартыновъ игралъ этого типичнаго скупца превосходно и вполнѣ самостоятельно, не поддаваясь вліянію даже Щепкина. Въ «Игрокахъ» Гоголя онъ былъ такъ хорошъ въ роли Замухрышкина, что Бѣлинскій замѣтилъ по поводу его игры: «мы только тутъ вполнѣ разгадали, какимъ огромнымъ талантомъ обладаетъ этотъ молодой артистъ, потому что только художественно-созданныя и исполненныя глубокаго смысла роли могутъ быть пробнымъ камнемъ таланта» [2]. Бѣлинскій находилъ, что если бы Мартыновъ развилъ въ себѣ патетическій элементъ до той же высокой степени, до какой онъ развилъ въ себѣ комическій, то «на петербургской сценѣ былъ бы свой Щепкинъ» [3]. Любопытно, что даже толпа стала наконецъ высказывать о Мартыновѣ сужденія чрезвычайно мѣткія и не лишенныя извѣстной остроты и проницательности. Такъ, когда въ концѣ 1846 года поставлена была на сцену пьеса Яфимовича «Кощей», въ которой Мартынову принадлежала роль скупца Дряжкина, представлявшаго собою очевидно подражаніе

---

[1] „Репертуаръ и Пантеонъ", 1842, XIII, „Александринскій театръ", стр. 22.
[2] Соч. Бѣлинскаго, т. IX, стр. 227.
[3] Соч. Бѣлинскаго, т. XII, стр. 46.

изображенію Плюшкина съ прибавленіемъ кое-какихъ мелодраматическихъ эффектовъ, то въ публикѣ раздавались голоса, что «губить родныхъ и закалывать не Мартыновское, а Каратыгинское дѣло» [1]). Въ пьесѣ Кони «Дѣловой человѣкъ» Мартыновъ сумѣлъ вполнѣ проникнуть въ характеръ и тѣсно сростись съ формами и манерами солиднаго чиновника съ крестомъ на шеѣ, съ просѣдью въ волосахъ и прекрасною молодою женщиной въ законномъ бракѣ» [2]). Въ «Мнимомъ больномъ» онъ создалъ типъ шарлатана-доктора, и наконецъ онъ имѣлъ большой успѣхъ въ извѣстномъ водевилѣ Ленскаго «Левъ Гурычъ Синичкинъ». Сверхъ того во многихъ другихъ комическихъ роляхъ онъ обнаруживалъ столь сильный талантъ, что заставлялъ публику хохотать до слезъ. Онъ игралъ мастерски однажды даже въ женской роли, именно въ пьесѣ Яфимовича «Нашествіе иноплеменныхъ», гдѣ изображалъ горничную; впрочемъ, въ данномъ случаѣ онъ былъ только невыразимо смѣшенъ, но иллюзіи не получалось. Но всего блистательнѣе онъ проявилъ свой талантъ въ водевилѣ «Приключеніе въ Полюстровѣ». Надо замѣтить, что стѣсненный нуждою, и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ необыкновенно щедрый и гостепріимный, ничего не жалѣвшій не только для родныхъ и близкихъ людей, но и для знакомыхъ вообще, Мартыновъ очень часто попадалъ въ крайне затруднительное положеніе, но, привыкнувъ всегда вполнѣ полагаться на свой трудъ и талантъ, рѣшительно не признавалъ никакихъ разсчетовъ и бюджетовъ и точно также не всегда умѣлъ распорядиться своимъ временемъ. Все это приводило къ тому, что онъ долженъ былъ предпринимать въ свободное время поѣздки въ провинцію, исполнять множество разнообразныхъ ролей и вообще вести безпорядочную и безпокойную жизнь и т. п. Въ послѣднемъ отношеніи онъ впалъ въ ошибку, сходную съ ошибкой артистки Асенковой. Даже сослуживцы его просто не могли постигнуть, когда онъ успѣвалъ не только изучать, но хотя обдумывать роли. Къ тому же Мартынова чрезвычайно избаловалъ его необыкновенный талантъ: онъ часто даже на послѣднихъ репетиціяхъ читалъ роли по тетрадкѣ и при томъ какъ школьникъ, безъ всякаго выраженія, но когда онъ выходилъ на сцену, то своей игрой приводилъ публику въ восторгъ, а своихъ сотоварищей-артистовъ—въ величайшее изумленіе: до того поразительна была разница между его зауряднымъ чтеніемъ роли на послѣдней репетиціи и художественнымъ исполненіемъ ея передъ публикой. Отсюда въ немъ развилась наконецъ такая самоувѣренность, что, попавъ въ дружескую компанію, онъ совершенно непростительнымъ образомъ забывалъ иногда о завтрашнемъ спектаклѣ. И вотъ случилось однажды, что на послѣд-

---

[1]) Вольфъ, „Хроника С.-Петербургскихъ театровъ“, т. I, стр. 119.
[2]) Соч. Бѣлинскаго, т. XII, стр. 40.

ней репетиціи онъ поразилъ всѣхъ совершеннымъ отсутствіемъ подготовки къ представленію. Настал̆ъ день спектакля. Всѣ артисты боялись за своего любимаго товарища, который, какъ положительно всѣ они знали навѣрное, не успѣлъ усвоить себѣ рѣшительно ни одного слова изъ роли. Мартыновъ вышелъ изъ затрудненія слѣдующимъ образомъ: онъ вышелъ на сцену съ трубкой и, по обыкновенію прислушиваясь къ словамъ суффлера, безостановочно курилъ и медленно, отрывочно произносилъ слова, и такимъ образомъ благополучно провелъ свою роль. Но особенно замѣчательно было то, что Мартыновъ не просто извернулся въ критическомъ положеніи, но создалъ превосходный и оригинальный типъ, вполнѣ вѣрный дѣйствительности. «Въ этомъ лицѣ»— говоритъ «Репертуаръ»—«была не карикатура, не пошлая насмѣшка надъ чиновникомъ: нѣтъ, это физіологія цѣлаго класса людей, составляющаго значительную часть нашего общества, физіологія рѣзкая, поразительная своей истиной, заключающая въ себѣ полную исторію быта, понятій, помысловъ цѣлой касты. Глядя на этого чиновника, вы въ одинъ мигъ угадываете степень его образованности, его наклонности и желанія; вы видите его прошедшее и будущее; узнаете, каковъ онъ долженъ быть съ начальникомъ и каковъ съ подчиненными—вся душа его передъ вами на изнанку [1])».

Въ 40-хъ годахъ репертуаръ Мартынова былъ уже гораздо серьезнѣе и разнообразнѣе: въ «Ревизорѣ» онъ игралъ Бобчинскаго и Хлестакова (впрочемъ, послѣднюю роль не особенно удачно), Подколесина въ «Женитьбѣ», Ихарева въ «Игрокахъ», Бортоло въ «Севильскомъ Цирульникѣ», Загорѣцкаго въ «Горе отъ ума», могильщика въ «Гамлетѣ» и Гарпагона, Журденя, Сганареля и Жеронта въ Мольеровскихъ роляхъ. Въ пьесѣ «А. и Ф.» роль Мордашева была рѣшительно тріумфомъ Мартынова, особенно выразительно произносившаго любимыя слова деспота семьи, съ которыми онъ постоянно обращается къ домашнимъ: «Я такъ хочу, ни слова, ни полслова, ни четверть слова!»

Главныя достоинства Мартынова, какъ комика, заключались въ томъ, что, кромѣ совершеннаго перерожденія въ каждой новой роли, онъ былъ одаренъ всѣми стихіями высоко-комическаго выраженія и обладалъ замѣчательнымъ артистическимъ тактомъ, позволявшимъ ему вѣрно угадывать существенную комическую черту изображаемаго характера. Мартыновъ умѣлъ создавать роль по нѣсколькимъ намекамъ на нее въ пьесѣ, вслѣдствіе чего ему удавалось вдохнуть жизнь въ самые безцвѣтные характеры; въ пьесѣ Акселя «Квартетъ» онъ долженъ былъ въ роли глухаго любителя музыки сказать всего нѣсколько словъ, но онъ умѣлъ изъ этого скуднаго матеріала произвести чудное, художественное созданіе, нарисовалъ самыми яркими красками тонъ меломана.

[1]) „Репертуаръ и Пантеонъ", 1848, 2, „Театральная Лѣтопись", стр. 40.

Кто не знаетъ Мартынова, кого онъ не морилъ со смѣху? Мартыновъ въ отношеніи къ игрѣ настоящій Протей. У него, что роль, то другой человѣкъ. Не однимъ парикомъ и фракомъ, не одной искусно подмалеванной маской, опредѣляетъ онъ индивидуальность дѣйствующаго лица, онъ создаетъ характеръ тамъ, гдѣ его нѣтъ въ пьесѣ. Почти каждой роли своей Мартыновъ придаетъ общую, типическую физіономію, столь же глубоко обдуманную, столь же гармонически согласованную во всѣхъ своихъ подробностяхъ, какъ и мастерски выдержанную,— съ первой сцены до послѣдней. Возьмемъ, для примѣра, хоть Наумыча въ «Женѣ кавалериста». Извольте видѣть, тутъ и лицо, и руки, и ноги, и туловище, и голосъ—все глупо, все смѣшно до крайности и все подгуляло. Особенно интересенъ для нашихъ землевладѣльцевъ Мартыновъ въ роли Точки въ «Полюбовномъ размежеваніи». «Это онъ! это онъ!» могли бы мы запѣть хоромъ на мотивъ въ «Дочери втораго полка» и поклониться Мартынову, какъ первообразу несчетнаго множества знакомыхъ въ этомъ родѣ [1]).

Наконецъ, что всего главнѣе, въ игрѣ этого артиста всегда было такъ много души, что онъ увлекалъ и волновалъ зрителей разнообразными чувствами—и все это доставалось ему легко, почти шутя. Только одного недоставало Мартынову—это обаятельной, задушевной веселости, которая дѣлала такими привлекательными даже фарсы Живокини, и не всегда, какъ мы говорили, давались ему также роли иностранцевъ.

Въ началѣ 50-хъ годовъ былъ небольшой промежутокъ времени, когда слава Мартынова готова была нѣсколько померкнуть, когда въ печати высказывалось недовольство имъ и въ ущербъ ему высоко ставились другіе артисты, особенно Самойловъ. Время это было очень непродолжительно, и неблагопріятныя впечатлѣнія вскорѣ не только совершенно изгладились, но и смѣнились самыми блестящими тріумфами, какіе только суждены были ему за все время его сценической карьеры. До сихъ поръ Мартынова считали исключительно талантливымъ или даже, пожалуй, геніальнымъ комикомъ, какъ вдругъ онъ выступилъ съ огромнымъ успѣхомъ въ народной драмѣ Потѣхина «Чужое добро въ прокъ не идетъ». Здѣсь снова передъ изумленной публикой во всемъ блескѣ развернулся колоссальный талантъ артиста, и съ этихъ поръ до самой смерти его слава продолжала возрастать безпрерывно. Въ роли Михаила онъ былъ превосходенъ. Послѣ этого онъ превосходно исполнялъ роль Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго», хотя все-таки въ ней онъ и не могъ сравниться съ московскимъ артистомъ П. М. Садовскимъ. Въ 1859 г. Мартыновъ выступилъ въ пользовавшихся тогда большимъ успѣхомъ пьесахъ Чернышева: «Не въ деньгахъ счастье»,

[1]) «Пантеонъ», 1852, 4, Театральная Лѣтопись, стр. 40.

«Отецъ семейства» и «Женихъ изъ долговаго отдѣленія». Въ первой изъ этихъ пьесъ Мартыновъ съ большимъ успѣхомъ исполнялъ роль плута купца Боярышникова, который бросилъ на произволъ судьбы свою возлюбленную съ дочерью Машенькой, женился изъ-за приданаго на нелюбимой женщинѣ. Вообще — говорили — «Мартыновъ, какъ и Щепкинъ, играютъ только въ хорошихъ роляхъ, тогда какъ Самойловъ и Шумскій соглашались иногда исполнять и посредственныя роли, для того собственно, чтобы заставить всѣхъ говорить, что хорошій артистъ можетъ все сдѣлать даже изъ плохой роли» [1]). Публика вдругъ оцѣнила великаго артиста, и часто въ антрактахъ слышались восторженные толки о его геніальности, какъ будто это было какое-нибудь неожиданное открытіе. Литераторы окружили Мартынова большимъ почетомъ, приходили къ нему въ уборную, обнимали, привѣтствовали; въ честь его давали обѣды, произносили стихи. Популярность Мартынова до того росла въ послѣдніе годы его жизни, что имя его стало извѣстно въ Европѣ, и иностранные артисты, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, живо интересовались его игрой. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Алланъ,—признавалъ даже, что во всю свою жизнь ему не случалось встрѣчать такой сильный талантъ ни на одной изъ европейскихъ сценъ. Другой артистъ, иностранецъ Лабрашъ, однажды смѣялся отъ души, глядя на Мартынова въ «Знакомыхъ незнакомцахъ», и когда его съ удивленіемъ спросили, развѣ онъ понимаетъ по-русски, онъ, говорятъ, отвѣтилъ: «Я не понимаю по-русски ни слова, но я понимаю Мартынова». Въ «Грозѣ» Мартыновъ игралъ роль Тихона Кабанова и вложилъ въ нее столько души и особенно столько драматизма въ заключительной сценѣ, гдѣ у Тихона прорываются среди глубокаго отчаяннаго вопля жестокія слова укора матери, что трудно было удержаться отъ слезъ. Вообще на границѣ шестидесятыхъ годовъ этотъ артистъ привлекалъ публику больше всего въ драматическихъ роляхъ. И вотъ именно въ то время, когда онъ находился въ апогеѣ славы, когда его дарованіе сверкало яркимъ пламенемъ, — какъ оказалось, вскорѣ,—дни артиста были уже сочтены, такъ что послѣдніе тріумфы его сдѣлали еще болѣе нервическимъ и трогательнымъ прощаніе публики съ такимъ гигантскимъ талантомъ...

Какая жестокая насмѣшка судьбы! Именно въ два-три послѣднихъ года жизни Мартыновъ былъ наконецъ въ высшей степени удовлетворенъ нравственно: человѣкъ застѣнчивый и скромный, онъ не любилъ шумныхъ овацій и смущался, когда его чествовали публично, но чувство благодарности оцѣнившей его публики и сознаніе полнаго своего сценическаго торжества нерѣдко переполняли его душу самымъ чистымъ

---

[1]) «Русск. сцена», 1864, № 6.

и свѣтлымъ счастьемъ, какое только достается когда-нибудь человѣку. Теперь общество боготворило Мартынова, и товарищи всегда искренно желали ему успѣховъ на сценѣ и въ жизни и такъ единодушно любили его, какъ едва-ли могли любить кого-нибудь другаго. И въ самомъ дѣлѣ, личность его была въ полномъ смыслѣ слова обаятельная: всегда веселый и радушный, въ высшей степени доброжелательный ко всѣмъ и каждому, Мартыновъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, въ обществѣ которыхъ забывается горе и чувствуется на душѣ легко. Мартыновъ умѣлъ любить своихъ друзей беззавѣтно, ничего не жалѣя для нихъ и будучи всегда готовъ для каждаго изъ нихъ пожертвовать послѣднимъ. Всѣ воспоминанія о немъ рѣшительно сходятся въ признаніи за этой дивной душой замѣчательной сердечной теплоты. Подобные люди встрѣчаются въ жизни не часто и оставляютъ по себѣ обыкновенно самое свѣтлое воспоминаніе. Мартыновъ, не будучи эгоистомъ, не могъ подозрѣвать и въ другихъ людяхъ мелочныхъ разсчетовъ, продажности, вообще никакихъ низкихъ побужденій. Зато безгранично добрый и въ другихъ случаяхъ, онъ способенъ былъ иногда дать чувствительный урокъ какому-нибудь безстыжему нахалу. Такъ въ своей интересной книгѣ «Свѣтъ и тѣни петербургской драматической труппы» г. Максимовъ разсказываетъ любопытный случай, какъ Мартыновъ проучилъ одного зазнавшагося сановника, когда-то въ бѣдности и нищетѣ пользовавшагося его помощью. За имениннымъ столомъ Мартыновъ не спускалъ глазъ съ своего прежняго пріятеля и, наконецъ, на вопросъ послѣдняго о причинѣ этого, сказалъ, что онъ такъ пристально всматривается въ него потому, что сомнѣвается, та ли это личность, которую онъ когда-то знавалъ.

— Неужели я такъ перемѣнился?—съ небрежной улыбкой спросилъ сановникъ.

— Да, невѣроятно, перемѣнились! — отвѣчалъ Мартыновъ: прежде я васъ жалѣлъ, а теперь боюсь.

Послѣ этихъ словъ онъ началъ въ присутствіи всѣхъ гостей напоминать своему жалкому собесѣднику прошлое и привелъ его въ такое замѣшательство, что тотъ уже на всю жизнь сдѣлался заклятымъ врагомъ Мартынова [1]). Умѣлъ также Мартыновъ отпарировать дерзкую выходку, съ достоинствомъ пристыдить охотниковъ до колкостей. Но въ своемъ домѣ, въ обществѣ пріятелей и знакомыхъ, это былъ по истинѣ золотой человѣкъ: такого радушія, такого гостепріимства нельзя себѣ представить. Домъ его былъ всегда открытъ для гостей, и этотъ образъ жизни обходился ему настолько дорого, что, по словамъ г. Максимова, ежемѣсячный счетъ, подаваемый булочникомъ, никогда не былъ меньше ста

[1]) «Свѣтъ и тѣни Петербургской драматической труппы», 45—46.

рублей. И находились люди, которые за спиной по этому поводу смѣялись надъ Мартыновымъ и увѣряли съ цинизмомъ, что потому ходятъ къ нему ужинать, что «въ Мартыновскомъ трактирѣ угощеніе обходится несравненно дешевле всѣхъ прочихъ».

По благородству характера и необыкновенной общительности, къ Мартынову больше всѣхъ подходилъ Иванъ Ивановичъ Сосницкій. Этотъ артистъ, подобно Мартынову, въ высшей степени деликатно обходился съ такъ называемыми маленькими актерами, никогда не давалъ чувствовать своего превосходства и старался всегда поставить себя съ ними на такую ногу, чтобы самый робкій былъ свободенъ и веселъ въ его обществѣ. Сосницкому и Мартынову было бы непріятно видѣть со стороны какого-нибудь мелкаго сослуживца низкое подобострастіе, и они больше всего заботились о томъ, чтобы ихъ товарищи не унижали достоинства артиста и нисколько не думали о собственномъ превознесеніи надъ низшими.

Легко, однако, понять, что житейская проза, жестоко мстящая обыкновенно за пренебреженіе къ себѣ, не пощадила и Мартынова: онъ могъ жить широко, постоянно содержа у себя цѣлое народонаселеніе, покрывая всѣ издержки своимъ огромнымъ заработкомъ, который доставлялъ ему талантъ; но силы его истощались, и жизненная энергія должна была рано погаснуть. Въ сферѣ артистической, разумѣется между крупными артистами, всего чаще встрѣчаются такіе люди, слишкомъ увѣренные въ себѣ, желающіе сильно жить и не разсчитывающіе своихъ силъ. Въ опьяняющемъ водоворотѣ постояннаго напряженія душевныхъ силъ и захватывающаго и потрясающаго душу успѣха легко вырабатываются характеры людей, подобныхъ Мартынову или Дюру. Зато и жизненный разсчетъ нерѣдко наступаетъ для нихъ слишкомъ рано. Для Мартынова при его широкой, страстной натурѣ оказался гибельнымъ его послѣдній колоссальный успѣхъ. «Слава о гигантскомъ талантѣ Мартынова»—говоритъ г. Бураковскій—«съ быстротой электрической искры распространилась въ обѣихъ столицахъ». Артиста буквально носили на рукахъ, давали въ честь его обѣды,—подносили ему альбомы. Весь этотъ наплывъ сильныхъ впечатлѣній, безъ сомнѣнія, подтачивалъ и безъ того ослабленный неумѣренной жизнью организмъ. На одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь Мартынова литераторами, онъ былъ застигнутъ врасплохъ произносимыми въ честь его рѣчами и вызвалъ даже серьезное неудовольствіе: ему ставили въ упрекъ, что онъ долженъ былъ ожидать привѣтствій и хотя бы приготовиться заранѣе къ отвѣту на нихъ. Но Мартыновъ, не принадлежавшій къ числу мастеровъ застольнаго краснорѣчія, дотого глубоко почувствовалъ и неловкость своего положенія, и признательность къ чествующимъ, что, вернувшись домой, спѣшно передалъ своей женѣ альбомъ съ рѣчами и стихами, бро-

сился на диванъ и громко зарыдалъ. Между тѣмъ, какъ это обыкновенно бываетъ, чествованія сопровождались обильными возліяніями Бахусу и чрезмѣрнымъ подъемомъ всей нервной системы, такъ что результатомъ всего этого не замедлила явиться тяжкая болѣзнь, подточившая силы Мартынова и вскорѣ уложившая его въ могилу. Онъ началъ сильно болѣть еще съ 1857 г., когда лѣтомъ жилъ въ Павловскѣ. Послѣ того какъ опасность миновала, друзья уговорили его поѣхать лѣчиться за границей, въ Италію и въ Эмсъ. Лучшіе заграничные медицинскіе авторитеты высказались въ томъ смыслѣ, что, несмотря на разстроенное состояніе легкихъ, здоровье больнаго можетъ быть возстановлено при нормальномъ образѣ жизни. Къ сожалѣнію, на послѣднее Мартыновъ былъ совершенно неспособенъ и, вернувшись въ Петербургъ, тотчасъ же по-прежнему бросился съ головой въ омутъ артистическихъ наслажденій и бурнаго упоенья жизнью. Онъ предпринялъ потомъ вторичную поѣздку за границу и наконецъ отправился на югъ Россіи; но здѣсь вмѣсто отдыха былъ принужденъ своимъ хроническимъ безденежьемъ работать сверхъ силъ; игралъ въ Воронежѣ, потомъ направился въ Харьковъ и наконецъ въ Одессу. Изъ Одессы онъ переѣхалъ въ Крымъ, чтобы пить въ Ялтѣ кумысъ. Знаменитый драматургъ, А. Н. Островскій, съ трогательнымъ участіемъ ухаживалъ за больнымъ, какъ нянька, приглашалъ докторовъ, наблюдалъ за исполненіемъ ихъ предписаній, но недостававшихъ легкихъ возвратить страдальцу было уже невозможно. 16-го августа 1860 года Александръ Евстафьевичъ скончался на рукахъ А. Н. Островскаго.

Такъ трагически и прежде времени кончилась жизнь великаго актера и благороднаго человѣка. Въ Одессѣ память усопшаго почтили достойнымъ образомъ: большое сочувствіе къ нему высказалъ собственно университетскій міръ. Три версты тѣло его несли артисты, перемѣняясь со студентами. Но все это было ничто передъ тѣмъ печальнымъ торжествомъ, которое происходило потомъ въ Петербургѣ, когда туда былъ привезенъ гробъ покойнаго. Весь Невскій проспектъ былъ запруженъ отъ Знаменія до Адмиралтейства; много головъ высовывались изъ оконъ, всѣ балконы были набиты народомъ. Погода была чудная; всѣ дома были залиты солнечнымъ свѣтомъ. Когда гробъ хотѣли поставить на дроги, въ толпѣ раздались крики: «На рукахъ! Мы понесемъ его на рукахъ!» Но гробъ былъ такъ тяжелъ, что пришлось поставить его на дроги; тогда распрягли лошадей, и публика повезла гробъ на себѣ до самаго Смоленскаго кладбища. Кисти балдахина поперемѣнно держали студенты Петербургскаго университета. Общее настроеніе и самое зрѣлище было по истинѣ умилительно. Когда гробъ провозили мимо Александринскаго театра, толпа настоятельно потребовала, чтобы на мѣстѣ служенія покойнаго артиста была совершена литія. Священникъ сму-

тился, боясь навлечь на себя суровую отвѣтственность, но вмѣстѣ съ тѣмъ, растрогавшись и подчинившись общему настроенію, не въ силахъ былъ отказать столь единодушно выраженному желанію предстоящихъ. Внезапно кто-то изъ толпы припомнилъ, что при театральномъ училищѣ есть церковь и что такимъ образомъ тяжелая отвѣтственность съ священника слагается... Къ сожалѣнію, отъ этой умилительной картины приходится перенестись мыслью къ чествованію памяти артиста черезъ годъ послѣ его кончины, когда на могилу къ нему стеклось всего нѣсколько человѣкъ близкихъ его родственниковъ... А теперь... многіе ли помнятъ Мартынова?!

В. Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Учрежденіе сибирскаго комитета.

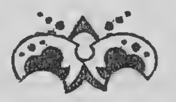

На подлинномъ написано: «Быть по сему».

28-го іюля 1821. Царское Село.

Его императорское величество для разсмотрѣнія отчета, представленнаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ по обозрѣнію сибирскихъ губерній, высочайше повелѣть соизволилъ составить особенный комитетъ. Къ присутствію въ ономъ назначаются дѣйствительные статскіе совѣтники: гр. Кочубей и гр. Гурьевъ, генералъ-отъ-артиллеріи графъ Аракчеевъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ князь Голицынъ, сибирскій генералъ-губернаторъ тайный совѣтникъ Сперанскій и государственный контролеръ тайный совѣтникъ баронъ Кампенгаузенъ.

Положенія сего комитета имѣютъ быть представляемы на усмотрѣніе его императорскаго величества посредствомъ журналовъ. Для производства дѣлъ быть въ ономъ дѣйствительному статскому совѣтнику Цейеру и состоящему при сибирскомъ генералъ-губернаторѣ, корпуса инженеровъ путей сообщенія маіору Батенкову.

Встрѣча съ А. В. Сухово-Кобылинымъ.

Въ срединѣ декабря 1888 года я выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, на рождественскія каникулы, съ почтовымъ поѣздомъ, въ спальномъ вагонѣ втораго класса. Четыре мѣста нашего отдѣленія были заняты съ первымъ звонкомъ; мои спутники быстро размѣстились и, прежде чѣмъ поѣздъ отошелъ, сидѣвшій у окна, наискось отъ меня, старикъ заснулъ. Моимъ сосѣдомъ былъ подполковникъ гренадерскаго полка, въ очкахъ, съ больными глазами, а напротивъ меня помѣстился плотный господинъ въ бобровомъ воротникѣ и боярской мѣховой шапкѣ, лѣтъ пятидесяти, съ просѣдью на широкомъ пріятномъ лицѣ.

Когда поѣздъ тронулся, старикъ проснулся. Наружность его носила печать изящества, предшествовавшаго нашему поколѣнію. Черные волосы были зачесаны височками, красивые усы и изящно расчесанная небольшая борода, очень темнаго цвѣта, не могли скрыть старческую, нѣсколько вольтеровскую, складку рта; носъ съ горбинкой и яркіе, легко загоравшіеся въ разговорѣ, каріе глаза привлекали сразу вниманіе къ его красивому, благородному лицу.

Разговоръ начался тотчасъ же и охотно. Первой темой была болѣзнь глазъ подполковника, ѣхавшаго въ Петербургъ къ докторамъ. Оказалось, что и старикъ ѣдетъ въ Петербургъ по какимъ-то своимъ, особеннымъ дѣламъ, на удачу которыхъ онъ не надѣялся.

Это замѣчаніе возбудило любопытство мое и господина въ боярской шапкѣ. Мы стали допытываться, какое дѣло такъ заботитъ нашего спутника, но онъ сначала отклонялъ наши вопросы и только потомъ, вечеромъ, въ разгарѣ бесѣды, мы услышали интересное признаніе.

Чтобы поддержать упавшій разговоръ, старый господинъ самъ за-

далъ нѣсколько вопросовъ и, узнавъ, что я изучаю сельское хозяйство, заговорилъ объ этомъ предметѣ съ живымъ интересомъ. Онъ и самъ, за свою долгую жизнь, много поработалъ въ деревнѣ, былъ однимъ изъ піонеровъ разведенія лѣса посадкой; въ своемъ имѣніи, въ Тульской губерніи, онъ имѣетъ уже пятьсотъ десятинъ посаженнаго лѣса, и труды его награждены большой удачей—лѣсъ ростетъ прекрасно. Затѣмъ онъ сталъ разспрашивать меня, какъ поставлено преподаваніе сельскаго хозяйства въ Петровской Академіи; но я не могъ достаточно обстоятельно ему отвѣтить, такъ какъ въ теченіе перваго семестра перваго курса, только-что прослушаннаго, не успѣлъ ознакомиться съ работой старшихъ курсовъ. Не удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, онъ пожелалъ узнать, какіе предметы я слушалъ, кто профессора, какъ читаютъ. На эти вопросы я охотно, съ радостью первокурсника, отвѣчалъ разсказомъ о профессорахъ и научныхъ предметахъ и, полный увлеченія лекціями зоологіи профессора К. Э. Линдемана, изящнаго оратора, обладающаго исключительнымъ даромъ краснорѣчія, особенно горячо передалъ своимъ собесѣдникамъ содержаніе послѣдней лекціи, закончившей семестръ и общую часть курса, въ которой была изложена теорія Дарвина. Услышавъ это имя, старикъ еще разъ заставилъ меня повторить о преемственномъ развитіи зоологическихъ формъ и видовъ и, очевидно отвѣчая своимъ мыслямъ, заговорилъ о томъ, что за его жизнь ему пришлось пережить столько всевозможныхъ запрещеній, налагавшихся на философскую и научную мысль,—и въ Россіи и за границей, гдѣ онъ живалъ подолгу, — что ему очень пріятно узнать, что теперь будущимъ дѣятелямъ въ области сельскаго хозяйства, вся жизнь которыхъ должна протечь въ общеніи съ природой, на первомъ же курсѣ дается прочное философское обоснованіе для правильнаго пониманія явленій природы.

Реплику подалъ сосѣдъ. Въ молодости онъ, занимаясь философіей, перевелъ трактатъ Спинозы; напечатать не позволили, а вотъ теперь, недавно, трактатъ этотъ вышелъ въ переводѣ Модестова.

Старикъ заинтересовался:

— Вы изволили заниматься философіей? Не изволили ли вы быть профессоромъ?

— Да, я имъ былъ нѣкоторое время, — неохотно отвѣтилъ нашъ спутникъ.

Съ живымъ огонькомъ въ глазахъ, старикъ сказалъ:

— Я тоже уже пятьдесятъ одинъ годъ занимаюсь философіей.

— Съ какого же возраста вы изучаете философію?—спросилъ я.

— Съ двадцати лѣтъ, — мнѣ теперь семьдесятъ одинъ,— отвѣтилъ онъ.

Такое признаніе, совершенно необычайное, возможное развѣ въ

качествѣ исключительно рѣдкой дорожной случайности, подогрѣло флегматичнаго профессора, и между нимъ и красивымъ старымъ философомъ завязалась интересная, живая и продолжительная бесѣда, окончившаяся послѣ полуночи, когда профессору и мнѣ пришлось лечь на верхнія мѣста. Для меня эта бесѣда была лекціей, въ формѣ діалога двухъ знатоковъ, по исторіи философской мысли въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ столѣтіяхъ. Профессоръ также разошелся и охотно поддерживалъ горячую рѣчь старца. Наиболѣе выпуклое впечатлѣніе у меня осталось отъ сдѣланнаго собесѣдниками сопоставленія ученій Гегеля и Дарвина, пришедшихъ, хотя и разными путями, къ идеѣ эволюціи.

Среди разговора профессоръ спросилъ: «Не литераторъ ли вы?» На это старикъ скромно отвѣтилъ: «Да, я немного писалъ».—Но при этомъ заявилъ, что въ теченіе пятидесяти одного года онъ обработывалъ философскую систему, которую окончилъ излагать письменно и везетъ теперь съ собой, желая печатать.

— «Конечно»,—прибавилъ онъ,—«я говорю въ своемъ сочиненіи и о религіи и о культѣ и не поступлюсь ни единымъ словомъ изъ написаннаго. Всякое исключеніе, какъ вы и сами понимаете, нарушитъ цѣльность труда, да и возможно предположить, что за пятьдесятъ лѣтъ мышленія»,—замѣтилъ онъ съ добродушнымъ юморомъ,—«я не собираюсь публиковать легкомысленныя вещи.—Однако, если все сочиненіе цѣликомъ нельзя будетъ напечатать, я его вовсе не обнародую»,—закончилъ онъ съ энергіей.

Кромѣ наружности и самая рѣчь стараго господина была необычна: слова принимали такую интонацію, которая соотвѣтствовала ихъ смыслу,—то кипучую, то болѣе покойную; а нѣкоторыя выраженія, красивыя въ его устахъ, звучали бы странно въ рѣчи другаго человѣка. Мнѣ припоминается, напримѣръ, что вмѣсто «слѣдовательно» онъ произносилъ «слѣдственно».

Утромъ, подъѣзжая къ Петербургу, я заговорилъ съ нимъ о сельскомъ хозяйствѣ за-границею. Онъ мнѣ разсказалъ, что у него и его жены есть помѣстье во Франціи, что крестьяне-сосѣди ихъ любятъ и не только по общему въ то время подъему интереса французскаго народа къ русскимъ, но и потому, что они съ женой давно живутъ въ этомъ имѣніи, знаютъ лично всѣхъ крестьянъ своей деревни и устроили имъ дѣтскія ясли. На вопросъ мой, правдиво ли описаніе французскаго крестьянина, сдѣланное Zola въ «La terre», онъ отвѣтилъ мнѣ, что да, вполнѣ правдиво, и что многія фигуры этого романа можно признать типичными, какъ, напримѣръ, Jesuscrist: такой точно типъ онъ знаетъ и въ своей деревнѣ.—О томъ, есть ли общія черты въ натурѣ русскаго

мужика и французскаго земледѣльца, онъ положительно свидѣтельствуетъ, что французъ культурнѣе.

«Чувство чести больше развито во французскомъ крестьянинѣ. Разъ я замѣтилъ, что мои лозы повреждены свиньями; я пошелъ по слѣдамъ свиней и увидѣлъ, что слѣды приводятъ къ свинарнѣ одного крестьянина. Я ему говорю: «Ваши свиньи попортили мои лозы», а онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Non, monsieur, ce ne sont pas les miens». Я удовольствовался пока такимъ отвѣтомъ, но въ другой разъ опять слѣды привели къ той же свинарнѣ; тогда я уже строго сказалъ тому же человѣку: «Какъ же вы утверждаете, что это не ваши свиньи ходятъ въ мой садъ, когда уже второй разъ я въ этомъ убѣждаюсь». На это крестьянинъ горячо возразилъ: «Monsieur! Quand je dis que ce ne sont pas les miens, c'est ainsi».—И, дѣйствительно, какъ потомъ оказалось, свиньи принадлежали другому.

Уже передъ самымъ Петербургомъ я расхрабрился и спросилъ интереснаго спутника:

— Вы вчера сказали, что вы, хоть и немного, но литераторствовали: какія ваши произведенія?

— Вотъ «Свадьба Кречинскаго», напримѣръ,—отвѣтилъ онъ просто.

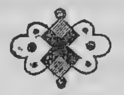
— Вы Сухово-Кобылинъ!—воскликнулъ я съ великимъ изумленіемъ. И, наскоро, я сталъ его разспрашивать, доволенъ ли онъ исполненіемъ какъ названной имъ комедіи, такъ и «Дѣла», которое я видѣлъ за годъ передъ тѣмъ въ Александринкѣ. Онъ очень похвалилъ Сазонова, Давыдова, Варламова, Арди.

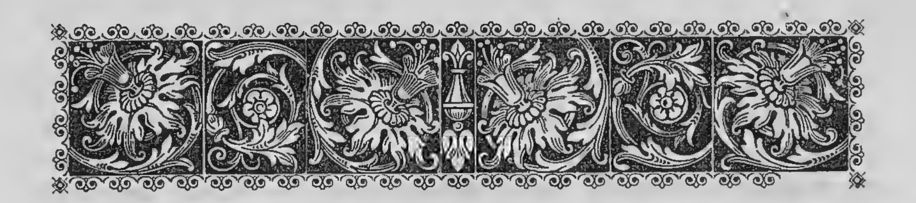
Прощаясь, онъ спросилъ наши фамиліи. Я назвалъ себя, а профессоръ, къ немалой моей досадѣ, не пожелалъ сказать свою фамилію.

Быть можетъ, и ему теперь, послѣ извѣстія о кончинѣ А. В. Сухово-Кобылина, припомнится наша встрѣча съ этимъ интереснымъ человѣкомъ, и онъ также поблагодаритъ тотъ счастливый случай, который далъ намъ возможность увидать Александра Васильевича, слышать его умную, образную, живую и кипучую рѣчь.

Воспоминаніе о встрѣчѣ съ А. В. Сухово-Кобылинымъ настолько мнѣ дорого, что я считалъ долгомъ сохранить его въ печати.

Константинъ Ходневъ.

Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ.[1]

(Очеркъ жизни и дѣятельности).

Занимаясь А. Е. Измайловымъ, мы заинтересовались личностью Павла Лукьяновича Яковлева, племянника упомянутаго баснописца, сотрудника его по изданію журнала «Благонамѣренный» и альманаховъ, писателя, въ свое время пользовавшагося нѣкоторой извѣстностью. Правда, какъ литературная величина, П. Л. Яковлевъ врядъ ли возбудитъ въ настоящее время значительное къ себѣ вниманіе, но мы сочли не лишнимъ посвятить обозрѣнію его жизни и дѣятельности особый очеркъ. Мы глубоко убѣждены въ настоятельной необходимости, въ настоящее время, детальнаго изученія не только крупныхъ, но и менѣе значительныхъ, мелкихъ, даже посредственныхъ авторовъ и дѣятелей минувшихъ эпохъ нашей литературы. Безъ сомнѣнія, всякій, кому приходила мысль о болѣе серьезномъ знакомствѣ съ такой хотя бы, на первый взглядъ, и болѣе изученной эпохой нашей науки и просвѣщенія, какъ напр. время Александра I-го, убѣждался воочію, какъ много еще неразгаданнаго, непонятнаго оставила намъ эта эпоха, какъ много необ-

---

[1]) Источниками и пособіями для составленія предлагаемаго очерка послужили (кромѣ матеріаловъ печатныхъ) архивныя данныя, извлеченныя нами изъ слѣдующихъ с.-петербургскихъ архивовъ: Сенатскаго (департаментъ герольдіи), Государственнаго и Главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ (азіатскаго департамента) и архива Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, хранящагося въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета. Кромѣ того, мы пользовались нѣкоторыми рукописями П. Л. Яковлева, а также неизданными письмами А. Е. Измайлова, любезно доставленными намъ Л. А. Максимовой и Н. П. Эйхе-Янсенъ. Ив. К.

слѣдованнаго, прямо-таки непочатаго матеріала приходится разбирать для надлежащаго выясненія какого-либо явленія, иной разъ даже довольно крупнаго. Для читателя средняго, коего вниманіе приковываетъ къ себѣ блескъ наиболѣе выдающихся свѣтилъ на нашемъ литературномъ горизонтѣ, въ большинствѣ случаевъ не интересна та плеяда мелкихъ писателей, которая окружаетъ, напр., солнце нашей литературы — великаго Пушкина. Оно понятно: слава маленькихъ тружениковъ пера, эти «....маленькія славы всѣ гаснутъ при его лучахъ», и немудрено, если среднему читателю вся наша литература, хотя бы даже пушкинскаго періода, представляется какимъ-то неяснымъ, туманнымъ прошлымъ, тьму котораго разсѣкаютъ (но не разгоняютъ) лишь нѣсколько яркихъ лучей... — Все это, конечно, происходитъ исключительно отъ малаго, если не ничтожнаго, знакомства съ генезисомъ нашихъ историко-литературныхъ явленій, а послѣднее отъ сравнительно малой разработки завѣщаннаго намъ отъ предковъ матеріала. А это обстоятельство и создаетъ ту тьму, тотъ туманъ, который заволакиваетъ наше даже и недалекое прошлое отъ взоровъ порой и умудреннаго опытомъ изслѣдователя. Большинство успокаивается на пріятномъ любованіи звѣздъ яркихъ, даже какъ бы съ гордостью повторяя затверженный стихъ:

«Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды».

Но любопытный взоръ серьезнаго наблюдателя не довольствуется созерцаніемъ лишь ярко блещущихъ и всѣмъ видимыхъ звѣздъ, ибо знаетъ онъ, что все величіе и прелесть далекаго небосклона можно постигнуть лишь тогда, когда нашему глазу доступно наблюденіе за причудливой игрой большинства (если не всѣхъ) и малыхъ и великихъ свѣтилъ, которыя рѣютъ и мелькаютъ передъ нами, сверкая тысячью разнородныхъ цвѣтовъ. Возможность же таковаго наблюденія можетъ доставить только наука и ея пріемы, которые, само собою разумѣется, могутъ развиваться и совершенствоваться лишь при болѣе серьезномъ интересѣ самой наукой со стороны общества и при болѣе достаточномъ количествѣ желанныхъ работниковъ на ея поприщѣ...

Имя Павла Лукьяновича Яковлева знакомо немногимъ любителямъ литературы и вообще принадлежитъ къ числу именъ забытыхъ. Сравнительно большей извѣстностью въ русской публикѣ пользуется братъ его, Михаилъ Лукьяновичъ. Близкій человѣкъ такимъ поэтамъ, какъ Дельвигъ и Пушкинъ, отличный пѣвецъ-любитель и композиторъ, М. Л. положилъ на музыку не мало произведеній только-что названныхъ поэтовъ. И донынѣ можно услышать въ музыкѣ М. Л. Яковлева напр.

слѣдующія стихотворенія Дельвига: элегія «Когда, душа, просилась ты», пѣсни «Пѣла, пѣла пташечка», «Роза ль, ты, розочка, роза душистая», затѣмъ Пушкина: «Я васъ любилъ», «Буря мглою небо кроетъ», «Слеза» и мн. др. Въ молодые годы онъ также писалъ и стихами и прозой [1]), но литературные опыты его ниже композиторскихъ.—Оба брата Яковлевы были дѣти Лукьяна Яковлевича Яковлева, чиновника, не разъ мѣнявшаго мѣста своего служенія и наконецъ остановившагося на службѣ въ московскомъ архивѣ иностр. дѣлъ [2]). Въ Москвѣ онъ прожилъ большую часть своей жизни, успѣлъ скопить незначительное состояніе и умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника. Павелъ Лукьяновичъ былъ на 3 года старше своего брата. Онъ родился въ 1789 году, въ Москвѣ, тамъ же получилъ первоначальное образованіе (М. Л. учился въ Царскосельскомъ лицеѣ и былъ товарищемъ Дельвига и Пушкина). Скудные матеріалы для его біографіи, которыми мы располагаемъ, не позволяютъ разсказать съ удовлетворительной полнотой о молодыхъ годахъ его жизни, и мы принуждены довольствоваться главнымъ образомъ свѣдѣніями, даваемыми формуляромъ. Извѣстно, что П. Л. изучилъ основательно франц. и нѣмец. языки, такъ что могъ поступить на службу въ Московскій архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сначала актуаріусомъ, а затѣмъ (въ 1808 г.) и переводчикомъ. Служа въ коллегіи, онъ въ то же время состоялъ слушателемъ лекцій въ Московскомъ университетѣ, откуда въ 1812 г. и получилъ аттестатъ. Ко времени пребыванія его въ университетѣ относится и начало его литературной дѣятельности, открывшейся переводами. Такъ, въ 1811 году онъ перевелъ книгу Ф. Шелля: «Картина народовъ, населяющихъ Европу, и религій, исповѣдуемыхъ ими» [3]) и комедію барона Бильдербека «Отчаяніе любви» (съ франц.). Надо замѣтить, что въ П. Л. рано пробудилась любовь къ театру, которая не ослабѣвала въ немъ до конца дней. Изъ неизданныхъ писемъ дяди его — баснописца Измайлова, мы узнаемъ, что Яковлевъ «недурно игрывалъ на театрѣ, будучи еще студентомъ», талантъ его былъ комическій; изъ посвященія же, предпосланнаго упомянутой комедіи, видно, что П. Л. былъ знакомъ съ извѣстнымъ въ свое время всей Москвѣ хлѣбосоломъ Н. А. Дурасовымъ (ему же и посвя-

---

[1]) Онъ печатался въ „Невскомъ Зрителѣ", „Благонамѣренномъ" и нѣк. др. изд.

[2]) О немъ, какъ о хорошемъ знакомомъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, упоминаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" Ф. Ф. Вигель. (См. его „Воспоминанія", ч. I. М. 1892 г., стр. 159). См. о немъ также въ письмахъ Булгакова («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I).

[3]) Переводъ посвященъ Н. Н. Бантышу-Каменскому, начальнику архива, въ которомъ служилъ П. Л. Яковлевъ. (См. рец. въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ" 1812 г., ч. I, стр. 102).

щенъ переводъ этой комедіи). Дурасовъ, ведя роскошный образъ жизни, имѣлъ собственный театръ.

Отечественная война прервала на нѣкоторое время и службу и обычныя занятія Павла Лукьяновича. Неизвѣстно, принималъ ли онъ участіе въ этой войнѣ, но замѣчательные по своей точности, живости и подробностямъ разсказы его [1]) о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ нашествія иноземцевъ на Москву, пребыванія ихъ въ Первопрестольной и партизанскихъ схваткахъ даютъ основаніе предполагать, что П. Л. близко стоялъ къ военнымъ операціямъ 1812 года и едва-ли не испыталъ на себѣ тяжестей непріятельскаго вторженія.—По возвращеніи въ Москву, онъ въ 1813 г. числился уже уволеннымъ изъ коллегіи и опредѣленнымъ въ Московское Горное Правленіе; но и тутъ онъ прослужилъ недолго: въ слѣдующемъ году мы видимъ его коммиссіонеромъ въ Московскомъ Коммиссаріатномъ Депо. Въ 1818 году П. Л. оставилъ Москву, переѣхалъ на жительство въ Петербургъ и опредѣлился въ Государственную Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Литературныя занятія, которыхъ Яковлевъ не покидалъ въ Москвѣ и послѣ непріятельскаго погрома (въ 1814 г. онъ издалъ между прочимъ и оригинальное сочиненіе: «Жизнь принцессы Анны»)[2]), увлекли его здѣсь еще болѣе, чему способствовали и нѣкоторыя благопріятныя обстоятельства. Дѣло въ томъ, что вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ сѣверную столицу онъ быстро познакомился и близко сошелся съ такими поэтами, какъ Дельвигъ (вѣроятно, не безъ посредства брата, съ которымъ Дельвигъ жилъ на одной квартирѣ [3]), Боратынскій, Пушкинъ и др. Пушкинъ любилъ это веселое общество и, говорятъ, посѣщалъ его ежедневно вплоть до отъѣзда своего (въ 1818 г.) въ Михайловское. Да и по возвращеніи въ Петербургъ поэтъ, какъ извѣстно, не порывалъ дружескихъ связей съ только-что названными молодыми людьми; между прочимъ, сохранилось извѣстіе, что Дельвигъ и П. Л. Яковлевъ провожали поэта-изгнанника до Царскаго Села, когда тотъ собирался въ Кишиневъ[4]). Въ литературныхъ знакомствахъ и связяхъ, безъ сомнѣнія, много помогалъ своему племяннику А. Е. Измайловъ, въ то время извѣстный баснописецъ, издатель журнала «Благонамѣренный». Яковлевъ, поселясь у своего

---

[1]) Въ романѣ „Удивительный человѣкъ» (изд. отдѣльно) и въ „Разсказахъ Лужницкаго Старца" („Благонамѣренный" 1820 и 1821 г.г.).

[2]) Это небольшая брошюра, составленная по печатнымъ матеріаламъ и не представляющая ничего особеннаго ни въ литературномъ, ни въ историческомъ отношеніи. Она посвящена кн. Д. И. Лобанову-Ростовскому.

[3]) См. статью В. П. Гаевскаго о Дельвигѣ въ „Современникѣ" 1853 г. № 5, отд. III, стр. 4—5.

[4]) Тамъ же, стр. 7.

дяди, сталъ близкимъ сотрудникомъ и помощникомъ его въ дѣлѣ изданія журнала, въ которомъ онъ помѣстилъ за время существованія этого органа свыше полусотни статеекъ и немного стихотвореній. Яковлевъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своего дяди: участвуя въ его журналѣ и въ Вольномъ обществѣ любителей слов., наукъ и художествъ[1]), гдѣ Измайловъ былъ долгое время предсѣдателемъ, онъ въ большинствѣ случаевъ придерживался литературныхъ вкусовъ и пріемовъ Измайлова и зачастую подражалъ ему въ своихъ произведеніяхъ, такъ что его называли не иначе, какъ «птенцомъ школы россійскаго Теньера № 1-й» т.-е. А. Е. Измайлова. Впрочемъ, къ подробностямъ литературной дѣятельности Яковлева мы еще вернемся, а пока передадимъ слѣдующіе факты изъ его біографіи. Въ 1820 году Яковлевъ былъ назначенъ секретаремъ «Секретной россійской миссіи въ Бухарію», въ іюлѣ того года отправившейся къ мѣсту назначенія. Въ виду отсутствія въ нашей печати свѣдѣній объ этой любопытной миссіи, сообщаемъ нѣсколько данныхъ о ней, извлеченныхъ нами изъ «Дѣла объ экспедиціи въ Бухарію», хранящагося въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Причины снаряженія ея и цѣль ясно изложены въ «Инструкціи дѣйствительному статскому совѣтнику Негри»[2]), высочайше утвержденной 8-го іюля 1820 г. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ въ этой инструкціи: «Бухарія издавна состоитъ съ Россіей въ дружественныхъ и торговыхъ сношеніяхъ и неоднократно присылала къ Высочайшему Двору своихъ посланцевъ. Мы не имѣемъ, однако, ясныхъ и положительныхъ о сей землѣ свѣдѣній. Разные важнѣйшіе предметы отвлекали вниманіе правительства и не допускали заняться оною въ особенности и послать для сего предмета дипломатическаго чиновника. Бывшій здѣсь въ 1816 году бухарскій посланникъ [3]) настоятельно просилъ взаимнаго отправленія къ нимъ россійской миссіи. Тотъ же посланникъ, въ семъ году сюда пріѣзжавшій, возобновилъ прежнее свое домогательство, и

---

[1]) Въ члены этого общества онъ былъ избранъ 15-го іюня 1820 г. и, какъ видно изъ протоколовъ, посѣщалъ его довольно часто, читалъ въ немъ свои произведенія и не порывалъ съ нимъ сношеній и во время отъѣзда изъ Петербурга. Кромѣ того П. Л. Яковлевъ часто посѣщалъ дружеское литературное общество С. Д. Пономаревой. (См. „Вѣстн. Евр." 1867 г., ч. III, стр. 265—266).

[2]) Александръ Ѳедоровичъ Негри (род. въ 1784 г., ум. въ 1854 г.), впослѣдствіи писатель-археологъ и вице-президентъ Одесскаго общества исторіи и древностей. (См. о немъ въ «Запискахъ Одесскаго общества Ист. и Древн." т. IV, отд. 2 и 3, стр. 415—417).

[3]) Диванъ-Беги-Азимжанъ-Муминжановъ, который былъ посланъ ханомъ въ Россію и въ 1820 г., между прочимъ, для ходатайства объ отмѣнѣ тарифа и о присылкѣ въ Бухару русскаго консула.

ему дано удовлетворительное обѣщаніе. Для сего, нынѣ не токмо по поводу онаго, но и по уваженію къ тѣмъ пользамъ, кои предстоятъ для Россіи отъ ближайшихъ и тѣснѣйшихъ сношеній съ Бухаріей, благоугодно было государю императору повелѣть отправить ваше превосходительство въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ къ бухарскому владѣльцу Миръ-Гейдеръ-Хану». Запасшись высочайшей грамотой и подарками, миссія въ іюнѣ же мѣсяцѣ выѣхала, во главѣ съ А. Ѳ. Негри, и въ октябрѣ достигла Оренбурга. Тамъ, для охраны миссіи отъ всякихъ случайностей на предстоящемъ ей долгомъ и не безопасномъ пути по пустыннымъ степямъ, былъ снаряженъ конвой изъ 550 человѣкъ (200 чел. пѣхоты, 200 казаковъ, артиллерія, прислуга и отрядъ изъ башкирцевъ). Въ октябрѣ мѣсяцѣ миссія выступила подъ охраной конвоя изъ Оренбурга. Вмѣстѣ съ ней отправилось и нѣсколько человѣкъ опытныхъ топографовъ и натуралистовъ, такъ какъ экспедиціи поручено было, во время своего путешествія по неизслѣдованнымъ мѣстностямъ, «обозрѣть всѣ тѣ мѣста, равно на всемъ пути съ возможною подробностью описывать горы, озера, болота, рѣки и ручьи, лѣса, кустарники и качество почвы земли, относительно къ заведенію хлѣбопашества», также рекомендовалось производить по пути этнографическія, астрономическія, метеорологическія и иныя научныя изслѣдованія и наблюденія (помимо наблюденій «особыхъ»).

Въ Бухару миссія прибыла лишь 20-го декабря, совершивъ, такимъ образомъ, все путешествіе отъ Оренбурга въ 70 дней. Заимствуемъ изъ писемъ Яковлева нѣкоторыя подробности о томъ, какъ наши путешественники проводили свой день въ безлюдной пустынѣ: «... Мы встаемъ съ зарею... Раздался барабанный бой,—раздались крики верблюдовъ: ихъ вьючатъ. Вообразите 500 верблюдовъ среди поля; кибитки уже сломаны; сундуки, тюки, всѣ вещи въ безпорядкѣ разбросаны по землѣ. Киргизы, въ ужасныхъ малахаяхъ, ворочаютъ тяжести. Мы всѣ на коняхъ. Наконецъ, верблюды навьючены, и мы ѣдемъ; впереди казаки, потомъ пѣхота, артиллерія, верблюды, телѣги... все тянется по необозримой степи. Въ 1-мъ часу привалъ. Отдыхаемъ, ѣдимъ, пьемъ; потомъ не останавливаемся уже до мѣста, гдѣ назначенъ ночлегъ. Киргизы-вожаки обыкновенно ѣдутъ впереди, степь такъ имъ знакома, какъ вамъ—Невскій проспектъ. Подъѣзжая къ мѣсту ночлега, всѣ разсыпаются по полю, и всякій выбираетъ мѣсто для своей кибитки. Суета, безпорядокъ; крики людей, верблюдовъ, ржаніе коней, блеяніе барановъ. Черезъ полчаса всѣ кибитки поставлены, и всѣ принимаются за утоленіе голода и жажды» [1]).

[1]) „Благонамѣренный", 1824 г., XXV, стр. 23.

«Нынѣшній день мы отдыхаемъ» — писалъ П. Л. Яковлевъ отъ 16-го ноября 1820 г.—«Полюбуйтесь нашимъ лагеремъ! Какая пестрая, живая картина, какое разнообразіе и дѣятельность! Тамъ двадцать солдатскихъ кибитокъ и передъ ними ружья, поставленныя пирамидами, съ навѣшанными на нихъ сумами, тесаками, киверами. Солдаты, одѣтые по-домашнему, бѣгаютъ кругомъ огней, хохочутъ, варятъ кашу, смѣшатъ другъ друга. Тамъ башкирцы бреютъ другъ другу головы тупыми ножами: бреющійся страдалецъ корчится, бреющій хладнокровно исполняетъ свое дѣло. Другая группа башкирцевъ кушаетъ издохшую вчера лошадь и хвалитъ ея сладкое мясо. Тамъ — киргизы: иной дудитъ въ чибызу (дудку), другой подшиваетъ подметки захромавшему верблюду. Наши натуралисты, сидя передъ своими кибитками, набиваютъ чучела воронъ и мышей. Казаки, подъ шатрами изъ пикъ своихъ, безпечно наклонясь къ пылающему соксоулю (кустарнику), поютъ про своихъ богатырей. Около кибитокъ разбросаны тюки, сундуки, мѣшки. Вдали чернѣются казачьи пикеты и стада лошадей и верблюдовъ. Вечеромъ картина перемѣняется. Лишь пробьютъ зорю, все затихло; — кой-гдѣ мелькаетъ огонекъ.,. и унылое «слушай!» разносится по лагерю отъ часоваго къ часовому. Нынѣшнюю ночь къ голосамъ ихъ присоединилось еще вытье нѣсколькихъ десятковъ волковъ. Уныло и страшно, какъ... при представленіи мелодрамы» [1]). Наконецъ, миссія прибыла въ Бухару, и вотъ какъ, спустя двѣ недѣли, Яковлевъ описываетъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, этотъ городъ, его достопримѣчательности и обитателей. Описаніе это настолько любопытно, что мы позволимъ себѣ выписать его цѣликомъ со страницъ «Благонамѣреннаго» (ч. XXV, стран. 27—30).

«Хотите ли знать, что это за городъ?» — спрашиваетъ Яковлевъ. «Хотите ли узнать хана и здѣшнія удовольствія? Городъ окруженъ стѣною глиняною. Улицы такъ широки, что вьючный верблюдъ проходитъ. Дворецъ походитъ на голландскую печь со столбиками и балконами; на башняхъ дворца развѣваются солома и сѣно, это — гнѣздо святой птицы—аиста. Домовъ не видать, а по обѣимъ сторонамъ улицъ стѣны съ дверцами; войдете въ дверцу, и вы на дворѣ, а кругомъ этого двора— комнаты... Женщинъ нѣтъ, а называются женщинами какія-то движущіяся куклы, съ головы до ногъ закутанныя въ халаты. Ханъ умѣетъ читать; въ доказательство чего прочелъ при насъ грамоту громко и вразумительно. Къ нему ходятъ всѣ запросто: въ халатахъ. Онъ не привязанъ къ женщинамъ, — доказательство: у него слишкомъ 1000 женъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 25—26.

Визирь такъ дѣятеленъ, что самъ ѣздитъ сбирать пошлины и, исполняя свято всѣ обязанности мусульманина и перваго министра, торгуетъ съ Россіей, Персіей и Индіей. Промотавшіеся или разорившіеся купцы служатъ здѣсь маклерами. Нельзя ничего купить безъ маклера: онъ торгуется, хлопочетъ и рѣшаетъ покупку; за то вдвое дешевле можно купить безъ маклера. Бухарцы торгуютъ индійскими шалями, индійской кисеей, индійскими парчами, персидскими коврами, шелковыми матеріями работъ евреевъ, китайскимъ фарфоромъ и чаемъ, русскою мѣдью, желѣзомъ, чугуномъ, сукномъ. Землю и сады обрабатываютъ у нихъ плѣнники, сами же бухарцы сидятъ въ лавочкахъ, продаютъ и молятся Мухамеду. Слишкомъ уже столѣтіе заведена здѣсь артиллерія: есть 50 орудій, и слишкомъ уже столѣтіе... не стрѣляли изъ нихъ. Узнавъ, что у русскихъ есть пѣхота, бухарцы въ одинъ день сформировали свою пѣхоту. Отобрали всѣ ружья у жителей всего государства, набрали людей и выучили ихъ въ нѣсколько минутъ. Ружей нашлось 200, слѣдственно нельзя было выставить болѣе 200 воиновъ, а по краткости времени выучили ихъ только двумъ словамъ: «стой!» и «садись!» («пали!» не въ употребленіи). Эта пѣхота набирается въ однихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, и служить въ ней тѣмъ пріятно, что воинъ можетъ держать свое ружье какъ ему угодно и въ любомъ нарядѣ. Совершенная простота и свобода! Театровъ, гуляній здѣсь не бываетъ; за то каждый день вѣшаютъ по нѣскольку человѣкъ. Тутъ все придумано, чтобы доставить пріятное зрѣлище и прогулку для бухарской публики; а кругомъ висѣлицъ продаютъ все, что только можно пожелать въ столичномъ городѣ: баранину, дыни, виноградъ, изюмъ и пр. Русскій человѣкъ здѣсь болѣе въ модѣ, чѣмъ у насъ французы: едва увидятъ его, и всѣ бѣгутъ за нимъ и всѣ кричатъ: «Урусъ! урусъ!», и не могутъ довольно наглядѣться; не могутъ надивиться всякой пуговицѣ. Не смотря, однако, на всѣ ласки бухарцевъ, мы отправимся отсюда въ началѣ весны».

Дѣйствительно, въ началѣ мая миссія оставила Бухару, 2-го іюня вернулась въ Оренбургъ и вскорѣ прибыла въ Петербургъ. Результаты этой миссіи въ общихъ чертахъ были такъ охарактеризованы Негри въ всеподданнѣйшемъ докладѣ: «.... теперь мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія о Бухаріи, которая, хотя и издавна производитъ важный торгъ съ Россіей, но не была довольно извѣстна; . . . освобождены изъ рабства нѣсколько россіянъ и, наконецъ, отклонено удовлетворительнымъ образомъ настояніе бухарскаго правительства объ отмѣнѣ тарифа нашего, на Азіатской границѣ существующаго». Не входя въ изложеніе научныхъ результатовъ экспедиціи и прочихъ подробностей, позволимъ себѣ рекомендовать интересующемуся читателю обстоятельную книжку объ этомъ путешествіи, составленную однимъ изъ участниковъ миссіи барономъ Г. Мейен-

дорфомъ, «Voyage d'Orenbourg à Boucḣara, fait en 1820» (Paris 1826) [1]); мы же займемся дальнѣйшимъ изложеніемъ біографіи нашего писателя. По возвращеніи въ Петербургъ, Яковлевъ, какъ и всѣ члены миссіи, былъ щедро награжденъ: помимо денежной награды, онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Вскорѣ затѣмъ онъ оставилъ службу при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и началъ службу по министерству юстиціи. Въ концѣ 1822 года онъ былъ назначенъ совѣтникомъ въ Нижегородскую уголовную палату, но, прослуживъ тамъ годъ, вернулся въ Петербургъ и опредѣлился въ департаментъ министерства юстиціи; здѣсь прослужилъ онъ около года и уволился. Въ концѣ 1824 года мы видимъ его уже въ Москвѣ старшимъ ревизоромъ межевой канцеляріи. Вскорѣ онъ былъ назначенъ ревизоромъ Вятской межевой конторы, каковое назначеніе удержало его въ Вяткѣ почти на три года. Скуку «хлыновскаго житія» въ захолустномъ и бѣдномъ Хлыновскѣ, служившемъ, между прочимъ, мѣстомъ ссылки, Яковлевъ разгонялъ занятіями литературой, художествами и обширной перепиской, изъ которой, къ сожалѣнію, до насъ почти ничего не дошло. Литературнымъ памятникомъ его пребыванія въ Вяткѣ остался его «Хлыновскій наблюдатель»—рукописная еженедѣльная газета, сплошь писанная ея редакторомъ и составителемъ П. Л. Яковлевымъ. Очевидно, это была форма переписки нашего писателя съ своимъ дядей-баснописцемъ, съ семьей котораго онъ не порывалъ теплыхъ родственныхъ и дружескихъ отношеній до самой смерти. Очень жаль, что не сохранилось ни одного № «Сѣвернаго Мотылька», повидимому, также газеты, высылавшейся ея составителемъ — А. Е. Измайловымъ въ обмѣнъ на газету племянника. Столбцы «Хлыновскаго наблюдателя» писались подъ обычными газетными рубриками; такъ, «Х. Н.» начинался отдѣломъ «Внутреннія извѣстія» (иногда выходившими подъ рубрикой «Внутренности»), — въ нихъ давались сообщенія о новостяхъ вятской жизни, затѣмъ слѣдовалъ отдѣлъ «Изящная словесность» (многія статьи этого отдѣла появлялись потомъ въ печати) [2]); затѣмъ «Нравы», гдѣ давалось порой довольно хлесткое изображеніе прозябанія жителей далекой провинціи; наконецъ, шли «Шутки», «Анекдоты», «Мысли и замѣчанія» или «Любомудріе», «Смѣсь» и т. п.; были отдѣлы и случайнаго характера. Ниже

---

[1]) Если не ошибаемся, это—единственная книжка, въ которой излагаются труды нашей миссіи въ Бухару. Она представляетъ обширный изящно изданный томъ (въ 500 стр.), снабженный иллюстраціямя, отличной картой и богатыми подробностями о научныхъ результатахъ экспедиціи.

[2]) Въ журналѣ „Благонамѣренный“ и затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ въ „Запискахъ Москвича“ (М. 1828—1830, три книжки).

мы помѣщаемъ нѣсколько выдержекъ изъ этой газеты, пока же отмѣтимъ, что «Х. Н.», съ одной стороны, свидѣтельствуетъ о довольно тонкой наблюдательности веселаго, остроумнаго и склоннаго къ сатирѣ редактора его, съ другой — даетъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о нашемъ писателѣ. Такъ; мы узнаемъ, что Яковлевъ былъ хорошо принимаемъ въ вятскомъ обществѣ, считался виднымъ представителемъ хлыновской аристократіи, старался о развитіи въ своихъ новыхъ согражданахъ эстетическихъ вкусовъ и образовательныхъ наклонностей путемъ чтенія, музыки и художества, но попытки его расшевелить хлыновцевъ привели, кажется, къ ничтожнымъ результатамъ. Въ февралѣ 1827 г. Яковлевъ оставилъ Вятку и возвратился въ Москву, гдѣ поступилъ въ архивъ межевой канцеляріи. Часы досуга П. Л. по-прежнему посвящалъ литературнымъ занятіямъ; между прочимъ онъ усердно выправлялъ и подготовлялъ къ отдѣльному изданію бо̀льшую часть своихъ статей, печатавшихся до сего времени въ разныхъ журналахъ, преимущественно въ «Благонамѣренномъ». Въ отдѣльномъ изданіи статьи Яковлева вышли подъ общимъ названіемъ «Записки москвича» въ трехъ небольшихъ томикахъ.—Въ Москвѣ въ это время какъ разъ былъ Пушкинъ, и П. Л. не преминулъ, конечно, повидаться съ своимъ старымъ знакомымъ, и вотъ какъ онъ описываетъ великаго поэта въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Измайлову: «А. Пушкинъ живетъ здѣсь (въ Москвѣ) съ однимъ изъ лицейскихъ товарищей. Судя по всему, что̀ я слышалъ и видѣлъ, Пушкинъ здѣсь на розахъ. Его знаетъ весь городъ, всѣ имъ интересуются, отличнѣйшая молодежь сбирается къ нему, какъ древле къ великому Аруэту сбирались всѣ имѣвшіе немного здраваго смыслу въ головѣ. Со всѣмъ тѣмъ, Пушкинъ скучаетъ! Такъ онъ мнѣ самъ сказалъ. Это покажется удивительнымъ для Карабанова, графа (Д. И.) Хвостова и—съ позволенія сказать—Б. (М.) Ѳедорова. Пушкинъ очень перемѣнился и наружностью: страшныя черныя бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выраженіе. Впрочемъ, онъ все тотъ же,—такъ же живъ, скоръ и по-прежнему въ одну минуту переходитъ отъ веселости и смѣха къ задумчивости и размышленію. Онъ ревностно участвуетъ въ изданіи «Московскаго Вѣстника», сбирается печатать «Годунова» и «Цыганъ»; кажется, восемь главъ «Онѣгина» уже готовы» [1]).

Въ архивѣ Яковлевъ прослужилъ недолго. Въ іюлѣ того же года онъ получилъ новое назначеніе—состоять ревизоромъ Саратовской межевой

---

[1]) Письмо это (отъ 21-го марта 1827 г.) впервые напечатано нами въ статьѣ «Вице-губернаторство Измайлова въ Твери и Архангельскѣ" (См. „Сборникъ въ память Л. Н. Майкова" Спб. 1902).

конторы. Передъ отъѣздомъ на мѣсто новаго служенія П. Л. женился, и тотчасъ же изъ-подъ вѣнца молодые выѣхали изъ Первопрестольной въ столицу Поволжья. Вотъ какія свѣдѣнія объ этомъ находимъ въ неизданномъ письмѣ А. Е. Измайлова къ женѣ отъ 2-го сентября 1828 года: «Вчера получилъ повѣстку о посылкѣ изъ Вологды» [1])—писалъ Измайловъ.—Не постигаю, отъ кого бы это. Принесли тючекъ; развязываю, книги отъ П. Л. Яковлева и тутъ же письмо его изъ Саратова. Читаю и отъ смѣха роняю изъ рукъ письмо... Вѣдь женился нашъ бѣсъ-племянникъ, да какимъ же страннымъ образомъ! въ самый день своего отъѣзда. Обвѣнчался на Прасковьѣ Ивановнѣ Давыдовой, зашелъ къ отцу, напился кофею, сѣлъ съ молодою женой въ коляску и поѣхалъ въ Саратовъ. «Напишите тетушкѣ Екатеринѣ Ивановнѣ» [2]) — цитируетъ Измайловъ изъ письма племянника — «о моей курьезной женитьбѣ и скажите, что я все тотъ же послушный племянникъ и отъ всего сердца цѣлую ея ручки». А вотъ какъ описываетъ онъ свою молодую жену: «зовутъ ее Прасковья Ивановна, отъ роду имѣетъ 26 лѣтъ, чернобровая смуглянка и славная бабенка, между прочимъ. Она очень васъ любитъ, дядюшка! вотъ-те Христосъ! Приданаго за ней взялъ я нѣсколько милліоновъ добродѣтелей и нѣсколько сотъ тысячъ прелестей». «Я видѣлъ ее»—заключаетъ письмо свое Измайловъ—«въ домѣ отца Павла Лукьяновича; рекомендуя мнѣ сестеръ своихъ, рекомендовалъ онъ мнѣ и ее какъ жену свою,—отецъ посмѣялся и я тоже, а теперь въ самомъ дѣлѣ стала его женой». Въ Саратовъ молодые прибыли въ августѣ 1828 года, и вотъ какими виршами былъ встрѣченъ новый ревизоръ межевой конторы однимъ изъ чиновниковъ—«натуральнымъ поэтомъ Иваномъ Петровымъ Крупскимъ, у коего природа изсушила умъ, но наводнила воображеніе»:

„Ахъ, къ намъ пріѣхалъ отецъ
Отраду всѣмъ лишь дать.
Въ сердцахъ его мы чтимъ
Искренней душой, колѣна преклонимъ.
Сердца невинныхъ оживляетъ,
А злобу предъ собой въ мигъ покоряетъ.
Давно мы ждали отца сего,
И Богъ намъ далъ въ скорости его.
Почто ты милость къ намъ являешь
И благодѣтелью своей насъ оживляешь

---

[1]) Измайловъ въ это время былъ вицегубернаторомъ въ Архангельскѣ.
[2]) Женѣ Измайлова.

И вѣчно страждущимъ
Райскія двери отверзаешь?"... [1]).

Масса дѣла по службѣ, какая выпала на долю Яковлева въ Саратовѣ, не отстраняла его однако отъ занятій литературой и художествами: въ свободные часы онъ продолжалъ заниматься подготовленіемъ своихъ сочиненій къ изданію, выправлялъ статьи, раньше напечатанныя, и писалъ новыя; кромѣ того, онъ продолжалъ переписываться съ Измайловымъ, опять въ формѣ еженедѣльной иллюстрированной газеты: «Саратовскій колонистъ», программа которой была та же, что и у «Хлыновскаго Наблюдателя», съ той лишь разницей, что теперь въ газетѣ Яковлева появился новый отдѣлъ — «о театрѣ», отдѣлъ довольно обширный. Объясняется это тѣмъ, что въ Саратовѣ—городѣ многолюдномъ и въ то время и болѣе просвѣщенномъ, чѣмъ Вятка, былъ театръ, хотя и плохой; Яковлевъ же, какъ большой театралъ, не могъ не интересоваться театромъ, да къ тому же, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Саратовъ, принялъ на себя, по просьбѣ тамошняго губернатора, заботы объ устройствѣ въ губернаторскомъ домѣ любительскихъ спектаклей. Этотъ импровизованный театръ (въ отличіе отъ существовавшаго уже) носилъ громкое названіе «Саратовскаго Благороднаго театра»; исполнителями въ немъ были представители мѣстной аристократіи. П. Л. подвизался на подмосткахъ его въ комическихъ роляхъ, былъ въ то же время его «директоромъ» и режиссеромъ. Впрочемъ, пребываніе нашего писателя въ столицѣ Поволжья было непродолжительно: не прослуживъ въ ней и двухъ лѣтъ, онъ уволился «для опредѣленія къ другимъ дѣламъ» и возвратился въ Петербургъ. На досугѣ онъ дописалъ и издалъ свой романъ «Удивительный человѣкъ», первыя главы котораго онъ напечаталъ еще въ 1820 г. въ «Невскомъ Зрителѣ». Романъ этотъ нѣкоторыми журналами и газетами былъ принятъ сочувственно, но большинство высказалось весьма нелестно для нашего автора. «Сѣверный Меркурій», напр., счелъ достаточнымъ ограничиться такимъ замѣчаніемъ: «Г. Яковлевъ имѣлъ терпѣнье написать этотъ романъ «Удивительный человѣкъ» [2]). Неуспѣхъ ли этого романа, наиболѣе крупнаго и тщательно отдѣланнаго произведенія Яковлева, повліялъ на нашего писа-

---

[1]) Подъ этимъ „стихотвореніемъ", болѣе напоминающимъ эпитафіи безвѣстныхъ мастеровъ, П. Л. набросалъ портретъ автора, dessiné d'après nature и сопроводилъ его слѣдующимъ восклицаніемъ: „Боже мой! какъ распространяется у насъ просвѣщенье".

[2]) „Сѣверный Меркурій" 1831 г., № 72, стр. 292; изъ другихъ отзывовъ см. въ „Телескопѣ" 1831 г. № 11, стр. 377—380, въ „Моск. Телеграфѣ" 1831 г. № 7, стр. 397; въ „Литерат. Газетѣ" 1831 г. № 34, стр. 278—280.

теля, или смерть его почтеннаго дяди (А. Е. Измайлова) [1]) — перваго совѣтника, друга и учителя его въ дѣлахъ литературныхъ, но только Яковлевъ прекратилъ свою писательскую дѣятельность: намъ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно никакихъ его произведеній послѣ 1831 года. Яковлевъ не на много пережилъ своего дядю: въ 1833 г. онъ вновь поступилъ на службу третьимъ членомъ межевой канцеляріи, на каковомъ посту и умеръ 10-го іюля 1835 года. Нѣкоторыя газеты сочли своимъ долгомъ посвятить на своихъ столбцахъ памяти Яковлева теплыя строки о его литературной дѣятельности и нравственныхъ качествахъ. «Его оригинальный романъ»—говорится въ «Сѣверной Пчелѣ»—повѣсти, разсказы, записки и нѣкогда дѣятельное участіе во многихъ журналахъ и альманахахъ содѣлываютъ утрату сію для русской литературы чувствительной. Въ покойномъ П. Л. Яковлевѣ соединялись многія отличныя качества: живой наблюдательный умъ, отличное благородное сердце и рѣдкое прямодушіе. Онъ былъ дѣятельный и полезный гражданинъ, хорошій писатель; примѣрный супругъ и отецъ, отличный родственникъ и—что всего важнѣе—добрый человѣкъ» [2]). Похороненъ П. Л. въ Москвѣ на Покровскомъ кладбищѣ.

Итакъ, П. Л. Яковлевъ скончался на 46-мъ году, проведя около 30 лѣтъ съ частыми перерывами на государственной службѣ. Шесть разъ онъ оставлялъ службу и столько же разъ къ ней возвращался; служить подолгу въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ, за однимъ и тѣмъ же столомъ и въ одномъ и томъ же городѣ, было ему не по сердцу. Не имѣя возможности указать положительныхъ причинъ такой «неусидчивости», за отсутствіемъ въ нашихъ рукахъ надлежащихъ свѣдѣній, отмѣчаемъ лишь фактъ, которымъ можно объяснить нѣкоторыя стороны въ дѣятельности Яковлева. Безспорно, П. Л. былъ способный человѣкъ: преуспѣвая по службѣ, не смотря на частыя перемѣны ея, онъ не отставалъ и въ литературѣ и искусствахъ. Но должно сознаться, что, не дойдя и по долговременной службѣ до степеней высокихъ и отвѣтственныхъ, онъ не создалъ (да и не могъ создать) и въ двухъ только-что указанныхъ областяхъ чего-либо важнаго. Вся его дѣятельность носитъ на себѣ, во-первыхъ, характеръ чего-то отрывочнаго, во-вторыхъ,—чего-то любительскаго: въ области художества онъ ограничился карикатурами, въ музыкѣ—сочиненіемъ двухъ-трехъ романсовъ, въ литературѣ — нѣсколькими десятками небольшихъ прозаическихъ произведеній и лишь подъ конецъ своей литературной дѣятельности онъ выпустилъ довольно обширный романъ «Удивительный человѣкъ»,

---

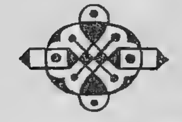
[1]) Измайловъ скончался 16 января 1831 года.

[2]) „Сѣверн. Пчела“ 1835 г., № 166.

надъ которымъ не мало потрудился. Обходя молчаніемъ попытки Яковлева въ области художествъ и музыки, которыя едва-ли когда-либо видѣли свѣтъ [1], займемся разсмотрѣніемъ его литературнаго наслѣдія [2].

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Онѣ извѣстны намъ въ рукописяхъ.

[2]) Вотъ списокъ переводовъ и сочиненій П. Л. Яковлева въ хронологическомъ порядкѣ: „Картина народовъ, населяющихъ Европу, и религій, исповѣдуемыхъ ими", соч. Ф. Шелля, пер. съ нѣм. П. Яковлевъ. (М. 1811); „Отчаяніе любви", соч. бар. Бильдербека; пер. съ фр. П. Яковлевъ. (М. 1811); „Жизнь принцессы Анны, правительницы Россіи". (М. 1814); „Журналистъ", комедія въ 1 дѣйствіи (М. 1819); „Записки москвича" кн. 1 (М. 1828), кн. II (М. 1829), кн. III (М. 1830); „Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту" (М. 1828); „Удивительный человѣкъ", романъ (М. 1831). Большая часть статей появлялась предварительно въ журналахъ: „Невскій Зритель" (1820); „Сынъ Отечества" (1822), „Вѣстникъ Европы" (1821); „Благонамѣренный" (1819—1825 г.), „Литературная Газета" (1831); значительная часть статей Яковлева вошла въ „Записки Москвича", остальныя можно найти въ поименованныхъ журналахъ. Кромѣ того, въ сотрудничествѣ съ А. Е. Измайловымъ Яковлевъ издалъ 2 книжки альманаховъ: „Календарь Музъ" (Спб. 1826 и 1827 гг.). Общіе обзоры литературной дѣятельности Яковлева см. въ статьѣ А. Д. Галахова объ А. Е. Измайловѣ („Современникъ" 1850 г. № 23), въ его же „Исторіи русск. словесности" (Спб. 1875, т. II, стр. 124—125) и въ нашей книгѣ. „А. Е. Измайловъ" (Спб. 1901).

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

IX [1]).

Личныя отношенія Уварова къ печати.—„Горе отъ ума“ Грибоѣдова—„Мертвыя души“ Гоголя.—Романъ Н. Полеваго „Судьба Аббадонны“.—Протестъ А. С Пушкина.—Указаніе, какъ писать статьи по поводу его кончины.—Записки Храповицкаго.—„Повѣствованіе о Россіи“ Арцыбашева.—Драма Великопольскаго „Янетерскій“.—Новыя извѣстія о Флорентинскомъ соборѣ.—Объ изданіи сочиненій: Посошкова „О скудости и богатствѣ“ и записокъ Порошина.—Трагедія Лажечникова „Опричникъ“.—Опять „Мертвыя души“ Гоголя.—Статьи о славянахъ, живущихъ въ Турціи и Австріи.—Вопросъ объ изданіи полнаго собранія сочиненій Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго.—Иностранные романы.

Съ самыхъ первыхъ дней вступленія своего въ должность министра, Уваровъ не проявилъ особыхъ симпатій къ русской печати. Слѣдуя въ томъ, болѣе или менѣе, направленію, данному и часто подтверждаемому свыше, Уваровъ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ и въ теченіе всей своей административной дѣятельности. Понятно, что большинство его подчиненныхъ старалось руководствоваться тѣмъ же направленіемъ. Ревность цензоровъ простиралась иногда такъ далеко, что самъ Уваровъ вынужденъ былъ отмѣнять слишкомъ крутыя и привязчивыя ихъ требованія, иногда же и государь, не соглашаясь со мнѣніемъ своего министра, дозволялъ то, что̀ послѣднему казалось невозможнымъ допускать въ печать. Вотъ нѣсколько примѣровъ того и другаго.

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1903 г.

Съ начала тридцатыхъ годовъ шли толки о напечатаніи знаменитой комедіи Грибоѣдова: «Горе отъ ума», давно ходившей по всей Россіи въ рукописи. Въ 1831-мъ году, наслѣдники Грибоѣдова представили ее въ Петербургскій цензурный комитетъ, и цензоръ Сенковскій отозвался, что, по его мнѣнію, комедія эта писана съ благонамѣренною цѣлью и можетъ быть напечатана вполнѣ, безъ всякихъ перемѣнъ и исключеній, кромѣ стиха: «Кто что ни говори, они (львы и орлы) хоть и животныя, а все-таки цари», но и этотъ стихъ исправленъ имъ, согласно съ желаніемъ покойнаго автора, такъ: «кто что ни говори, а все они цари»; къ этому Сенковскій прибавлялъ, что многія существенныя уваженія требуютъ допущенія комедіи къ печати, безъ всякихъ перемѣнъ и измѣненій: по словамъ «Сѣверной пчелы», въ Россіи находится слишкомъ 40.000 списковъ этого творенія. Если бы въ «Горѣ отъ ума» и заключались мѣста сомнительныя (чего нѣтъ), то двѣ или три тысячи печатныхъ, съ пропусками, экземпляровъ не принесутъ никакой пользы обществу, въ сравненіи съ такимъ необыкновеннымъ множествомъ списковъ, ежедневно умножающихся и покупаемыхъ за дешевую цѣну. Напротивъ, пропуски были бы очень вредны, какъ излишняя мѣра предосторожности, такъ какъ подобное оффиціальное преслѣдованіе любимаго публикою сочиненія сообщитъ только новую важность рукописнымъ экземплярамъ. Легко можетъ случиться, что люди неблагонамѣренные, шалуны, станутъ прибавлять въ спискахъ предосудительные стихи и намеки, и «Горе отъ ума» возымѣетъ участь всѣхъ почти рукописныхъ сочиненій древняго міра, кои дошли до насъ искаженныя подложными мѣстами. Одно средство отвратить это важное неудобство: допустить напечатаніе «Горе отъ ума» безъ измѣненій, и это тѣмъ необходимѣе, что въ публикѣ распространилось мнѣніе, будто комедія не печатается потому, что цензура хочетъ исключить изъ нея все остроумное и занимательное. Полное изданіе было бы даже средствомъ къ примиренію цензуры съ общимъ мнѣніемъ, чѣмъ пренебрегать не слѣдуетъ. Если же при представленіи на театрѣ дѣлаются нѣкоторые пропуски, то это не можетъ служить правиломъ для цензуры: ни одна почти пьеса не представляется такъ, какъ она напечатана. Бывали даже примѣры, что высшее начальство воспрещаетъ представлять пьесу на театрѣ (наприм. «Макбетъ», въ переводѣ Ротчева), разрѣшая въ то же время печатать ее безъ измѣненій. Такъ и самъ авторъ «Горе отъ ума» означилъ нѣкоторыя тирады, которыя считалъ неумѣстными на сценѣ, хотя желалъ бы, чтобъ онѣ были вполнѣ напечатаны въ будущемъ изданіи его творенія. Въ заключеніе, Сенковскій говорилъ, что, душевно убѣжденный въ безвредности пьесы, онъ и самъ одобрилъ бы ее къ напечатанію, еслибъ могъ разстаться съ мыслію, что лично былъ друженъ съ покойнымъ сочинителемъ, и что,

питая безпредѣльное удивленіе къ великому его таланту, можетъ въ этомъ случаѣ увлекаться пристрастіемъ къ превосходному памятнику его генія.

Главное управленіе цензуры (состоявшее въ то время еще подъ предсѣдательствомъ князя Ливена) приняло во вниманіе благоразумные доводы Сенковскаго и предписало цензурному комитету разсмотрѣть комедію Грибоѣдова, не обращая вниманія на то, какъ она дается въ театрѣ, а руководствуясь единственно общими цензурными правилами. Не смотря на такое рѣшеніе, дѣло о печатаніи «Горя отъ ума» остановилось на одномъ пунктѣ: комедія была разсмотрѣна цензоромъ Семеновымъ и потомъ передана управляющему III-мъ отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, фонъ Фоку, но отъ него болѣе не возвращалась. Въ мартѣ 1833 года Московскій цензурный комитетъ представилъ главному управленію цензуры, что цензоръ Цвѣтаевъ не рѣшается пропустить въ печать «Горе отъ ума», потому что тутъ представлена благородная дѣвушка, проведшая съ холостымъ мужчиною цѣлую ночь въ своей спальнѣ и выходящая изъ нея съ нимъ вмѣстѣ безъ всякаго стыда, а далѣе она же, послѣ полуночи, присылаетъ свою горничную къ тому мужчинѣ звать его къ себѣ на ночь и сама выходитъ его встрѣчать.—Главное управленіе нашло, что, на основаніи цензурнаго устава, комедія «Горе отъ ума» не можетъ быть дозволена къ напечатанію, но такъ какъ она представляется на театрахъ обѣихъ столицъ, то и представило государю императору, черезъ Уварова, всеподданнѣйшій докладъ, испрашивая высочайшаго повелѣнія по этому предмету. 16-го апрѣля 1833 года послѣдовала высочайшая резолюція: «Печатать слово отъ слова, какъ играется—можно; для чего взять манускриптъ изъ здѣшняго театра».

Въ февралѣ 1835 года, цензоръ Снегиревъ, конечно, въ особенности твердо помня крайнюю непріязнь Уварова къ Полевому и ссылаясь на предписаніе обращать строжайшее вниманіе на сочиненія этого автора, затруднялся пропустить его романъ «Судьба Аббадонны», опасаясь, не покажутся ли слишкомъ рѣзкими картины самоубійства актрисы, и въ изображеніи министра Кальконера не унижается ли достоинство государственнаго сановника тѣмъ, что онъ легкое оскорбленіе ставитъ наряду съ государственнымъ преступленіемъ, употребляя свою власть на удовлетвореніе страстей. Уваровъ (помимо главнаго управленія цензуры) велѣлъ написать Московскому цензурному комитету, что въ романѣ Полевого не найдено ничего подлежащаго запрещенію.

28-го августа 1835 года, Пушкинъ подалъ въ главное управленіе цензуры слѣдующую собственноручную записку: «Честь имѣю обратиться въ главный комитетъ цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій. Въ 1826 году государь императоръ изво-

лилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Вслѣдствіе высочайшей воли, все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставляемо было мнѣ прямо отъ его величества изъ III отдѣленія собственной его канцеляріи при подписи одного изъ чиновниковъ: Съ дозволенія правительства. Такимъ образомъ были напечатаны: «Цыганы», повѣсть (1827); 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгенія Онѣгина», романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833); «Полтава» (1829); 2-я и 3-я часть мелкихъ стихотвореній; 2-е исправленное изданіе поэмы «Русланъ и Людмила» (1828); «Графъ Нулинъ» (1828); «Исторія Пугачевскаго бунта», и проч.

«Нынѣ, по случаю втораго исправленнаго изданія «Анджело», перевода изъ Шекспира (неисправно и со своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ досе́лѣ они печатались, т. е. съ надписью чиновника собственной его величества канцеляріи. Между тѣмъ никакого новаго распоряженія не воспослѣдовало, и такимъ образомъ я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ государемъ императоромъ. Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ собственную канцелярію его величества и принужденъ утруждать комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволитъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію?» Подписалъ: «Титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ».

Въ отвѣтъ на это, по резолюціи главнаго управленія цензуры, Уваровъ увѣдомилъ Пушкина 26-го сентября (черезъ канцелярію главнаго управленія цензуры), что рукописи, издаваемыя съ особаго высочайшаго разрѣшенія, печатаются независимо отъ цензуры министерства народнаго просвѣщенія, но всѣ прочія изданія, назначаемыя въ печать, должны, на основаніи цензурнаго устава, быть представляемы въ цензурный комитетъ, которымъ разсматриваются и одобряются на общихъ цензурныхъ правилахъ.

1-го февраля 1837 года, Уваровъ писалъ московскому попечителю графу С. Г. Строганову: «По случаю кончины А. С. Пушкина безъ всякаго сомнѣнія будутъ помѣщаемы въ московскихъ повременныхъ изданіяхъ статьи о немъ. Желательно, чтобъ при этомъ случаѣ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, соблюдаема была надлежащая умѣренность и тонъ приличія. Я прошу ваше сіятельство обратить съ вашей стороны вниманіе на это и приказать цензорамъ не дозволять печатаніе ни одной

изъ означенныхъ выше статей безъ вашего предварительнаго одобренія».

18-го марта 1838 г., Уваровъ представилъ государю императору всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ изложилъ, что въ Петербургскій цензурный комитетъ представлена рукопись: «Записки Храповицкаго о Екатеринѣ II», гдѣ съ благоговѣйною вѣрностью переданы подробности жизни императрицы, и потому, какъ неоцѣненный матеріалъ для отечественной исторіи, онѣ заслуживаютъ быть сохраненными для будущихъ историковъ вѣка Екатерины II. Несмотря на то, цензура не считаетъ себя въ правѣ, сама собою, допустить напечатаніе записокъ Храповицкаго, ибо въ нихъ содержатся многія извѣстія, которыя относятся къ событіямъ, близкимъ къ нашему времени, и касаются до частной жизни императрицы. Съ своей стороны, Уваровъ полагалъ, что этотъ важный историческій памятникъ достоинъ быть изданъ вполнѣ, по исключеніи только мѣстъ, которыя болѣе всего затруднительны въ цензурномъ отношеніи. Близость событій, описываемыхъ Храповицкимъ, и важность самаго содержанія его записокъ, налагаютъ, однако, на министра народнаго просвѣщенія долгъ представить объ этомъ предварительно на Высочайшее рѣшеніе. Ежели государю императору угодно будетъ признать удобнымъ изданіе нынѣ въ свѣтъ записокъ Храповицкаго, то онъ, Уваровъ, приметъ надлежащія мѣры, чтобы рукопись эта была разсмотрѣна на основаніи цензурныхъ правилъ и съ особымъ вниманіемъ. На этомъ докладѣ послѣдовала 19-го марта высочайшая резолюція: «Переговоримъ». Послѣ того, 7-го іюня, Уваровъ вошелъ съ новымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, гдѣ говорилъ, что онъ вторично внимательно разсматривалъ эту рукопись, отъ начала до конца, и хотя въ сообщаемыхъ въ ней свѣдѣніяхъ и подробностяхъ о жизни императрицы Екатерины не нашелъ ничего, что̀ подлежало бы строгости цензурныхъ правилъ, однако не могъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что записки эти вообще относятся къ послѣднему времени царствованія императрицы и обнаруживаютъ нѣкоторое ослабленіе въ правительственной власти и какую-то несоотвѣтственность въ отношеніяхъ и дѣйствіяхъ лицъ, приближенныхъ ко двору, и колебанія въ началахъ государственныхъ. По этимъ уваженіямъ, онъ, Уваровъ, полагаетъ, что изданіе записокъ Храповицкаго по-прежнему въ отрывкахъ и съ большими исключеніями, не сохранитъ драгоцѣннаго матеріала для исторіи; напечатаніе же ихъ вполнѣ будетъ, кажется, въ политическомъ отношеніи преждевременно. Государь императоръ 7-го іюня одобрилъ это мнѣніе, и записки не были напечатаны.

13-го ноября 1840 года, московскій попечитель, графъ Строгановъ, представилъ Уварову, что московская цензура затрудняется пропустить III-й томъ «Повѣствованія о Россіи», Арцыбашева, гдѣ кончина царе-

вича Дмитрія Іоанновича представлена не согласно съ преданіями, принятыми православною церковью. Уваровъ передалъ вопросъ этотъ на разсмотрѣніе археологической коммиссіи, и членъ ея, академикъ Устряловъ, подалъ, 7-го января 1841 года, слѣдующее мнѣніе: «По порученію коммиссіи, разсмотрѣвъ корректурный листъ III-го т. исторіи Арцыбашева, я нахожу, что авторъ въ основаніе своего разсказа принялъ одно только слѣдственное дѣло, напечатанное во II-мъ томѣ Румянцевскаго «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ», оставивъ безъ вниманія всѣ другія современныя свидѣтельства, представляющія смерть царевича въ иномъ видѣ. Хотя слѣдственное дѣло есть актъ весьма важный, по крайней мѣрѣ въ высшей степени любопытный, тѣмъ не менѣе нельзя полагаться на него исключительно и безусловно, какъ поступилъ авторъ: ибо тотъ же самый Шуйскій, который производилъ слѣдствіе и доносилъ царю Ѳеодору Іоанновичу, что Димитрій самъ накололся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни, черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, вступивъ на престолъ, объявилъ всенародно манифестомъ, что царевичъ зарѣзанъ въ Угличѣ по волѣ Бориса Годунова. Такимъ образомъ, естественно рождается вопросъ, которое же изъ двухъ показаній его было истинное? Отвѣчать на сей вопросъ не такъ трудно, какъ многіе полагаютъ: Шуйскій производилъ слѣдствіе въ то время, когда все трепетало предъ грознымъ временщикомъ, да и нелегко было обнаружить участіе его въ злодѣйскомъ умерщвленіи царевича юридическимъ образомъ за смертью клевретовъ его, растерзанныхъ народомъ на мѣстѣ злодѣянія. Совсѣмъ иныя были обстоятельства, когда Шуйскій торжественно провозгласилъ Годунова убійцей Дмитрія: тутъ онъ не имѣлъ повода скрывать истину и тѣмъ болѣе долженъ былъ открывать ее, что вся Россія давно убѣждена была въ преступномъ дѣлѣ Бориса Годунова, который восшествіемъ на престолъ подтвердилъ положительнымъ образомъ свое участіе въ смерти царевича. Это убѣжденіе общее, рѣшительное, выраженное во всѣхъ актахъ, во всѣхъ лѣтописяхъ, своихъ и чужеземныхъ, какъ гласъ народа, служитъ самымъ громкимъ обвиненіемъ Годунову, по крайней мѣрѣ наводитъ на него сильное подозрѣніе. Авторъ оставилъ безъ вниманія всѣ сіи обстоятельства, даже не упомянулъ о манифестѣ Шуйскаго и, основавшись на одномъ слѣдственномъ дѣлѣ, составленномъ очевидно въ угожденіе Борису Годунову, изложилъ столь важное событіе одностороннимъ образомъ, несогласно съ правилами исторической критики. Конечно, каждый воленъ смотрѣть на происшествія съ той или другой стороны, но какъ въ семъ случаѣ одностороннее воззрѣніе можетъ подать поводъ къ разнымъ неблагопріятнымъ толкамъ (что̀ уже и случилось при напечатаніи означенной статьи въ «Вѣстникѣ Европы»), то я и полагаю исправить повѣствованіе г. Арцыбашева о смерти царевича Дмитрія

такимъ образомъ: по принятому авторомъ плану, надобно составить сводъ изъ современныхъ сказаній, объяснивъ положительно, что если нѣкоторыя обстоятельства, повѣствуемыя лѣтописцами, могутъ быть подвержены сомнѣнію, то несомнительно главное изъ нихъ убіеніе Дмитрія клевретами Годунова. Послѣ того, можно помѣстить перечень слѣдственнаго дѣла въ настоящемъ видѣ его, исключивъ, однако, всѣ примѣчанія автора, которыя клонятся къ оправданію Бориса Годунова, и, присовокупивъ въ заключеніе то, что неоднократно говорилъ самъ Шуйскій по вступленіи на престолъ о смерти царевича, между прочимъ въ окружной грамотѣ 2-го іюня 1606 года». Согласно съ этимъ мнѣніемъ, Уваровъ 31-го января 1841 года предписалъ Московскому цензурному комитету измѣнить указанное мѣсто въ сочиненіи Арцыбашева.

23-го февраля 1841 года, попечитель Петербургскаго округа, князь Дондуковъ-Корсаковъ довелъ до свѣдѣнія министра, что года за два назадъ имъ не допущена въ печать драма его стараго сослуживца, Великопольскаго, подъ названіемъ: «Незаконнорожденный». Теперь же надняхъ напечатана трагедія того же автора: «Янетерскій», которая оказывается ничѣмъ инымъ, какъ прежнею же, только нѣсколько измѣненною пьесою. Почему онъ, попечитель, приказалъ задержать изданіе, и, имѣя въ виду общую благонамѣренность автора, согласился на перепечатаніе, на его счетъ, нѣкоторыхъ листовъ. Пьеса, о которой шла въ настоящемъ случаѣ рѣчь, принадлежала къ разряду созданій новой романтической школы и главную роль играли: прелюбодѣянія, убійства и другія преступленія, очень обычныя въ произведеніяхъ этой школы. Цензоръ Ольдекопъ, отъ котораго попечитель требовалъ объясненія на счетъ пропуска, отозвался въ свое оправданіе, что, будучи въ теченіе 12-ти лѣтъ театральнымъ цензоромъ, онъ мало-по-малу привыкъ къ неистовымъ произведеніямъ новѣйшихъ романтиковъ, тѣмъ болѣе, что пьесы самыя гнусныя, безъ всякой нравственной цѣли, какъ напримѣръ «Антоній» Александра Дюма, были даже, хотя и противъ его мнѣнія, одобрены и представлены на здѣшней сценѣ. Въ настоящемъ же случаѣ, ему, сверхъ того, можетъ служить извиненіемъ сильная ревматическая боль въ головѣ, которою онъ страдалъ въ то время, когда пропустилъ въ печать пьесу Великопольскаго. Уваровъ немедленно отвѣчалъ князю Дондукову-Корсакову, что, разсмотрѣвъ съ особеннымъ вниманіемъ донесеніе его, равно объясненіе цензора и самое драматическое сочиненіе, подъ названіемъ «Янетерскій», онъ убѣдился, что ничего предосудительнѣе въ печати не могло быть допущено слабостью и оплошностью цензора, и что предлагаемыя измѣненія нимало не измѣняютъ рядъ безнравственныхъ картинъ, коими наполнена вообще вся трагедія. Поэтому онъ предписываетъ уволить Ольдекопа отъ должности цензора, и если не по собственному его прошенію, то лишь вслѣдствіе ходатай-

ства попечителя. Сверхъ того, онъ велѣлъ истребить всѣ имѣющіеся на лицо экземпляры трагедіи и вытребовать, чрезъ автора, тѣ, которые имъ были розданы его знакомымъ.

Въ № 86 «Сѣверной пчелы» за 1841 годъ, Булгаринъ говорилъ, что вовсе не новы свѣдѣнія, сообщенныя профессоромъ Шевыревымъ въ статьѣ январской книги «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», подъ заглавіемъ: «Новыя извѣстія о флорентійскомъ соборѣ, извлеченныя изъ ватиканской рукописи», и что они находятся въ имѣющейся у него, Булгарина, печатной книгѣ. Прочитавъ это, Уваровъ написалъ, 10-го мая 1841 года, петербургскому попечителю, что это обстоятельство довольно важно въ историческомъ и правительственномъ отношеніи, и потому онъ поручаетъ вытребовать отъ Булгарина ту книгу, для представленія ему, министру. Булгаринъ представилъ требуемую книгу (безъ заглавнаго листа) объяснивъ, при этомъ, что она принадлежитъ библіоману Кастерину, и столь рѣдка, что за нее заплачено 200 рублей, почему и проситъ возвратить ее назадъ. Полные же экземпляры той же книги есть: 1) въ Радзивиловскомъ архивѣ въ Вильнѣ, 2) у Чацкаго въ Порѣцкой библіотекѣ, перешедшей въ Пулавы къ Чарторыйскимъ, 3) у частныхъ лицъ, и между прочимъ у Залѣсскаго въ Вильнѣ. Книга была по приказанію министра, препровождена къ Востокову, который отозвался 19-го мая, что свѣдѣнія, сообщенныя Шевыревымъ, совершенно согласны съ книгой Острожской печати, доставленной отъ Булгарина, и что, по всему видно, ватиканская рукопись есть неисправный списокъ, либо съ печатной книги острожской, изданной въ концѣ XVI вѣка, либо съ другаго какого списка. Книгу возвратили Булгарину, а Шевыревъ напечаталъ свои объясненія, по этому дѣлу, въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія».

24-го ноября 1841 года, Уваровъ представилъ государю императору всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ просилъ дозволенія на напечатаніе сочиненія крестьянина Посошкова: «О скудости и богатствѣ». До тѣхъ поръ были извѣстны только два его краткія разсужденія: одно (поданное митрополиту Стефану Яворскому) о состояніи духовенства и отношеніе его къ народу, гдѣ сочинитель умоляетъ знаменитаго іерарха употребить зависящія отъ него средства къ вразумленію міранъ, утопающихъ въ невѣжествѣ, объ истинахъ христіанской религіи и приложеніи ея къ жизни; сочиненіе это напечатано въ 1814 году; другое разсужденіе (представленное боярину Головину) о ратномъ дѣлѣ, съ указаніемъ разныхъ улучшеній по этой части: напечатано въ 1793 году. Сочиненіе же «О скудости и богатствѣ» заключаетъ въ себѣ полный трактатъ о состояніи Россіи и о тѣхъ мѣрахъ, кои должно принять для того, чтобъ привести отечество въ лучшее состояніе и искоренить злоупотребленія по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, трактатъ,

представленный Петру I въ 1724 году. «Онъ изобилуетъ свѣтлыми выводами здраваго ума, не помраченнаго теоріями и глубоко знакомаго съ бытомъ Россіи», говорилъ въ своемъ докладѣ Уваровъ и, въ заключеніе прибавлялъ: «замѣчательно, что суждено намъ было сдѣлать это любопытное, можно сказать даже важное, открытіе въ благополучное царствованіе вашего императорскаго величества, когда всѣ начала народной жизни приняли сугубое существованіе, и духъ Петра Великаго какъ будто опять воцарился въ Россіи». На этомъ докладѣ государь императоръ, 24-го ноября, написалъ: «Согласенъ».

На другой же день директоръ канцеляріи, Комовскій, сообщилъ Погодину, открывшему рукопись Посошкова и желавшему ее издать, о результатѣ доклада и написалъ, что министръ проситъ его увѣдомить: гдѣ Погодинъ предполагаетъ печатать рукопись. «При этомъ, говорилъ онъ, министръ поручилъ сообщить вамъ его мнѣніе, что въ предисловіи не должно положительно приписывать это произведеніе крестьянину Посошкову, и хотя нельзя съ такою утвердительностью, какъ сказалъ одинъ изъ петербургскихъ журналистовъ, назвать какого-либо другаго настоящимъ сочинителемъ рукописи, однако, авторство крестьянина Посошкова также подлежитъ сомнѣнію. Главное то, что подобное сочиненіе могло быть написано и представлено императору Петру Великому; кѣмъ? вопросъ второстепенный; конечно, очень разительно, если авторъ такого произведенія простой крестьянинъ, но при существованіи нѣсколькихъ списковъ этого творенія и при другихъ обстоятельствахъ, авторство его требуетъ очевиднѣйшихъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, какія доселѣ можно представить въ подкрѣпленіе этого мнѣнія».

Въ отвѣтъ на это, Погодинъ, 9-го декабря, написалъ самому Уварову: «Въ землю кланяюсь вашему высокопревосходительству за позволеніе, высочайше исходатайствованное вами, напечатать Посошкова. Это новое доказательство вашей просвѣщенной любви къ отечественной исторіи, новое право на общую признательность, новый подвигъ, совершенный во славу святой Руси. Извѣстіе г. Комовскаго довершило мое выздоровленіе. Да сохранитъ васъ Богъ въ долготу дней. Выписку, бывшую у васъ, намѣренъ я напечатать въ своемъ журналѣ [1]), а все сочиненіе особо. О доказательствахъ въ пользу Посошкова я молчалъ, ожидая противныхъ отъ моихъ антагонистовъ, но теперь представлю ихъ немедленно на усмотрѣніе ваше. Впрочемъ, главное дѣло въ сочиненіи, а не въ сочинителѣ, какъ вы изволили замѣтить.

17-го апрѣля 1842 года, Уваровъ ходатайствовалъ всеподданнѣйшимъ докладомъ у государя императора объ изданіи «Записокъ Порошина», сохранившихся въ его потомствѣ и заключающихъ въ себѣ опи-

---

[1]) Дѣйствительно и напечатана въ 1842 году, въ „Москвитянинѣ“.

саніе событій русскаго двора съ 1764 по 1765 годъ. «Въ сихъ запискахъ, говорилъ Уваровъ, являются въ полномъ свѣтѣ, съ одной стороны, всѣ прекрасныя качества ума и сердца малолѣтняго великаго князя Павла Петровича (при которомъ состоялъ тогда безотлучно Порошинъ), и превосходный планъ его воспитанія; съ другой, чувства привязанности и любви Порошина къ питомцу, при особѣ коего онъ состоялъ. Семейство Порошина желаетъ нынѣ издать въ свѣтъ этотъ драгоцѣнный историческій памятникъ. По уваженію вышепоказаннаго содержанія рукописи и общаго впечатлѣнія, производимаго ею на читателя, она не представляетъ, по моему мнѣнію, затрудненія къ напечатанію, по исключеніи развѣ весьма немногихъ, совершенно незначительныхъ мѣстъ». При этомъ, Уваровъ, по желанію потомковъ Порошина, поднесъ государю императору автографъ великаго князя Павла Петровича, писанный имъ на 10 лѣтнемъ возрастѣ и сохранившійся въ семействѣ Порошиныхъ. На этомъ докладѣ 18-го апрѣля послѣдовала высочайшая резолюція: «Записки эти мнѣ давно извѣстны, и я имѣю съ нихъ копіи; нѣтъ препятствія отпечатать; а за присланный листъ благодарить».

Въ маѣ 1842 г. Петербургскій цензурный комитетъ затруднялся пропустить, въ «Библіотекѣ для чтенія» трагедію Лажечникова «Опричникъ», какъ изображающую царя Ивана IV Грознаго въ краскахъ довольно неблагопріятныхъ. Академикъ Бередниковъ, которому Уваровъ передавалъ трагедію на предварительное разсмотрѣніе, отозвался, что тутъ представленъ Іоаннъ Грозный, согласно съ Карамзинымъ, въ самомъ ужасномъ и презрительномъ видѣ. Все это можетъ быть умѣстно въ исторіи, и неумѣстно въ драматическомъ представленіи, которое производитъ несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе и на зрителей, и на читателей. Въ трагедіи Лажечникова негодованіе возбуждается противъ законнаго царя русскаго, котораго санъ, въ качествѣ помазанника Божія, всѣ привыкли почитать священнымъ; здѣсь самымъ разительнымъ образомъ выказывается злоупотребленіе монархической власти; здѣсь въ уста царя влагаются рѣчи, способныя ослабить уваженіе, питаемое всѣми къ высокой особѣ русскихъ вѣнценосцевъ; однимъ словомъ, все, что здѣсь заключается, подрываетъ безотчетное чувство благоговѣнія къ монархамъ, которымъ русскіе исполняются съ самаго дѣтства. Съ другой стороны, нельзя не принять въ уваженіе, что царствованіе Іоанна Грознаго описано Карамзинымъ односторонне, по источникамъ, враждебнымъ памяти этого государя; что это любопытное и во многихъ отношеніяхъ загадочное царствованіе ожидаетъ еще историка безпристрастнаго. Открытые послѣ Карамзина историческіе документы «и тѣ, которые еще вновь откроются», не оправдаютъ, конечно, жестокости Іоанновой, но безъ всякаго сомнѣнія болѣе объяснятъ причины ея, избавятъ его отъ многихъ нареканій, не подтвержденныхъ исторической кри-

тикой, и смягчать слишкомъ рѣзкій приговоръ «Исторіи государства Россійскаго». При такомъ положеніи дѣла, академикъ Бередниковъ полагалъ, что трагедія «Опричникъ» не можетъ быть дозволена къ напечатанію. Согласно съ этимъ мнѣніемъ, Уваровъ 25-го іюля 1842 г. увѣдомилъ петербургскаго попечителя, что находитъ неудобнымъ выводить царя Іоанна въ самомъ ужасномъ и презрительномъ видѣ въ событіи вымышленномъ, и налагать на него произвольно вину, которою исторія не обременяетъ этого царя, а потому онъ и признаетъ, что трагедія «Опричникъ» не можетъ быть дозволена къ напечатанію.

16-го іюня 1842 года, московскій попечитель, графъ Строгановъ, писалъ Уварову: «На-дняхъ, прочитывая новую поэму Гоголя «Похожденіе Чичикова или мертвыя души», я останавливался на многихъ мѣстахъ, которыя, несмотря на свою занимательность и юморъ, не могли, какъ я думаю, быть дозволены къ напечатанію безъ особеннаго высшаго разрѣшенія, и съ какою-либо особенною цѣлью. Цензурныя постановленія вообще не опредѣленны. Были случаи, что цензура, при одобреніи нѣкоторыхъ сочиненій къ напечатанію или при неодобреніи, руководствовалась доселѣ особенными указаніями правительства и изъ нихъ составляла для себя частныя правила. Теперь, новое произведеніе Гоголя обратило на себя всеобщее вниманіе, и, конечно, будетъ подвергнуто разнымъ толкованіямъ и критикѣ. Въ семъ случаѣ, цензура будетъ поставлена въ затрудненіе, потому что не имѣетъ указанія, при какихъ обстоятельствахъ дозволено напечатаніе означенной поэмы».

Вслѣдствіе того, графъ Строгановъ просилъ наставленія: чѣмъ руководствоваться, въ случаѣ представленія рецензій и критикъ на поэму Гоголя. Уваровъ отвѣчалъ, что книга «Мертвыя души» разсмотрѣна и одобрена цензурою на общихъ основаніяхъ, и при разсмотрѣніи критикъ на это сочиненіе, надо руководствоваться общими цензурными постановленіями.

28-го іюня 1842 года тотъ же графъ Строгановъ, секретно, писалъ Уварову: «Въ послѣдніе годы нѣкоторые журналы, и въ особенности «Москвитянинъ», приняли за особенную тему выставлять живущихъ подъ владычествомъ Турціи и Австріи славянъ, какъ терпящихъ особое угнетеніе, и предвѣщать скорое отдѣленіе ихъ отъ иноплеменнаго ига. Хотя цензурный комитетъ удерживаетъ представленныя ему статьи въ извѣстныхъ границахъ и вымарываетъ слишкомъ рѣзкія мѣста, но все-таки довольно остается и въ самомъ исправленіи статей, чтобы онѣ обратили на себя вниманія читателей. А какъ, при дѣйствіи въ государствѣ цензуры, на правительство падаетъ отвѣтственность и за частное политическое направленіе журналистики, я почитаю обязанностью, для дальнѣйшаго руководства своего, спросить ваше высокопревосходительство, согласно ли будетъ съ настоящими видами прави-

тельства нашего: возбуждать участіе къ политическому порабощенію нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, представлять имъ Россію, какъ главу, отъ которой могутъ они ожидать лучшаго направленія къ будущности своей, и ясно рукоплескать порывамъ ихъ къ эмансипаціи. Я чувствую, что слабость самихъ писателей, принявшихъ это направленіе, дѣлаетъ и пропаганду не опасною; но здѣсь меня не занимаетъ угрожающая Австріи и Турціи опасность, а просто вопросъ приличія и своевременности при существующихъ пріязненныхъ отношеніяхъ Россіи къ сосѣднимъ державамъ».

На это Уваровъ, секретно же, отвѣчалъ 16-го іюля графу Строганову: «Доселѣ вышеозначенныя статьи не подвергались никакимъ со стороны правительства замѣчаніямъ касательно предполагаемаго въ нихъ значенія» [1]).

Вообще всякія нарушенія дружественныхъ отношеній между союзными съ Россіей державами, посредствомъ книгопечатанія, предупреждаются уже постановленіями § 9 цензурнаго устава, и потому, если бы въ какихъ-либо изданіяхъ вообще могло быть нарушено должное приличіе въ этомъ отношеніи, то отвѣтственность, на основаніи цензурныхъ учрежденій, падаетъ на то лицо, съ разрѣшенія коего подобное изданіе поступило въ печать. Что касается до существованія «пропаганды», возбуждающей участіе къ политическому порабощенію нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, угрожающей опасностью Австріи и Турціи, и рукоплещущей порывамъ сихъ племенъ къ эмансипаціи, я долженъ сообщить вамъ, что предполагаемое существованіе подобной «пропаганды» выходитъ далеко изъ черты обыкновенныхъ литературныхъ или цензурныхъ погрѣшностей и даже предѣловъ моего вѣдомства, и требуетъ особыхъ наблюденій. Почему предлагаю вамъ войти въ конфиденціальное сношеніе о семъ съ г. московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, которому я съ своей стороны не оставляю передать содержаніе вашего отношенія».

Въ началѣ 1843 года, петербургскій цензурный комитетъ не находилъ затрудненія пропустить въ печать «Полное Собраніе сочиненій Гоголя» въ 4 томахъ (вопреки мнѣнію цензора Никитенки, который находилъ не мало мѣстъ сомнительныхъ въ «Шинели», «Женитьба», «Утрѣ дѣловаго человѣка», «Театральномъ разъѣздѣ»), но затруднялся въ томъ отношеніи, что не далѣе, какъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ, въ декабрѣ 1842 года, по высочайшему повелѣнію были посажены подъ

[1]) Далѣе было первоначально написано, но потомъ зачеркнуто: „и при извѣстной благонамѣренности обоихъ издателей „Москвитянина", профессоровъ Погодина и Шевырева, можно надѣяться, что и впредь они не подадутъ повода къ какимъ-либо нареканіямъ въ этомъ смыслѣ".

арестъ цензоры Никитенко и Крыловъ, пропустившіе въ № 8 «Сына Отечества» повѣсть «Гувернантка», содержавшую юмористическіе пассажи. Уваровъ далъ 10-го января словесное разрѣшеніе петербургскому попечителю пропустить полное собраніе сочиненій Гоголя.

6-го мая 1847 года, Уваровъ секретно писалъ попечителю Петербургскаго округа: «Разсматривая появляющіяся въ повременныхъ изданіяхъ сочиненія объ отечественной исторіи, я замѣчаю, что въ нихъ нерѣдко вкрадываются разсужденія о вопросахъ государственныхъ и политическихъ, которыхъ изложеніе должно быть допускаемо съ особенною осторожностью, и только въ предѣлахъ самой строгой умѣренности. Особливой внимательности требуетъ тутъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необдуманныхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціальнаго, стремленіе, становящееся иногда, если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть». Поэтому Уваровъ поручалъ попечителю пригласить цензоровъ къ усугубленію вниманія на журнальныя и другія статьи въ показанномъ отношеніи.

28-го іюля 1847 года, Уваровъ, по просьбѣ Жуковскаго, испрашивалъ дозволенія на новое цензурованіе, въ полномъ собраніи сочиненій этого автора, лишь того, что будетъ напечатано вновь, а все прежнія сочиненія не подвергать опять цензурному разсмотрѣнію; при этомъ министръ указывалъ на примѣръ Пушкина, послѣ смерти котораго, въ 1837 году, высочайше повелѣно было: «Сочиненія, уже напечатанныя, пропустить, не подвергая ихъ новому разбору; сочиненія же, еще не напечатанныя, подвергать разбору цензуры по установленному порядку». На это 29-го іюля послѣдовала высочайшая резолюція: «Согласенъ».

5-го іюня 1847 г., Уваровъ писалъ петербургскому попечителю (черновая бумага вся писана рукою самого министра): «министерство народнаго просвѣщенія неоднократно предостерегало С.-Петербургскій цензурный комитетъ отъ слишкомъ быстраго распространенія иностранныхъ романовъ, большею частью писанныхъ въ дурномъ духѣ и съ весьма дурными началами, коихъ слѣды остаются ощутительны, не взирая на сокращенія и измѣненія, производимыя цензорами. Страсть къ этому роду чтенія простирается до того, что въ иныхъ журналахъ, здѣсь издаваемыхъ, цѣлыя книжки почти составляются изъ двухъ или трехъ въ цѣлости переводныхъ романовъ или повѣстей. Находя, что независимо отъ нравственной цѣли, указываемой министерствомъ, самыя программы этихъ журналовъ несходны съ подобнымъ наполненіемъ ихъ переводными романами, я покорно прошу васъ предложить Петербургскому цензурному комитету принять отнынѣ къ точнѣйшему исполненію слѣдующія правила: 1) обращать впредь ближайшее и строжайшее

вниманіе на представляемые въ комитетъ переводы съ иностранныхъ языковъ, особенно современныхъ французскихъ писателей, коихъ имена, болѣе или менѣе, извѣстны публикѣ, обязавъ цензоровъ, чтобы, по окончательномъ разсмотрѣніи сихъ переводовъ, каждый изъ нихъ предварительно доводилъ до свѣдѣнія вашего; вамъ же оставаться будетъ: или разрѣшить изданіе подобнаго перевода, или представить на мое усмотрѣніе. 2) Въ издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ журналахъ наблюдать, чтобы цѣлыя книжки оныхъ, вопреки программѣ, не были составлены изъ однихъ почти переводныхъ въ цѣлости романовъ или повѣстей. 3) Наконецъ, поставить на видъ цензорамъ, что съ нѣкоторыхъ поръ оригинальныя изданія, въ родѣ повѣстей и романовъ, наполнены выходками противъ чиновниковъ, представляя этотъ классъ въ самыхъ гнусныхъ и смѣшныхъ видахъ. Считая, что такое преслѣдованіе класса людей, болѣе или менѣе полезныхъ и достойныхъ уваженія и къ коему могутъ быть причислены и высшіе сановники въ Имперіи, имѣетъ цѣлью убивать въ низшихъ разрядахъ службы духъ благородный и обращать на нихъ или презрѣніе или негодованіе, я прошу васъ предложить комитету и цензорамъ, порознь, неослабно наблюдать, чтобы подобныя изображенія не выходили изъ предѣловъ благопристойности и вкуса, и были вообще допускаемы тогда только, когда цензура убѣдится въ чистотѣ намѣренія сочинителя и его безпристрастіи. Хотя по сему предмету трудно начертать положительно правило, однако же я увѣренъ, что цензоры, постигнувши смыслъ этого воззрѣнія, будутъ съ онымъ, во всѣхъ случаяхъ, осмотрительно соображаться». На другой же день Уваровъ послалъ копію съ этого предписанія графу Бенкендорфу и прибавилъ въ письмѣ своемъ: «весьма желательно, смѣю думать, чтобы и театральная, не состоящая въ моемъ вѣдѣніи, цензура обратила вниманіе на смыслъ послѣдняго моего замѣчанія о чиновникахъ».

9-го января 1848 года Уваровъ поручилъ петербургскому попечителю обратить особенное вниманіе цензоровъ на переводъ романа «Mémoires d'un médicin», печатаемый въ «Библіотекѣ для чтенія», также не дозволять переводъ книги «Histoire des Givondins» Ламартина.

Въ тотъ же самый день, графъ Орловъ писалъ министру народнаго просвѣщенія, что государь императоръ повелѣлъ: «воспретить дальнѣйшее печатаніе русскаго перевода, въ «Библіотекѣ для чтенія», романа Дюма «Mémoires d'un médicin», и принять на будущее время вообще за правило, дабы главное управленіе цензуры, разрѣшая пропускъ иностранныхъ романовъ въ Россіи, тогда же опредѣляло, могутъ ли оные быть переводимы на русскій языкъ, съ тѣмъ, чтобы изъ романовъ, кои не будутъ разрѣшены къ переводу вполнѣ, не было до-

зволяемо печатать и отрывковъ въ русскомъ переводѣ». Вслѣдъ за тѣмъ, редакторъ «Библіотеки для чтенія», Сенковскій, писалъ петербургскому попечителю, что до конца романа осталось всего 4—5 печатныхъ листовъ и, чтобъ не дать публикѣ повода къ толкамъ, по его мнѣнію, надлежало бы заключить книгу чѣмъ-нибудь, хоть для вида. Окончаніе можно было бы сократить еще болѣе, чѣмъ остальной текстъ, только бы соблюсти благовидную наружность. Но министръ не согласился на это, такъ какъ романъ былъ запрещенъ по волѣ государя императора. Скоро послѣ того, 21-го марта 1848 года, Уваровъ изъяснилъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, что послѣ вышеупомянутаго высочайшаго повелѣнія, онъ, въ числѣ прочихъ распоряженій, запретилъ печатать въ русскихъ журналахъ и газетахъ переводы романовъ изъ иностранныхъ фельетоновъ, пока эти романы не будутъ изданы въ цѣлости и пропущены для перевода. Но въ «Revue étrangère и въ «Messager de S.-Pétersbourg» помѣщаются повѣсти и романы, заимствуемые изъ французскихъ періодическихъ изданій, и эти журналы могутъ послужить источникомъ для переводовъ на русскій языкъ французскихъ фельетонныхъ романовъ. Оба они, пользуясь даннымъ имъ и составляющимъ основу ихъ существованія правомъ перепечатывать французскіе повѣсти и романы, доселѣ употребляли его съ осторожностью и не навлекали на себя никакого нареканія. Потому главное управленіе цензуры полагало бы ихъ этого права не лишать; но русскимъ журналамъ и газетамъ переводить изъ нихъ повѣсти и романы, отдѣльно еще не одобренные, запретить. На этомъ докладѣ послѣдовала высочайшая резолюція 22-го марта: «Согласенъ, но и въ этихъ двухъ журналахъ полагаю лучше дозволять печатать только тѣ романы и повѣсти, которые уже въ цѣломъ извѣстны».

Приводя въ исполненіе эту высочайшую волю, Уваровъ, 6-го апрѣля 1848 года, предписалъ цензорамъ представлять себѣ заглавіе каждаго романа, назначеннаго къ пропуску въ рускомъ переводѣ, и ожидать его разрѣшенія. 11-го же августа онъ еще предписалъ, чтобы издатели переводимыхъ на русскій языкъ французскихъ романовъ представляли ему заблаговременно заглавія выбранныхъ ими романовъ, такъ чтобы къ переводу и набору приступать уже по полученіи министерскаго разрѣшенія [1].

---

[1]) Эти распоряженія уничтожены лишь въ декабрѣ 1849 г., во время министерства князя Ширинскаго-Шихматова.

X.

Цензура еврейскихъ книгъ.—Мѣры противъ вреднаго направленія еврейской литературы.—Продажа запрещенныхъ книгъ.

Послѣ предложеннаго здѣсь обзора цензурной дѣятельности графа Уварова и главнаго управленія цензуры за періодъ времени съ 1833 по февраль 1848 года, умѣстно будетъ сказать теперь нѣсколько словъ и о цензурѣ еврейскихъ книгъ, находившихся, какъ извѣстно, въ исключительномъ положеніи. Нѣсколько примѣровъ, выбранныхъ изъ числа самыхъ крупныхъ, дадутъ полное понятіе объ этомъ дѣлѣ и отношеніяхъ къ нему какъ высшаго цензурнаго вѣдомства, такъ и вообще правительства.

19-го января 1834 года министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь Блудовъ, секретно писалъ Уварову, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, между евреями возникла въ новѣйшія времена секта хасидовъ, которая искажаетъ еврейскій законъ и издаетъ самыя вредныя для общества книги, заключающія ложныя и противныя богопознанію и нравственности правила. Увлекаясь этимъ обманомъ, еврейскій народъ предается совершенной праздности, пронырствамъ, распутству и всѣмъ порокамъ. Хасидскія правила столь распространены между евреями западныхъ губерній, что теперь почти нѣтъ ни одной еврейской книги старинной печати и изданій, гдѣ они не были бы включены особыми прибавленіями, или вложеніемъ въ переплетъ; хасидскія книги читаются съ невѣроятною жадностью, и всѣ мѣры правительства для пресѣченія этого зла оказываются недостаточными. Три еврея: Савицкій, Мекело и Беренштейнъ предложили министру внутреннихъ дѣлъ принять слѣдующія мѣры для уничтоженія именно этого зла: строжайше пересмотрѣть, посредствомъ особыхъ коммиссаровъ, всѣ книги, находящіяся въ употребленіи у евреевъ, и доселѣ въ Польшѣ и Россіи напечатанныя, отдѣлить всѣ нехасидскія; а остальныя безусловно истребить, наложивъ строжайшее взысканіе на тѣхъ, кто будетъ укрывать подобныя книги, или сохранитъ ихъ, хотя бы даже по недосмотру ревизоровъ; закрыть всѣ еврейскія типографіи въ Польшѣ и возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ; дозволить существованіе не болѣе трехъ типографій (напримѣръ въ Житомірѣ, Брестъ-Литовскѣ и Шкловѣ), съ привилегіею на 15 лѣтъ предпринимателямъ, при этихъ типографіяхъ опредѣлить особыхъ цензоровъ отъ правительства. Не приступая еще ни къ какимъ распоряженіямъ по этому ходатайству, Блудовъ просилъ министра народнаго просвѣщенія сообщить ему свое мнѣніе по этому предмету. Уваровъ секретно же отвѣчалъ 30-го января 1834 года, что еще въ 1831 году, состоящій при Виленскомъ цензурномъ комитетѣ, для

разсматриванія еврейскихъ книгъ, еврей Тугендгольдъ представлялъ, что у русскихъ евреевъ находятся въ обращеніи книги секты хасидовъ, которыя цензурою не были дозволены къ напечатанію, и это представленіе было по принадлежности сообщено главнымъ управленіемъ цензуры графу Бенкендорфу и министру внутреннихъ дѣлъ для изъятія тѣхъ книгъ изъ употребленія. Необходимо принять мѣры къ пресѣченію обращенія между евреями противозаконно печатаемыхъ книгъ. Но предлагаемыя нынѣ средства къ тому нельзя не признать столь насильственными, что приведеніе ихъ въ дѣйствіе чрезвычайно затруднительно и даже невозможно, особливо со стороны цензуры, ибо въ дѣйствіяхъ своихъ она не можетъ преступать предѣловъ, опредѣленныхъ для нея цензурнымъ уставомъ».

Почти годъ спустя, Блудовъ написалъ Уварову, 29-го ноября 1834 г., что изъ вытребованныхъ отъ начальника Западнаго края донесеній оказывается, что секта хасидовъ не имѣетъ, въ началахъ вѣры своей, большой разницы съ прочими раввинскими евреями. Вообще вѣра евреевъ, основанная на нелѣпомъ талмудическомъ ученіи, признается болѣе или менѣе вредною обществу, и слѣдовательно должно принимать всевозможное стараніе о просвѣщеніи вообще всѣхъ евреевъ; раздѣлять же ихъ на секты и преслѣдовать одну изъ нихъ по видамъ другой, было бы, можетъ статься, и вредно, ибо это заставило бы думать оставленныхъ въ покоѣ, что правительство одобряетъ ихъ ученіе. Поэтому, Блудовъ считалъ достаточнымъ (согласно съ мнѣніемъ Уварова), ограничиться общими постановленіями, но просилъ подтвердить цензурѣ о строжайшемъ разсмотрѣніи печатаемыхъ здѣсь и привозимыхъ изъ-за границы еврейскихъ книгъ. Уваровъ исполнилъ это требованіе.

21-го іюня 1837 года князь А. Н. Голицынъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что государь императоръ, по его докладу, высочайше повелѣлъ опредѣлить, на вакантное мѣсто, цензоромъ еврейскихъ книгъ кандидата медицины, Липса, перешедшаго изъ еврейства въ православіе, и сообразить, на основаніи объясненій и доводовъ Липса, не лучше ли учредить цензуру еврейскихъ книгъ въ Петербургѣ. Прежде чѣмъ обращаться къ князю Голицыну, Липсъ сообщалъ свои обширныя разсужденія и доводы извѣстному протоіерею Павскому, который написалъ ему, 12-го мая 1837 года, слѣдующее, можно сказать оффиціальное письмо, бывшее потомъ въ виду и у князя Голицына, и у государя императора:

«Четыре тетради ваши, которыя вы довѣрили мнѣ перечитать, чтобъ слышать мое о нихъ мнѣніе, я пересмотрѣлъ, и съ удовольствіемъ вижу изъ нихъ, что вы съ великою ревностью и съ большимъ умѣньемъ раскрываете зло, таящееся въ еврейскихъ обществахъ благословеннаго отечества нашего. Хотя я часто имѣлъ случай говорить съ евреями и

всегда былъ увѣренъ, что причиною ихъ невѣжества, безсовѣстности и подлости есть беззаконное раввинское и талмудическое ученіе, но, прочитавъ ваши выписки и разсужденія, еще яснѣе узналъ, что такъ называемые учители евреевъ суть люди безнравственнѣйшіе и губятъ бѣдный народъ свой безъ всякаго милосердія. Чего добраго ожидать отъ такихъ учителей, которые не только сами обманываютъ, но составили систему обмана и постоянно дѣйствуютъ по своей системѣ во вредъ своего народа, въ обиду сосѣдей, вопреки тому государству, которое ихъ кормитъ и покровительствуетъ? Особенно ужасны и возмутительны правила новѣйшихъ ихъ законодателей, и тѣмъ они вреднѣе, что вездѣ предложены съ доказательствами, и доказательства заимствованы изъ Св. Писанія, по ихъ мыслямъ перетолкованнаго. Конечно, такія доказательства несильны и неубѣдительны для людей, имѣющихъ здравый смыслъ, но въ томъ-то и состоитъ искусство раввиновъ, что они, во-первыхъ, отнимутъ у людей здравый смыслъ и совѣсть, а потомъ и предлагаютъ свои бредни, какъ величайшія тайны и преполезнѣйшія истины. Чтобы лишить учениковъ своихъ здраваго смысла и совѣсти, раввины запрещаютъ имъ учиться наукамъ и читать книги, кромѣ изданныхъ ими. А что̀ же пишется въ ихъ книгахъ? «Весь міръ существуетъ для евреевъ. Все богатство міра принадлежитъ евреямъ. Христіане пользуются благами міра беззаконно. И потому еврей долженъ всякими мѣрами переводить богатство изъ рукъ христіанскихъ въ свои руки, какъ законную свою собственность. Однимъ только евреямъ Богъ далъ душу разумную, а христіане не имѣютъ души. И потому не грѣшно убивать христіанина, какъ бездушнаго. Если иногда и говорится въ законахъ еврейскихъ, что надобно молиться за царей, то здѣсь не разумѣются цари христіанскіе, а раввины» и проч. Горестно слышать, что такія правила, внушаемыя беззаконными раввинами, печатаются въ россійскихъ типографіяхъ, и при томъ довольно часто и въ большомъ количествѣ, какъ видно изъ многихъ изданій. Конечно, намъ не переучить всѣхъ евреевъ, чтобъ они мыслили согласно съ здравымъ умомъ, и поступали по совѣсти, но на все есть мѣра. Пусть они печатаютъ свои книги, нужныя для ихъ богослуженія и руководства въ жизни, но въ этихъ книгахъ не должно допускать выраженій, оскорбительныхъ для христіанской церкви и для правительства. А изъ вашихъ выписокъ видно, что въ еврейскихъ книгахъ, и при томъ недавно печатанныхъ, множество выраженій, оскорбительныхъ для христіанъ и для того правительства, подъ покровительствомъ котораго живутъ и благоденствуютъ евреи. Не ужасно ли читать тѣ мѣста, гдѣ о Спасителѣ нашемъ говорится съ презрѣніемъ, таинства христіанскія называются мерзостью, государь императоръ—непріятелемъ? Намѣреніе ваше передать ваши выписки въ руки правительства похвально, потому что всякій сынъ

отечества долженъ оберегать честь и выгоды своего отечества. Какъ вы сами воспитались среди евреевъ и съ малолѣтства видѣли и слышали всѣ беззаконные поступки и правила слѣпыхъ вождей еврейскаго народа, то вы гораздо подробнѣе и вѣрнѣе можете это обнаружить, какъ и дѣйствительно видно изъ большаго числа вашихъ выписокъ изъ разныхъ книгъ, вами перечитанныхъ. Да дастъ вамъ Богъ успѣхъ въ вашемъ намѣреніи. Перечитывая ваши выписки, я вижу, что вы раввиновъ, дающихъ привилегіи на напечатаніе, называете самозванцами. Неужели у евреевъ, кромѣ раввиновъ, признанныхъ правительствомъ, есть еще раввины, имѣющіе власть давать такія важныя привилегіи? Если это правда, то эти тайные раввины должны быть крайне дерзки, осмѣливаясь выставлять свое имя на первомъ листѣ печатной книги и между тѣмъ не имѣя никакого права со стороны правительства. И какъ же такой раввинъ называетъ себя, между прочимъ, предсѣдателемъ еврейскаго суда?»

По разсмотрѣніи бумагъ Липса, главное управленіе цензуры 26-го ноября 1837 года представило, черезъ своего предсѣдателя, Уварова, всеподданнѣйшій докладъ государю императору, гдѣ было сказано: «заключенія свои о недостаточности еврейской цензуры въ Кіевѣ и Вильнѣ (т. е. въ тѣхъ краяхъ, гдѣ обитаютъ евреи) Липсъ основываетъ на двухъ положеніяхъ: 1) что виленской цензурой сдѣланы многія и значительныя упущенія, 2) что цѣль цензуры еврейскихъ книгъ состоитъ въ очищеніи и исправленіи не только тѣхъ книгъ, кои предназначаются вновь къ изданію въ свѣтъ, но и всѣхъ уже напечатанныхъ сочиненій еврейскихъ. На сей конецъ Липсъ предлагаетъ разныя мѣры, которыя, по его мнѣнію, приведутъ къ желаемой цѣли. Не имѣя возможности повѣрить показанія Липса и убѣдиться въ справедливости его обвиненій противъ виленской цензуры, главное управленіе цензуры не могло, однако же, не обратить вниманія на этотъ предметъ. А потому и признало нужнымъ, вытребовавъ объясненія отъ еврейскихъ цензоровъ въ Вильнѣ, употребить по возможности надлежащія средства къ приведенію этого обстоятельства въ должную ясность. Что же касается до самыхъ предположеній Липса, то, по своей многосложности и обширности, они обнимаютъ собою такіе предметы, которые вовсе не принадлежатъ къ кругу дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія. Такъ, напримѣръ, отбираніе и истребленіе всѣхъ существующихъ нынѣ вредныхъ еврейскихъ книгъ относится къ вѣдомству высшей полиціи. Правила для учрежденія еврейской типографіи и надзора за нею относятся къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, и т. д. Даже для опредѣленія пользы отъ перенесенія цензуры и книгопечатанія еврейскихъ книгъ въ Петербургъ, которое отниметъ у цензурнаго вѣдомства возможность пріобрѣтать на мѣстѣ свѣдѣнія объ

обращающихся между евреями книгахъ и оставить евреевъ безъ надзора въ семъ отношеніи, даже для несомнѣннаго заключенія объ этой пользѣ необходимы соображенія съ цѣлымъ гражданскимъ бытомъ евреевъ и со всѣми узаконеніями, какія существуютъ для нихъ. Все это убѣдило главное управленіе цензуры, что ежели бы и было приступлено къ приведенію въ дѣйствіе мѣръ, предлагаемыхъ Липсомъ, или другихъ подобныхъ, въ такомъ же объемѣ, то дѣло сіе могло бы быть исполнено только тѣмъ вѣдомствомъ, которому принадлежитъ гражданское и духовное управленіе евреями, и что мѣры цензурныя для евреевъ должны необходимо сосредоточиваться въ томъ же управленіи».

На этомъ докладѣ 28-го ноября послѣдовала высочайшая резолюція: «обсудить въ комитетѣ министровъ при графѣ Бенкендорфѣ».

Комитетъ министровъ, разсматривая это дѣло, призналъ нужнымъ предварительно обратиться къ разсмотрѣнію мѣръ, принятыхъ къ прекращенію между евреями обращенія вредныхъ и запрещенныхъ книгъ. Положеніемъ комитета, высочайше утвержденнымъ 27-го октября 1836 года, постановлено: 1) объявить евреямъ, что всѣ имѣющіяся у нихъ книги, напечатанныя безъ цензуры или привезенныя изъ-за границы безъ дозволенія, они могутъ представлять мѣстнымъ начальствамъ въ теченіе года, не опасаясь за то наказанія, но по прошествіи этого срока, съ тѣми, у кого такія книги окажутся, поступлено будетъ по всей строгости законовъ; 2) пересмотръ этихъ книгъ поручить надежнымъ раввинамъ съ тѣмъ, чтобы они, подъ личною отвѣтственностію, одобренныя цензурою означали надписью, а неодобренныя представляли мѣстному начальству на дальнѣйшее распоряженіе; 3) еслибы по истеченіи означеннаго срока открыты были у кого-либо изъ евреевъ запрещенныя книги, то вмѣнить градскимъ и земскимъ полиціямъ въ обязанность, задержавъ оныя, доносить о томъ немедленно высшему мѣстному начальству, для преданія виновныхъ суду; 4) для облегченія надзора за еврейскими типографіями, всѣ существовавшія въ городахъ и мѣстечкахъ уничтожить, оставя только двѣ: одну въ Кіевѣ, а другую въ Вильнѣ, гдѣ пересмотръ еврейскихъ книгъ поручить особымъ цензорамъ; 5) подтвердить таможеннымъ и губернскимъ начальствамъ, чтобы привозимыя изъ-за границы еврейскія книги непремѣнно были подвергаемы цензурѣ.

Эти мѣры имѣли успѣшное дѣйствіе, и у евреевъ открыто такое множество запрещенныхъ книгъ, что пересылка ихъ въ Петербургъ была бы сопряжена съ большими затрудненіями, а потому положеніемъ комитета министровъ 11-го сентября 1837 года мѣстнымъ начальствамъ разрѣшено предавать сожженію на мѣстѣ подлежащія уничтоженію книги. Что касается предположеній Липса, то комитетъ не усматривалъ никакихъ уважительныхъ причинъ, по коимъ можно было согласиться съ мнѣніемъ его, что принятыя доселѣ мѣры къ уничтоженію означенныхъ книгъ

для достиженія сей цѣли недостаточны, ибо, не упоминая о томъ, что мѣры сіи имѣли уже успѣхъ, всѣ распоряженія по этому предмету сдѣланы столь недавно, что нельзя еще съ опредѣлительностью судить о недостаточности ихъ, тѣмъ болѣе, что для представленія обращающихся между евреями недозволенныхъ книгъ данъ имъ годовой срокъ, который недавно кончился. При томъ, сосредоточеніе цензуры еврейскихъ книгъ и учрежденіе единственной еврейской типографіи въ С.-Петербургѣ представляетъ многія неудобства, какъ потому, что это, отнявъ возможность у мѣстнаго начальства пріобрѣтать свѣдѣнія объ обращающихся между евреями книгахъ, оставило бы евреевъ въ семъ отношеніи безъ всякаго надзора, такъ и потому, что черезъ это открытъ бы былъ пріѣздъ въ С.-Петербургъ многимъ евреямъ, которые нынѣ въ столицу эту не допускаются и кои бы воспользовалались этимъ случаемъ даже для постояннаго въ ней пребыванія. Что же касается до указаній Липса на нѣкоторыя мѣста въ дозволенныхъ къ напечатанію книгахъ, содержащія вредныя мысли, то обстоятельство это еще прежде обратило на себя вниманіе правительства, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія производятся о семъ изслѣдованія, равно и по указаніямъ Липса истребованы, отъ кого слѣдуетъ, объясненія. Вообще предметъ этотъ принадлежитъ къ разряду неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ упущеній или злоупотребленій приставленныхъ отъ правительства чиновниковъ, и долженъ подвергнуть ихъ законному взысканію. Изслѣдованіе это можетъ также показать необходимость нѣкоторыхъ новыхъ мѣръ къ усиленію надзора за цензурою еврейскихъ книгъ или еврейскими типографіями; но во всякомъ случаѣ нельзя ожидать какой-либо особой пользы отъ перенесенія ихъ съ одного мѣста въ другое. По всѣмъ этимъ уваженіямъ, комитетъ, признавая неудобнымъ приведеніе въ исполненіе предположеній Липса и полагая оставить ихъ безъ дѣйствія, считалъ между тѣмъ не излишнимъ поручить мѣстнымъ начальствамъ, чтобы они за дѣйствіями типографій въ Вильнѣ и Кіевѣ имѣли ближайшій и бдительный надзоръ. Это положеніе комитета высочайше утверждено 18-го января 1838 года. Изъ доставленныхъ, впослѣдствіи, объясненій виленскаго цензора Тугенгольда оказалось, что всѣ мѣста, приведенныя Липсомъ въ выпискѣ изъ Талмуда и молитвенныхъ еврейскихъ книгъ, какъ вредныя, въ сущности совершенно безвредны, и представившій ихъ съ худой стороны правительству далъ имъ злонамѣренное значеніе по своему произволу, то сокращая мысли, то принимая что-либо, сказанное за нѣсколько вѣковъ о язычникахъ, къ настоящему времени и къ нынѣшнимъ христіанскимъ народамъ. — Липсъ же отставленъ отъ цензорской должности за крайнюю недобросовѣстность свою, лихоимства и вымогательства у евреевъ.

14-го марта 1839 года министръ внутреннихъ дѣлъ секретно

сообщилъ Уварову, что раввиномъ города Ровны, Волынской губерніи, Беренсономъ, представлено собраніе нѣсколькихъ печатныхъ листовъ изъ разныхъ еврейскихъ сочиненій, признанныхъ имъ вредными, а также книги подъ заглавіемъ: «Шивхе-Рабби-Хаимъ-Виталъ», и просилъ увѣдомить, какія были послѣдствія производившейся уже прежде объ этихъ книгахъ переписки. Уваровъ секретно же отвѣчалъ на это 7-го апрѣля 1839 года, что еще въ началѣ 1828 года министръ народнаго просвѣщенія препровождалъ къ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ книгу «Шивхе-Гесъ-Хаимъ», содержащую хулу на христіанство и напечатанную въ 1826 году въ Острогѣ безъ одобренія; потомъ въ мартѣ того же 1828 года туда же препровождена вѣдомость о 50-ти еврейскихъ сочиненіяхъ, подлежащихъ запрещенію; 14-го марта послѣдовало высочайшее повелѣніе объ изъятіи вредныхъ еврейскихъ книгъ изъ обращенія. Что же касается другихъ еврейскихъ книгъ, указываемыхъ нынѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то изъ нихъ дѣйствительно слѣдуетъ исключить указанныя мѣста.

Въ началѣ января 1839 года верхне-днѣпровскій раввинъ Мовша Каценъ-Элленбогенъ подалъ кіевскому военному, подольскому и волынскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Бибикову, письменный доносъ противъ секты хасидовъ, сильно распространенной, по его словамъ, въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ, а также въ Бессарабіи и многихъ мѣстахъ Екатеринославской, Херсонской и Полтавской губерній. Въ книгахъ же ихъ есть очень много мѣстъ, содержащихъ въ себѣ очень вредное ученіе. Въ доказательство чего раввинъ представилъ переводъ многихъ мѣстъ изъ книги « Дывре Эмэсъ». Тутъ встрѣчались слѣдующія фразы: «когда Господь Богъ хочетъ наказать народъ, тогда праведники еврейскіе (т. е. цадики) обращаютъ это наказаніе на ненавистниковъ еврейскихъ»... «Должно давать цадику деньги, потому что онъ поможетъ во всѣхъ скорбяхъ и обратитъ злое на ненавистниковъ, а на евреевъ привлечетъ благословеніе »... «Посредствомъ превращенія наказанія на ненавистниковъ прибываетъ евреямъ пропитаніе и способъ къ наблюденію закона еврейскаго »... «Возвышеніе вселенной состоитъ со стороны достоинства евреевъ, дѣлающихъ добрыя дѣла, а идолопоклонники своими добрыми дѣлами могутъ разорить вселенную, вселенная сія есть вселенныхъ не былыхъ, т. е. святость, каковая прибавляется еврейскими добрыми дѣлами»... «Цадикъ есть кивотъ завѣта, потому что въ немъ хранится законъ, и когда цадикъ возвышается своею святостью часъ отъ часу, то никто изъ враговъ его не можетъ чинить ему зла, ибо онъ ихъ побѣдитъ. Если же сіи враги изъ евреевъ, то онъ токмо не допуститъ своею святостью, чтобы они ему препятствовали. Цадикъ же подобенъ птицѣ, сидящей на птенцахъ, или на яйцахъ, ибо онъ есть мать своихъ подчиненныхъ, онъ не долженъ въ своей молитвѣ,

или внушеніи народа къ покаянію, упоминать о грѣхахъ, дабы отъ сего не возъярился Господь Богъ, но токмо дѣйствовать чудесами, подобно чудесамъ, бывшимъ во время Эсфири»... «Наказаніе бываетъ на ненавистниковъ еврейскихъ для того, чтобы евреи уразумѣли, что они Господа Бога прогнѣвали, а вмѣсто евреевъ онъ наказываетъ прочихъ»... «Позволяется избавляться отъ смерти волшебствомъ, равно избавиться отъ повелѣній царскихъ»... и т. д. Викарный кіевскій, Иннокентій, разсмотрѣвъ этотъ доносъ и выписки, отозвался, что это ученіе хасидовъ явно дышетъ духомъ еврейскаго сепаратизма и ненависти къ христіанамъ, и направлено къ возвышенію, въ глазахъ народа, секты цадиковъ, кои имѣютъ весьма вредное вліяніе на нравственность. Представляя обо всемъ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Бибиковъ прибавилъ съ своей стороны, что, судя по направленію книги «Дывре-Эмесъ», весьма желательно, чтобы цензоры еврейскихъ книгъ поступали съ большею разборчивостью въ пропускѣ ихъ, потому что съ нѣкоторыхъ поръ подобныя книги начали выходить въ немаломъ количествѣ. Дѣло это было передано на предварительное обсужденіе министра народнаго просвѣщенія, который, истребовавъ объясненія отъ виленскаго цензора Александра Элленбогена, пропустившаго ту книгу въ печать (и между прочимъ высказавшаго, что въ «Дывре-Эмесъ» нѣтъ ничего предосудительнаго, а такое доноситель видѣлъ въ ней потому только, что глядѣлъ глазомъ ненависти противъ секты хасидовъ, будучи самъ послѣдователемъ раввинской секты),—секретно сообщилъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 23-го августа 1839 года, что по сличеніи выписокъ раввина Каценъ-Элленбогена съ точнѣйшимъ переводомъ виленскаго цензора Тугендгольда и объясненіями Элленбогена, хотя и нельзя указаннымъ мѣстамъ книги давать тѣхъ строгихъ толкованій, которыя раввинъ старается вывести, однако за всѣмъ тѣмъ онъ, министръ, признаетъ, что не слѣдовало бы пропускать книгу «Дывре-Эмесъ», какъ сочиненіе, заключающее много мыслей темныхъ, принадлежащихъ еврейской кабалистикѣ и внушенныхъ религіознымъ фанатизмомъ секты хасидской Почему онъ и предписалъ на будущее время запретить ее, и цензору Элленбогену сдѣлать строгое замѣчаніе, подтвердивъ быть впредь болѣе внимательнымъ, подъ опасеніемъ лишиться своего мѣста.

Въ началѣ 1842 года возникло дѣло о еврейской книгѣ «Хошенъ-Мишнатъ», заключающей въ себѣ вредныя правила, и которую, по этой причинѣ, предположено было перепечатать на счетъ правительства, съ выпускомъ вредныхъ мѣстъ, а имѣющіеся у евреевъ экземпляры оной отобрать. Виленскій комитетъ, обращаясь, при этомъ случаѣ, вообще къ вопросу о вредныхъ еврейскихъ книгахъ, полагалъ учредить особую коммиссію для пересмотра всѣхъ еврейскихъ книгъ, съ тѣмъ,

чтобы: 1) отобрать отъ всѣхъ евреевъ, подъ присягою, показанія объ имѣющихся у нихъ книгахъ, 2) созвать раввиновъ въ Вильно, для пересмотра еврейской литературы и исключенія изъ книгъ вредныхъ мѣстъ, 3) по окончаніи этого труда, обязать раввиновъ исключить вредныя мѣста изъ всѣхъ книгъ, находящихся у евреевъ ихъ приходовъ, о которыхъ будутъ собраны предварительныя свѣдѣнія. Уваровъ не согласился съ этимъ предположеніемъ и находилъ, что оно не можетъ принести ожидаемой пользы, во-первыхъ, потому, что всѣ древнія еврейскія книги содержатъ въ себѣ такія же вредныя мѣста, какія замѣчены въ «Хошенъ-Мишнатѣ», но пересмотръ всей еврейской литературы невозможенъ, ибо эта литература заключаетъ въ себѣ огромное, почти неисчислимое количество разнаго рода сочиненій; во-вторыхъ, надежда на то, что евреи покажутъ свои книги и, послѣ пересмотра оныхъ, дозволятъ вырѣзать изъ нихъ страницы, вовсе не основательно, потому что исполнители этой мѣры, раввины, скорѣе станутъ мѣшать, чѣмъ способствовать этому дѣлу; въ третьихъ, нельзя не ожидать всеобщаго ропота евреевъ на мѣру, которая не можетъ вознаградить это, сопряженное съ нею, неудобство, успѣшнымъ результатомъ. Потому Уваровъ, сообщая обо всемъ этомъ министру государственныхъ имуществъ (въ вѣдомствѣ котораго возникло настоящее дѣло), написалъ, что по его мнѣнію слѣдуетъ, не предпринимая никакихъ особенныхъ мѣръ противъ старыхъ еврейскихъ книгъ, довольствоваться обыкновеннымъ цензурованіемъ, какъ привозимыхъ изъ-за границы, такъ и вновь издаваемыхъ въ предѣлахъ государства, въ ожиданіи, что съ учрежденіемъ школъ въ видахъ правительства, и съ постепеннымъ просвѣщеніемъ евреевъ, старинныя ихъ книги и содержащіяся въ нихъ заблужденія потеряютъ свой вѣсъ, какъ нынѣ въ Германіи. Во всякомъ случаѣ, предметъ этотъ въ общихъ видахъ, какъ и въ настоящемъ отдѣльномъ вопросѣ, надо предоставить обсужденію коммиссіи для образованія евреевъ, которая будетъ учреждена, на основаніи высочайше утвержденнаго 22-го іюня настоящаго (1842) года доклада. Дѣло собственно о книгѣ «Хошенъ-Мишнатъ» было порѣшено тѣмъ, что совѣтъ управленія царства Польскаго постановилъ: 1) перепечатать на казенный счетъ эту книгу, съ пропускомъ всѣхъ, противныхъ законамъ и общественному порядку, мѣстъ; 2) новое это изданіе разослать по всѣмъ кагаламъ, а прежнее изданіе отобрать и истребить; 3) со времени этой разсылки, запретить какъ евреямъ, такъ и всѣмъ жителямъ царства Польскаго, имѣть или выписывать эту книгу въ другомъ изданіи, подъ страхомъ наказанія.

Коммиссія же, учрежденная для образованія евреевъ въ Россіи, разсматривая то же дѣло о книгѣ «Хошенъ-Мишнатѣ» и вообще о мѣрахъ противъ вреда, могущаго произойти отъ подобныхъ

же мѣстъ въ другихъ еврейскихъ книгахъ, 2-го августа 1843 г. постановила слѣдующее: мѣста, замѣченныя въ книгѣ «Хошенъ-Мишнатъ» и другія, имъ подобныя, встрѣчаются также въ другихъ еврейскихъ книгахъ, древнихъ источникахъ еврейскихъ религіозныхъ сочиненій. Они не могутъ быть прямо примѣнены къ настоящему состоянію еврейскаго народа между христіанами; однако же, взятыя отдѣльно, способны возбуждать сомнѣнія, или подавать поводъ къ предосудительному толкованію. Въ избѣжаніе такихъ послѣдствій, всѣми благомыслящими раввинами или законоучителями принято за правило предостерегать всякій разъ слушателей, что подобныя мѣста не относятся до настоящаго времени и до христіанскихъ народовъ,—или проходить ихъ молчаніемъ. Такія объясненія даже напечатаны почти во всѣхъ еврейскихъ книгахъ, впослѣдствіи же эти мѣста были вовсе исключены. Когда высочайшимъ указомъ 1836 года повелѣно было представлять начальству всѣ еврейскія книги, привезенныя изъ-за границы безъ одобренія цензуры, то многіе поспѣшили исполнить свою обязанность, и во многихъ экземплярахъ раввинами были уничтожены предосудительныя мѣста. Изъ этого видно, съ одной стороны, что противъ вреднаго вліянія упомянутыхъ мѣстъ приняты возможныя нравственныя мѣры, а съ другой, что большинство евреевъ не считаетъ оныя ни важными, ни нужными въ книгахъ закона. Затѣмъ коммиссія находила, что распоряженіе, сдѣланное въ царствѣ Польскомъ относительно книги «Хошенъ-Мишнатъ», достигло бы вполнѣ своей цѣли, если бъ тѣ же самыя мѣста, которыя въ ней уничтожены, не находились и въ нѣкоторыхъ другихъ необходимыхъ религіозныхъ еврейскихъ книгахъ. Но перепечатать одну книгу и оставить предосудительныя мѣста въ другихъ значитъ потерять плоды трудовъ и значительныхъ издержекъ. Мѣры, предложенныя виленскимъ цензурнымъ вѣдомствомъ, вовсе несбыточны. Пересмотръ еврейской литературы доставилъ бы, конечно, цензурѣ занятіе на полвѣка и болѣе, но не повелъ бы ни къ какому результату, ибо дѣло подобнаго рода принадлежитъ рѣшенію консисторіи и требуетъ разнообразныхъ свѣдѣній. Прочія мѣры, какъ-то: созваніе раввиновъ, для произнесенія приговоровъ противъ книгъ священныхъ, требованіе подъ присягою представленія всѣхъ книгъ и т. д., едва-ли заслуживаютъ вниманія правительства, всегда уважающаго въ народахъ, ему подвластныхъ, убѣжденіе совѣсти и религіи. Коммиссія обязанностью считаетъ обратить вниманіе начальства и на то, что изданія еврейскихъ религіозныхъ книгъ возобновлялись такъ часто за границею и въ Имперіи, что число разошедшихся между евреями экземпляровъ можно назвать несмѣтнымъ, и что отобраніе оныхъ или замѣненіе другими, по приверженности евреевъ къ древнимъ изданіямъ, встрѣтило бы весьма большія затрудненія. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что многія изданія

еврейскихъ книгъ напечатаны съ разрѣшенія Виленскаго университета, съ сохраненіемъ мѣстъ, предлагаемыхъ нынѣ къ исключенію, слѣдовательно, облечены въ законную форму, защищающую оныя отъ пересмотра, тогда какъ тѣ же книги другихъ изданій подлежатъ стѣснительнымъ мѣрамъ. Изъ всего этого коммиссія заключала, что относительно еврейскихъ религіозныхъ книгъ, находящихся нынѣ въ обращеніи, полезнѣе было бы ограничиться высочайше предписанными въ 1836 году мѣрами, не усугубляя ихъ новыми розысканіями, которыя крайне чувствительны для религіознаго убѣжденія евреевъ и не могутъ быть вполнѣ удовлетворительными. Напротивъ того, въ разсужденіи вновь печатаемыхъ или привозимыхъ изъ-за границы книгъ, слѣдуетъ усилить мѣры строгости. Коммиссія полагала бы для этого удобнымъ: 1) составить указаніе болѣе употребительныхъ книгъ, гдѣ могутъ встрѣчаться предосудительныя мѣста; 2) при перепечатаніи книгъ въ Имперіи строго наблюдать, чтобы эти мѣста были исключаемы, а если найдутся новыя, то доносить немедленно высшему начальству; 3) еврейскія религіозныя сочиненія печатать не иначе, какъ подъ ближайшимъ надзоромъ учебнаго начальства, для чего желательно, чтобъ еврейскія типографіи состояли исключительно только въ мѣстахъ, гдѣ учреждены будутъ еврейскія семинаріи; 4) относительно книгъ, получаемыхъ изъ-за границы, поступать согласно существующему порядку, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы на каждой книгѣ приложено было цензурное клеймо; 5) умножить число еврейскихъ цензурныхъ комитетовъ или по крайней мѣрѣ цензоровъ. По мнѣнію коммиссіи, такими мѣрами можно будетъ надежнѣе достигнуть цѣли правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить евреевъ, явно доказывая каждому, что дѣло идетъ не объ уничтоженіи еврейскихъ религіозныхъ книгъ, а только объ устраненіи мѣстъ, которыхъ никто изъ нихъ не одобряетъ и которыя нынѣ дѣйствительно неумѣстны.

Относительно продажи запрещенныхъ иностранныхъ книгъ можно привести здѣсь нѣсколько интересныхъ данныхъ.

Подтвердивъ, по резолюціи главнаго управленія цензуры, комитету иностранной цензуры, о строжайшемъ наблюденіи за выходомъ и продажею книгъ, Уваровъ въ то же время писалъ 16-го сентября 1833 года московскому генералъ-губернатору: «До моего свѣдѣнія дошло, что московскіе книгопродавцы, безъ всякаго зазрѣнія, продаютъ не только въ цѣлости такія книги, изъ которыхъ должны быть исключаемы запрещенныя страницы и мѣста, но и сочиненія, вполнѣ подвергнутыя запрещенію. Источникомъ такого нарушенія постановленій можетъ быть непростительное злоупотребленіе довѣренности правительства, которое, для пользы книжной торговли, желая устранить лишнія затрудненія, позволило § 154-мъ цензурнаго устава книгопродавцамъ вскры-

вать у себя получаемыя ими укладки съ книгами. Вредъ, который неблагонамѣренность можетъ произвести посредствомъ сего довѣрія, оказываемаго книгопродавцамъ, побуждаетъ меня обратиться къ вамъ, покорнѣйше прося приказать строго подтвердить московскимъ книгопродавцамъ не имѣть у себя въ лавкахъ и не продавать ни подъ какимъ видомъ запрещенныхъ книгъ. Дальнѣйшее существованіе такихъ безпорядковъ поставитъ меня въ необходимость подвергнуть ихъ всей строгости законнаго взысканія и просить государя императора о замѣнѣ снисходительной мѣры, употребляемой во зло книгопродавцами, другою, болѣе надежною, но и болѣе стѣснительною для оборотовъ всей книжной торговли». Въ отвѣтъ на это, князь Голицынъ отозвался, что сдѣлалъ должное подтвержденіе, но въ то же время онъ проситъ указывать, при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, на провинившуюся личность, прибавляя: «ибо, говоря о всѣхъ вообще, должно согласиться, что московскіе книгопродавцы берутъ примѣръ съ петербургскихъ, гдѣ продажа подобныхъ книгъ довольно производится». Что же касается петербургскаго генералъ-губернатора, графа Эссена, то на подобное же отношеніе Уварова онъ отвѣчалъ только, что сдѣлалъ требуемое распоряженіе.

Въ 1834 году нѣкоторые изъ числа московскихъ книгопродавцевъ просили сообщать имъ списки запрещенныхъ цензурою иностранныхъ книгъ для того, чтобъ не оказываться противъ воли своей виновными. Но главное управленіе цензуры, 30-го апрѣля, положило, что цензурою обыкновенно объявляется о запрещенныхъ книгахъ тѣмъ книгопродавцамъ, которые постоянно торгуютъ иностранными книгами, и потому въ сообщеніи имъ особыхъ списковъ не настоитъ надобности; настоящая же просьба поступила отъ мелкихъ торговцевъ, которые продаютъ случайно покупаемыя ими книги. Гласность же, которая была бы дана внутреннимъ дѣйствіямъ цензуры чрезъ печатаніе (по мнѣнію московскаго оберъ-полицеймейстера), сопряжена съ большими неудобствами, потому что послужила бы къ обращенію общаго вниманія именно на книги, подвергнутыя запрещенію. Дѣйствія правительства подвергались бы гласности единственно для могущаго встрѣтиться случая, что мелкіе торговцы, покупая отъ разныхъ лицъ и съ аукціона книги, купятъ въ числѣ ихъ и нѣкоторыя запрещенныя сочиненія. Въ этомъ случаѣ, главное управленіе признаетъ достаточною мѣрою, если этимъ торговцамъ поставлено будетъ въ обязанность предъявлять мѣстному полицейскому начальству реестры книгъ, находящихся у нихъ или ими покупаемыхъ.

Это же самое мнѣніе свое о невозможности и вредѣ печатанія списковъ о запрещенныхъ книгахъ главное управленіе высказало снова, въ январѣ 1839 года, и министру внутреннихъ дѣлъ, когда послѣдній,

имѣя въ виду огромныя затрудненія, встрѣчаемыя начальниками губерній въ наблюденіи за обращеніемъ запрещенныхъ иностранныхъ книгъ, предлагалъ печатать имъ списки, для разсылки въ гражданскія и земскія полиціи.

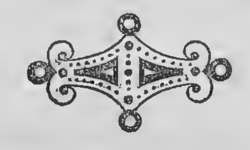
Въ маѣ 1843 года министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, имѣя въ виду сильно распространившуюся торговлю запрещенными книгами, предлагалъ запретить вовсе букинистамъ разносить книги для продажи, дозволивъ заниматься книжною торговлею, лишь въ городахъ, однимъ настоящимъ книгопродавцамъ, и то подъ наблюденіемъ и по билетамъ мѣстнаго учебнаго вѣдомства. На это Уваровъ 28-го мая возразилъ, что «въ настоящемъ положеніи книжной торговли въ Россіи, торгъ въ лавкахъ существуетъ только въ столицахъ и въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ. Всѣ губерніи замосковскія, внутри Имперіи, снабжаются книгами почти исключительно изъ Москвы такъ называемыми ходебщиками. Воспретить этимъ букинистамъ разноску книгъ значило бы пресѣчь для жителей внутреннихъ губерній возможность къ чтенію и знакомству съ ходомъ и произведеніями отечественной словесности, и лишить немалочисленный классъ промышленниковъ источника ихъ существованія. Сочиненія, такимъ образомъ разносимыя, суть почти исключительно книги на русскомъ языкѣ. А какъ въ Россіи всѣ сочиненія печатались и печатаются не иначе, какъ съ дозволенія цензуры, то и нѣтъ никакого повода опасаться вреда отъ продажи русскихъ книгъ букинистами. Въ этомъ отношеніи опасенія могутъ касаться только книгъ иностранныхъ. Промыслъ букинистовъ обыкновенно состоитъ въ перепродажѣ книгъ старыхъ, купленныхъ при продажѣ частныхъ библіотекъ, слѣдовательно, книгъ, которыя и безъ того прежде уже обращались въ государствѣ. Сами букинисты не получаютъ новыхъ книгъ изъ-за границы. Вредъ же можетъ быть только отъ распространенія новыхъ непозволительнаго содержанія книгъ». Поэтому Уваровъ полагалъ «что мѣры предосторожности должны имѣть въ виду пресѣченіе, въ самомъ источникѣ, распространенія подобнаго рода изданій. Они въ государство проникаютъ либо посредствомъ присылки для книгопродавцевъ, торгующихъ въ лавкахъ, либо посредствомъ контрабанды. Эти соображенія убѣждаютъ, что мѣры къ предупрежденію продажи вредныхъ и непозволенныхъ цензурою книгъ должны заключаться въ бдительномъ надзорѣ за привозомъ книгъ для настоящихъ книгопродавцевъ и за контрабандою книжною на таможенныхъ линіяхъ». Министръ внутреннихъ дѣлъ сначала согласился съ этимъ мнѣніемъ, но въ апрѣлѣ 1845 года, по представленію виленскаго военнаго губернатора Мирковича, ссылавшагося на близость иностранной границы и сильно распространенную контрабанду, предлагалъ дозволить продажу иностранныхъ книгъ (въ томъ числѣ и польскихъ) по го-

родамъ Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерній только въ постоянныхъ книжныхъ лавкахъ; развозъ же этихъ книгъ дозволить на однѣ ярмарки въ губернскихъ городахъ и не иначе, какъ по каталогамъ, которые продавцы представляли бы предварительно въ Виленскій цензурный комитетъ, а тотъ отсылалъ бы уже такіе каталоги къ подлежащимъ начальникамъ губерній. На это Уваровъ 15-го іюля отвѣчалъ, что Виленскій комитетъ будетъ тогда поставленъ въ значительное затрудненіе обязанностью разсылать каталоги къ губернаторамъ, такъ какъ ему трудно всякій разъ знать, куда именно торговецъ отправитъ свои книги, и при томъ онъ можетъ измѣнять свое первоначальное намѣреніе, чѣмъ будетъ вводить комитетъ въ ошибочныя сношенія.

Сверхъ того, въ концѣ 40-хъ годовъ возобновлялась нѣсколько разъ секретная переписка между министрами: внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о необходимости новыхъ и усиленныхъ мѣръ для прекращенія торговли запрещенными иностранными книгами, все болѣе и болѣе усиливавшейся. Принимаемыя для этого мѣры имѣли характеръ, безъ сомнѣнія, уже не цензурный, и относятся къ дѣятельности полицейскаго управленія. Но здѣсь нельзя не упомянуть, что въ мартѣ 1845 года вице-канцлеръ графъ Нессельроде секретно писалъ Уварову, что австрійское правительство предписало бродскому оберъ-полицей-коммиссару, исправлявшему должность и цензора, «строжайше наблюдать за привозимыми въ Броды книгами, которыя печатаются нынѣ въ Лейпцигѣ и Брюсселѣ единственно для Австріи и Россіи», и Уваровъ, согласно этому указанію, секретно предписалъ цензурному вѣдомству по части иностранныхъ книгъ имѣть особое за тѣми книгами наблюденіе.

Вообще объ увеличеніи въ Россіи чтенія иностранныхъ книгъ въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годахъ всего лучше судить можно по слѣдующимъ цифрамъ: въ 1832 году ввезено въ Россію около 200.000 томовъ, въ 1837 году—около 400.000, въ 1839 году—около 600.000 (то же самое количество въ 1840, 1842 и 1843 годахъ), въ 1844 году—703.313 томовъ; всего же, съ 1832 по 1845 годъ—5.973.313 томовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

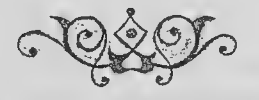

Мистическое письмо Е. Головина [1])—А. Х. Бенкендорфу.

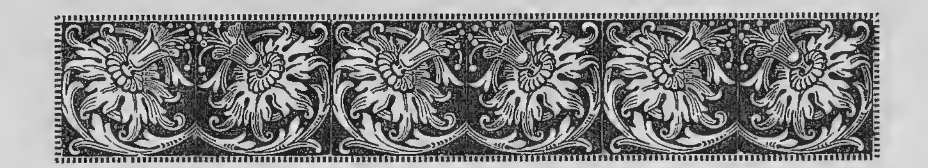
18-го іюня 1831 г. Меджержицъ.

«Находясь теперь вблизи военныхъ дѣйствій, ибо командую авангардомъ 6-го корпуса передъ Седлецомъ, простительно, если я позволяю себѣ заниматься и такими соображеніями, кои выходятъ уже изъ черты собственнаго моего назначенія. — Такимъ образомъ написавъ краткое предположеніе на счетъ ближайшихъ по моему мнѣнію мѣръ [2]) къ прекращенію бѣдствій, произведенныхъ возникшими повсемѣстно въ Польшѣ мятежами, я пріемлю смѣлость приложить оное при семъ, въ томъ убѣжденіи, что мнѣніе свое сказать можетъ всякій, какъ бы оно принято ни было.—Кто не согласится, что внезапно наступили времена тяжкія и что сіе непостижимое волненіе народовъ есть нѣчто необыкновенное. Оно объясняется одною только книгою, изъ которой познается натура человѣческая: книга сія есть св. писаніе, если не совсѣмъ отвергаемое, по крайней мѣрѣ мало уваженное классомъ людей, называющихъ себя просвѣщенными. Нужно ли указывать на пагубные плоды сего просвѣщенія.

«Простите, что я осмѣливаюсь занимать васъ моимъ мараніемъ бумаги, но вы позволили мнѣ писать къ вамъ, и я позволеніемъ симъ пользуюсь».

[1]) Извѣстнаго послѣдователя секты Татариновой.
[2]) О необходимости быстраго движенія за Вислу.

КНЯГИНЯ Д. Х. ЛИВЕНЪ

и ея переписка съ разными лицами.

IV [1]).

Политическая переписка кн. Ливенъ во время войны 1829 г. Россіи съ Турціею.—Кончина короля Георга IV и вступленіе на престолъ Вильгельма IV.—Его характеристика.—Положеніе Веллингтона.—Интриги противъ княгини Ливенъ.

Русско-турецкая война подала поводъ къ многочисленнымъ нападкамъ на Россію со стороны англійскаго общества и печати, и это не могло не отразиться на отношеніяхъ двухъ кабинетовъ. Между ними то и дѣло возникали недоразумѣнія.

Присутствіе императора Николая въ арміи придало кампаніи 1828 г. такое значеніе, что англійская публика считала ея результаты незначительными сравнительно съ тѣми, которыхъ она ожидала; то, что могло бы считаться успѣхомъ для генерала, было въ ея глазахъ неудачей для императора.

Императоръ Николай, въ свою очередь, былъ весьма недоволенъ направленіемъ англійскихъ газетъ, и Ливену было приказано обратить вниманіе великобританскаго правительства на выраженія, въ какихъ говорилось объ его союзникѣ.

Англійскій король, всегда доброжелательный къ Россіи, также былъ возмущенъ нападками на Россію.

«Въ разговорѣ со мною,—писала Ливенъ [2]),—король жаловался на

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 г., май.

[2]) Письмо Ливенъ къ брату 3-го (15-го) января 1829 г.

ужасную ложь, распространяемую газетами по поводу нашихъ мнимыхъ бѣдствій [1]) и сказалъ, что эти статьи до того раздражаютъ его и такъ противны ему, что онъ болѣе не читаетъ ихъ. Я замѣтила на это, что, зная источникъ, откуда идутъ эти свѣдѣнія, я этому не удивляюсь. Тогда онъ сталъ говорить объ ихъ источникѣ (Меттернихѣ) и отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, вполнѣ того заслуживающемъ и не уважающемъ ни закона, ни своего собственнаго слова. Нѣтъ той низости, на которую король не считалъ бы его способнымъ. Я отвѣчала на это, что остается пожалѣть о томъ, что такой человѣкъ даетъ направленіе англійскому кабинету.

«Тогда онъ воскликнулъ: «Я допускаю ослѣпленіе и симпатію къ нему, но не допускаю, чтобы онъ могъ заставить насъ дѣлать такъ, какъ онъ хочетъ. Если бы мы слѣдовали его совѣтамъ, то могли бы возжечь войну во всѣхъ концахъ Европы, а я даю вамъ слово, что этого не будетъ, и что мы не принимаемъ и не будемъ принимать никакого участія въ его планахъ. Будьте увѣрены въ этомъ. Веллингтонъ слишкомъ остороженъ для этого, вы можете вполнѣ положиться на то, что я говорю».

«Увлеченіе, съ какимъ это было сказано, заставляетъ вѣрить въ искренность короля. Онъ по-прежнему расположенъ къ императору и къ Россіи и, быть можетъ, особенно старается высказать это расположеніе потому, что министры настроены къ намъ столь враждебно».

Недовѣріе и враждебность къ Россіи были отличительной чертою внѣшней политики Веллингтона; никакія увѣренія со стороны петербургскаго кабинета, относительно того, что Россія не стремится къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ для себя, а добивается только независимости Греціи, не могли установить болѣе искреннихъ и дружественныхъ отношеній между державами.

Единственной цѣлью Веллингтона было отдѣлаться отъ гарантіи принятой Англіей въ дѣлѣ Греціи вмѣстѣ съ Франціей и Россіей, и нарушить по возможности общность интересовъ, связывавшихъ двѣ послѣднія державы. Консерваторъ въ душѣ, онъ держался въ политикѣ взглядовъ Меттерниха. Мысль объ образованіи Греческаго королевства, возникшаго вслѣдствіе революціоннаго движенія и признаніи его полной автономіи, конечно, была въ высшей степени непріятна для такихъ защитниковъ абсолютизма, каковы были Меттернихъ и Веллингтонъ; къ тому же австрійскій канцлеръ считалъ для своей державы опаснымъ преждевременное распаденіе Турецкой имперіи и поэтому старался заручиться содѣйствіемъ Веллингтона. Послѣдній отозвалъ изъ Константинополя Стратфорда Каннинга, согласился на назначеніе на его постъ неспособнаго брата лорда Абердина и безуспѣшно старался убѣдить

---

[1]) Послѣ снятія осады Варны.

французское правительство согласиться на новыя условія, которыя Порта предлагала прибавить къ Лондонскому договору. Если бы эти условія были приняты, то Греція была бы простой данницей Турціи, что вполнѣ соотвѣтствовало видамъ англійскаго министерства, которое желало прежде всего, чтобы Турція сохранила видъ европейской державы.

Когда всѣ попытки повліять на Францію въ желаемомъ смыслѣ не удались, то Веллингтонъ, желая имѣть во главѣ французскаго правительства человѣка, который раздѣлялъ бы его политическіе принципы, добился увольненія тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, Мартиньяка, который поддерживалъ дружественныя сношенія съ Россіей и ея представителемъ въ Парижѣ, Поццо-ди-Борго, и назначенія на его мѣсто князя Полиньяка, бывшаго въ 1828 г. посланникомъ въ Англіи.

Герцогъ надѣялся, что Полиньякъ будетъ содѣйствовать ему въ проведеніи его плановъ и перетянетъ Карла X на сторону Австріи и Англіи, но это Полиньяку не удалось, такъ какъ общественное мнѣніе Франціи было всецѣло на сторонѣ Греціи.

Письма Ливена подтверждаютъ еще разъ справедливость высказаннаго неоднократно предположенія, что Веллингтонъ былъ причастенъ назначенію Полиньяка министромъ, и бросаютъ отчасти новый свѣтъ на иностранную политику торійскаго кабинета.

«Князь Полиньякъ отозванъ несвоевременно въ Парижъ, — писала Ливенъ брату 10-го (22-го) января 1829 г.—Онъ уѣхалъ туда третьяго дня. Французское министерство иностранныхъ дѣлъ страдаетъ, повидимому, эпидемическою апоплексіей. Портфель предложенъ Полиньяку; послѣдній уѣхалъ отсюда съ твердымъ намѣреніемъ не принимать его, если только ему не позволятъ кореннымъ образомъ реорганизовать администрацію, т. е. составить кабинетъ изъ крайнихъ. Если ему не позволятъ сдѣлать это, то онъ вернется сюда обратно. Я не допускаю, чтобы во Франціи дѣла приняли оборотъ, согласный его желаніямъ, и если бы это случилось, то навѣрно не надолго. Франція совсѣмъ не въ такомъ настроеніи теперь, чтобы ею управляли крайніе (консерваторы)».

Недолго спустя она выражала надежду, что «можетъ быть, Франціи еще удастся спастись отъ несчастья быть подъ управленіемъ Полиньяка», и характеризовала его такъ: «это самый ревностный іезуитъ, какихъ я знаю; это отъявленный врагъ всякаго свободнаго и просвѣщеннаго образа мыслей, истинное олицетвореніе средневѣковыхъ идей».

Надежды Ливенъ не оправдались; она узнала вскорѣ съ грустью о смѣнѣ министерства, происшедшей во Франціи, и о томъ, что Полиньякъ сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ.

«Франція имѣетъ теперь ультраконсервативное правительство», —

писала она 30-го іюля (11-го августа).—Я уже говорила, что это будетъ несчастье для Европы, а теперь прибавлю, что это должно быть несчастіе и для Франціи, и вы скоро убѣдитесь въ этомъ. Революціонныя волненія не замедлятъ явиться слѣдствіемъ такого назначенія».

Дѣйствительно, назначеніе Полиньяка вызвало сильное неудовольствіе во Франціи, гдѣ онъ, какъ приверженецъ самаго крайняго абсолютизма, былъ очень непопуляренъ.

«Мнѣ очень интересно было бы услышать, что́ скажетъ лордъ Абердинъ по поводу событій, недавно происшедшихъ во Франціи», писала Ливенъ, по поводу возбужденія, вызваннаго во Франціи назначеніемъ Полиньяка [1]), который сдѣлался вскорѣ министромъ-президентомъ и составилъ кабинетъ изъ своихъ единомышленниковъ. «То, что случилось, превзошло ихъ ожиданія, то-есть, другими словами, герцогъ Веллингтонъ, можетъ быть, пожалѣетъ о той роли, какую онъ съигралъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ не желалъ столь полной перемѣны и слишкомъ предусмотрителенъ для того, чтобы и желать ее, тѣмъ не менѣе онъ настаивалъ на назначеніи (Полиньяка) и добился этого. Это фактъ, хорошо извѣстный во Франціи и молчаливо признаваемый даже здѣсь. Послѣднее авторитетное слово отсюда было сказано въ прошлый понедѣльникъ, 22-го іюля (3-го августа), согласно рѣшенію кабинета, состоявшемуся наканунѣ. Лорду Стюарту [2]) предписано было затѣмъ стараться изъ всѣхъ силъ, чтобъ убѣдить короля въ необходимости немедленнаго назначенія Полиньяка главою кабинета. 27-го іюля (8-го августа) онъ и былъ назначенъ. Вся эта поспѣшность и послѣдовавшія представленія были вызваны извѣстіями, полученными изъ Петербурга и Вѣны. Лордъ Гейтсбюри донесъ, что мы рѣшили перейти Балканы и тогда уже заставить султана согласиться на миръ. Меттернихъ писалъ то же самое, прибавляя, что у турокъ нѣтъ болѣе арміи для дальнѣйшаго сопротивленія. Онъ жаловался на бездѣятельность великобританскаго правительства и заявлялъ, что на будущее время онъ самъ будетъ дѣйствовать самостоятельно, согласно съ обстоятельствами.

Но планы герцога Веллингтона не осуществились; энергично веденная кампанія 1829 г. совершенно измѣнила положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Начавъ кампанію въ маѣ мѣсяцѣ, Дибичъ быстро овладѣлъ Силистріею, осаду которой пришлось снять предъидущей осенью. Турецкая армія, посланная на помощь гарнизону Силистріи, была разбита на голову при Кулевчѣ, и Дибичъ, оставивъ часть войска для прикрытія Шумлы и обойдя эту крѣпость, совершилъ съ арміей

---

[1]) Письмо къ Грею, 1-го (13-го) августа 1829 г.

[2]) Съ января 1828 г. по ноябрь 1830 г. англійскій посолъ въ Парижѣ. Впослѣдствіи (съ 1841—1844 г.) посланникъ въ С.-Петербургѣ.

успѣшный переходъ черезъ Балканы и послѣ долгаго и труднаго похода достигъ сердца Румеліи «съ тѣнью арміи, но съ славой непобѣдимаго вождя». Англія и Австрія были совершенно не подготовлены къ созданному этимъ положенію вещей.

«Наши побѣды удивили Европу и поразили нашихъ враговъ, изъ коихъ самымъ враждебнымъ и недоброжелательнымъ къ намъ можно считать англійскій кабинетъ,—писала Ливенъ въ августѣ 1829 г. [1]).— Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самый могущественный по тѣмъ средствамъ, коими онъ располагаетъ, но за то и самый слабый по своей неспособности. Въ настоящее время императоръ предписываетъ законы Европѣ; его воля—законъ. Ни одна держава не можетъ идти противъ него — всѣ ждутъ его рѣшенія; я увѣрена въ томъ, что онъ будетъ умѣренъ въ своихъ требованіяхъ и что онъ будетъ также великодушенъ.

«Нынѣшнее положеніе — единственное въ своемъ родѣ. Оно можетъ упрочить силу и вліяніе Россіи на нѣсколько сотъ лѣтъ.

«Герцогъ Веллингтонъ не думалъ, что Россія можетъ одержать побѣду. Сраженіе подъ Кулевчей привело его въ дурное настроеніе, но не вызвало еще въ немъ опасеній. Онъ слѣдилъ пристально за Шумлой и далѣе ея ничего не видѣлъ. Не дальше какъ три недѣли передъ тѣмъ, онъ говорилъ во всеуслышаніе, что Россіи никакъ не удастся проникнуть въ Румелію до взятія этой позиціи, что черезъ Балканы могутъ перейти только легко вооруженныя войска и что артиллерію невозможно перевезти черезъ горы. Всѣ преклонялись передъ его авторитетомъ, а въ одно прекрасное утро всѣ были поражены вѣстью, что мы перешли Балканы и овладѣли Бургасомъ и Айдосомъ.

«Но передъ этимъ великимъ событіемъ и послѣ битвы подъ Кулевчей онъ счелъ необходимымъ имѣть во Франціи человѣка, имъ самимъ избраннаго. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало имѣть тамъ Полиньяка. Онъ этого и добился и съ такой свитой, что Франція громко запротестовала.

«Никакая коалиція противъ Россіи теперь невозможна, поэтому всѣ стали превозносить великодушіе императора, ибо только на это великодушіе и осталась надежда. Англія очень унижена.

«Когда Дибичъ подошелъ съ арміей къ Адріанополю, дезорганизованное турецкое войско было не въ состояніи оказать ему сопротивленіе, и султанъ, устрашенный энергическимъ образомъ дѣйствій Дибича, просилъ мира».

«Англійскій курьеръ, прибывшій вчера изъ Берлина, привезъ намъ слѣдующее извѣстіе,—писала Ливенъ 9-го (21-го) сентября 1829 г. [2]).

---

[1]) Письмо къ брату 15-го (27-го) августа 1829 г.

[2]) Письмо лорду Грею.

Взятіе Адріанополя и дальнѣйшее движеніе нашихъ войскъ къ Константинополю вызвало въ турецкой столицѣ такую панику,—которая усилилась вслѣдствіе угрозы янычаръ поджечь сераль и городъ и избить всѣхъ иностранцевъ—что султанъ, напуганный нашимъ приближеніемъ, послалъ, наконецъ, 12-го (24-го) августа своего уполномоченнаго въ главную квартиру нашего главнокомандующаго, съ приказаніемъ согласиться безусловно на всѣ требованія, какія будутъ имъ предъявлены, и предотвратить, такимъ образомъ, разореніе столицы и гибель Турецкой имперіи. Иностранные посланники, съ которыми султанъ совѣтовался прежде, нежели сдѣлать этотъ шагъ, изъявили на это свое полное согласіе и, кромѣ того, совѣтовали турецкимъ уполномоченнымъ заявить немедленно и безъ всякихъ околичностей, что султанъ отдаетъ себя безусловно на волю императора и надѣется только на его великодушіе. Тогда Дибичъ, которому было извѣстно отчаянное положеніе Константинополя и который былъ доволенъ полной покорностью, изъявленной султаномъ, приказалъ 17-го (29-го) августа пріостановить непріязненныя дѣйствія. Вотъ все, что̀ извѣстно въ Англіи объ этихъ важныхъ событіяхъ; поэтому я не позволяю себѣ пока никакихъ комментаріевъ».

Всеобщая надежда, что при покорности, изъявленной султаномъ, миръ будетъ заключенъ черезъ два-три дня, не оправдалась; нѣсколько дней спустя, Ливенъ негодовала по поводу того, что переговоры затянулись и что она не могла сообщить Грею «даже о заключеніи перемирія»; она находила, что Дибичу слѣдовало воспользоваться своимъ положеніемъ и страхомъ, который онъ внушилъ туркамъ, и писала съ досадою, что «хорошіе генералы не всегда бываютъ хорошими дипломатами».

«Лордъ Абердинъ, съ которымъ я видѣлась вчера, очень не въ духѣ,—писала она [1]).—Говорятъ, что его начальникъ также очень мраченъ.

«Не причиною ли этому наша побѣда и то, что имъ ничего неизвѣстно объ условіяхъ, предъявленныхъ нами для заключенія мира.

«Мой мужъ получилъ отъ графа Нессельроде копію съ писемъ, посланныхъ посланниками Дибичу 5-го (17-го) августа, и его отвѣтъ. Посланники описывали ему отчаянное положеніе Турецкой имперіи и просили пощадить ее и начать переговоры о мирѣ. Дибичъ отвѣчалъ въ весьма вѣжливыхъ выраженіяхъ, что онъ будетъ вести переговоры только съ турецкими уполномоченными, такъ какъ императоръ заявилъ, что онъ не допуститъ посторонняго вмѣшательства въ его споръ съ турецкимъ султаномъ.

«Сообщаю это изъ вѣрнаго источника.

---

[1]) 14-го (26-го) сентября 1829 г.

«При извѣстіи о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій здѣсь (въ Лондонѣ) всѣ ликовали [1]. Я горю нетерпѣніемъ знать, чѣмъ все это разрѣшится. Мы можемъ сдѣлать все, что хотимъ. Общественное мнѣніе идетъ по стопамъ кабинета, который выказалъ слабохарактерность и трусость, а теперь бросилъ турокъ въ затруднительномъ положеніи. Насъ ненавидятъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ боятся. Герцогъ Веллингтонъ должно быть внѣ себя отъ бѣшенства.

«Россію никогда такъ не боялись и не уважали.

«Общественное мнѣніе относительно насъ раздѣлилось; одни восхваляютъ условія мира, другіе осуждаютъ ихъ. Одни находятъ, что мы слишкомъ великодушны, и высказываютъ сожалѣніе по поводу того, что Порта такъ долго не можетъ умереть, ибо никто не думаетъ, что она можетъ еще сохранить жизненность. Наша война обнаружила всему міру и самимъ туркамъ, что среди нихъ не существуетъ болѣе чувства національности и фанатизма. Уже это одно показываетъ, что ихъ пѣсня спѣта!»

Неудовольствіе, вызванное въ англійскомъ кабинетѣ условіями Адріанопольскаго мира, въ особенности 5-й статьей этого мирнаго договора, которой Турція обязалась признать лондонскій договоръ, заключенный 24-го іюня (6-го іюля) и протоколъ, подписанный 10-го (22-го) марта, обнаружило всю недобросовѣстность въ этомъ дѣлѣ торійскаго кабинета.

«Извѣстіе о заключеніи мира еще болѣе усилило неудовольствіе вашего правительства, — писала Ливенъ своему другу, Грею, 1-го (13-го) октября 1829 г. Греческій вопросъ составляетъ и по нынѣ «больное мѣсто» вашихъ министровъ.

«Мы покончили съ нимъ, и это приводитъ ихъ въ отчаяніе. Но какую надобно недобросовѣстность, чтобы относиться къ дѣлу такимъ образомъ. Ваши министры подписали протоколъ 10-го (22-го) марта, ваши же министры настаивали на посылкѣ въ Константинополь посланниковъ, чтобы добиться отъ Порты принятія этого протокола. Между тѣмъ ихъ тайная надежда и желанія сводились къ тому, чтобы Порта отвѣчала на него отказомъ [2]; и они такъ хорошо съумѣли дать понять это султану, что онъ отвѣчалъ дѣйствительно въ этомъ смыслѣ. Мы же, подписавшіе протоколъ съ намѣреніемъ добиться его выполненія, воспользовались случаемъ, чтобы при заключеніи мира Диванъ изъявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ согласіе принять протоколъ, а когда онъ согласился на это, то ваши министры сочли себя оскорбленными.

---

[1]) Письмо Ливенъ къ брату.

[2]) „Они бы дорого дали,—говорилъ Пальмерстонъ о министрахъ торійскаго кабинета,—чтобы отказаться отъ этого договора, который они ненавидятъ“.

«Мы думали оказать союзнымъ державамъ услугу, покончивъ разъ навсегда съ докучливымъ греческимъ вопросомъ въ томъ смыслѣ, какъ это было условлено кабинетами.

«Не тутъ-то было; Англія старается теперь всячески доказать, что мы поступили неправильно, и всѣ ея доводы могутъ быть сведены къ тому, что, подписывая протоколъ 10-го (22-го) марта, англійское правительство имѣло твердое намѣреніе не выполнять его.

«Справедливость того, что я писала о вашемъ правительствѣ относительно греческихъ дѣлъ, подтверждается теперь самими министрами,—пишетъ Ливенъ Грею, нѣсколько дней спустя. Лордъ Абердинъ откровенно сознался моему мужу (и онъ подтвердилъ это мнѣ вчера), что, подписывая протоколъ 10-го (22-го) марта, онъ не думалъ, что этотъ протоколъ когда-либо будетъ выполненъ. Предоставляю вамъ оцѣнить это признаніе.

«Все сводится къ тому, что мы и французы были намѣрены выполнить принятое на себя обязательство, а англичане хотѣли уклониться отъ этого. Но глупо съ ихъ стороны сознаваться въ этомъ».

Любопытенъ разговоръ, который Ливенъ имѣла по этому поводу съ англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

«Лордъ Абердинъ просилъ вчера позволеніе быть у меня,—сообщила она Грею 4-го (16-го) октября. Наше свиданіе было продолжительно и очень забавно,—не нахожу инаго, болѣе подходящаго выраженія. Онъ говорилъ на ту тему, что «мы (англичане) обмануты Россіей; насъ оскорбили, надъ нами подшутили, насъ унизили».

«Я повторила съ изумленіемъ употребленныя имъ выраженія и присовокупила:

— Это невѣрно, милордъ, вы сами знаете, что это не такъ, ибо, если бы это была правда, то вы отомстили бы намъ. Великая держава не сноситъ оскорбленій молча.

— Мы снесли это терпѣливо, изъ желанія, чтобы миръ былъ заключенъ,—отвѣчалъ онъ.

— Снесли терпѣливо! вы не можете снести терпѣливо позоръ.

— Да, даже позоръ!

— Полноте, полноте, милордъ,—сказала я,—я болѣе англичанка, нежели вы, ибо я стыжусь того, что̀ вы мнѣ говорите.

«Онъ видимо былъ удивленъ моими словами; тогда я спросила его, что̀ онъ подразумѣваетъ подъ словомъ оскорбленіе, и доказала ему, что его жалобы на этотъ счетъ ставятъ его въ ложное положеніе, ибо если кто-либо былъ обиженъ, то жаловаться приходится скорѣе намъ, такъ какъ его правительство относилось къ намъ всегда съ обидной подозрительностью. Я просила его указать мнѣ хотя одинъ примѣръ,

когда бы мы отнеслись къ Англіи безъ должнаго уваженія, или когда бы мы поступали въ ущербъ ея интересамъ.

«Онъ не могъ отвѣтить мнѣ на это ни слова, по той простой причинѣ, что онъ не можетъ ничего сказать противъ насъ.

«И это разговоръ министра иностранныхъ дѣлъ съ женщиной.

«Въ концѣ концовъ онъ сталъ увѣрять меня, что онъ ничего такъ не желаетъ, какъ быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ Россіей, что онъ увѣренъ въ томъ, что союзъ такихъ двухъ великихъ державъ есть лучшая гарантія для сохраненія мира и что это составляетъ главную и единственную цѣль ихъ политики. Я напомнила ему, что тысячу разъ говорила ему, что нашъ дворъ руководствовался всегда этимъ правиломъ, что Россія дѣйствовала всегда въ этомъ духѣ, прекрасно, что онъ сталъ наконецъ на истинную точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ».

«Я знаю отлично, что вы также точно ненавидите этотъ договоръ,—писала Грею княгиня,—и, однако, я убѣждена, что вы выполнили бы его добросовѣстно и съ благородствомъ».

Можно удивляться не столько нерѣшительности и колебаніямъ лорда Абердина, но главнымъ образомъ той наивности, съ какою онъ часто подавалъ Ливенъ предлогъ посмѣяться надъ собою.

«Вы можете цѣнить въ немъ,—писала Ливенъ Грею,—между прочимъ, то, что̀ Меттернихъ называетъ англійскимъ простодушіемъ (innocence), во всей его неприкосновенности. Лэди Джерси заставляетъ его вѣрить всему, что она хочетъ, а воображеніе у нея богатое».

«Вы вѣроятно околдовали лорда Абердина, чтобы заставить его говорить такимъ образомъ,—писалъ Грей по поводу вышеприведеннаго разговора.

«Онъ, должно быть, самый необычайный человѣкъ въ мірѣ и такъ противорѣчитъ моему представленію о немъ, что я не могу придти въ себя отъ изумленія. Я думаю, въ политикѣ трудно найти человѣка, который бы высказывалъ намѣреніе, питая въ тайнѣ рѣшимость никогда не приводить его въ исполненіе. Но въ исторіи дипломатіи новость, а тѣмъ болѣе для шотландца [1]) встрѣтить такое признаніе, какое по вашимъ словамъ вамъ сдѣлалъ Абердинъ, и съ какой цѣлью, чтобы подвергнуть себя опасности? Вы могли понять цѣли нашего правительства только въ томъ видѣ, какъ онѣ изложены въ протоколѣ.

«Вы не могли прочитать въ ихъ сердцѣ тайное намѣреніе поступать противно имъ. Если бы вы выразили подозрѣніе въ подобномъ намѣреніи (на что̀ вы имѣли бы, быть можетъ, поводъ), что̀ бы они сказали? Что касается жалобы по поводу того, что вы разсчитывали на испол-

---

[1]) „Шотландцы извѣстны своимъ притворствомъ". (Прим. кн. Ливенъ).

неніе условій, на которыя союзники согласились по отношенію къ Греціи, то я не могу себѣ представить что-либо болѣе неосновательное. Разумѣется, было вполнѣ естественно, чтобы вы поступили именно такъ; скажу болѣе, васъ скорѣе можно было бы упрекнуть, если бы вы не сдѣлали этого.

«И въ концѣ концовъ, возможно ли, чтобы человѣкъ его взглядовъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что условія, которыя вы согласились предложить, совмѣстно съ нимъ были положены въ основу соглашенія, подробности котораго было рѣшено обсудить при его участіи?»

Адріанопольскій миръ, подписанный 2-го (14-го) сентября, заставилъ Турцію принять такія условія, которыя вполнѣ измѣнили политическое положеніе европейскихъ державъ; а предшествовавшіе ему и послѣдовавшіе за нимъ переговоры подорвали преобладающее вліяніе Австріи въ дѣлахъ восточной Европы и въ совѣтѣ великихъ державъ. Нерѣшительность Веллингтона и неспособность Абердина заставили англійское министерство отказаться отъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ заявленій, и ему пришлось согласиться на то, чтобы Греческое королевство было организовано на такихъ основахъ, которыя должны были связать его съ Россіей узами благодарности и поставить въ зависимость отъ нея.

Веллингтонъ никакъ не могъ помириться съ мыслію, что Адріанопольскимъ миромъ была осуждена политика Меттерниха въ восточной Европѣ и утверждено вліяніе Россіи; что попытка ввести Турцію въ европейскую политику потерпѣла фіаско и что лучшимъ средствомъ для Англіи пріобрѣсти голосъ въ европейскомъ концертѣ было дѣйствовать совмѣстно съ Франціей и Россіей.

Затруднительное положеніе Англіи въ это время рисуется вполнѣ въ словахъ Веллингтона, когда онъ говорилъ, что «греческое дѣло было самымъ злополучнымъ дѣломъ, въ какое когда-либо была вовлечена Европа».

Оппозиція адріанопольскому договору была вызвана не столько статьями этого договора, какъ тѣмъ фактомъ, что онъ былъ заключенъ одной Россіей, безъ участія прочихъ державъ, подписавшихъ вмѣстѣ съ нею лондонскій договоръ 1821 г. Начавъ войну противъ желанія своихъ союзниковъ, Россія заключила миръ, не спросясь ихъ совѣта.

Ликуя по этому поводу, княгиня Ливенъ вымещала свою злобу и свое торжество надъ великобританскимъ кабинетомъ въ лицѣ лорда Абердина.

«Я не могу себѣ представить,—писала она,—ничего очаровательнѣе рѣчей, которыя держитъ лордъ Абердинъ, принимая трагическое выраженіе.

— Ну, что же! вы одержали полную побѣду, говоритъ онъ, ваша слава безспорна; Россія владычествуетъ нынѣ надъ міромъ; вы, съ вашими скромными рѣчами, являетесь нынѣ всемогущими, а мы похожи на людей, вами обманутыхъ, униженныхъ.

— Тѣмъ хуже для васъ, милордъ! но васъ не обманывали, вы сами поддались обману. Ваше собственное самообольщеніе, или то самообольщеніе, которое внушилъ вамъ вашъ патронъ, князь Меттернихъ—вотъ вашъ истинный врагъ».

Какъ видимъ, княгиня была неумолима по отношенію къ тѣмъ, кто не раздѣлялъ ея взглядовъ, не содѣйствовалъ ей въ достиженіи ея видовъ и не признавалъ превосходства России и безупречности дѣйствій и намѣреній петербургскаго кабинета.

Среди государственныхъ людей, съ которыми она не воевала по поводу греческаго вопроса, былъ только одинъ, графъ Грей, къ которому, въ силу ихъ дружескаго расположенія, она относилась снисходительно, когда онъ осуждалъ нѣкоторые пункты нашего мирнаго договора съ Турціей, да и то, когда онъ достигъ власти и его политика, въ этомъ отношеніи, не многимъ разнилась отъ политики его предшественника, Ливенъ, жалуясь и упрекая его за это, заявила однажды, что она болѣе не будетъ видѣться съ нимъ, если онъ будетъ противиться выполненію договора, обезпечившаго независимость Греціи.

«Вотъ признаніе (не скажу угроза), которое я дѣлаю вполнѣ искренно и твердо. Прощайте, милордъ. Вотъ первый разъ, что я не прибавляю къ моему письму никакого дружескаго увѣренія».

А ранѣе этого, въ октябрѣ 1829 г., тотчасъ по прекращеніи военныхъ дѣйствій, обсуждая съ Греемъ мирныя условія, предложенныя Дибичемъ, и высказывая ему надежду на то, что эти условія будутъ измѣнены, такъ какъ императоръ не одобрялъ продолжительной оккупаціи княжествъ, Ливенъ писалъ своему другу:

«Не сердитесь же на Россію и на меня, ибо вы прекрасно знаете, что я не могу не быть русской».

Это не была пустая фраза въ устахъ княгини. Проживъ въ Англіи 17 лѣтъ, она дѣйствительно осталась русскою, и, какъ свидѣтельствуетъ ея переписка, принимала интересы Россіи близко къ сердцу, но она сдѣлалась англичанкой по привычкамъ и вкусамъ. Рѣдкія поѣздки, которыя она совершала въ Россію, не только не измѣняли ее въ этомъ отношеніи, но, напротивъ, укрѣпляли ее въ любви къ Англіи. Хотя при нашемъ дворѣ ей оказывался всегда благосклонный пріемъ, но она съ радостью возвращалась въ Лондонъ, въ ту среду, съ которой она вполнѣ сжилась, гдѣ она чувствовала себя болѣе дома, чѣмъ въ Россіи; и она высоко цѣнила то исключительное, почти един-

ственное положеніе, которое она занимала въ великобританскомъ обществѣ.

Поэтому, весьма естественно, она интересовалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тѣмъ, что дѣлалось и говорилось въ Англіи, и такъ какъ она охотно дѣлилась этимъ съ братомъ и со своимъ другомъ, лордомъ Греемъ, то въ ея письмахъ отразилась, какъ въ зеркалѣ, вся жизнь этого общества, со всѣми его происшествіями, интригами, скандалами, которые были такъ часты, вслѣдствіе испорченности нравовъ, имѣвшихъ своимъ источникомъ дворъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1830 г. скончался король Георгъ IV, которому наслѣдовалъ его братъ, герцогъ Кларенскій, подъ именемъ Вильгельма IV.

Княгиня Ливенъ даетъ любопытный портретъ этого монарха и вмѣстѣ съ тѣмъ набрасываетъ картину первыхъ дней этого царствованія, которая свидѣтельствуетъ о ея тонкой наблюдательности, остромъ умѣ и искусствѣ изобразить то, что она видѣла.

«Заранѣе прошу васъ простить мнѣ несвязность этого письма,—писала брату Ливенъ,—но я буду болтать по мѣрѣ того, какъ мысли будутъ приходить мнѣ въ голову. Во-первыхъ, о королѣ—какой странный король! bon enfant[1]), но недалекій! Я боюсь, чтобы онъ не потерялъ голову, до того онъ радъ царствовать. Онъ мѣняетъ все, за исключеніемъ того, что ему слѣдовало бы перемѣнить, т. е. своихъ министровъ. Онъ мѣняетъ мундиры арміи, флота, увольняетъ поваровъ, лакеевъ-французовъ; хочетъ, чтобы у него служили только одни англичане. Увольненіе поваровъ было первымъ актомъ его царствованія; это было сдѣлано въ самый день смерти покойнаго короля. Онъ приказалъ всѣмъ обрѣзать усы; онъ бѣгаетъ по улицамъ, болтаетъ съ прохожими, отправляется на гауптвахту, показываетъ дежурному офицеру свои пальцы, перепачканные въ чернилахъ, разсказываетъ, сколько писемъ онъ подписалъ, сколько ему предстоитъ дать аудіенцій, говоритъ о своей супругѣ королевѣ; производитъ ежедневно смотръ одному батальону и хочетъ такимъ образомъ смотрѣть всѣ батальоны.

«На другой день послѣ похоронъ, онъ переѣхалъ въ Виндзорскій дворецъ, гдѣ его ожидали министры и высшія должностныя лица. Онъ пріѣхалъ туда на козлахъ маленькой кареты, въ которой сидѣла королева и двѣ незаконныя дочери короля. Третьяго дня онъ былъ съ визитомъ у лорда и лэди Голландъ и, къ великому смущенію министровъ, напросился на слѣдующей недѣлѣ къ нимъ на обѣдъ. Онъ напросился также на обѣдъ къ принцу Леопольду и выразилъ желаніе, чтобы къ нему былъ приглашенъ также лордъ Грей. Это вызоветъ снова всеобщую тревогу. Король выказываетъ герцогу Веллингтону величайшее

---

[1]) Добрый малый.

благоволеніе и довѣріе, и въ то же время отвѣчаетъ на вопросъ герцогини Кумберлэндской о томъ, имѣлъ ли герцогъ у него аудіенцію въ то утро:

— Нѣтъ, слава Богу, милэди, я очень радъ, что не видалъ его; я былъ бы радъ никогда не видѣть его.

«Это его собственныя слова. Онъ удивительно дѣятеленъ, очень любитъ церемоніалъ и пріемы, часто бываетъ въ обществѣ, тратитъ много времени по пустякамъ и хочетъ преобразовать все сразу. Словомъ, у него вѣчная лихорадка. Толпа обожаетъ его; онъ показывается всюду и обходится со всѣми просто—этого довольно джонъ-булю. Разница между тѣмъ, какъ онъ держитъ себя, и поведеніемъ покойнаго короля говоритъ въ его пользу. Словомъ, Англія совершенно переродилась, и Веллингтонъ сказалъ очень удачно:

— Это не новое царствованіе, «это новая династія».

Ливенъ давала себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ затрудненіяхъ, какія долженъ былъ встрѣтить Веллингтонъ съ перемѣной царствованія. Положеніе Веллингтона было въ то время шатко. Общественное мнѣніе было очень возбуждено противъ него; и хотя не всѣ понимали сдѣланныя имъ ошибки, но большинство публики было противъ него.

«Виги и торіи одинаково ненавидятъ его,—писала Ливенъ.

«По виду онъ полновластный хозяинъ, какъ и въ предыдущее царствованіе, но никто не думаетъ, что онъ можетъ имъ остаться, если онъ не измѣнитъ состава министерства».

Такъ думалъ, вѣроятно, и самъ Веллингтонъ, такъ какъ въ это именно время, осенью 1829 г., онъ старался подкрѣпить свой кабинетъ и предлагалъ вступить въ него разнымъ лицамъ: лорду Грею, Мельбурну, Пальмерстону; всѣ они отвѣчали ему отказомъ или обставили свое согласіе такими условіями, на которыя онъ не могъ согласиться.

«Я нашла, что у него плохой видъ и что онъ сталъ задумчивъ и озабоченъ,—писала Ливенъ.

«Трудно допустить, чтобы такой проницательный народъ, какъ англичане, согласился долго быть управляемъ столь посредственными людьми».

Кн. Ливенъ, относившаяся столь враждебно къ Веллингтону и его кабинету, чего она и не скрывала, подвергалась неоднократно осужденію за то, что она не держала себя безпристрастно въ отношеніи его, какъ повелѣвала ей ея роль жены представителя иностранной державы, но даже употребила все свое вліяніе, чтобы повредить ему.

Ея образъ дѣйствій въ этомъ отношеніи подвергался многократно осужденію англичанъ и вызывалъ горячія нападки. Сэръ Спенсеръ Вальполь, основываясь на данныхъ, сообщаемыхъ въ «Перепискѣ Веллингтона», утверждаетъ, что Ливенъ принимала большое участіе въ интри-

гахъ, которыя велъ въ 1829 г. герцогъ Кумберлэндскій съ цѣлью низвергнуть Веллингтона, и присовокупляетъ, что ея поведеніе вызвало охлажденіе между русскимъ и великобританскимъ правительствомъ. Гревиль, отнюдь не принадлежавшій къ числу людей, расположенныхъ къ Веллингтону, утверждаетъ то же. Онъ говоритъ, что Ливенъ, изъ ненависти къ Веллингтону, о которой можно составить себѣ достаточное представленіе по выше приведеннымъ письмамъ и которую она не скрывала, присоединилась къ герцогу Кумберлэндскому съ цѣлью свергнуть Веллингтона, и что она была посредницей между герцогомъ и партіей Гусскиссона, которые были такими же противниками герцога въ католическомъ вопросѣ, какъ и крайніе торіи.

Кромѣ того, лордъ Абердинъ, въ письмѣ къ герцогу Веллингтону (9-го (21-го) іюля 1829 г.) писалъ:

«Полиньякъ (французскій посланникъ въ Лондонѣ) очень много распространялся о дѣйствіяхъ герцога Кумберлэндскаго и вліяніи, которое они имѣли. Онъ полагаетъ, что г-жа Ливенъ принимаетъ большое участіе въ его планахъ и что вліяніе ея на самого короля очень велико. Онъ (Полиньякъ) передавалъ мнѣ одинъ отзывъ о ней короля, который онъ слышалъ на-дняхъ, «что она сильнѣе всѣхъ въ политикѣ въ этой странѣ» (мнѣ передавала это г-жа д'Ескаръ, но мнѣ удалось разубѣдить ее относительно г-жи Ливенъ и ея вліянія) [1]).

Два дня спустя, Абердинъ писалъ еще:

«Судя по всему, что я слышу, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что герцогъ Кумберлэндскій дѣйствовалъ по ея (Ливенъ) совѣту, и что пріѣздъ герцогини также совершился по ея совѣту» [2]).

Таково было мнѣніе въ придворныхъ сферахъ Лондона.

Впрочемъ, лордъ Абердинъ счелъ нужнымъ измѣнить свой взглядъ недѣлю спустя послѣ того, какъ онъ выразилъ его столь рѣшительно.

16-го (28-го) іюня онъ писалъ снова Веллингтону:

«Что касается до домашнихъ дѣлъ, то я склоненъ думать, что мы приписываемъ княгинѣ болѣе вліянія, нежели она имѣетъ. Несомнѣнно, что она была бы готова сдѣлать намъ всевозможное зло, но, зная это, мы готовы заподозрѣть ея участіе въ каждой интригѣ. Г-жа Ливенъ такъ усердно отрицаетъ всякое участіе съ ея стороны въ планахъ герцога Кумберлэндскаго и такъ энергично утверждаетъ, что его намѣренія были ей совершенно неизвѣстны, она такъ серьезно и естественно описывала мнѣ, какъ онъ ей надоѣдаетъ, заставляя ее выслушивать его вѣчныя жалобы и враждебные отзывы (о Веллингтонѣ), что я готовъ повѣрить, что она не замѣшана въ его интригахъ, хотя она,

---

[1]) Wellington Correspondence, VI, 35.

[2]) Тамъ же, VI, 40.

вѣроятно, была бы не прочь воспользоваться ихъ успѣшнымъ результатомъ».

Сама Ливенъ отрицаетъ всякое участіе въ этихъ интригахъ.

«Ваши предположенія относительно интригъ, происходящихъ между партіями, и о томъ, что онѣ могутъ къ чему-либо повести—пишетъ она между прочимъ Грею 16-го (28-го) ноября 1829 г.,—кажутся мнѣ весьма невѣроятными... Вы можете быть вполнѣ увѣрены, что я не приму въ нихъ участія. Знать все и не мѣшаться ни во что—таково мое правило. Послѣ этого вступленія скажу вамъ по совѣсти, что я ничего не знаю, и, полагаю, что никакихъ интригъ не затѣвается. Скажу болѣе, я далека отъ того, чтобы желать этого».

Между тѣмъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату она признается ему откровенно, что «была бы не прочь свернуть шею Веллингтону». Конечно, отъ этого желанія до активнаго участія еще далеко, но трудно допустить, чтобы всѣ обвиненія противъ Ливенъ не имѣли основанія. Сопоставивъ вышеприведенныя ея слова съ тѣмъ, что она писала Грею, и зная, какъ она была неумолима въ своей ненависти и злобѣ къ герцогу, можно скорѣе предположить, что въ письмахъ къ брату, которыя посылались въ Россію съ надежной окказіей, Ливенъ высказывалась откровеннѣе, тѣмъ болѣе что, она знала, что эти письма будутъ прочитаны графомъ Нессельроде, и что русское правительство могло желать паденія Веллингтона и могло разсчитывать, что политика англійскаго кабинета будетъ менѣе враждебна Россіи, если у власти окажутся виги.

Не смотря на все свое довѣріе къ Грею, Ливенъ, быть можетъ, опасалась высказывать ему свои интимныя желанія, такъ какъ въ Англіи ея письма легко могли попасть въ чужія руки и скомпрометтировать ее, тѣмъ болѣе, что въ исходѣ 1829 г. положеніе самого князя Ливенъ было очень непрочно, и въ дипломатическихъ кругахъ полагали даже, что онъ оставитъ свой постъ. Король былъ не доволенъ сношеніями Ливенъ съ членомъ оппозиціи—Греемъ и отзывался неодобрительно о перепискѣ, которую она вела съ нимъ [1]. Веллингтонъ со своей стороны былъ бы не прочь избавиться отъ враждовавшей съ нимъ постоянно посланницы, и въ то время, когда, по окончаніи русско-турецкой войны, въ Лондонѣ происходили совѣщанія по поводу избранія греческаго короля и каждая держава предлагала своего кандидата,—лордъ Абердинъ

---

[1]) Когда Ливенъ сообщила объ этомъ Грею, то лордъ, высоко цѣнившій дружескія свои отношенія къ ней и дорожившій ея письмами, былъ готовъ принести жертву и прекратить переписку, чтобы избавить своего друга отъ непріятности, но она поспѣшила отвѣтить ему съ достоинствомъ:

„Вы плохо меня знаете, милордъ, если вы считаете меня способной принять это предложеніе. Потерять единственнаго друга, котораго я имѣю, чтобы сдѣлать пріятное врагу—плохая сдѣлка. Это было бы низко и глупо“.

воспользовался случаемъ, чтобы возстановить короля противъ Ливена.

Когда король приказалъ ему предложить и поддержать новаго кандидата на греческій престолъ въ лицѣ брата герцогини Кумберлэндской, герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, то этотъ министръ, бывшій по своимъ собственнымъ соображеніямъ противъ этого кандидата, сказалъ королю, что его желаніе не можетъ быть исполнено, такъ какъ князь Ливенъ противъ этого, прибавивъ, что русскій посланникъ горячій защитникъ правъ австрійскаго кандидата, принца Гессенъ-Гомбургскаго.

Это было такъ непріятно королю, что, какъ передавала сама княгиня, онъ сказалъ Абердину, что «было бы очень желательно, чтобы они (Ливены) были отозваны».

V.

Положеніе Франціи въ 1830 году. — Паденіе Веллингтона и порученіе лорду Грею составить кабинетъ. —Значеніе для Россіи перемѣны англійскаго министерства.—Письма Д. Х. Ливенъ по этому вопросу.—Бесѣда ея съ лордомъ Греемъ о направленіи его политики.

Богатый событіями 1830 годъ далъ обильную пищу умственной дѣятельности Д. Х. Ливенъ. Іюльская революція, возстанія въ Бельгіи и Польшѣ, конституціонная борьба въ Испаніи и Португаліи, перемѣна министерства въ Англіи, гдѣ власть перешла къ вигамъ въ лицѣ лорда Грея, парламентская реформа, совершившаяся въ этой странѣ, и другія многочисленныя событія, взволновавшія въ это время Европу, служили темой ея писемъ къ брату и лорду Грею, въ которыхъ она даетъ оцѣнку всѣхъ этихъ событій съ такимъ хладнокровіемъ и здравымъ сужденіемъ, какими не всегда обладаютъ государственные люди.

Касаясь дѣлъ Франціи, она заговорила о нихъ въ тотъ моментъ, когда они приняли угрожающій характеръ, и предугадала ихъ развязку.

Уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1830 г. она писала:

«Здѣсь (въ Лондонѣ) болѣе заняты въ настоящее время тѣмъ, что происходитъ во Франціи, нежели въ Англіи. Всѣ здравомыслящіе люди выражаютъ желаніе, чтобы король (Карлъ X) пожертвовалъ Полиньякомъ, къ которому онъ видимо питаетъ какое-то особенное пристрастіе, ибо благоволеніе, коимъ онъ пользуется, не можетъ быть оправдано его личными качествами. Это человѣкъ, не обладающій ни умомъ, ни та-

лантами; онъ хитеръ, упрямъ и отличается узостью взглядовъ. Пусть король держитъ его при себѣ, какъ друга, но онъ не долженъ быть первымъ министромъ просвѣщенной націи, которая не можетъ болѣе допустить, чтобы лица, ею правящія, были обязаны своимъ положеніемъ фаворитизму. Словомъ, получается впечатлѣніе, какъ будто король рискуетъ въ настоящее время монархіей ради Полиньяка. А онъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ по совѣту Веллингтона.

«Положеніе послѣдняго въ парламентѣ нѣсколько окрѣпло съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ соблюдать экономію, показавъ этимъ, что онъ сообразуется во всемъ съ желаніемъ большинства народа; удивительно, что тотъ самый человѣкъ, который подчиняется здѣсь общественному мнѣнію, совѣтуетъ французскому правительству идти противъ него.

«Впрочемъ, его образъ дѣйствій извѣстенъ; его способъ управленія заключается въ повиновеніи, т. е. оппозиція диктуетъ правительству то, что оно должно дѣлать».

Когда во Франціи вспыхнула революція, то Ливенъ, не зная еще, что думалъ о ней императоръ Николай I, говорила о революціи въ такомъ тонѣ, какого нельзя было ожидать отъ вѣрноподданной русскаго монарха и его горячей поклонницы.

Признавъ большимъ несчастіемъ для Европы, что такой «ограниченный человѣкъ, какъ Полиньякъ, могъ вовлечь ее въ лабиринтъ замѣшательствъ и опасности», она прибавляетъ:

«Спокойна ли теперь Франція? [1]), спокойны ли ея сосѣди? Новый король очень слабъ и уступчивъ, его національная гвардія сильно проникнута республиканскимъ духомъ. Испанія имѣетъ очень дурное правительство, Италія угнетена, и примѣръ Франціи тѣмъ болѣе опасенъ, что эта революція была ведена, надобно сознаться, съ большою умѣренностью и была вызвана всецѣло недобросовѣстностью правительства. Если, съ одной стороны, это предостереженіе полезно для королей, то оно можетъ быть дурнымъ примѣромъ для народовъ. Во всякомъ случаѣ, это вещь непріятная, которую передѣлать нельзя; необходимо только сдѣлать все возможное, чтобы она была какъ можно менѣе опасной. Я полагаю, что самымъ благоразумнымъ было бы поддержать это правительство.

«Здѣсь немного поморщились въ первый моментъ, но пришлось помириться съ неизбѣжностью. Герцогъ Веллингтонъ, который бываетъ очень тактиченъ, когда дѣло идетъ о его собственной безопасности, понялъ очень скоро, что надобно было признать новое французское правительство или оставить свой постъ, и рѣшилъ, въ удобный моментъ сдѣлать первое. Онъ даетъ одной рукой пріютъ династіи, покончившей

---

[1]) Письмо къ А. Х. Бенкендорфу 14-го (26-го) августа 1830 г.

свое существованіе, а другой—признаетъ новую династію. Въ Англіи всѣ одобряютъ его, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ крайнихъ торіевъ, съ герцогомъ Кумберлэндскимъ во главѣ, которому хотѣлось бы, чтобы Франціи была объявлена война для поддержанія правъ герцога Бордосскаго. Это романтизмъ и рыцарство, вполнѣ умѣстные въ устахъ Шатобріана, но которые не могутъ быть примѣнимы къ нынѣшнему состоянію Европы. Міръ сдѣлался слишкомъ практиченъ, чтобы можно было дѣйствовать въ этомъ духѣ.

«Третьяго дня я видѣла герцога Веллингтона и долго бесѣдовала съ нимъ съ глаза на глазъ. Онъ говорилъ только о Франціи и ни о чемъ другомъ, сожалѣлъ о случившемся, высказывалъ опасенія относительно будущаго и твердо рѣшилъ, что не слѣдуетъ дѣйствовать вызывающе, т. е. что Франціи не слѣдуетъ давать ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію или тревогѣ. Онъ очень осуждалъ предложеніе Меттерниха созвать конференцію въ Берлинѣ и сказалъ:

— Это было бы повтореніемъ пильницкой декларации [1]), которая была источникомъ всѣхъ бѣдствій, такъ долго тяготѣвшихъ надъ Европой. Представителямъ кабинетовъ великихъ державъ слѣдуетъ только обсудить совмѣстно, съ полной откровенностью и довѣріемъ, всѣ обстоятельства, которыя могутъ выяснить положеніе дѣлъ. Надобно тревожиться (это его собственныя слова), надобно неусыпно слѣдить за Франціей, но не слѣдуетъ раздражать ее, давъ ей возможность думать, что существуетъ какое-то судилище, гдѣ ее судятъ.

«О Полиньякѣ онъ говорилъ съ такимъ равнодушіемъ, которое очень возмутило меня; онъ сказалъ, смѣясь и сдѣлавъ выразительный жестъ:

— Онъ сложитъ голову на плахѣ.

«Вотъ каковъ этотъ человѣкъ».

Въ Англіи весьма многіе слѣдили съ тревогою и участіемъ за событіями, происходившими въ Парижѣ.

«Англійская свобода,—писала «Edinbourg Revue»,—одержала побѣду на полѣ битвы въ Парижѣ».

Наиболѣе умѣренные радовались тому, что былъ спасенъ монархическій принципъ и что «не случилось ничего худшаго», подразумѣвая подъ этимъ худшимъ республику. Лордъ Грей, какъ искренній либералъ, не могъ не осудить того, что онъ называлъ «гнуснымъ стараніемъ Карла X уничтожить однимъ ударомъ свободу Франціи и угрожать ей во всей Европѣ».

---

[1]) Въ 1791 г. Австрія и Пруссія заключили въ Пильницѣ конвенцію, въ силу которой онѣ обязались поддержать права французскаго королевскаго дома.

«Достославная революція [1]) вызвала съ его стороны чисто юношескій восторгъ.

«Онъ не надѣялся дожить до такого счастливаго событія.

«Онъ требовалъ, чтобы правительство герцога Орлеанскаго было немедленно признано».

Въ этомъ случаѣ Грей расходился съ Ливенъ, которая, увидавъ, что ея пророчество относительно Полиньяка сбылось, была объята страхомъ.

«Вчера,—писала она 8-го (20-го) сентября,—пріѣхалъ изъ Парижа П.; по его словамъ, городъ находится въ ужасномъ состояніи, всюду безпорядокъ, распущенность, нищета, а далѣе, весьма возможно, будетъ еще хуже. Многіе изъ членовъ англійской оппозиціи отправились туда, я очень рада этому, ибо они хоть немного отрезвятся; они до сихъ поръ еще полны иллюзій. Я хотѣла бы, чтобы либералы всѣхъ странъ поѣхали взглянуть на плоды такой революціи, какую пережила Франція, ихъ рвеніе отъ этого поубавилось бы».

Ливенъ мерещилась во Франціи воинственная республика, всеобщая война, повсюду революціи и хуже всего—англо-французскій союзъ противъ Россіи, если либералы достигнутъ власти въ Англіи, и она болѣе, чѣмъ когда-либо, волновалась. Генералъ Baudrand, чрезвычайный посолъ Людовика-Филиппа, прибывшій въ Лондонъ, просилъ свиданія съ нею и старался при ея посредствѣ смягчить Россію [2]).

Лордъ Грей, со своей стороны, старался разъяснить Ливенъ положеніе дѣлъ. Какъ выдающійся государственный человѣкъ, дальновидный и безпристрастный, онъ былъ выше мелочной злобы и ненависти. Когда былъ поднятъ вопросъ о посылкѣ стотысячной прусской арміи на Рейнъ, «ради предосторожности», то онъ умолялъ не раздражать французскаго народа.

«Мы не имѣемъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи», писалъ онъ.

Всѣ его старанія успокоить Ливенъ были напрасны. Бельгійская революція окончательно вывела ее изъ себя. Тщетно старался лордъ Грей объяснить ей, что манія революцій была бы не опасна [3]), если бы правительства дѣйствовали умно и умѣренно.

«Король голландскій—другъ Россіи,—отвѣчала ему Ливенъ [4]),—онъ находился подъ защитою трактатовъ, и это можетъ повести къ войнѣ. Царь любитъ принца Оранскаго, какъ брата. Что мнѣ за дѣло до этихъ

---

[1]) Письмо кн. Ливенъ 22-го іюля (3-го августа) 1830 г.

[2]) Какъ извѣстно, іюльскія событія произвели на императора Николая I огромное впечатлѣніе, и, узнавъ о нихъ, онъ былъ въ страшномъ негодованіи.

[3]) Письмо къ Ливенъ 22-го августа (3-го сентября) 1830 г.

[4]) Письмо 25-го августа (6-го сентября) 1830 г.

*

негодяевъ-бельгійцевъ и до этихъ прирейнскихъ провинцій, которыя вмѣсто того, чтобы обожать своего короля, который относится къ нимъ, какъ отецъ, обращаютъ свои взоры къ Франціи. И эти венгерцы, помышляющіе о томъ, чтобы отложиться! И эти италіанцы, которые волнуются! Даже въ самой Вѣнѣ проявляется нѣчто въ родѣ общественнаго мнѣнія, развѣ все это можетъ быть терпимо! А всему виною Франція».

Напрасно лордъ Грей утверждалъ, что противъ образа дѣйствій французскаго правительства нельзя ничего сказать; «это все лицемѣріе!» отвѣчала Ливенъ.

«Талейранъ способенъ на все. Франція не хочетъ, чтобы дѣла Бельгіи уладились, она хочетъ лавировать, затянуть ихъ до тѣхъ поръ, пока она не станетъ ея добычей, и все добродушіе Талейрана не имѣетъ иной цѣли, какъ отдать Бельгію въ руки Франціи. Это будетъ его политическимъ завѣщаніемъ; онъ возвратитъ ей то, что она потеряла по его винѣ».

Между тѣмъ Талейранъ былъ назначенъ посланникомъ въ Лондонъ, куда онъ пріѣхалъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ (1830 г.). Англійскій король былъ недоволенъ этимъ назначеніемъ. Ливенъ отзывается о новомъ посланникѣ не иначе, какъ съ презрѣніемъ; она подозрѣвала, что ему было поручено завязать между французскимъ и англійскимъ правительствами соглашеніе по разнымъ вопросамъ, волновавшимъ Европу, и это возбудило ея подозрительность и еще болѣе усилило ея недоброжелательные отзывы, о которыхъ Талейранъ вѣроятно никогда не узналъ, иначе онъ не расточалъ бы ихъ автору тѣ похвалы, какія онъ высказалъ Ливенъ въ своихъ мемуарахъ.

24-го сентября (6-го октября) Ливенъ писала Грею, что «герцогъ Веллингтонъ положительно очарованъ Талейраномъ... Онъ утверждаетъ, что это очень честный человѣкъ, и что все то, что говорили когда-либо противъ него,—чистѣйшая клевета. Честность Талейрана напоминаетъ мнѣ умъ Полиньяка», прибавляетъ она. «Портреты не удаются герцогу Веллингтону».

2-го (14-го) октября она выражается еще рѣзче: «Я обѣдала третьяго дня у короля. Нельзя быть любезнѣе и предупредительнѣе, нежели онъ былъ со мною. Онъ высказалъ мнѣ самыя лестныя вещи относительно союза Англіи и Россіи, и передалъ свой разговоръ съ Талейраномъ, который очень удивилъ его. Во время аудіенціи посланникъ сказалъ ему длинную рѣчь, на тему о неудачахъ, преслѣдующихъ его, Талейрана. Говорить о самомъ себѣ вмѣсто того, чтобы говорить о державѣ, которой является представителемъ—по истинѣ новость для дипломата.

«Король спросилъ меня, что я думаю о немъ (Талейранѣ). Я отвѣ-

чала ему, что я полагаю, что человѣкъ, занимавшійся семьдесятъ пять лѣтъ интригами, не можетъ отказаться отъ нихъ на семьдесятъ шестомъ году жизни».

Ливенъ тревожила и преслѣдовала мысль о томъ, какъ революціонное движеніе отразится на Россіи.

«Все, что дѣлается на континентѣ, весьма прискорбно,—пишетъ она брату 24-го сентября (6-го октября) 1830 г.,—что всего хуже, не представляетъ никакихъ гарантій, относительно будущаго; нельзя сказать, чтобы народами овладѣло легкомысліе, ими овладѣла страсть размышлять.

«Правительства не выказали ни предусмотрительности, ни энергіи. Примѣръ, поданный ими, чреватъ опасностью, которой возможно избѣжать только при величайшей осмотрительности и бдительности. Мы имѣемъ къ счастію много причинъ, обезпечивающихъ намъ безопасность. Во-первыхъ, наша отдаленность, затѣмъ сравнительное невѣжество низшаго класса, врожденная намъ религіозность и преданность престолу, а самое главное, мы имѣемъ монарха просвѣщеннаго, справедливаго и вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго и дѣятельнаго душою и тѣломъ, умѣющаго заставить бояться и въ то же время любить себя. Поэтому я не боюсь за насъ, но мы составляемъ часть Европы и связаны трактатами—не будемъ ли мы поэтому вовлечены въ движеніе, нарушающее покой Европы?

«Въ настоящее время одинъ невѣрный шагъ можетъ повести къ безчисленнымъ бѣдствіямъ. Правительства не смѣютъ нынѣ дѣлать ошибки; интеллигентная публика критикуетъ ихъ и пользуется ими. Съ тѣхъ поръ какъ народамъ открыли путь къ образованію, задача правительства сдѣлалась тысячу разъ труднѣе».

Событія, происшедшія во Франціи, обнаружили ошибки герцога Веллингтона и усилили непопулярность кабинета торіевъ. Непопулярность эта достигла въ исходѣ 1830 г. высшей степени. Изъ парламентскихъ выборовъ, состоявшихся въ августѣ, герцогъ вышелъ съ потерею 50 голосовъ. Брумъ и лордъ Грей готовились руководить оппозиціей: первый въ палатѣ общинъ, второй—въ палатѣ лордовъ. Герцогъ Веллингтонъ не располагалъ достаточными силами, которыя онъ могъ бы противопоставить складывавшейся противъ него оппозиціи. Къ тому же онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые, подобно Каннингу, умѣли постигать духъ своего вѣка, сообразоваться съ потребностями своего времени. Подъ вліяніемъ военной славы и частаго обращенія съ подчиненными герцогъ привыкъ холодно относиться къ людямъ и не придавалъ особеннаго значенія народнымъ нуждамъ.

21-го октября (2-го ноября) былъ открытъ парламентъ. Тронная

рѣчь, произнесенная королемъ, указывала на тревожное положеніе дѣлъ какъ на континентѣ Европы (въ Бельгіи), такъ и въ самой Англіи. Вечеромъ того же дня Грей въ своей блестящей рѣчи обращалъ вниманіе лордовъ на «приближающійся ураганъ», къ которому слѣдовало бы приготовиться. Избирательная реформа, по мнѣнію Грея, являлась якоремъ спасенія, необходимостью,—Веллингтонъ и думать о ней не хотѣлъ, видя въ ней революцію. Рѣшительное заявленіе его, что онъ былъ противъ какихъ бы то ни было реформъ, ускорило паденіе его кабинета. 3-го (15-го) ноября, при обсужденіи въ палатѣ общинъ королевскаго бюджета, министерство потерпѣло неудачу. Ночью того же дня Ливенъ получила отъ Грея слѣдующую стереотипную записку: «Княгинѣ Ливенъ. Дѣленіе (голосовъ) въ палатѣ общинъ.

За министровъ.	204
Противъ	233
Большинство оппозиціи . . .	29

Всегда наиболѣе вамъ преданный Г.»

На слѣдующій же день король пригласилъ Грея къ себѣ во дворецъ и далъ ему порученіе составить новый кабинетъ.

Радость княгини не знала предѣловъ; теперь и ея положеніе упрочилось. Ей нечего было болѣе опасаться, что «пройдетъ еще немного времени, и ей, быть можетъ, придется навсегда оставить Англію», какъ того желали торіи.

Никто лучше не понималъ значеніе Грея и не служилъ такъ его интересамъ, какъ его «преданный другъ», княгиня Ливенъ.

«Я не могу себѣ представить васъ иначе, какъ главою кабинета или оппозиціи,—писала она своему другу незадолго до паденія кабинета Веллингтона. Вы не можете себѣ представить, какія надежды возлагаютъ на васъ всѣ; васъ считаютъ единственнымъ человѣкомъ, способнымъ объединить партіи; а я вижу въ васъ единственнаго человѣка, способнаго управлять Англіей.

«Мнѣ пріятно видѣть, какъ обѣ стороны васъ боятся, какъ онѣ васъ желаютъ; какъ всѣ заняты вами; словомъ, какъ всѣ думаютъ единодушно, что та сторона, на которой вы будете, одержитъ верхъ. Поистинѣ вы держите въ своихъ рукахъ судьбы Англіи».

Когда, наконецъ, Грей сталъ во главѣ кабинета, радость Ливенъ была неописуема, но ее озабочивала программа новаго министерства, и она задавалась вопросомъ, насколько эта перемѣна будетъ благопріятна для политики Россіи.

«Изъ того, что вамъ извѣстно о моихъ связяхъ въ этой странѣ,— писала она брату 8-го (20-го) ноября 1830 г., сообщая имена лицъ, со-

ставившихъ кабинетъ Грея,—вы видите, что новые министры изъ числа самыхъ близкихъ моихъ знакомыхъ. Не преувеличивая своего вліянія, которое можетъ очень измѣниться со вступленіемъ этихъ лицъ во власть, я полагаю, что я могу еще быть полезна. Будьте увѣрены и передайте графу Нессельроде, что я буду держать себя очень осторожно, такъ чтобы, въ случаѣ отставки этого министерства и возвращенія къ власти герцога Веллингтона, мнѣ не пришлось бы очутиться въ затруднительномъ положеніи».

«Мой образъ дѣйствій намѣченъ,—писала она два дня спустя;—я врагъ только однихъ радикаловъ такъ же, какъ и новое правительство. Я ожидаю, чтобы новые министры высказались, чтобы рѣшить, буду ли я въ оппозиціи съ нимъ или нѣтъ.

«Я видѣла вчера лорда Грея»,—пишетъ Ливенъ и передаетъ происшедшій между ними любопытный разговоръ. На вопросъ Ливенъ относительно тѣхъ взглядовъ, коими онъ руководился при выборѣ своихъ сотрудниковъ, онъ отвѣчалъ:

— Я руководствовался при составленіи министерства слѣдующими двумя главными соображеніями: во-первыхъ, я хотѣлъ показать, что въ теперешнее демократическое и якобинское время есть возможность найти людей способныхъ и среди высшей аристократіи, но это не значитъ, что я желаю закрыть доступъ (въ кабинетъ) людямъ истинно достойнымъ, если бы я встрѣтилъ таковыхъ, среди членовъ палаты общинъ; но, при одинаковыхъ достоинствахъ, я отдамъ предпочтеніе аристократу, ибо этотъ классъ служитъ гарантіей безопасности государства и престола. Во-вторыхъ, я не хочу, подобно моему предшественнику, блистать на счетъ моихъ коллегъ. Наоборотъ, мой кабинетъ составленъ изъ людей, выказавшихъ выдающіяся парламентскія способности. При выборѣ каждаго изъ нихъ я принималъ въ соображеніе его личныя способности къ занимаемому имъ посту, и я предоставляю каждому полную свободу дѣйствій въ его части. Такимъ образомъ совѣщанія кабинета будутъ настоящими совѣщаніями, и деспотизмъ будетъ уничтоженъ».

Въ припискѣ къ этому письму, написанной симпатическими чернилами, княгиня говоритъ:

«Я потребовала настоятельно, чтобы лордъ Грей высказался относительно бельгійскаго вопроса. Онъ сказалъ мнѣ:

— Вы должны понять, что я заинтересованъ въ сохраненіи мира гораздо болѣе, нежели мой предшественникъ. Имѣйте ко мнѣ настолько довѣрія, чтобы повѣрить, что я найду къ этому средство.

— Средство это уже найдено, милордъ,—сказала я,—вамъ стоитъ только продолжать начатое. Здѣсь засѣдаетъ конференція, свидѣтель-

ствующая о единодушіи пяти великихъ державъ, въ этомъ вопросѣ— поддержите ее, и миръ будетъ обезпеченъ.

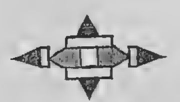
— Но по крайней мѣрѣ дайте мнѣ время узнать, что сдѣлано, тогда я буду въ состояніи вамъ отвѣтить.

— Не теряйте времени, милордъ,—возразила я,—будьте увѣрены, что перемѣна, происшедшая въ Англіи, поразитъ Европу. Вамъ необходимо высказаться передъ нею и какъ можно скорѣй. Императоръ знаетъ и уважаетъ васъ. Мнѣ было бы пріятно думать, что эти чувства въ немъ упрочатся.

— Повѣрьте мнѣ,—отвѣтилъ онъ,—вы будете довольны. Обѣщаю вамъ, что въ теченіе этой недѣли лордъ Пальмерстонъ (министръ иностранныхъ дѣлъ) дастъ уполномоченнымъ такія объясненія, которыя вполнѣ удовлетворятъ васъ. Если все, что было сдѣлано до сихъ поръ, клонилось къ упроченію мира, то будьте увѣрены въ томъ, что я буду дѣйствовать въ томъ же духѣ.

Какъ видно изъ этого разговора, Ливенъ не только никогда не теряла изъ вида интересовъ своего правительства, но пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы дѣйствовать сообразно съ его видами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Графъ Рейзетъ въ Россіи въ 1852—1854 гг.[1]

(Извлеченіе изъ его воспоминаній).

I.

Прибытіе гр. Рейзета въ Петербургъ. — Впечатлѣніе, произведенное на него русскою столицею.—Первыя знакомства. — Высочайшій смотръ въ Красномъ Селѣ.—Характеристика императора Николая I.—Французскій актеръ Верне.—Петербургское общество.—Верченіе столовъ.—Политическое положеніе Франціи и принца Наполеона въ 1851 г.—Мнѣніе о Наполеонѣ въ Россіи и популярность его во Франціи.—Бесѣда Киселева съ Рейзетомъ.—Положеніе Французскаго посольства въ Петербургѣ.

Въ 1852 г. французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ былъ маркизъ де-Кастельбажакъ. Его ближайшимъ помощникомъ, первымъ секретаремъ посольства, былъ назначенъ въ это время графъ Рейзетъ, который прибылъ къ мѣсту своего назначенія въ іюлѣ мѣсяцѣ (1852 г.), совершивъ переѣздъ изъ Штетина моремъ на прусскомъ пакеботѣ «Адлеръ», на которомъ ѣхали наслѣдный принцъ Саксонскій и принцъ Августъ Виртембергскій, приглашенные императоромъ Николаемъ I присутствовать на маневрахъ. На томъ же пароходѣ находились австрійскій посланникъ, генералъ Менсдорфъ и прусскій посланникъ въ Петербургѣ, генералъ Роховъ.

«Во все время нашего переѣзда, записалъ графъ въ своемъ дневникѣ, море было совершенно спокойно. Только блѣдный цвѣтъ воды и

---

[1]) Comte de Reiset. Mes souvenirs. La guerre de Crimée et la cour de Napoléon III. T. II. Paris. 1902.

отражавшагося въ ней неба указывали на то, что мы направлялись къ сѣверу. Когда мы подъѣзжали къ Петербургу и увидѣли на горизонтѣ очертанія города, то онъ произвелъ на насъ большое впечатлѣніе. Купола церквей и колокольни, почти всѣ позолоченные, сверкали на солнцѣ; казалось, что передъ нами былъ восточный городъ, какіе описываютъ въ арабскихъ сказкахъ, но эта иллюзія разсѣевалась по мѣрѣ нашего приближенія.

«Оставивъ влѣво Кронштадтъ и его грозные бастіоны, преграждающіе входъ въ Неву, мы вошли въ рѣку и остановились у набережной, гдѣ меня встрѣтилъ, по порученію посланника, Камиллъ Дольфусъ, чиновникъ, состоявшій при французскомъ посольствѣ. Мой новый начальникъ (маркизъ де-Кастельбажакъ) былъ человѣкъ утонченной вѣжливости; онъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при русскомъ дворѣ съ 13-го (25-го) февраля 1850 г.

«Я долженъ былъ, не теряя времени, ознакомиться съ русской жизнью и съ текущими дѣлами, ибо 2-го (14-го) августа генералъ Кастельбажакъ, получивъ отпускъ, уѣзжалъ во Францію, возложивъ на меня, какъ на перваго секретаря посольства, всѣ дѣла.

«Петербургъ произвелъ на меня впечатлѣніе новаго города, построеннаго на европейскій ладъ. Вдоль его длинныхъ, широкихъ и прямыхъ улицъ, именуемыхъ проспектами, тянутся дома, изъ коихъ весьма много деревянныхъ; есть также нѣсколько дворцовъ французской или италіанской архитектуры, но они не представляютъ ничего оригинальнаго или поражающаго.

«Эти дома представляютъ большую противуположность съ населеніемъ, которое движется по улицамъ Петербурга. Если бы не одежда простонародья, то можно было бы вообразить, что находишься въ Берлинѣ (?)».

Графъ былъ пораженъ невиданнымъ для него зрѣлищемъ и съ удивленіемъ отмѣтилъ, что въ Петербургѣ «коровы выходятъ лѣтомъ изъ домовъ, заслышавъ рожокъ пастуха, и цѣлыми стадами отправляются за городъ на пастбище, откуда онѣ возвращаются въ тотъ же день вечеромъ, что придаетъ этому большому столичному городу почти деревенскій видъ».

Его поразила также дороговизна жизни въ Петербургѣ.

Онъ поселился въ домѣ французскаго посольства, который былъ предоставленъ посланникомъ на время его отсутствія въ полное распоряженіе графа.

«Живя въ этомъ вполнѣ меблированномъ домѣ, я получалъ, говоритъ онъ, какъ повѣренный въ дѣлахъ, 5.000 франковъ въ мѣсяцъ; но, при страшной дороговизнѣ жизни въ Петербургѣ, этой суммы едва

хватало. Полотеръ спросилъ съ меня 4 рубля (16 франковъ), чтобы натереть двѣ комнаты, что потребовало всего полтора часа времени. Ванна стоитъ здѣсь 7 франковъ, за часъ ѣзды въ экипажѣ въ городѣ платятъ 9 франковъ; водовозъ получаетъ 100 франковъ въ мѣсяцъ.

«Однажды, гуляя въ Павловскомъ паркѣ, я закусилъ кускомъ булки съ масломъ, съ кускомъ ветчины, за что торговка спросила съ меня рубль. Все дорого. Одинъ апельсинъ стоитъ 50 копѣекъ.

«Передъ отъѣздомъ генералъ Кастельбажакъ повезъ меня въ Петергофъ, гдѣ ему была назначена императоромъ прощальная аудіенція. Такъ какъ я долженъ былъ представиться государю только въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по возвращеніи его въ Петербургъ, то я гулялъ, въ ожиданіи генерала въ паркѣ. Насъ принялъ генералъ Роховъ, прусскій посланникъ, пользующійся особымъ благоволеніемъ императрицы, и князь Кочубей, изъ свиты императора. Послѣдній предоставилъ въ наше распоряженіе экипажи для осмотра парка. На террасѣ, у дворца, находится множество позолоченныхъ статуй и фонтановъ. Дворецъ представляетъ изъ себя невысокое зданіе, въ тяжеловѣсномъ неизящномъ стилѣ, и выкрашенъ въ желтую и бѣлую краску».

Время года было неблагопріятное для знакомства съ высшимъ петербургскимъ обществомъ, которое жило лѣтомъ на дачахъ.

«Первымъ человѣкомъ, съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ и близко сошелся, былъ англійскій посланникъ, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ и его семейство. Однимъ изъ предразсудковъ императора Николая было, что онъ не считалъ возможнымъ сближеніе Франціи съ Англіей.

«Мои личныя отношенія къ сэру Гамильтону Сеймуру, въ которыхъ политика не играла впрочемъ никакой роли, становились съ каждымъ днемъ все ближе и тѣснѣе. Его супруга и двѣ очаровательныя дочери оказали мнѣ самый любезный пріемъ. Сэръ Гамильтонъ, человѣкъ умный, благородный и вмѣстѣ съ тѣмъ искусный дипломатъ, остроумный и пріятный собесѣдникъ, зналъ основательно прошлое и настоящее Россіи.

«Онъ охотно согласился познакомить меня съ петербургскимъ обществомъ и, чтобы дать мнѣ болѣе ясное понятіе о современной политикѣ русскаго царя, познакомилъ меня въ рядѣ интимныхъ бесѣдъ съ поступательнымъ движеніемъ Россіи, начиная съ Петра Великаго. Онъ объяснилъ мнѣ, какимъ образомъ, завладѣвъ Крымомъ, Бессарабіей и устьями Дуная, Россія проложила себѣ путь къ Константинополю (?) и, учредивъ протекторатъ надъ придунайскими княжествами и Сербіей, и пріобрѣтя вліяніе надъ славянскимъ населеніемъ Турецкой имперіи, все болѣе и болѣе тѣснила Турцію.

«По счастливой для меня случайности, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ былъ много лѣтъ очень близокъ къ семьѣ перваго президента [1]). Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ нимъ.

— Во время возстанія въ Романіи, я былъ англійскимъ посланникомъ во Флоренціи,—сказалъ Сеймуръ. Однажды вечеромъ, ко мнѣ явилась дама, желавшая меня видѣть; это оказалось королева Гортензія [2]). Она спѣшила къ своимъ сыновьямъ, которые находились въ то время въ папскихъ владѣніяхъ. Не имѣя паспорта, она рѣшилась попросить его у англійскаго посланника, на сочувствіе котораго разсчитывала. Я сказалъ ей тотчасъ, что она можетъ располагать мною и можетъ ѣхать далѣе подъ однимъ изъ моихъ именъ, напр. подъ фамиліей Гамильтонъ, если она находитъ это удобнымъ.

— Какимъ путемъ мнѣ ѣхать,—спросила королева,—чтобы не попасть въ руки австрійцевъ?

— Я могу сказать это вашему величеству,—возразилъ я,—только поговоривъ съ моимъ коллегой, австрійскимъ посланникомъ, къ которому я отправлюсь тотчасъ.

«Черезъ часъ, сэръ Гамильтонъ вернулся и далъ королевѣ вмѣстѣ съ паспортомъ всѣ необходимыя разъясненія, благодаря чему она имѣла возможность повидаться со своими сыновьями.

«Съ тѣхъ поръ, продолжалъ сэръ Гамильтонъ Сеймуръ, во всѣхъ письмахъ, которыя писала королева, она называла меня шутя своимъ кузеномъ, намекая этимъ на фамилію Гамильтонъ, подъ которой она совершила свое путешествіе. Желая доказать мнѣ, что воспоминаніе объ этомъ вечерѣ не изгладилось изъ ея памяти, она завѣщала мнѣ великолѣпный старинный камей, осыпанный жемчугомъ, подаренный ей императоромъ, который получилъ его въ свою очередь отъ папы.

«Если я поѣду въ Парижъ, то этотъ камей послужитъ мнѣ рекомендательнымъ письмомъ къ принцу (Людовику Наполеону), который, я увѣренъ, отнесется благосклонно къ другу своей матери».

«Наша бесѣда перешла затѣмъ вполнѣ естественно къ вопросу о послѣдствіяхъ, которыя могла имѣть поѣздка президента на югъ Франціи. По этому поводу сэръ Гамильтонъ сказалъ мнѣ, что если принцъ, вступивъ на престолъ, будетъ соблюдать договоры 1815 г. и не будетъ стремиться къ войнѣ, какъ онъ заявилъ объ этомъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ Бордо, то онъ полагаетъ, что вопросъ о его признаніи не представитъ затрудненій.

---

[1]) Впослѣдствіи императора Наполеона III.
[2]) Мать Наполеона III.

«Изъ этихъ словъ видно, что мы имѣли въ лицѣ англійскаго посланника человѣка, который, по своимъ личнымъ симпатіямъ, могъ, въ случаѣ надобности, быть полезенъ французскому правительству.

«Нѣсколько дней спустя послѣ моего пріѣзда, я посѣтилъ вечеромъ г-жу Апраксину, рожденную Голицыну, старушку, статсъ-даму великой княгини Елены Павловны, которая пользуется при русскомъ дворѣ большимъ вліяніемъ. Она была фрейлиной при императрицѣ Екатеринѣ.

«Войдя въ большую столовую, я увидѣлъ собравшихся къ ней дамъ, которыя сидѣли вокругъ стола и пили чай, молоко, кушали пирожное и фрукты. Я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ, не подозрѣвая, что тутъ же находилась и великая княгиня Елена Павловна; затѣмъ я прошелъ въ зало, гдѣ г-жа Апраксина сидѣла на диванѣ рядомъ съ принцемъ Августомъ Виртембергскимъ, братомъ великой княгини. Г-жа Апраксина была очень удивлена, увидавъ, что принцъ подалъ мнѣ руку и радушно поздоровался со мною, какъ со старымъ знакомымъ. Онъ попросилъ хозяйку дома представить меня великой княгинѣ, что̀ она немедленно исполнила. Ея высочество отнеслась ко мнѣ весьма любезно; сказала мнѣ, что принцъ Августъ отзывался обо мнѣ весьма дружественно, и задала мнѣ вопросъ о моихъ отношеніяхъ къ виртембергской королевской семьѣ. Я понялъ, что ей было извѣстно изъ разсказовъ брата о моихъ брачныхъ предположеніяхъ, которыя были впослѣдствіи оставлены.

— Вы жили въ Штутгардтѣ,—сказала она,—и были знакомы съ королевской семьею.

«Я отвѣчалъ, не входя въ дальнѣйшія подробности, что я никогда не былъ въ Штутгардтѣ, но что, въ бытность въ Италіи, участвовалъ въ спектаклѣ во французскомъ посольствѣ въ Римѣ, на которомъ присутствовалъ виртембергскій королевскій принцъ, которому я былъ представленъ, и что впослѣдствіи, на водахъ въ Эксѣ, въ Савойѣ, я познакомился у баронессы де-Бурже съ одной изъ дочерей графа Александра Виртембергскаго.

«Заговоривъ о путешествіи принца-президента, она спросила меня, дѣйствительно ли въ провинціи оказывали ему такія восторженныя встрѣчи, какъ говорилось въ газетахъ. Я отвѣчалъ, что всѣ частныя свѣдѣнія, полученныя мною, вполнѣ согласуются съ тѣмъ, что сообщалось въ газетахъ, и что въ этомъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ принцъ путешествуетъ среди народа, которому наскучили революціи и который далъ ему власть, въ надеждѣ покончить съ ними. Великая княгиня выслушала меня внимательно и все время, пока я находился подлѣ нея, говорила со мною о президентѣ.

«Такимъ образомъ мы долго бесѣдовали о всѣхъ обстоятельствахъ

этого путешествія и говорили о рѣчи, съ которой принцъ обратился къ епископу Марсельскому. Великая княгиня сказала мнѣ, что она находитъ эту рѣчь весьма замѣчательной и прочувствованной.

«Когда я сказалъ ей, что президентъ человѣкъ выдающагося ума, но, прежде всего, добродѣтельный человѣкъ, который, искренно любя Францію, желаетъ ея славы и благоденствія, то она замѣтила:

— Если это такъ, то надобно желать, чтобы принцъ шелъ и впредь тѣмъ путемъ, который намѣченъ ему Провидѣніемъ.

«Великая княгиня была женщина выдающагося ума, но относилась не особенно сочувственно къ Франціи. Если кто-либо изъ женщинъ могъ имѣть вліяніе при русскомъ дворѣ, то несомнѣнно, она принадлежала къ числу этихъ лицъ; благодаря своимъ выдающимся качествамъ и своему образованію, она имѣла большое вліяніе на императора.

«12-го (24-го) августа я видѣлъ впервые императора Николая I на большомъ смотру въ Красномъ Селѣ.

«На парадѣ присутствовали императрицы, и всѣ великіе князья и великія княгини, за исключеніемъ герцога Лейхтенбергскаго, который былъ опасно боленъ. Среди великихъ князей находился старшій сынъ наслѣдника цесаревича. Этотъ прелестный ребенокъ былъ одѣтъ гусаромъ, съ маленькимъ краснымъ ментикомъ на плечахъ. Его младшій братъ, одѣтый также въ военной формѣ, находился въ палаткѣ императрицы.

«Я помѣстился внизу у самой царской палатки, которая была раскинута на маленькомъ пригоркѣ и окружена толпой лицъ, желавшихъ полюбоваться зрѣлищемъ.

«Подвигаясь понемногу впередъ, я очутился, наконецъ, совсѣмъ близко къ лошади императора, возлѣ котораго находились его два младшихъ сына. Николай I стоялъ напротивъ императрицы, шагахъ приблизительно въ двадцати отъ нея, достаточно близко, чтобы перекинуться съ нею нѣсколькими словами, на которыя она отвѣчала ему кивкомъ головы.

— Посмотри, — сказалъ государь, обращаясь къ ней, — какъ солнце сверкаетъ на латахъ кавалергардовъ, которые приближаются къ намъ, чтобы пройти церемоніальнымъ маршемъ.

«Императоръ Николай былъ въ прусской лентѣ, въ честь присутствовавшаго на смотру прусскаго королевскаго принца (впослѣдствіи императоръ Фридрихъ III); это былъ очень бѣлокурый, блѣдный молодой человѣкъ съ кроткимъ выраженіемъ лица. Его сопровождали генералъ Врангель, прусскій посланникъ Роховъ и Менсдорфъ.

«Я замѣтилъ во время смотра, что прусскій и австрійскій посланники находились все время подлѣ императора, который относился къ

нимъ, по обыкновенію, весьма благосклонно, такъ же точно, какъ и къ нѣмецкимъ офицерамъ, пріѣхавшимъ на маневры.

«Особенное отличіе было оказано генералу Гессе, начальнику штаба австрійской арміи, который былъ правою рукою генерала Радецкаго. Я познакомился съ нимъ въ Миланѣ во время войны въ Ломбардіи; императоръ пожаловалъ ему алмазные знаки Александра Невскаго и подозвалъ его къ себѣ въ то время, когда передъ нимъ проходилъ полкъ, шефомъ котораго былъ австрійскій императоръ.

«Видя на красносельскихъ маневрахъ толпу иностранныхъ офицеровъ и въ томъ числѣ нѣсколько англичанъ, я сожалѣлъ о томъ, что тутъ не было представителя французской арміи. Если бы французскій военный министръ счелъ нужнымъ прислать нѣсколькихъ офицеровъ, то имъ былъ бы оказанъ наилучшій пріемъ.

«До тѣхъ поръ только одни нѣмцы были предметомъ лестнаго вниманія со стороны императора, но я полагаю, что если бы въ Россіи чаще появлялись французскіе офицеры, то они съумѣли бы вызвать къ себѣ симпатію и разсѣять существовавшее противъ нихъ предубѣжденіе.

«Разсказы о разныхъ таинственныхъ и чудесныхъ происшествіяхъ и разные анекдоты имѣютъ большой успѣхъ въ Петербургѣ.

«Всевозможные разсказы изъ жизни императора Николая составляютъ также излюбленную тему разговора.

«Вотъ одинъ изъ подобныхъ разсказовъ, который я передаю здѣсь, такъ какъ онъ прекрасно рисуетъ характеръ императора, хотя случай, о которомъ будетъ рѣчь, произошелъ за нѣсколько лѣтъ до моего пріѣзда въ Петербургъ. Славившійся въ Парижѣ въ царствованіе короля Людовика-Филиппа актеръ театра «Варіете», Верне, даровитый и остроумный комикъ, пріѣхалъ въ Петербургъ. Встрѣтивъ его однажды во время прогулки, императоръ остановилъ его и, поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, спросилъ, какая пьеса идетъ въ тотъ день во французскомъ театрѣ.

— «Ma femme et mon parapluie» [1])—отвѣчалъ Верне.

— А, прекрасно, я бы хотѣлъ, чтобы императрица видѣла эту хорошенькую пьесу; такъ до вечера, г. Верне.

Государь сѣлъ въ дрожки и поѣхалъ далѣе.

Верне, очень довольный этой встрѣчей, спѣшилъ домой, чтобы повторить свою роль, какъ вдругъ къ нему подошли два полицейскихъ и повели его въ участокъ, гдѣ, по правиламъ, онъ долженъ былъ отсидѣть сутки за то, что остановилъ императора и заговорилъ съ нимъ, не имѣя на это разрѣшенія.

---

[1]) „Моя жена и мой зонтикъ“.

Бѣдный Верне не зналъ, что думать; напрасно старался онъ объяснить, что онъ актеръ французскаго театра, что безъ него не можетъ состояться спектакль и, наконецъ, что императоръ самъ остановилъ его на Невскомъ; его не слушали и посадили подъ арестъ.

Въ восемь часовъ вечера, когда императоръ пріѣхалъ съ императрицею въ театръ, разсчитывая видѣть Верне, Гедеоновъ, директоръ театровъ, доложилъ ихъ величествамъ, что Верне въ театрѣ нѣтъ.

— Я посылалъ за нимъ, но неизвѣстно, куда онъ дѣлся; мы всѣ очень встревожены по этому поводу,

— Что вы говорите!—воскликнулъ императоръ,—я самъ встрѣтилъ его подъ вечеръ на Невскомъ, онъ былъ веселъ, какъ всегда, и повидимому здоровъ; дайте сейчасъ же знать Дуббельту, пусть немедленно розыщутъ Верне.

Поспѣшно были наведены справки, и вскорѣ императору доложили о случившемся.

Освобожденный Верне съигралъ свой водевиль при громкихъ аплодисментахъ всего театра, такъ какъ публика узнала о случившейся съ нимъ непріятности и сдѣлала ему овацію.

По окончаніи представленія, императоръ и императрица пожелали видѣть Верне; они хотѣли отъ него самого слышать о его приключеніи.

Императоръ извинился; передъ нимъ и сказалъ:

— Любезный Верне, какъ я могу загладить случившееся съ вами сегодня непріятное приключеніе?

— Ваше величество такъ милостивы ко мнѣ, что я уже вполнѣ вознагражденъ. Я такъ тронутъ вниманіемъ вашего величества, что забылъ о случившемся и ни о чемъ не прошу ваше величество.

Императоръ настаивалъ; тогда Верне сказалъ:

— Ваше величество непремѣнно настаиваете, чтобы я просилъ у васъ какой-нибудь милости?

— Да, разумѣется,—прервалъ государь.

— Такъ я буду всенижайше просить одного: будьте такъ милостивы, не говорите со мною больше, когда вы встрѣтите меня на улицѣ.

Императоръ, императрица и вся царская фамилія отъ души посмѣялись надъ этой шуткой.

— Какой вы шутникъ,—сказалъ императоръ;—ну, такъ приходите ко мнѣ завтра въ Зимній дворецъ, къ 12 часамъ, тамъ вамъ не надобно бояться полицейскихъ.

Разумѣется, Верне явился къ назначенному часу. Императоръ долго бесѣдовалъ съ нимъ о новыхъ пьесахъ, которыя давались въ то время въ Парижѣ, а затѣмъ далъ ему великолѣпную табакерку со своимъ портретомъ, осыпаннымъ бриллiантами.

Это было въ 1840 году.

Послѣ отъѣзда изъ Петербурга генерала Кастельбажака, французское посольство состояло изъ графа Алоиза Рейневаля, Камиля Дольфуса и автора настоящихъ записокъ.

«Рейневалъ и Дольфусъ были добрые, умные, прекрасные товарищи,—говоритъ онъ. Каждый вечеръ, послѣ обѣда, мы отправлялись всѣ вмѣстѣ на острова, единственное пріятное мѣсто прогулки въ окрестностяхъ Петербурга.

«Однажды, на большомъ вечерѣ у англійскаго посланника, на которомъ присутствовалъ будущій вице-король Индіи, лордъ Напиръ, который былъ въ то время первымъ секретаремъ англійскаго посольства, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ разсказалъ, что онъ получилъ въ то утро письмо отъ извѣстнаго ученаго Гумбольдта, который писалъ ему, что опыты съ вертящимися столами, о которыхъ начинали говорить, были произведены въ присутствіи короля прусскаго и удались, къ великому испугу королевы, которой едва не сдѣлалось дурно. Гумбольдтъ совѣтовалъ Гамильтону Сеймуру продѣлать то же въ семейномъ кругу. Изъ числа присутствующихъ одни вѣрили въ возможность этого явленія, другіе видѣли въ этомъ только легковѣріе или шарлатанство.

Было рѣшено произвести опытъ. Тотчасъ сняли коверъ, мужчины и дамы сѣли вокругъ стола, соприкасаясь руками и держа ихъ надъ столомъ. Лэди Сеймуръ стояла между мною и Лемлеемъ, чиновникомъ, состоявшимъ при англійскомъ посольствѣ, Гертруда, дочь Сеймура,—между нимъ и отцомъ, ея сестра между отцомъ и мною. Никто изъ насъ не былъ способенъ къ обману. Мы смотрѣли другъ на друга съ улыбкою и ожидали, что̀ будетъ дальше, готовые посмѣяться другъ надъ другомъ.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, намъ показалось, что столъ подъ нашими пальцами зашевелился; черезъ часъ столъ какъ бы ожилъ.

— Онъ шевелится!—восклицали одни.

— Это обманъ чувствъ,—говорили другіе.

Вдругъ столъ, какъ бы желая разсѣять всѣ наши сомнѣнія, выскользнулъ изъ подъ нашихъ рукъ, понесся по комнатѣ и завертѣлся. Мы были такъ поражены этимъ, что вскочили со своихъ мѣстъ и послѣдовали за нимъ.

Лордъ Напиръ и г-жа Кнорингъ, присутствовавшіе при опытѣ, были удивлены не менѣе насъ.

Обѣ дочери Гамильтона отступили въ испугѣ, одной изъ нихъ едва не сдѣлалось дурно. Вообще дамы были такъ напуганы, что намъ пришлось обратить все это въ шутку, чтобы успокоить ихъ.

Эта веселая, пріятная жизнь совершенно не соотвѣтствовала приближавшимся важнымъ событіямъ.

Еще два года передъ тѣмъ, въ 1850 г., былъ поднятъ восточный вопросъ.

Въ 1851 г., одинъ изъ будущихъ министровъ Наполеона III, Тувенель, въ то время французскій посланникъ въ Мюнхенѣ, предостерегалъ по этому поводу французское министерство иностранныхъ дѣлъ.

— Я знаю Востокъ,—говорилъ онъ,—и утверждаю, что Россія не уступитъ. Это для нея вопросъ жизни или смерти; въ Парижѣ не должны забывать этого, если не хотятъ доводить дѣло до крайности.

Нѣсколько времени спустя онъ писалъ: «несмотря на увѣренія нѣкоторыхъ лицъ, даже въ Римѣ нѣтъ болѣе рѣчи о крестовыхъ походахъ; кромѣ латинскихъ монаховъ, проживающихъ въ Іерусалимѣ, никто не думаетъ о Святыхъ мѣстахъ, поэтому было бы гораздо благоразумнѣе не затѣвать объ нихъ спора».

Несмотря на эти благоразумные совѣты, французская и русская дипломатія вели въ Константинополѣ энергичную войну, которая обострялась съ каждымъ днемъ.

Положеніе дѣлъ во Франціи еще болѣе увеличивало затрудненія. Путешествіе президента по Франціи; восторгъ, съ которымъ его встрѣчали; рѣчь, сказанная имъ въ Бордо, во время которой онъ сказалъ знаменитыя слова «имперія это міръ»—все это предвѣщало перемѣну, которая въ Петербургѣ никого не удивила. Императору Николаю не понравилась сказанная принцемъ фраза: «когда Франція довольна, то Европа спокойна».

— Развѣ Франція считаетъ себя осью, на которой вертится міръ?—замѣтилъ на это государь.

Между тѣмъ, князь Шварценбергъ, говоря о Франціи, выразился приблизительно въ томъ же смыслѣ, но нѣсколько болѣе юмористично, сказавъ, что «когда у Франціи насморкъ, то Европа чихаетъ».

Эти и тому подобныя рѣчи волновали всѣхъ. Только Нессельроде относился спокойно къ событіямъ, происходившимъ во Франціи.

— Если принять во вниманіе всѣ обстоятельства, предвѣщающія войну въ Европѣ, то она весьма вѣроятна, — говорилъ онъ, — но, какъ человѣкъ практичный и опытный въ дѣлахъ, я не вѣрю въ возможность войны и думаю, что все обойдется спокойно.

Императоръ приказалъ Киселеву и нѣкоторымъ другимъ посланникамъ прибыть въ Петербургъ къ 4-му (16-му) октября 1852 г., когда государь и Нессельроде должны были возвратиться въ столицу; это связывали съ ожидавшейся въ декабрѣ мѣсяцѣ перемѣной правительства во Франціи. Императоръ не хотѣлъ, чтобы его уполномоченный Киселевъ

находился въ это время въ Парижѣ, дабы онъ какимъ-нибудь поступкомъ или словомъ не предрѣшилъ будущее положеніе Россіи относительно новой имперіи, желая сохранить въ этомъ случаѣ полную свободу дѣйствій.

Что касается прочихъ посланниковъ, Мейендорфа и Северина[1]), то императоръ вызвалъ ихъ, чтобы лучше знать настроеніе германскихъ дворовъ и разъяснить имъ образъ дѣйствій, котораго имъ надлежало держаться.

Благодаря счастливой случайности, какъ сказано выше, совершивъ часть путешествія въ Россію съ Сидовымъ, прусскимъ посланникомъ въ Баденѣ, я сошелся на пароходѣ съ наслѣднымъ принцемъ саксонскимъ Альбертомъ, съ принцемъ виртембергскимъ Августомъ, братомъ великой княгини Елены Павловны, и съ Роховомъ и Менсдорфомъ, изъ коихъ первый былъ уже много лѣтъ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ и былъ другомъ императрицы, съ которой онъ видѣлся нѣсколько разъ въ недѣлю; австрійскій же посланникъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся генераловъ австрійской арміи.

Во время путешествія люди сближаются и бесѣдуютъ откровеннѣе, нежели въ гостиной; такимъ образомъ, я имѣлъ случай узнать мысли и предположенія, коими были заняты эти дипломаты.

Сѣверныя державы относились къ Франціи не особенно сочувственно. Къ ней питали скорѣе нѣкоторую боязнь и недовѣріе. Эти чувства проявлялись въ особенности въ ошибочной оцѣнкѣ ея политическаго положенія: президенту не отдавали должнаго за всѣ услуги, оказанныя имъ Европѣ до и послѣ переворота 2-го декабря.

Всѣ говорили приблизительно одно и то же:

— Мы преклоняемся предъ его твердостью и его храбростью; онъ спасъ Францію; но посмотримъ, какъ онъ будетъ держать себя по отношенію Европы!

Было грустно слышать, какъ несправедливо отзывались о принцѣ Наполеонѣ. Его заслуги по большей части никѣмъ не признавались. Никто не рѣшался выказать себя открыто врагомъ Франціи, но всѣ старались умалить значеніе главы государства, искажая его дѣйствія.

Въ Германіи говорили какъ бы умышленно только о русскомъ императорѣ, въ Россіи говорили только о Германіи; что касалось Франціи, то ея какъ будто не существовало. Ее признавали способной только защитить себя отъ вліянія соціалистическихъ и революціонныхъ идей.

Но высокопоставленныя лица были сдержаннѣе дипломатовъ и старались не выражать открыто своего несочувствія къ Франціи. У нихъ

[1]) Изъ Вѣны и Мюнхена.

*

было слишкомъ много такта и осторожности, чтобы высказать свои сокровенныя мысли. Они старались, напротивъ, скрыть ихъ изысканной вѣжливостью обхожденія и самыми лестными отзывами о принцѣ-президентѣ. Но по всему, о чемъ они умалчивали, легко можно было догадаться, что у нихъ было въ душѣ, и эта сдержанность служила доказательствомъ ихъ недружелюбія.

Говоря о принцѣ-президентѣ, императоръ Николай I-й отзывался о немъ всегда самымъ дружественнымъ образомъ, но вслѣдъ за любезными словами говорилась обыкновенно фраза, которая выдавала, помимо воли, его тревогу.

— Надобно,—говорилъ онъ,—чтобы принцъ не испортилъ своего положенія, чтобы онъ управлялъ страною и впредь благоразумно.

Истинный смыслъ этихъ словъ былъ тотъ, что президенту не слѣдовало, по его мнѣнію, и думать о перемѣнѣ образа правленія.

Эта мысль высказывалась яснѣе и откровеннѣе, можно сказать менѣе осторожно, другими лицами, которыя хотя и занимали видное положеніе, но не должны были соблюдать подобной осторожности. Я имѣлъ полное основаніе думать, что все то, что̀ они высказывали по отношенію къ Франціи, дѣйствительно согласовалось вполнѣ съ намѣреніями императора, потому, что въ Петербургѣ, въ особенности въ высшихъ сферахъ, всѣ слишкомъ осторожны, чтобы высказать мысль, или чувства, не удостовѣрившись въ томъ, что они согласны съ мыслями и чувствами государя.

Съ самаго пріѣзда своего въ Петербургъ, я старался разсѣять предубѣжденіе русскихъ противъ Франціи и въ особенности старался убѣдить дипломатовъ въ томъ, что принцъ-президентъ слишкомъ твердо и ясно понималъ свои права и свою силу, чтобы считать нужнымъ добиваться одобренія своихъ дѣйствій иностранными державами и, что ежели, повинуясь желанію народа, онъ измѣнитъ форму правленія, то ему нечего будетъ опасаться.

Я еще не видалъ императора, который собирался на большія маневры въ Чугуевъ, но такъ какъ ему передавали все, что говорилось при дворѣ, то я былъ увѣренъ, что ему было извѣстно, въ какомъ смыслѣ я говорилъ съ великой княгиней Маріей Николаевной, которая очень интересовалась судьбою Франціи.

Хотя большинство русскихъ относилось къ намъ недоброжелательно, но нѣкоторыя лица сочувствовали принцу-президенту и одобряли его дѣйствія, клонившіяся къ упроченію своей власти.

Вообще, въ высшемъ обществѣ къ намъ (французамъ) относились съ какою-то напускною вѣжливостью.

— Проживя въ Петербургѣ девять лѣтъ, чувствуешь себя здѣсь

столь же чужимъ, какъ въ первый день пріѣзда,—говорили мои сотоварищи.

Я старался держать себя какъ можно осторожнѣе, но при всякомъ удобномъ случаѣ подготовлялъ умы къ событію, которое становилось день-ото-дня болѣе вѣроятнымъ, и въ особенности старался разъяснять, какія выгоды оно могло принести не только Франціи, но и всей Европѣ.

Я не разъ имѣлъ случай наблюдать, что чѣмъ болѣе почестей оказывали принцу во Франціи, тѣмъ благосклоннѣе относилось къ нему общественное мнѣніе въ Россіи. Я даже удивлялся тому, съ какой быстротой совершалось это превращеніе. Мнѣ вскорѣ уже не приходилось выслушивать за спиною тѣ оскорбительные отзывы, которые задѣвали меня въ первые дни по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Тонъ, какимъ говорили о Франціи, измѣнился и сталъ серьезнѣе; мнѣ случалось даже слышать, какъ иные спорили о томъ, какое имя приметъ принцъ вступивъ на престолъ.

На этотъ случай императоромъ Николаемъ уже были сдѣланы соотвѣтственныя распоряженія.

Повѣренному въ дѣлахъ Россіи въ Парижѣ, замѣнявшему генерала Киселева на время его отсутствія, въ случаѣ полученія имъ оффиціальнаго сообщенія о возстановленіи имперіи, было приказано отвѣчать, что онъ долженъ снестись по этому поводу съ графомъ Нессельроде.

Когда я спросилъ однажды Сенявина [1]), какъ долго пробудетъ Киселевъ, то онъ отвѣтилъ мнѣ довольно рѣзко:

— Почемъ я знаю!

Этотъ отвѣтъ и выраженіе, съ какимъ были сказаны эти слова, были весьма не успокоительны.

Когда я жаловался ему, по поводу дня ангела президента, на нелюбезность, съ какою отнесся къ этому дню московскій губернаторъ, то онъ отвѣчалъ, что передастъ объ этомъ императору, когда онъ вернется, но при этомъ повторилъ то, что я слышалъ отъ неге уже неоднократно:

«Что 3-го (15-го) августа не было днемъ ангела принца, ибо, судя по газетамъ, онъ праздновалъ день св. Людовика въ Сенъ-Клу 13-го (25-го) числа».

— Впрочемъ,—присовокупилъ онъ,—это еще выяснится, до будущаго года еще далеко.

Я не настаивалъ, а сказалъ только, что мы будемъ праздновать тезоименитство главы государства, когда и какъ намъ вздумается, какъ

---

[1]) Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ.

это дѣлаютъ прочія миссіи относительно тезоименитствъ своихъ монарховъ.

Я считалъ необходимымъ подчеркнуть нашу самостоятельность.

Не смотря на благосклонность, съ какою императоръ Николай I-й относился къ генералу Кастельбажаку, положеніе представителей Франціи въ Петербургѣ было не изъ легкихъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ нѣсколькимъ французамъ, прибывшимъ въ Кронштадтъ безъ паспортовъ, не только не было дозволено высадиться на берегъ, но ихъ выпроводили оттуда самымъ грубымъ образомъ.

Когда я встрѣтился впервые съ канцлеромъ, графомъ Нессельроде, то онъ обошелся со мною весьма любезно.

— Я очень люблю молодыхъ дипломатовъ,—сказалъ онъ.

Я постарался доказать ему, при первомъ удобномъ случаѣ, что, несмотря на свою молодость, я могъ быть твердъ.

Одинъ французъ, служившій у банкира Штиглица, былъ посаженъ въ тюрьму въ Кронштадтѣ. Узнавъ, что единственной его виною было то, что онъ ухаживалъ за одной изъ женскихъ прислугъ барона и что онъ былъ арестованъ только изъ угодливости полиціи къ Штиглицу, я отправился немедленно къ генералу Дуббельту съ просьбою выпустить его на свободу.

Генералъ Дуббельтъ встрѣтилъ меня преувеличенно любезно; я сказалъ ему, что прежде чѣмъ пожать протянутую имъ руку, я хочу знать, какъ онъ намѣренъ поступить по отношенію къ одному изъ моихъ соотечественниковъ, который неправильно арестованъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я заявилъ ему, что французское посольство не допуститъ, чтобы съ французскимъ подданнымъ обходились, какъ съ мужикомъ, и что я требую, чтобы онъ былъ освобожденъ въ тотъ же день.

Генералъ Дуббельтъ сталъ извиняться и обѣщалъ немедленно сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе, что и было имъ исполнено.

Всякій разъ, когда я встрѣчался съ графомъ Нессельроде, онъ говорилъ со мною самымъ естественнымъ и непринужденнымъ образомъ о Франціи, но упоминалъ о событіяхъ вскользь, тщательно избѣгая всякаго разговора, который могъ коснуться вопроса о возстановленіи имперіи. Однако, когда было получено извѣстіе о рѣчи, произнесенной принцемъ въ Бордо, онъ отозвался о ней одобрительно, отмѣтивъ, что она подавала надежду на миръ. Затѣмъ, впадая въ болѣе откровенный тонъ, онъ сталъ разсказывать съ увлеченіемъ о времени, которое онъ провелъ въ Парижѣ, состоя при русскомъ посольствѣ, когда онъ зналъ королеву Гортензію и принца Людовика-Наполеона въ дѣтствѣ.

Во Франціи событія быстро шли впередъ. 26-го сентября (8-го октября) генералъ Кастельбажакъ писалъ мнѣ съ юга Франціи:

«Я хочу вамъ сказать, что я видѣлъ своими собственными глазами и слышалъ своими собственными ушами то, чего я никогда не видалъ и не слыхалъ до сихъ поръ въ нашихъ южныхъ городахъ, ни въ одну изъ политическихъ эпохъ; нѣтъ возможности представить себѣ неистовый восторгъ народа во время проѣзда принца-президента.

«Въ Тулузѣ, послѣ военнаго смотра, произошелъ, какъ здѣсь говорятъ, «гражданскій смотръ»; со всѣхъ городовъ департамента сбѣжалось все населеніе, каждая община со своимъ значкомъ, изъ коихъ на большинствѣ находятся еще гербы прежнихъ владѣльцевъ, что, согласитесь сами, очень оригинально въ настоящее время. Эта огромная, стотысячная толпа прошла передъ принцемъ, крича неистово: «да здравствуетъ императоръ!» Эти слова были начертаны у всѣхъ на шляпахъ. На улицахъ города, украшенныхъ флагами и усыпанныхъ цвѣтами, раздавались тѣ же крики, былъ замѣтенъ такой же энтузіазмъ. Среди этой взволнованной толпы принцъ былъ все также спокоенъ, даже меланхоличенъ; онъ не отталкивалъ толпу, но старался успокоить ее.

«Я всегда думалъ и теперь вполнѣ увѣренъ въ томъ, что во Франціи существуетъ только два политическихъ теченія: монархическіе принципы въ пользу принца Людовика-Наполеона и соціалистическіе, варварскіе, дѣйствующіе подъ знаменемъ Ледрю Роллена Kº. Первое изъ этихъ теченій, проложившее себѣ глубокое русло, увлекаетъ въ настоящую минуту все и всѣхъ къ имперіи: если имъ не воспользуются, то опасные элементы общества отдѣлятся и направятся къ демагогическому потоку; тогда не будетъ достаточно могучей плотины, которая бы могла сдержать его.

«Вотъ, дорогой графъ, что должны хладнокровно обсудить, въ интересахъ монархическаго будущаго, консерваторы и всѣ европейскіе монархи. Да просвѣтитъ ихъ Господь и да избавитъ Онъ насъ отъ новыхъ революцій!»

19-го (31-го) октября у меня обѣдалъ Киселевъ, который былъ со мною въ высшей степени любезенъ.

—Я видѣлъ императора только третьяго дня въ Царскомъ Селѣ,—сказалъ онъ,—и нашелъ, что онъ такъ сочувственно относится къ президенту, что мнѣ не пришлось даже высказать ему тѣ похвалы, какія я предполагалъ. Онъ отозвался о его высочествѣ въ столь лестныхъ выраженіяхъ, что мнѣ оставалось только слушать его. Вамъ извѣстно, что на слова императора можно положиться, онъ всегда чистосердеченъ и держитъ свое слово. Императоръ настроенъ такъ доброжелательно, что надобно полагать, что все уладится. Но слѣдуетъ избѣгать того, что могло бы оскорбить его. Успѣхъ дѣла будетъ зависѣть отъ того, какъ оно будетъ представлено и какъ оно будетъ возвѣщено. Державы, какъ вамъ из-

вѣстно, связаны договорами и принципами, которые были ими провозглашены. Надобно постараться не дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыя были сдѣланы при вступленіи на престолъ короля Людовика-Филиппа и которыя чрезвычайно взволновали русское правительство. Надобно найти средство примирить всѣ требованія, а не говорить: «дѣло сдѣлано; съ этимъ надобно помириться».

Когда я спросилъ его, что онъ подразумѣваетъ подъ словами «средство примирить всѣ требованія», то онъ отвѣчалъ, что въ Парижѣ навѣрно съумѣютъ найти самыя подходящія выраженія, чтобы не напугать Европу, извѣщая ее о столь важномъ событіи.

Этотъ разговоръ, который велся съ большими недомолвками, клонился, по моему мнѣнію, лишь къ тому, чтобы дать мнѣ понять, что Россія признаетъ совершившійся фактъ, лишь бы новый императоръ, вступивъ на престолъ, заявилъ опредѣленно, что онъ признаетъ всѣ статьи договора 1815 г., коими были опредѣлены настоящія границы европейскихъ государствъ.

Высказавъ Киселеву, какъ мнѣ было радостно слышать о столь благопріятномъ настроеніи императора, я сказалъ, что такъ какъ оба наши государства преслѣдуютъ одну и ту же цѣль, т. е. благо народа, порядокъ и устойчивость договоровъ, то намъ нетрудно будетъ придти къ соглашенію и дѣйствовать во всемъ совмѣстно.

Киселевъ закончилъ нашъ разговоръ, сказавъ:

—Мнѣ было бы очень пріятно повторить все сказанное мною г. Друенъ-де-Люису, такъ какъ я люблю Францію, гдѣ я такъ долго жилъ, поэтому я такъ желаю избѣжать всего, что могло бы нарушить добрыя отношенія между обѣими державами.

Одинъ изъ моихъ друзей, состоявшій при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, писалъ мнѣ изъ Парижа 3-го (15-го) октября 1852 г.:

«Дѣлая министру докладъ о своемъ путешествіи въ Петербургъ, Фрезальсъ сказалъ, что онъ не можетъ пройти молчаніемъ, до какой степени онъ былъ удивленъ вашимъ положеніемъ въ Россіи.

«Д. Андре встрѣтилъ вчера Куракина, который, не смотря на отпускъ, взятый Киселевымъ, отзывается въ весьма благопріятномъ смыслѣ объ имперіи».

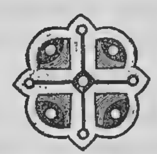
Фрезальсъ, о которомъ идетъ рѣчь, писалъ мнѣ въ тотъ же день:

«Пріѣхавъ въ министерство, я постарался прежде всего повидать г. Друенъ-де-Люиса. Въ нашихъ бесѣдахъ съ его превосходительствомъ рѣчь часто заходила о васъ. Нѣтъ надобности говорить, что я распространился по поводу того, какъ прекрасно ваше положеніе въ Петербургѣ.

«Президентъ возвращается въ Парижъ завтра, и ему готовятъ великолѣпный пріемъ. Поговариваютъ о созывѣ чрезвычайнаго засѣданія сената для провозглашенія имперіи.

«Вообще, это событіе не заставитъ себя долго ожидать, и я не удивлюсь, если вы узнаете о немъ съ однимъ изъ слѣдующихъ курьеровъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо А. Н. Оленина къ М. М. Сперанскому, по поводу проекта гражданскаго уложенія.

Учрежденная при императорѣ Александрѣ I коммиссія составленія законовъ внесла въ 1814 году на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проекты всѣхъ трехъ частей гражданскаго уложенія, составленные еще подъ руководствомъ Сперанскаго. Разсмотрѣніе этихъ проектовъ совѣтомъ въ 1814—1815 годахъ вызвало много возраженій со стороны адмираловъ Шишкова, Мордвинова, князя Лопухина и въ особенности Трощинскаго, тогда министра юстиціи, который находилъ весь проектъ гражданскаго уложенія испорченнымъ переводомъ кодекса Наполеона.

Государственный Совѣтъ возвратилъ всѣ проекты уложенія обратно въ коммиссію составленія законовъ, находя невозможнымъ ихъ разсматривать безъ помощи свода законовъ. Позднѣе Сперанскій, по возвращеніи своемъ изъ Сибири, призванный въ 1821 году къ разсмотрѣнію трудовъ коммиссіи составленія законовъ, обратился къ А. Оленину,—въ то время статсъ-секретарю департамента законовъ,—съ просьбою прислать ему изъ архива Государственнаго Совѣта бумаги и журналы по пересмотру гражданскаго уложенія въ 1814—1815 годахъ. Препровождая ихъ, Оленинъ писалъ Сперанскому 30-го октября 1821 года:

«Сія любопытная часть дѣяній верховнаго совѣщательнаго сословія, установленнаго для исправленія законовъ и разсмотрѣнія важныхъ государственныхъ мѣръ, нынѣ, по новому ходу дѣлъ, нѣсколько отступившаго отъ сей полезной цѣли, можетъ доказать, существомъ содержащихся въ оной (т. е. книгѣ журналовъ Совѣта) преній о проектѣ гражданскаго уложенія, сколь далеко могутъ увлекаться отъ настоящаго предмета даже и весьма умные люди, когда они руководствуются однимъ только долговременнымъ навыкомъ. Сіи, впрочемъ, опытные мужи, устрашенные, частію и не безъ причины, превратностію и дерзновеніемъ мыслей и замысловъ нынѣшняго времени, опасаются встрѣтить даже и въ самыхъ искреннихъ желаніяхъ лучшаго устройства въ управленіи,

какія-нибудь тайныя намѣренія, клонящіяся по ихъ мнѣнію къ ниспроверженію стараго порядка. Сей страхъ дѣйствуетъ въ нихъ такъ сильно, что они въ существующемъ порядкѣ никакихъ недостатковъ не видятъ, хотя онъ уже давно отъ времени и отъ разныхъ обстоятельствъ пришелъ въ совершенный упадокъ и запутанность. Слѣдовательно, оный и требуетъ, а особливо нынѣ, только общаго исправленія, а не общаго измѣненія, какъ многіе таковымъ почитаютъ всякое отмѣненіе или пополненіе закона, часто необходимое по времени и обстоятельствамъ.

«Въ семъ-то видѣ испровerженія коренныхъ нашихъ законовъ и замѣненія оныхъ совершенно новымъ былъ принятъ нѣкоторыми изъ гг. членовъ Совѣта проектъ гражданскаго уложенія. Малый форматъ книги, въ коей сей проектъ заключается, показался имъ весьма сомнительнымъ. Люди, привыкшіе съ самыхъ юныхъ лѣтъ видѣть, что даже и не полное собраніе существующихъ у насъ гражданскихъ законовъ составляетъ не маловажное число бумажныхъ, рукописныхъ кипъ или десятокъ и болѣе печатныхъ томовъ въ листъ и въ четвертку, крайне были удивлены и даже, такъ сказать, испуганы, когда объявлено было, что вся масса законовъ заключается въ одной книжкѣ, напечатанной для удобности формата въ восьмушку и довольно крупнымъ шрифтомъ на 248 страницахъ. Въ самомъ дѣлѣ, по долговременной привычкѣ видѣть огромныя кипы существующихъ законовъ трудно имъ было вдругъ постигнуть и убѣдиться въ томъ, что, отбросивъ изъ оныхъ все то, что̀ въ нихъ составляетъ обыкновенную форму предисловія, объясненія, повѣствованія и общепринятаго Сенатомъ заключенія при изданіи оныхъ, также встрѣчающіяся иногда въ нихъ повторенія, что за отдѣленіемъ всѣхъ таковыхъ излишествъ при составленіи полнаго и систематическаго уложенія, самое существо закона содержится обыкновенно въ нѣсколькихъ строкахъ, и потому какъ гражданское уложеніе, такъ и всѣ другія коренныя узаконенія во всей ихъ полнотѣ могутъ быть весьма удобно помѣщены въ маломъ числѣ небольшихъ печатныхъ книгъ. Вотъ, что было весьма трудно и почти невозможно доказать безъ цѣлаго собранія или свода существующихъ узаконеній, расположенныхъ по порядку статей проекта гражданскаго уложенія. Вотъ почему бо̀льшая часть членовъ согласилась требовать таковой сводъ для совокупнаго разсмотрѣнія со статьями проекта гражданскаго уложенія и для повѣрки оныхъ.

«Вотъ, что при изданіи сего проекта въ видѣ настоящаго уложенія казалось необходимо нужнымъ для удостовѣренія въ томъ, что въ немъ нѣтъ ничего вновь выдуманнаго и ничего другаго не исключено изъ существующихъ законовъ, кромѣ того, что̀ по времени и обстоятельствамъ сдѣлалось уже неудобоисполнимымъ или составляло одни повторенія, либо заключало обстоятельства, до самаго существа законовъ не

касающіяся и, наконецъ, для убѣжденія въ томъ, что существо законовъ въ новомъ уложеніи вполнѣ выписано и хотя въ самомъ краткомъ, однако же въ весьма ясномъ видѣ расположено по порядку предметовъ, для правильнаго руководства въ производствѣ дѣлъ и для возможной извѣстности законовъ, какъ самимъ тяжущимся или подсудимымъ, такъ и судьямъ, къ уменьшенію ябедъ, поборовъ и взятокъ.

«Вотъ, милостивый государь, что я долгомъ почелъ донести вашему превосходительству, при доставленіи требованныхъ вами бумагъ. Я поставилъ это себѣ въ обязанность, какъ бывшій производитель при началѣ пересмотра гражданскаго уложенія въ 1814 и 1815 годахъ и какъ нынѣшній статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ.

«Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Оленинъ».

Сообщ. П. М. Майковъ.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1903 г.

ТОМЪ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія. СТРАН.

Портреты.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Библіографическій листокъ.

1. Великій князь Николай Михаиловичъ Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817) Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Томъ первый. С.-Петербургъ. 1903 г. — Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ апрѣльской книги).

2. Главное Инженерное управленіе. Ч. I. Царствованіе императора Александра I. Вып I. Инженерное управленіе и его средства. Историческій очеркъ (въ т. VII „Столѣтіе военнаго министерства", 1802 — 1902 г.). Спб. 1902 г.—Л. В. Евдокимова (на оберткѣ майской книги).

3. Тюмень въ XVII столѣтіи. Собраніе матеріаловъ для исторіи города съ „введеніемъ" и заключительной статьею прив.-доц. И. М. Головачева: „Экономическій бытъ Тюмени въ XVII в."; съ приложеніемъ плана старинной Тюмени и 2 видовъ Благовѣщенскаго собора начала XVII в. Изд. А. И. Чукмалдиной. Москва. 1903 г.—Н. И. Кашкадамова (тамъ же).

4. Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива Комитета Министровъ. Историческій очеркъ. Томъ 4-й. Составленъ кн. П. В. Чегодаевымъ, кн. Татарскимъ (гл. I—III) и Н. А. Кислинскимъ (гл. IV и V), подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Изданіе Комитета Министровъ. С.-Петербургъ. 1902 г.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ іюньской книги).

5. „Старина русской земли". Первая книга для чтенія по отечественной исторіи. I. Древняя Русь. Составили В. Соколовъ и В. Хитровъ. Москва 1903 г. Цѣна 85 к.—Его же (тамъ же).

за границы необходимые для устройства линій паровозы, тендеры, вагоны, рельсы, скрѣпленія, чугунъ и желѣзо для постройки мостовъ и вообще всѣ металлическія принадлежности, нужныя для оборудованія каждой данной линіи. Для того, чтобы облегчить компаніямъ обзаведеніе рельсами и подвижнымъ составомъ, правительство рѣшилось допустить къ привозу всѣ желѣзнодорожныя принадлежности безпошлинно, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что въ настоящемъ случаѣ всѣ другіе интересы должны были уступить мѣсто одному—главнѣйшему: созданію рельсовой сѣти.

Съ восшествіемъ на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича дѣло нашего желѣзнодорожнаго строительства, получившее новый толчекъ еще въ 1891 г., вслѣдствіе принятаго правительствомъ рѣшенія строить Сибирскую дорогу и образованія нѣсколькихъ крупныхъ частныхъ компаній для сооруженія рельсовыхъ путей въ Европейской Россіи,—достигло кульминаціоннаго пункта своего развитія. За все время существованія русскихъ желѣзныхъ дорогъ не наблюдалось столь быстраго и послѣдовательнаго роста нашей рельсовой сѣти, какъ за пятилѣтіе 1895—1899 гг.: въ теченіе этого періода времени разрѣшено и обезпечено постройкою 14.836 верстъ желѣзныхъ дорогъ, не считая Великаго Сибирскаго пути, протяженіемъ свыше 7.000 верстъ.

Оффиціальныя статистическія свѣдѣнія за десятилѣтіе 1890—1899 гг. показываютъ, что максимальная цифра привоза къ намъ изъ-за границы стальныхъ рельсовъ падаетъ на 1895 г. и составляетъ 1.157.000 пудовъ; между тѣмъ отечественными сталерельсовыми заводами въ томъ же году выработано 18.448.122 пуда такихъ же рельсовъ. Въ послѣдніе два года этого десятилѣтія производительность нашихъ сталерельсовыхъ заводовъ возросла до 32.000.000 п., ввозъ же стальныхъ рельсовъ сократился: въ 1898 г. до 731.000, а въ 1899 г.—до 507.000 пудовъ, т. е. равнялся всего 2,3—1,7% выдѣланнаго внутри страны количества рельсовъ.

Дѣятельность русскихъ паровозостроительныхъ заводовъ можно также считать успѣшною: изъ 5.196 локомотивовъ, поставленныхъ на русскія желѣзныя дороги въ теченіе девятидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія, только 826 штукъ, или около 16%, были заказаны за границей, а остальные сооружены на нашихъ заводахъ.

Изготовленіе вагоновъ и платформъ, которое уже значительно ранѣе получило у насъ весьма замѣтное развитіе, продолжало держаться на должномъ уровнѣ и при усилившемся требованіи на подвижной составъ: это подтверждается цифровыми данными о привозѣ къ намъ вагоновъ изъ-за границы за то же десятилѣтіе 1890—1899 гг.

Въ пятой, заключительной главѣ, подробно выясняется вліяніе желѣзныхъ дорогъ на состояніе главнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства въ Россіи.

Въ приложеніяхъ, въ концѣ книги, помѣщены: 1) Личный составъ Соединеннаго Присутствія Комитета Министровъ и Департамента Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта съ 1891 по 1902 г., 2) Списокъ желѣзныхъ дорогъ, разрѣшенныхъ къ постройкѣ въ 1895—1902 гг., 3) Карты желѣзнодорожныхъ сообщеній къ концу 1902 г.: а) Европейской Россіи и б) Азіатской Россіи и 4) Указатели: а) личныхъ именъ и б) желѣзнодорожныхъ линій, упоминаемыхъ въ I—IV томахъ очерка.

Н. К-ш-ъ.

«Старина русской земли». Первая книга для чтенія по отечественной исторіи. I. Древняя Русь. Составили В. Соколовъ и В. Хитровъ. Москва. 1903 г. Цѣна 85 к.

Нельзя не привѣтствовать появленіе книги подъ выше названнымъ заглавіемъ: она въ достаточной мѣрѣ восполняетъ пробѣлъ, наблюдаемый въ нашей учебной исторической литературѣ.

Это не простой сборникъ отдѣльныхъ разсказовъ, которые могутъ знакомить читателя только съ нѣкоторыми моментами нашей исторіи; въ книгѣ этой дана цѣльная картина прошлаго нашего отечества (до половины XV вѣка) съ соблюденіемъ хронологической послѣдовательности между событіями и съ выясненіемъ внутренней связи между ними.

Чтобы сдѣлать матеріалъ сборника наиболѣе нагляднымъ, доступнымъ и интереснымъ, составители въ своемъ изложеніи строго держатся первоисточниковъ, сохраняя по возможности ихъ духъ и простоту языка. Дѣйствительно, что можетъ быть живописнѣе и убѣдительнѣе, какъ не передача событія словами современника-очевидца или древняго лѣтописца?

Для болѣе живаго воспроизведенія минувшаго, въ сборникѣ помѣщены поэтическія созданія народнаго творчества: легенды, сказанія, пѣсни, пословицы.

Всякій согласится, что историческое повѣствованіе, оживленное подобнымъ матеріаломъ, еще болѣе сблизитъ и породнитъ читателя съ его прошлымъ, дастъ ему живо почувствовать и полюбить родную старину, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ пробуждать въ немъ чувство національнаго самосознанія, уваженія и любви къ своему отечеству и предкамъ, для него потрудившимся.

Если принять во вниманіе совпаденіе основаній, принятыхъ при составленіи сборника, съ требованіями, объявленными министерствомъ народнаго просвѣщенія, то можно быть увѣреннымъ, что книга гг. Соколова и Хитрова, при весьма доступной цѣнѣ, послужитъ хорошимъ пособіемъ при преподаваніи русской исторіи въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Отсутствіе иллюстрацій нисколько не умаляетъ достоинствъ разсматриваемой нами книги: лучше не давать никакихъ рисунковъ, чѣмъ заполнять страницы текста плохими, всѣмъ надоѣвшими иллюстраціями, какія зачастую встрѣчаются во многихъ изданіяхъ послѣдняго времени.

Н. Кашкадамовъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. —V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину" за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

